БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЖЮЛЬ ВЕРН

ЗАВЕЩАНИЕ ЧУДАКА

ДЕТГИЗ УЗБЕКИСТАН 1941

Завещание чудака
Жюль Габриэль Верн

Аннотация
Жюль Верн. Завещание чудака
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА I. ВЕСЬ ГОРОД В РАДОСТИ
ГЛАВА II. ВИЛЬЯМ ДЖ. ГИППЕРБОН
ГЛАВА III. ОКСВУДС
ГЛАВА IV. «ШЕСТЕРО»
ГЛАВА V. ЗАВЕЩАНИЕ
ГЛАВА VI. КАРТА В ДЕЙСТВИИ
ГЛАВА VII. ПЕРВЫЙ ОТЪЕЗЖАЮЩИЙ
ГЛАВА VIII. ТОМ КРАББ, ТРЕНИРУЕМЫЙ ДЖОНОМ МИЛЬНЕРОМ
ГЛАВА IX. ОДИН И ОДИН — ДВА
ГЛАВА X. РЕПОРТЕР В ПУТИ
ГЛАВА XI. ПЕРЕЖИВАНИЯ ДЖОВИТЫ ФОЛЕЙ
Глава XII. ПЯТАЯ ПАРТНЕРША
ГЛАВА XIII. ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОМАНДОРА УРРИКАНА
ГЛАВА XIV. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ КОМАНДОРА УРРИКАНА
ГЛАВА XV. ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ 27 МАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

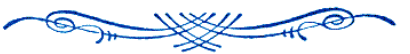
ГЛАВА I. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК
ГЛАВА II. ПРИНЯЛИ ОДНОГО ЗА ДРУГОГО
ГЛАВА III. ЧЕРЕПАШЬИМ ШАГОМ
ГЛАВА IV. ЗЕЛЕНЫЙ ФЛАГ
ГЛАВА V. ГРОТЫ ШТАТА КЕНТУККИ
ГЛАВА VI. ДОЛИНА СМЕРТИ
ГЛАВА VII. ДОМА, НА САУТ-ХОЛСТЕД-СТРИТ
ГЛАВА VIII. УДАР ДОСТОЧТИМОГО ХЮНТЕРА
ГЛАВА IX. ДВЕСТИ ДОЛЛАРОВ В ДЕНЬ
ГЛАВА X. ДАЛЬНЕЙШИЕ СТРАНСТВОВАНИЯ ГАРРИ КЕМБЭЛА
ГЛАВА XI. «ТЮРЬМА» ШТАТА МИССУРИ
ГЛАВА XII. СЕНСАЦИОННОЕ ИЗВЕСТИЕ ДЛЯ «ОТДЕЛА ПРОИСШЕСТВИИ» ТРИБУНЫ
ГЛАВА XIII. ПОСЛЕДНИЕ УДАРЫ ИГРАЛЬНЫХ КОСТЕЙ В МАТЧЕ ГИППЕРБОНА
ГЛАВА XIV. ОКСВУДССКИЙ КОЛОКОЛ
ГЛАВА XV. ПОСЛЕДНЕЕ ЧУДАЧЕСТВО

Аннотация

Библиотека приключений.
Жюль Верн.
Завещание чудака.
Перевод В. Барбашевой.
Рисунки Риу.
Москва 1941 Ленинград ЦК ВЛКСМ Издательство детской литературы.

Жюль Верн
Завещание чудака

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

ЖЮЛЬ ВЕРН

ЗАВЕЩАНИЕ ЧУДАКА

Перевод
В. БАРБАШЕВОЙ

Рисунки
РИУ

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I
ВЕСЬ ГОРОД В РАДОСТИ

Иностранец, приехавший утром 3 апреля 1897 года в главный город штата Иллинойс, имел бы полное основание считать себя избранником бога путешествующих. В этот день его записная книжка обогатилась бы любопытными заметками, материалом, вполне пригодным для сенсационных газетных статей. Несомненно, если бы он продлил свое пребывание в Чикаго сначала на несколько недель, а потом на несколько месяцев, то пережил бы свою долю волнений и беспокойств, переходя от надежды к отчаянию, участвуя в том лихорадочном возбуждении, которое привело этот большой город в состояние ошеломленности, пожалуй даже одержимости.

С восьми часов утра все возраставшая громадная толпа двигалась по направлению к двадцать второму кварталу, одному из самых богатых кварталов города.

Как известно, улицы современных городов Соединенных штатов расположены по направлениям широты и долготы, что придает им четкость линий шахматной доски.

— Да что же это такое?! — воскликнул один из агентов городской полиции, стоявший на посту на углу Бетховен-стрит и Норд-Уэллс-стрит. — Не собирается ли все городское население запрудить сегодня весь квартал?

Этот рослый полицейский, ирландец родом, хороший малый в общем, как и большинство его товарищей по корпорации, тратил большую часть жалованья в тысячу долларов на удовлетворение столь естественной невыносимой жажды, от которой страдают все уроженцы зеленой Ирландии.

— Сегодня доходный денек для карманных воров, — прибавил один из его товарищей, тоже типичный ирландец, тоже рослый, страдающий той же неутолимой жаждой.

— Пусть каждый сам смотрит за своими карманами, — ответил первый полицейский, — если не хочет найти их пустыми, вернувшись домой. Нас одних на всех нехватит…

— Сегодня хватит с нас того, что придется переводить под руку дам на перекрестках!

— Держу пари, что будет сотня раздавленных! — добавил его товарищ.

— Сегодня доходный денек для карманных воров.

К счастью, в Америке существует прекрасная привычка защищать себя самому, вместо того чтобы ждать от администрации помощи, которую та и не в состоянии оказать.

А между тем какое громадное скопление Народа грозило этому двадцать второму кварталу, если бы сюда явилась хотя бы половина всего населения Чикаго! Столица насчитывала в то время не менее одного миллиона семисот тысяч жителей, из которых почти пятую часть составляли уроженцы Соединенных штатов; немцев было около пятисот тысяч и почти столько же ирландцев. Среди остальных — англичан и шотландцев было пятьдесят тысяч, жителей Канады — сорок тысяч, Скандинавии — сто тысяч, столько же чехов и поляков, евреев — пятнадцать тысяч и французов — десять, самое меньшее число во всем этом огромном количестве.

Впрочем, по словам французского ученого-географа и путешественника Элизе Реклю, Чикаго еще не занимал всей городской территории, отведенной ему на берегу Мичигана на площади в четыреста семьдесят один квадратный километр,

почти равной департаменту Сены.

Было очевидно, что в этот день любопытные спешили из всех трех частей города, которые река Чикаго образует своими двумя рукавами — северо-западным и юго-западным, Норт-Сайдом и Саут-Сайдом. Путешественники называют первую из этих частей «Сен-Жерменским предместьем», а вторую — «предместьем Сент-Оноре» главного города штата Иллинойс. Правда, не было также недостатка в наплыве любопытных и из западного угла, сжатого между двумя рукавами реки.

Жители этой менее элегантной части города, в свою очередь, присоединились к этой многолюдной толпе любопытных. Многие из них жили в своих невзрачных домишках вблизи Мадисон-стрит и Кларк-стрит, кишмя-кишевших чехами, поляками, немцами, итальянцами и китайцами, бежавшими из пределов своей страны.

Весь этот люд направлялся к двадцать второму кварталу беспорядочной, шумной толпой, и восьмидесяти его улиц нехватало, чтобы пропустить такое множество народу.

В этом людском потоке были смешаны почти все классы населения: должностные лица Федерал-Бильдинга и Пост-Оффиса, судьи Корт-Хауза,

высшие представители управления графств, городские советники Сити-Холла и весь персонал колоссальной гостиницы Аудиториума, в которой насчитывается несколько тысяч комнат; далее, приказчики больших магазинов мод и базаров господ Маршалл Фильд, Леман и В. В. Кембэл; рабочие заводов топленого свиного сала и маргарина, изготовлявших прекрасного качества масло по десять центов или по десять су за фунт; рабочие вагонных мастерских знаменитого конструктора Пульмана, явившиеся с дальних окраин Юга; служащие универсального торгового дома «Монтгомери Уорд и К^0»; три тысячи рабочих М. Мак Кормика, изобретателя знаменитой жатвенной машины-вязалки; рабочие мастерских, доменных печей и прокатных цехов; рабочие завода, вырабатывающего бессемеровскую сталь; рабочие мастерских М. Ж. Мак Грегор Адамса, обрабатывающих никель, олово, цинк, медь и лучшие сорта золота и серебра; рабочие фабрики обуви, где производство доведено до такого совершенства, что на изготовление ботинка достаточно полутора минут, и тысяча восемьсот рабочих торгового дома «Елджин», выпускающего ежедневно из своих мастерских две тысячи часов.

К этому уже и без того длинному списку прибавьте еще персонал служащих на элеваторах Чикаго, первого в мире города по торговле зерном; служащих железных дорог, перевозящих ежедневно через город по двадцати семи железнодорожным путям в тысяче трехстах вагонах сто семьдесят пять тысяч пассажиров, а также персонал паровых и электрических автомобилей, фуникулерных и других вагонов и экипажей, ежедневно перевозящих два миллиона пассажиров. И, наконец, моряков и матросов громадного порта, торговый оборот которого ежедневно требует шестидесяти кораблей.

Нужно было быть слепым, чтобы не заметить среди всей этой толпы директоров, редакторов, сотрудников и репортеров пятисот сорока ежедневных и еженедельных газет и журналов чикагской прессы. Нужно было быть глухим, чтобы не слышать криков биржевиков и спекулянтов, которые вели себя здесь так, точно они находились в департаменте торговли или на Уит-Пит, хлебной бирже. А среди всей этой шумной толпы двигались и волновались служащие банков, национальных или государственных, и т. д.

Как забыть в этой массовой демонстрации учеников колледжей и университетов: Северо-за-

падного университета, соединенного Колледжа права, Чикагской школы ручного труда и стольких других! Забыть артистов двадцати трех театров и казино, артистов Большой оперы, театра Джекобс-Клэрк-стрит, театров Аудиториум и Лицеум. Забыть персонал двадцати девяти главных отелей, слуг всех этих ресторанов, достаточно просторных для того, чтобы принимать по двадцати пяти тысяч гостей в час. Забыть, наконец, мясников главного Сток-Ярда Чикаго, которые по счетам фирм Армур, Свит, Нельсон, Моррис и многих других закалывают миллионы быков и свиней по два доллара за голову. И можно ли удивляться тому, что Царица Запада занимает второе место после Нью-Йорка среди индустриальных и торговых городов Соединенных штатов, раз нам известно, что ее торговые обороты выражаются цифрой в тридцать миллиардов в год!

Децентрализация в Чикаго, как и во всех больших американских городах, полная, и если можно играть этим словом, то хочется спросить: в чем же заключалась та притягательная сила, которая заставила население Чикаго так «(централизоваться» в этот день вокруг Ла-Салль-стрит?

Не к городской ли ратуше устремлялись все эти шумные массы населения? Не шло ли дело об

исключительной по своей увлекательности спекуляции, которую здесь называют «бум», продаже с публичных торгов какой-нибудь земельной собственности, спекуляции, возбуждающе действующей на воображение каждого? Или, может быть, дело касалось одной из тех предвыборных кампаний, которые так волнуют толпу? Какого-нибудь митинга, на котором республиканцы, консерваторы и либералы-демократы готовились к ожесточенной борьбе? Или, быть может, ожидалось открытие новой Всемирной колумбийской выставки и под тенью деревьев Линкольн-Парка, вдоль Мидуэй-Плезанс, должны были возобновиться пышные торжества 1893 года?

Нет, готовившееся торжество было совсем другого рода и носило бы очень печальный характер, если бы его организаторы не были обязаны, согласно воле лица, которого все это касалось, выполнить возложенную на них задачу среди всеобщего шумного ликования.

В этот час Ла-Салль-стрит была совершенно очищена от публики благодаря большому количеству полицейских, поставленных на ее концах, и процессия могла теперь беспрепятственно катить по ней свои шумные волны.

Если Ла-Салль-стрит не пользуется такой сим-

патией богатых американцев, какой пользуются авеню Прерий, Калюмет, Мичиган, где высятся богатейшие в Чикаго дома, то она тем не менее одна из наиболее посещаемых улиц в городе. Названа она по имени француза Роберта-Кавалье де-Ла-Салль, одного из первых путешественников, который в 1679 году явился исследовать эту страну озер и чье имя справедливо пользуется в Соединенных штатах такой популярностью.

Зритель, которому удалось бы пройти через двойную цепь полицейских, увидел бы почти в самом центре Ла-Салль-стрит, на углу Гёте-стрит, перед одним из великолепнейших особняков колесницу, запряженную шестеркой лошадей. Находившиеся впереди и позади этой колесницы участники процессии были размещены в строгом порядке и ждали только сигнала, чтобы тронуться в путь. Во главе процессии находились несколько отрядов милиции в полной парадной форме со своими офицерами, струнный оркестр, состоящий из сотни музыкантов, и такой же многочисленный хор певческой капеллы, который должен был присоединить свое пение к музыке, исполняемой оркестром.

Вся колесница была затянута ярко-пунцовой материей с золотыми и серебряными полосами,

на которой сверкали осыпанные бриллиантами инициалы: «В. Дж. Г.». Повсюду виднелись цветы — не букеты, а целые охапки цветов, но их изобилие здесь, в этой Столице Садов, как называют также Чикаго, никого не удивляло. Сверху колесницы, которая могла бы с честью фигурировать на каком-нибудь пышном национальном празднике, спускались до самой земли благоухающие гирлянды. Их поддерживали шесть человек, трое с правой стороны, трое — с левой.

Позади колесницы, в нескольких шагах от нее виднелась группа лиц, человек около двадцати, среди которых находились: Джемс Т. Дэвидсон, Гордон С. Аллен, Гарри Б. Андрьюс, Джон Ай. Дикинсон, Томас Р. Карлейль и другие члены Клуба Чудаков на Мохаук-стрит, в котором Джордж Б. Хиггинботам был председателем, а также члены других четырнадцати городских клубов.

Как известно, штаб-квартира миссурийской дивизии и резиденция ее начальника находятся в Чикаго, и само собою разумеется, что как сам начальник ее, генерал Джемс Моррис, так и весь его штаб и чиновники его канцелярий, размещенные в Пульман-Бильдинге, в полном составе следовали за упомянутой группой. А за ними шли: губернатор штата Джон Гамильтон,

потом мэр города со своими товарищами по должности, члены городского совета, комиссары графства, прибывшие специально для такого дня из Спрингфильда, официальной столицы штата, где находятся многие правительственные учреждения, а также судьи Федерального суда. Их назначение на эту должность, в отличие от большинства правительственных чиновников, зависит не от выборов, а от президента Союза.

В конце процессии толпились коммерсанты, инженеры, профессора, адвокаты, доктора, дантисты, следователи, местные начальники полиции.

С целью защитить процессию от такого наплыва любопытных, генерал Джемс Моррис призвал сюда сильные отряды кавалерии с саблями наголо, с развевающимися на свежем ветре знаменами.

Это длинное описание необычайной церемонии должно быть дополнено еще одной подробностью: у всех без исключения присутствующих красовалось в петличке по цветку гардении, который им вручал мажордом, одетый в черный фрак, стоявший у парадных дверей великолепного особняка.

Весь дом имел праздничный вид, и свет его

бесчисленных канделябров и электрических ламп спорил с ярким светом лучей апрельского солнца. Настежь открытые окна выставляли напоказ дорогие матерчатые разноцветные обои, покрывавшие стены. Лакеи в праздничных ливреях стояли на мраморных ступеньках парадной лестницы;, гостиные и залы были готовы для торжественного приема гостей. В многочисленных столовых накрытые столы сверкали серебром массивных ваз, всюду виднелись изумительные фарфоровые сервизы, любимые чикагскими миллионерами, а хрустальные бокалы и кубки были полны вина и шампанского лучших марок.

Наконец на башне городской ратуши часы пробили девять, с отдаленного конца Ла-Салль-стрит прогремели фанфары, и в воздухе раздалось троекратное «ура». По знаку помощника начальника полиции развернулись знамена, и процессия тронулась в путь.

Сначала послышались увлекательные звуки «Колумбус-марша», написанного кембриджским профессором Джоном К. Пэном, исполняемого оркестром. Медленными, размеренными шагами участники процессии направились вверх по Ла-Салль-стрит, и тотчас же вслед за ними двинулась и колесница, которую везла шестерка лошадей,

покрытых роскошными попонами, украшенных плюмажами и эгретками. Гирлянды цветов поддерживались руками шести привилегированных участников процессии, выбор которых был, казалось, делом простой случайности.

Вслед за колесницей в безукоризненном порядке двинулись члены клубов, представители властей, как военной, так и гражданской, отряды кавалерии, а за ними широкие массы публики.

Излишне говорить, что все двери, окна, балконы, подъезды, даже крыши домов на Ла-Салль-стрит были полны зрителей всех возрастов, причем большинство их заняло свои места еще накануне.

Когда первые ряды процессии достигли конца авеню, они повернули налево и направились вдоль Линкольн-Парка. Какой невероятный муравейник людей толпился теперь на двухстах пятидесяти акрах этого очаровательного местечка, окаймленного на западе сверкающими водами Мичигана, парка с его тенистыми аллеями, рощами, лужайками, покрытыми пышной растительностью, с маленьким озером Винстон, с памятниками Гранту и Линкольну, с площадью для парадов и с зоологическим садом! Из сада в эту минуту доносился вой хищных зверей и

обезьян, желавших, по-видимому, порезвиться и принять участие во всеобщем торжестве. Обычно в будни Линкольн-Парк представлял собой пустыню, и попавший сюда случайно иностранец мог подумать, что этот день был воскресеньем. Но нет! Это была пятница, обычно неприятная, унылая пятница 3 апреля.

Об этом никто не думал в толпе любопытных, обменивавшихся замечаниями об участниках процессии и сожалеющих, без сомнения, что сами не принимали в ней участия.

— Да, — говорил один из них, — эта процессия так же великолепна, как та, которая была при открытии нашей выставки.

— Верно, — отозвался другой, — во всяком случае, она стоит той, которую мы видели двадцать четвертого октября в Мидуэй-Плезанс.

— А эти шестеро, которые маршируют около самой колесницы! — воскликнул один из чикагских матросов.

— Некоторые вернутся с полными карманами, — прибавил кто-то в группе рабочих завода Кормика.

— Можно сказать, счастливый билет они вытянули, — вмешался владелец ближайшей пивной, человек громадного роста, у которого пиво, ка-

залось, сочилось из всех пор тела. — Я бы отдал все, что у меня есть самого ценного, чтобы быть на их месте!..

— И вы, во всяком случае, не прогадали бы! — ответил широкоплечий мясник со Сток-Ярда.

— День, который принесет им целые груды кредитных билетов! — послышался чей-то голос.

— Да… богатство им обеспечено!

— И какое богатство!

— Десять миллионов долларов каждому!

— Вы хотите сказать — двадцать миллионов?

— Ближе, кажется, к пятидесяти, чем к двадцати!

В том возбуждении, в котором они находились, эти люди очень быстро договорились до миллиарда — цифра, между прочим, чаще всего употребляемая в разговорах, ведущихся в Соединенных штатах.

Но, разумеется, все эти предположения основывались только на гипотезах.

Ну, а что же дальше?.. Неужели эта процессия решила обойти весь город?

Если в программу входила такая «прогулка», то на нее нехватило бы и целого дня!..

Как бы то ни было, все с теми же шумными проявлениями радости, под звуки громкой музыки,

оркестра и пения хора певческой капеллы, среди оглушительных «гип! гип!» и «ура» толпы длинная колонна, никем не останавливаемая, дошла до входа в Линкольн-Парк, у которого начинается Фуллертон-авеню. Оттуда она повернула налево и двигалась на протяжении двух с половиной миль в западном направлении вплоть до северного рукава реки Чикаго. Между тротуарами, черными от толпы, оставалось еще достаточно места для того, чтобы процессия могла свободно продвигаться вперед.

Перейдя мост, она дошла до Бранд-стрит, до той великолепной городской артерии, которая носит название бульвара Гумбольдта, и, сделав, таким образом, около одиннадцати миль в западном направлении, повернула на юг и от начала Логан-сквера продолжала свой путь, двигаясь все время между живой изгородью любопытных.

Начиная с этого пункта, колесница беспрепятственно докатилась до Пальмер-сквера и остановилась перед входом в парк, носящий имя знаменитого прусского ученого.

Был полдень, и получасовой отдых в Гумбольдт-Парке был необходим, так как прогулка предстояла еще длинная. Здесь толпа могла отдохнуть на зеленых лужайках, среди которых

текли, освежая их, быстрые ручьи; площадь парка составляла более двухсот акров.

Как только колесница остановилась, оркестр и хоры заиграли и запели «Star Spangled Banner»[1], вызвавший такую бурю аплодисментов, точно дело происходило в мюзик-холле какого-нибудь казино.

Самого западного пункта, находившегося в Гарфильд-Парке, процессия достигла в два часа дня. Как видите, в столице штата Иллинойс в парках нет недостатка! Из них не меньше пятнадцати главных, причем Джексон-Парк занимает пятьсот девяносто акров, а в общей сложности парками покрыты две тысячи акров[2] земли — лужаек, рощ, лесных зарослей и кустарников.

Завернув за угол, образуемый бульваром Дуглас, процессия продолжала двигаться в прежнем направлении, чтобы дойти до Дуглас-Парка и оттуда дальше, по Саут-Вест-стрит; потом она перешла через южный рукав реки Чикаго, а затем реку Мичиган и канал, который тянется к востоку от нее, после чего ей оставалось только спуститься на юг, двигаясь вдоль Вест-авеню, и,

---

[1] Примечания: 1
«Star Spangled Banner» — «Усеянный звездами флаг».

[2] Примечания: 2
Две тысячи акров — около четырехсот гектаров.

пройдя еще три мили, дойти до Гайд-Парка.

Пробило три часа. Пора было сделать новую остановку, прежде чем возвращаться в восточную часть города. Теперь оркестр пришел уже в полное неистовство, исполняя с необыкновенным воодушевлением самые веселые и самые безумные де-катр и аллегро, заимствованные из репертуара Лекока, Вернея, Одрана и Оффенбаха. Кажется совершенно невероятным, что присутствующие не были вовлечены в танцы этим увлекательным ритмом публичных балов. Во Франции, на* верное, никто не смог бы ему противостоять!

Погода была великолепная, хотя воздух все еще оставался холодным. В штате Иллинойс в первые дни апреля зимний период далеко еще не закончен, и навигация по озеру Мичигану и реке Чикаго обыкновенно не возобновляется с начала декабря и до конца марта.

Но хотя температура оставалась еще низкой, воздух был так чист, солнце, совершая свой путь по безоблачному небу, лило такой яркий свет, очевидно тоже «принимая участие в общем празднике», как выражаются репортеры официальной прессы, что нельзя было сомневаться, что до самого вечера все будет итти так же удачно.

Масса народа все еще не редела. Если среди них теперь отсутствовали любопытные северных кварталов, то им на смену явились любопытные южных кварталов, не менее оживленные, оглашавшие воздух такими же громкими, такими же восторженными криками «ура».

Что касается различных групп этой процессии, они сохраняли тот же порядок, в каком они были в самом начале, перед особняком на Салль-стрит, и в каком они, без сомнения, останутся вплоть до самого последнего пункта своего длинного путешествия.

Выйдя из Гайд-Парка, колесница направилась на восток вдоль бульвара Гарфильда.

В конце этого бульвара развертывается во всем своем изумительном великолепии парк Вашингтона, покрывающий собой площадь в триста семьдесят один акр. Его теперь снова наполняла толпа, как это было несколько лет назад во время последней выставки. От четырех часов до половины пятого опять была остановка, во время которой хор певческой капеллы блестяще исполнил «In Praise of God»[3] Бетховена, заслужив бурные аплодисменты всей аудитории.

---

[3] Примечания: 3
«In Praise of God» — «Во славу бога».

После этого прогулка совершалась в тени аллей парка вплоть до громадной площади Джексон-Парка, у самого озера Мичигана.

Не намеревалась ли колесница направиться именно к этому пункту, пользующемуся с некоторых пор такой славой? Не имелось ли в виду подобной церемонией воскресить воспоминание о славной годовщине, чтобы ежегодно празднуемый день навсегда сохранился в памяти жителей Чикаго?

Нет! Первые ряды милиции, обогнув Вашингтон-Парк и двигаясь по Грэв-авеню, подходили теперь к одному из парков, который был окружен целой сетью стальных рельсов, что объясняется исключительной населенностью этого квартала. Процессия остановилась, но, прежде чем проникнуть под тень великолепнейших дубов, музыканты сыграли один из самых увлекательных вальсов Штрауса.

Не принадлежал ли этот парк какому-нибудь казино и не готовился ли его грандиозный холл[4] принять всю эту толпу, приглашенную на какой-нибудь ночной фестиваль?

Ворота широко растворились, и полицейским

---

[4] Примечания: 4
Холл — зал.

агентам с большим трудом удалось сдержать толпу, еще более многочисленную и шумную, чем раньше. Но проникнуть в парк она все же была не в состоянии, так как его защищали несколько отрядов полиции, чтобы дать возможность проехать туда колеснице и тем закончить «прогулку» через весь громадный город в пятнадцать с лишком миль.

Но парк этот не был парком. Это было Оксвудсское кладбище, самое громадное из всех одиннадцати кладбищ Чикаго. А колесница была погребальной и везла к последнему пристанищу смертные останки Вильяма Дж. Гиппербона, одного из членов *Клуба Чудаков.*

ГЛАВА II
ВИЛЬЯМ ДЖ. ГИППЕРБОН

Тот факт, что Джемс Т. Дэвидсон, Гордон С. Аллен, Гарри Б. Андрьюс, Джон Ай. Дикинсон, Джордж Б. Хиггинботам и Томас Р. Карлейль находились среди почетных лиц, непосредственно следовавших за колесницей, еще не означал, что они были наиболее популярными членами Клуба Чудаков.

Справедливость требует сказать, что самым эксцентричным в их образе жизни было то, что они принадлежали к вышеназванному клубу на Мохаук-стрит. Возможно, что все эти почтенные янки, разбогатевшие благодаря многочисленным удачным операциям с земельными участками, по разработке нефти, эксплоатации железных дорог, рудников и лесных участков, благодаря убою домашнего скота, имели намерение поразить своих соотечественников пятидесяти одного штата Союза, а также весь Новый и Старый Свет своими ультра-американскими экстравагантностями. Но надо сознаться, их общественная и частная жизнь не представляла собой ничего такого, что могло бы привлечь к ним внимание

всего мира. Их было человек пятьдесят. Они платили огромные налоги, не имели прочных связей в чикагском обществе, были постоянными посетителями клубных читален и игорных залов, просматривали большое количество всяких журналов и обозрений, вели более или менее крупную игру, как водится во всех клубах, и частенько делали заявления в прессе о том, что они сделали в прошлом и что делают в настоящем.

— Решительно мы совсем не... совсем не чудаки, — говорили они.

Но один из членов этого клуба был, повидимому, более склонен, чем его коллеги, проявить некоторую долю оригинальности. Хотя он еще ничего не сделал такого эксцентричного, что могло бы обратить на него всеобщее внимание, все же было основание думать, что он сумеет оправдать название, может быть чересчур преждевременно присвоенное себе этим знаменитым клубом.

Но, к несчастью, Вильям Гиппербон умер, и справедливость требует признать, что то, чего он никогда не делал при жизни, он сумел сделать после смерти, так как именно на основании его определенно выраженной воли похороны совершались в этот день среди всеобщего веселья.

Покойному Вильяму Гиппербону в момент,

когда он так неожиданно окончил свое существование, не было еще пятидесяти лет. В этом возрасте он был красивым мужчиной, рослым, широкоплечим, довольно полным, державшимся прямо, что придавало некоторую деревянность его фигуре, не лишенной в то же время известной элегантности и благородства. Его каштановые волосы были очень коротко подстрижены, а в его шелковистой бороде в форме веера виднелись среди золотистых и несколько серебряных нитей. Глаза его были темносиние, очень живые и горящие под густыми бровями, а слегка сжатые и чуть приподнятые в углах губы и рот, сохранивший полностью все зубы, говорили о характере, склонном к насмешливости и даже презрению. Этот великолепный тип северного американца обладал железным здоровьем. Никогда ни один доктор не щупал его пульса, не смотрел его горла, не выстукивал его груди, не выслушивал его сердца, не измерял термометром его температуры. А между тем в Чикаго нет недостатка в докторах, — так же как и в дантистах, — обладающих большим профессиональным искусством, но ни одному из них не представилось случая применить свое искусство к Вильяму Дж. Гиппербону.

Можно было бы, однако, сказать, что никакая

машина, — обладай она даже силой ста докторов, — не была бы в состоянии взять его из этого мира и перенести в другой.

И тем не менее он умер! Умер без помощи медицинского факультета, и именно этот его уход из жизни и был причиной того, что погребальная колесница находилась теперь перед воротами Оксвудсского кладбища.

Чтобы дополнить внешний портрет этого человека моральным, нужно прибавить, что Вильям Дж. Гиппербон был человеком холодного темперамента, положительным и что во всех случаях жизни он сохранял полное самообладание. Если он считал, что жизнь представляет собой нечто хорошее, то это потому, что он был философом, а быть философом вообще нетрудно, когда огромное состояние и отсутствие всяких забот о здоровье своем и семьи позволяют соединять благожелательность со щедростью.

Вот почему невольно хочется спросить: логично ли было ждать какого-нибудь эксцентричного поступка от человека, такого практичного, такого уравновешенного? И не было ли в прошлом этого американца какого-нибудь факта, который давал бы основание этому поверить?

Да, был, один единственный. Когда Вильяму

Гип-пербону было уже сорок лет, ему пришла фантазия сочетаться законным браком с одной столетней гражданкой Нового Света, родившейся в 1781 году, в тот самый день, когда во время Великой войны капитуляция лорда Корнваллиса заставила Англию признать независимость Соединенных штатов. Но в тот момент, когда он собрался сделать ей предложение, достойная мисс Антония Бэргойн покинула этот мир в припадке острого детского коклюша, и таким образом Вильям Гиппербон запоздал со своим предложением! Тем не менее, верный памяти почтенной девицы, он остался холостяком, и это, конечно, может быть сочтено за несомненное с его стороны чудачество.

С тех пор ничто уж не тревожило его существования, так как он не принадлежал к школе того великого поэта, который в своем бесподобном стихотворении говорит:

О Смерть, богиня мрака, в который возвращается все и растворяется все,

Прими детей в свою звездную глубину!

Освободи их от оков времени, чисел и пространства

И верни им покой, нарушенный жизнью.

И действительно, для чего Вильям Гиппербон стал бы призывать «мрачную богиню»? Разве «время», «числа» и «пространство» его здесь когда-нибудь беспокоили? Разве не все удавалось ему в этом мире? Разве не был он исключительным любимцем случая, который везде и всегда осыпал его своими милостями? В двадцать пять лет обладая уже порядочным состоянием, он сумел его удвоить, удесятерить, увеличить в сто и тысячу раз благодаря счастливым операциям, не подвергая себя при этом никакому риску. Уроженцу Чикаго, ему достаточно было только не отставать от изумительного роста этого города, в котором сорок семь тысяч гектаров, стоивших в 1823 году, по свидетельству одного путешественника, две тысячи пятьсот долларов, стоили теперь восемь миллиардов. Таким образом, покупая по низкой цене и продавая по высокой участки земли (из которых некоторые привлекали покупателей, дававших по две и по три тысячи долларов за один ярд для постройки на этой площади двадцативосьмиэтажных домов) и помещая часть полученной прибыли в различные акции: железнодорожные, нефтяные, акции золотых приисков, Вильям Гиппербон разбогател в такой мере, что мог оставить после

себя колоссальное состояние. Без сомнения, мисс Антония Бэргойн сделала большую ошибку, игнорируя такое блестящее замужество.

Но если нельзя удивляться тому, что безжалостная смерть унесла эту столетнюю особу, то поводов для удизления оказалось достаточно, когда стало известно, что Вильям Гиппербон, не достигший еще и половины ее возраста, в полном расцвете сил отправился в иной мир, причем у него не было никакого основания считать его лучше того, в котором он жил до сих лор.

К эму же должны были достаться все миллионы почтенного члена Клуба Чудаков?

Вначале все спрашивали, не будет ли клуб назначен законным наследником того, который первым со дня основания клуба ушел из этого мира, что Могло бы побудить его коллег последовать такому же примеру?

Нужно знать, что Вильям Гиппербон большую часть жизни проводил не в своем особняке на Салль-стрит, но в клубе на Мохаук-стрит. Он там завтракал, обедал, ужинал, отдыхал и развлекался, причем самым большим его удовольствием, — это нужно отметить, — была игра. Но не шахматы, не трик-трак, не карты, не баккара или тридцать и сорок, не ландскнехт, поккер, пикет,

экарте или вист, а та игра, которую именно он ввел в своем клубе и которую особенно любил.

Дело идет об игре в «гусек», благородной игре, заимствованной у греков. Невозможно сказать, до чего Вильям Дж. Гиппербон ею увлекался! Эта страсть и увлечение в конце концов заразили и его коллег. Он волновался, перескакивая, по капризу игральных костей, из одной клетки в другую в погоне за гусями, стремясь догнать последнего из этих обитателей птичьего двора, Он волновался, попадая на «мост» задерживаясь в «гостинице», теряясь в «лабиринте», падая в «колодец», застревая в «тюрьме», наталкиваясь на «мертвую голову», попадая в клетки: «матрос», «рыбак», «порт», «олень», «мельница», «змея», «солнце», «шлем», «лев», «заяц», «цветочный горшок» и т. д.

Он волновался, перескакивая из одной клетки в другую.

Если мы припомним, что у богатых членов Клуба Чудаков штрафы, которые полагалось платить по условиям игры, были не маленькие и выражались в нескольких тысячах долларов, то станет ясно, что играющий, как бы богат он ни был, все же не мог не испытывать удовольствия, пряча выигрыш в карман. В течение десяти лет Вильям Гиппербон почти все дни проводил в клубе, только изредка совершая небольшие прогулки на пароходе по озеру Мичигану. Не разделяя любви американцев к заграничным путешествиям, он все свои поездки ограничивал тодько Соединенными штатами. Так отчего же в таком случае его коллегам, с которыми он был всегда в прекрасных отношениях, не сделаться его наследниками? Не были ли разве они единственными из всех людей, с которыми он был связан узами симпатии и дружбы? Не разделяли ли они ежедневно его безудержную страсть к благородной игре в «гусек», не сражались ли они с ним на арене, где случай дарит играющим столько сюрпризов? И разве не могла притти в голову Вильяму Гипнербону мысль назначить ежегодную премию тому из

партнеров, кто выиграет большее число партий в «гусек» за время от 1 января до 31 декабря?

Пора уже сообщить, что у покойного не было ни семьи, ни прямого наследника — вообще никого из родных, кто имел бы право рассчитывать на его наследство. Поэтому умри он, не сделав никаких распоряжений относительно своего состояния, оно естественным образом перешло бы к Соединенным штатам, которые, так же как и любое монархическое государство, воспользовались бы им, не заставив себя долго просить.

Впрочем, чтобы узнать последнюю волю покойного, достаточно было отправиться на Шелдон-стрит, № 17 к нотариусу Торнброку и спросить у него, во-первых, существовало ли вообще завещание Вильяма Гиппербона, а во-вторых, каково было его содержание.

— Господа, — сказал нотариус Торнброк председателю Клуба Чудаков Джорджу Б. Хиггинботаму и одному из его членов Томасу Р. Карлейлю, которые были выбраны делегатами для выяснения этого серьезного вопроса, — я ждал вашего визита, который считаю большой для себя честью…

— Это такая же честь и для нас, — ответили, раскланиваясь, оба члена клуба.

— Но, — прибавил нотариус, — прежде чем

говорить о завещании, нужно заняться похоронами покойного.

— Мне кажется, — сказал Джордж Б. Хиггинботам, — что их нужно организовать с блеском, достойным нашего покойного коллеги.

— Необходимо строго следовать инструкциям моего клиента, запечатанным в этом конверте, — ответил нотариус, ломая печать конверта.

— Это значит, что похороны будут… — начал было Томас Карлейль.

— …торжественными и веселыми в одно и то же время, господа, под аккомпанемент оркестра и хора певческой капеллы, при участии публики, которая не откажется, конечно, прокричать веселое «ура» в честь Гиппербона!

— Я ничего другого и не ожидал от члена нашего клуба, — проговорил председатель, наклоняя одобрительно голову. — Он не мог, конечно, допустить, чтобы его хоронили, как простого смертного.

— Поэтому, — продолжал нотариус Торнброк, — Вильям Гиппербон выразил желание, чтобы все население Чикаго представительствовало на его похоронах в лице шести делегатов, избранных по жребию при совершенно исключительных условиях. Он давно уже задумал этот план и

несколько месяцев назад собрал в одну большую урну фамилии всех своих сограждан обоих полов в возрасте от двадцати до шестидесяти лет. Вчера, согласно его инструкциям, я в присутствии мэра города и его помощников произвел жеребьевку, и первым шести гражданам, чьи фамилии я вынул из урны, я дал знать в заказных письмах о воле покойного, приглашая их занять места во главе процессии и прося их не отказаться от этого возложенного на них долга…

— О, они, конечно, его исполнят, — воскликнул Томас Карлейль, — так как есть все основания думать, что они будут хорошо награждены покойным, если даже и не окажутся его единственными наследниками.

— Это возможно, — сказал нотариус, — и с своей стороны я бы этому вовсе не удивился.

— А каким условиям должны отвечать лица, на которых выпал жребий? — захотел узнать Джордж Хиггинботам.

— Только одному, — отвечал нотариус: — чтобы они были уроженцами и жителями Чикаго.

— Как… никакому другому?

— Никакому другому.

— Все понятно, — Ответил Карлейль. — А теперь, мистер Торнброк, когда же вы должны

будете распечатать завещание?

— Спустя две недели после кончины.

— Только спустя две недели?

— Да, так указано в записке, приложенной к завещанию, следовательно, пятнадцатого апреля.

— Но почему такая отсрочка?

— Потому что мой клиент желал, чтобы прежде, чем ознакомить публику с его последней волей, факт его смерти был твердо установлен.

— Наш друг Гиппербон очень практичный человек, — заявил Джордж Б. Хиггинботам.

— Нельзя быть слишком практичным в таких серьезных обстоятельствах, — прибавил Карлейль, — и если только не дать себя сжечь…

— А притом еще, — прибавил поспешно нотариус, — вы всегда рискуете быть сожженным заживо…

— Разумеется, — согласился председатель, — но раз это сделано, то вы, по крайней мере, можете быть уже вполне уверены, что вы действительно умерли.

Как бы то ни было, вопрос о кремации тела Вильяма Гиппербона больше не поднимался, и покойный был положен в гроб, скрытый под драпировками погребальной колесницы.

Само собой разумеется, что когда распростра-

нилась весть о смерти Вильяма Гиппербона, она произвела в городе необычайное впечатление.

Вот те сведения, которые тотчас же стали известны.

30 марта после полудня почтенный член Клуба Чудаков сидел с двумя своими коллегами за карточным столом и играл в благородную игру «гусек». Он успел сделать первый ход, получив девять очков, составленных из трех и шести, — одно из самых удачных начал, так как это отсылало его сразу в пятьдесят шестую клетку.

Внезапно лицо его багровеет, руки и ноги деревянеют. Он хочет встать, поднимается с трудом, протягивает вперед руки, шатается и едва не падает. Джон Ай. Дикинсон и Гарри Б. Андрьюс его поддерживают и на руках доносят до дивана. Немедленно вызывают врача. Явились двое, которые и констатировали у Вильяма Гиппербона смерть от кровоизлияния в мозг. По их словам, все было кончено, а уж им-то можно было верить: одному богу известно, сколько смертей перевидали доктор Бернгам с Кливленд-авеню и доктор Бюханен с Франклин-стрит!

Час спустя покойник был перевезен в его особняк, куда моментально прибежал нотариус Торнброк.

Первой заботой нотариуса было распечатать один из конвертов, в котором лежало распоряжение покойного, касавшееся его похорон. Прежде всего нотариус должен был выбрать по жребию шесть участников в процессии, чьи фамилии вместе с сотнями тысяч других находились в колоссальной урне, помещавшейся в центре холла.

Когда это странное условие стало известно, легко можно себе представить, какая толпа журналистов и репортеров набросилась на нотариуса Торнброка! Тут были и репортеры газет Чикаго Трибюн, Чикаго Интер-Ошен, Чикаго Ивнинг Джерналь; газет республиканских и консервативных; и репортеры Чикаго Глоб, Чикаго Геральд, Чикаго Таймс, Чикаго Мейл, Чикаго Ивнинг Пост, газет демократических и либеральных; и репортеры Чикаго Дейли Ньюс, Дейли Иьюс Рекорд, Фрейе Прессе, Штаат-Цейтунг, газет независимой партии. Особняк на Салль-стрит полдня кишмя-кишел народом. Все эти собиратели новостей, поставщики отчетов разных происшествий, репортеры и редакторы сенсационных статей старались вырвать «хлеб» друг у друга. £)йи вовсе не касались подробностей смерти Вильяма Дж. Гиппербона, так неожиданно постигшей его в ту минуту, когда он выбрасывал роковое число

девять, составленное из шести и трех. Нет! Всех интересовали главным образом имена тех шести счастливцев, карточки которых вскоре должны были быть вынуты из урны.

Нотариус Торнброк, подавленный сначала обилием всех этих журналистов, быстро вышел из затруднения, будучи человеком исключительно практичным, как и большинство его соотечественников. Он предложил устроить из фамилий счастливцев аукцион, сообщив их той газете, которая заплатит за них дороже других газет, при условии, что полученная таким образом сумма будет разделена между двумя из двадцати городских больниц. Наивысшую цену дала газета Трибуна: после горячего сражения с Чикаго Интер-Ошен она дошла до десяти тысяч долларов! Радостно потирали руки в этот вечер администраторы больницы на Адамс-стрит, № 237, и чикагского госпиталя «Для женщин и детей» на углу Адамс-стрит и Паулин-стрит.

Зато какой успех выпал на следующий день на долю этой солидной газеты и какой доход она получила от своего дополнительного тиража в количестве двух с половиной миллионов номеров! Пришлось разослать этот номер в сотнях тысяч экземпляров во все пятьдесят один штат Союза.

— Имена, — кричали газетчики, — имена счастливых смертных, выбранных жребием из всего населения Чикаго!

Их было шесть человек — этих счастливчиков, этих «шансёров» (от слова «шанс» — удача). Сокращенно же они назывались просто: «шестеро».

Нужно сказать, что газета Трибуна часто прибегала к подобным смелым и шумным приемам. Да и чего только не могла бы себе позволить ата хорошо информированная газета Диборна с Мадисон-стрит, бюджет которой составляет миллион долларов, а акции ее, стоившие вначале тысячу долларов, теперь стоят уже двадцать пять тысяч?

Надо прибавить, что, помимо этого первоапрельского номера, Трибуна напечатала все шесть фамилий еще на отдельном специальном листке, который ее агенты распространили во всех даже самых далеких окраинах республики Соединенных штатов.

Вот эти фамилии, расположенные в том порядке, в каком они попали в число шести избранных, — фамилии людей, которым предстояло путешествовать по свету в течение долгих месяцев по воле самых странных случайностей, о каких вряд ли мог бы составить себе представ-

ление французский писатель, одаренный даже самой богатой фантазией:

Макс Реаль; Том Крабб; Герман Титбюри; Гарри Т. Кембэл; Лисси Вэг; Годж Уррикан.

Мы видим, что из этих шести лиц пять принадлежали сильному полу и одно — слабому, если только можно применить такой термин к американским женщинам.

Однако общественная любознательность, узнав эти шесть фамилий, была далеко не вполне удовлетворена, так как Трибуна вначале не могла сообщить своим бесчисленным читателям, кто именно были их обладатели, где они жили и к какому классу общества принадлежали.

И были ли еще живы счастливые избранники этого посмертного тиража? Этот вопрос приходил в голову каждому. Действительно, фамилии всех чикагских граждан были положены в урну уже за несколько месяцев перед тем, и если никто из шести счастливцев не умер, то могло же случиться, что один или некоторые из них покинули за это время Америку.

Разумеется, если только они будут в состоянии, то, хотя их никто об этом и не допросит, они все Явятся занять предназначенные им места около самой колесницы. Никаких сомнений на этот

счет быть не могло. Допустимо ли предположить, что они ответили бы отказом и не явились на это странное, но вполне серьезное приглашение Вильяма Дж. Гиппербона, доказавшего по крайней мере после смерти свою эксцентричность? Разве могли они отказаться от выгод, которые, без сомнения, заключались в завещании, хранящемся у нотариуса Торнброка?

Нет! Они все туда явятся, так как имели полное основание считать себя наследниками громадного состояния покойного, которое таким путем ускользнет от алчных вожделений государства. В этом все убедились, когда три дня спустя все «шестеро», не будучи друг с другом знакомы, появились на крыльце особняка Салль-стрит и нотариус, удостоверившись в несомненной подлинности каждого из них, вложил им в руки концы гирлянд, украшавших колесницу. И какое их окружало любопытство! Какая зависть! Согласно воле Вильяма Дж. Гиппербона всякий намек на траур был запрещен на этих оригинальных похоронах. Вот почему все «шестеро», прочитав об этом в газетах, оделись в праздничные платья, качество и фасон которых доказывали, что все они принадлежали к самым различным классам общества.

Вот в каком порядке они были размещены.

В первом ряду: Лисси Вэг — справа, Макс Реаль — слева.

Во втором ряду: Герман Титбюри — справа, Годж Уррикан — слева.

В третьем ряду: Гарри Т. Кембэл — справа, Том Крабб — слева.

Когда они заняли свои места, толпа приветствовала их многотысячным «ура», на которое одни из них отбегали любезным поклоном, а другие не ответили вовсе.

В описанном порядке они двинулись в путь, едва только начальником полиции был подан условленный знак, и в течение восьми часов двигались по улицам, проспектам и бульварам громадного города Чикаго.

Разумеется, все эти шестеро приглашенных на похороны Вильяма Дж. Гиппербона не знали друг друга, но они не замедлили, конечно, познакомиться и, возможно, — так ненасытна человеческая алчность, — уже смотрели друг на друга, как на соперников, боясь, как бы все это состояние не было дано одному из них, вместо того чтобы быть разделенным между всеми шестью.

Мы видели, в какой обстановке происходили похороны и среди какого несметного количе-

ства публики совершалось это торжественное шествие с Салль-стрит через весь город к Оксвудсскому кладбищу. Мы слышали, как громкое пение и музыка, не носившие мрачного характера, сопровождали процессию на всем ее пути и как радостные восклицания в честь покойника звучали в воздухе. И теперь больше ничего уже не оставалось, как только проникнуть за ограду места успокоения мертвых и опустить в могилу тело того, кто был Вильямом Дж. Гиппербоном, членом Клуб а Чудаков.

ГЛАВА III
ОКСВУДС

Название Оксвудс[5] указывает на то, что площадь, занятая кладбищем, была когда-то покрыта дубовыми лесами; они особенно часто встречаются на этих громадных пространствах штата Иллинойс, некогда именовавшегося штатом Прерий в силу исключительного богатства его растительности.

Из всех надгробных памятников, которые находились на этом кладбище, причем многие из них были очень ценными, ни один не мог сравниться с тем, который Вильям Дж. Гиппербон за несколько лет до того соорудил для себя лично.

Как известно, американские кладбища, подобно английским, представляют собой настоящие парки. В них есть все, что может очаровывать взгляд: зеленеющие лужайки, тенистые уголки, быстро текущие воды. В таком месте душа не может быть печальна. Птицы щебечут там веселее, чем где-либо, может быть потому, что в этих рощах, посвященных вечному покою,

---

[5] Примечания: 5
Оак (ок) — по-английски: дуб; Оксвудс — дубовые леса.

им обеспечена полная безопасность. Мавзолей, построенный по плану почтенного Гиппербона, предусмотревшего все его детали, находился на берегу маленького озера с тихими и прозрачными водами. Этот памятник во вкусе англо-саксонской архитектуры отвечал всем фантазиям готического стиля[6], близкого эпохе Возрождения[7]. Своим фасадом с остроконечной колокольней, шпиль которой поднимался на тридцать метров над землей, он походил на часовню, а формой своей крыши и окон с разноцветными стеклами — на виллу или английский коттедж. На его колокольне, украшенной орнаментом в виде листьев и цветов и поддерживаемой контрфорсами фасада, висел звучный, далеко слышный колокол. Он выбивал удары часов, светящийся циферблат

[6] Примечания: 6

Готический стиль — архитектурный стиль, развившийся первоначально (в XII веке) в северо-западной Франции и в Англии и затем распространившийся по всей Западной Европе. Готический стиль характеризуется стрельчатыми (острыми) арками, сводами, обилием башенок и стрелок, острых шпилей, цветными окнами и богатой орнаментикой. Расцвет готического стиля (XIII–XV века) связан с ростом городов, а также ремесленной и торговой буржуазии.

[7] Примечания: 7

Эпоха Возрождения — термин для обозначения некоторых сторон ранней буржуазной культуры Западной Европы и особенно Италии XIV–XVI веков. Основными признаками эпохи Возрождения являются: быстрый рост культуры после долгого застоя Средневековья, возрождение античной культуры и искусства. Культура Возрождения совершила, по словам Ф. Энгельса, «величайший прогрессивный

переворот, пережитый до того человечеством».

которых помещался у его основания, и его металлические звуки, прорывавшиеся сквозь ажурные и позолоченные архитектурные украшения колокольни, улетали далеко за пределы кладбища и были слышны даже на берегах Мичигана. Длина мавзолея равнялась ста двадцати футам, ширина — шестидесяти футам. Своей формой он напоминал латинский крест и заканчивался овальной с глубокой нишей комнатой. Окружавшая его решетчатая ограда, представлявшая собой редкую по красоте работу из алюминия, опиралась на колонки, стоявшие на некотором расстоянии одна от другой как подставки для особого вида, канделябров, в которых вместо свечей горели электрические лампочки.

По другую сторону ограды виднелись великолепные вечнозеленые деревья, служившие рамкой роскошному мавзолею.

Раскрытая в этот час настежь калитка ограду открывала вид на длинную, окаймленную цветущими кустарниками аллею, которая вела к ступенькам крыльца из белого мрамора. Там, в глубине широкой площадки, виднелась дверь, украшенная бронзовыми барельефами, изображавшими цветы и фрукты. Дверь вела в переднюю, где стояло несколько диванов и

фарфоровая китайская жардиньерка с живыми цветами, ежедневно заполнявшаяся свежими. С высокого свода спускалась хрустальная электрическая люстр? с семью разветвлениями. Из медных отдушин, видневшихся па углам, в комнату проникал теплый ровный воздух из калорифера[8], за которым наблюдал в холодное время года оксвудсский сторож. Из этого помещения стеклянные двери вели в главную комнату мавзолея. Она представляла собой большой холл овальной формы, убранный с тем экстравагантным великолепием, какое может себе позволить только архимиллионер, желающий и после смерти продолжать пользоваться всей той роскошью, какой он пользовался при жизни. Внутри этой комнаты свет щедро лился через матовый потолок, которым заканчивалась верхняя часть свода. По стенам извивались различные арабески, орнаменты, изображавшие ветки с листьями, орнаменты в виде цветов, не менее тонко нарисованных и изваянных, чем те, которые украшают

[8] Примечания: 8

Калорифер — устройство для центрального воздушного отопления; состоит из печи для нагревания воздуха и системы труб, распределяющих воздух через отдушины по комнатам. Калорифер теперь вытеснен центральным водяным отоплением.

стены Альгамбры[9].

Основания стен были скрыты диванами, обитыми материями самых ярких цветов. Там и сям виднелись бронзовые и мраморные статуи, изображавшие фавнов[10] и нимф[11]. Между колоннами из белоснежного блестящего алебастра виднелись картины современных мастеров, большей частью пейзажи, в золотых, усыпанных светящимися точками рамах. Пышные, мягкие ковры покрывали пол, украшенный пестрой мозаикой. За холлом в глубине мавзолея, находилась полукруглая с нишей комната, освещенная очень широким окном, по форме похожим на те, которые бывают в церквах. Его сверкающие стекла вспыхивали ярким пламенем всякий раз, когда, солнце на закате озаряло их косыми лучами. Комната была полна разнообразных предметов современной роскошной меблировки: креслами, стульями, креслами-качалками и

---

[9] Примечания: 9

Альгамбра — древний дворец арабских (мавританских) властителей Гренады.

[10] Примечания: 10

Фавны — в древнеримской мифологии козлоногие покровители стад, боги полей, лесов и гор.

[11] Примечания: 11

Нимфы — богини у древних греков и римлян, олицетворявшие силы природы. Подразделялись на речных, морских, лесных, горных и др.

кушетками, расставленными в художественном беспорядке. На одном из столов были разбросаны книги, альбомы, журналы, обозрения, как союзные, так и иностранные. Немного дальше виднелся открытый буфет, полный посуды, на котором ежедневно красовались свежие закуски, тонкие консервы, разных сортов сочные сандвичи, всевозможные пирожные и графины с дорогими ликерами и винами лучших марок. Нельзя было не признать эту комнату исключительно удачно обставленной для чтения, отдыха и легких завтраков. В центре холла, освещенная проникавшим через стекла купола светом, возвышалась гробница из белого мрамора, украшенная изящной скульптурой с изваянными фигурами геральдических животных на углах. Гробница была открыта и окружена рядом электрических лампочек. Закрывавший ее камень был отвален от входа, и туда должны были опустить гроб, в котором на белых атласных подушках покоилось тело Вильяма Гиппербона.

Без сомнения, подобный мавзолей не мог внушать никаких мрачных мыслей. Он скорее вызывал в душе радость, чем печаль. В наполнявшем его чистом, прозрачном воздухе не слышалось шелеста крыльев смерти, трепещущих над мо-

гилами обыкновенных кладбищ. И разве не был достоин этот мавзолей, у которого заканчивалось длинное путешествие с веселой музыкой и пением, смешивавшимися с громкими «ура» громадной толпы, оригинального американца, придумавшего та кую веселую программу для своих похорон?

Нужно прибавить, что Вильям Гиппербон два раза в неделю — по вторникам и пятницам — приезжал в свой мавзолей и проводил там несколько часов. Нередко его сопровождали коллеги. Это было действительно как нельзя более приятное место для чтения и бесед.

Расположившись комфортабельно на мягких диванах или сидя вокруг стола, эти почтенные джентльмены занимались чтением, вели спокойные разговоры на политические темы, интересовались курсом денег и товаров, ростом английского шовинизма, обсуждали все выгоды и невыгоды билля Мак-Кинлея[12] — вопрос, неизменно серьезно интересовавший все современные умы. И когда они так беседовали, лакеи

---

[12] Примечания: 12

Билль Мак-Кинлея принят в интересах крупных капиталистов в 1890 году в Соединенных штатах — закон о повышении таможенных пошлин на промышленные товары. Землевладельцы, особенно фермеры и городская мелкая буржуазия, отнеслись к этому закону отрицательно.

разносили на подносах легкий завтрак. После нескольких часов, проведенных так приятно, экипажи направлялись вверх по Гров-авеню и отвозили членов Клуба Чудаков в их роскошные особняки. Излишне говорить, что никто, за исключением самого владельца, не мог проникнуть в этот «оксвудсский коттедж», как он его называл, и только кладбищенский сторож, на котором лежала обязанность поддерживать там порядок, имел второй ключ от входных дверей. Без сомнения, если Вильям Дж. Гиппербон мало чем отличался от остальных смертных в своей общественной жизни, его частная жизнь, которая проходила в клубе на Мохаук-стрит или в его мавзолее на Оксвудсском кладбище, свидетельствовала о некоторых его эксцентричностях, которые позволяли причислить его к своего рода чудакам.

Для того чтобы его чудачества дошли до последнего предела, нехватало только, чтобы покойный в действительности не умер! Но на этот счет его наследники, кто бы они ни были, могли быть совершенно спокойны: в данном случае не было никакого намека на кажущуюся смерть, то была смерть несомненная, неоспоримая. К тому же в эту эпоху уже пользовались ультраиксовыми

лучами профессора Фридриха Эльбинга. Эти лучи обладают такой исключительной силой проникновения, что без труда проходят сквозь человеческое тело и дают различное фотографическое изображение его в зависимости от того, живое или мертвое тело они прошли. Подобный опыт был произведен и над Вильямом Гиппербоном, и полученные снимки не оставили никаких сомнений в умах докторов, заинтересовавшихся этим случаем. Смерть, или полная бездеятельность, от латинского слова: «defunctuosite» — термин, который доктора применили в своем отчете, — была несомненна и не давала им никакого повода укорять себя в чересчур поспешном погребении.

Было сорок пять минут шестого, когда погребальная колесница въехала в ворота Оксвудсского кладбища.

Мавзолей находился в центральной его части, на берегу маленького озера. Процессия, все в том же изумительном порядке, сопровождаемая теперь еще более шумной и решительной толпой, которую полиции удавалось сдерживать с большим трудом, направилась к озеру, под зеленые своды великолепных деревьев.

Колесница остановилась перед оградой мав-

золея, украшенной канделябрами с электрическими лампочками, изливавшими яркий свет в наступавшие вечерние сумерки.

Всего какая-нибудь сотня присутствующих могла поместиться внутри мавзолея, и в случае если бы программа похорон заключала в себе еще несколько номеров, их пришлось бы исполнить вне стен этого здания.

В действительности все так и произошло. Когда колесница остановилась, ряды публики сомкнулись, оставив, однако, небольшое свободное пространство, достаточное для того, чтобы шесть избранников, державших гирлянды, могли проводить гроб до самой могилы.

Сначала толпа волновалась и глухо шумела, стремясь все увидеть и услышать, но постепенно этот шум стал затихать. Вскоре толпа замерла в полной неподвижности, и вокруг ограды воцарилась абсолютная тишина.

Тогда раздались слова литургии, произносимые досточтимым отцом Бингамом, который провожал покойного к его последнему пристанищу. Присутствующие слушали его внимательно и сосредоточенно, и в эту минуту, единственно только в эту минуту, похороны Вильяма Дж. Гиппербона носили религиозный характер.

После слов Бингама, произнесенных задушевным голосом, был исполнен знаменитый похоронный марш Шопена, производящий всегда такое сильное впечатление. Но возможно, что в данном случае оркестр взял немного более быстрый темп, чем тот, который указывал композитор, и объяснялось это тем, что такой ускоренный темп лучше согласовался с настроением публики и с желанием покойного. Участники процессии были далеки от тех переживаний, которые охватили Париж во время похорон одного из основателей республики, когда «Марсельезу», преисполненную таких сверкающих красок, сыграли в минорных тонах. После марша Шопена, гвоздя программы, один из коллег Вильяма Дж. Гиппербона, с которым он был связан узами самой искренней дружбы, председатель клуба Джордж Т. Хиггинботам отделился от толпы и, подойдя к колеснице, произнес блестящую речь, в которой изложил curriculum vitae[13] своего друга.

— В двадцать пять лет будучи уже обладателем порядочного состояния, Вильям Гиппербон сумел значительно его увеличить. Он очень удачно

---

[13] Примечания: 13
Curriculum vitae (лат.) — жизнеописание, биография.

приобретал городские участки, которые в настоящее время так поднялись в цене, что каждый ярд, не преувеличивая, стоит столько, сколько потребовалось бы золотых монет для того, чтобы его ими покрыть… Вскоре он попал в число чикагских миллионеров, другими словами, в число наиболее известных граждан Соединенных штатов Америки… Он был обладателем многочисленных акций наиболее влиятельных железнодорожных компаний Федерации… Осторожный делец, принимавший участие только в таких предприятиях, которые приносили верный доход, очень щедрый, всегда готовый подписаться на заем своей страны, если бы страна почувствовала необходимость выпустить новый заем, уважаемый своими коллегами, член *Клуба Чудаков*, на которого возлагали надежды, что он его прославит… Человек, который, если бы он прожил еще несколько лет, без сомнения, удивил бы весь мир… Но ведь бывают гении, которых мир узнает только после их смерти… Не говоря уже об его похоронах, совершаемых, как видно, в исключительных условиях, при участии всего населения города, были все основания думать, что последняя воля Вильяма Гиппербона создаст для его наследников совсем уже из ряда вон выходя-

щие условия… Нет никакого сомнения в том, что его завещание содержит параграфы, способные вызвать восторг обеих Америк — стран, которые одни стоят всех остальных частей света…

Так говорил Джордж Хиггинботам, и его речь не могла не произвести сильного впечатления на всех присутствующих. Все были взволнованы. Казалось, что Вильям Дж. Гиппербон не замедлит появиться перед толпой, держа в одной руке свое завещание, которое должно было обессмертить его имя, а другой осыпая шестерых избранников миллионами своего состояния.

На эту речь, произнесенную самым близким из друзей покойного, публика ответила одобрительным перешептыванием. Те из присутствующих, которые слышали эту речь хорошо, передавали свое впечатление тем, которые ее не могли расслышать, но были тем не менее все же очень растроганы.

Вслед за тем оркестр и хор певческой капеллы исполнили известную «Аллилуию» из Мессии Генделя.

Церемония близилась к концу, были исполнены почти все номера программы, а между тем казалось, что публика ждала чего-то еще, чего-то из ряда вон выходящего, сверхъестественного.

Да! Таково было возбуждение, охватившее всех присутствующих, что никто не нашел бы ничего удивительного, если бы внезапно законы природы изменились и какая-нибудь аллегорическая фигура возникла вдруг на небе, как когда-то Константину Великому вырисовался крест и слова: «In hoc signo vlnces»[14]. Или неожиданно остановилось бы солнце, как во времена Иисуса Навина, и освещало бы в течение целого часа всю эту несметную толпу. Словом, если бы произошел один из тех чудесных случаев, в реальность которых не могли бы не поверить самые отчаянные вольнодумцы. Но на этот раз неизменяемость законов природы осталась непоколебимой, и мир не был смущен никаким чудом.

Настал момент снять гроб с колесницы, внести его в холл и опустить в могилу. Его должны были нести восемь слуг покойного, одетых в парадные ливреи. Они подошли к гробу и, освободив его от спускавшихся с него драпировок, подняли на плечи и направились к калитке ограды. «Шестеро» шли в том же порядке, в каком начали торжественное шествие с Салль-стрит, причем, согласно указанию, сделанному церемониймей-

[14] Примечания: 14

«In hoc signo vlnces» — «Сим победиши», буквально: этим знаком (знамением) победишь.

стером, находившиеся справа держали левой рукой, а находившиеся слева — правой тяжелые серебряные ручки гроба.

Непосредственно за ними шли члены Клуба Чудаков, гражданские и военные власти.

Когда ворота ограды затворились, оказалось, что большой вестибюль, холл и центральная круглая комната мавзолея едва могли вместить ближайших участников процессии, остальные же теснились у входа. Толпа все прибывала из различных участков Оксвудсского кладбища, и даже на ветвях ближайших к памятнику деревьев виднелись человеческие фигуры. В этот момент трубы военного оркестра прозвучали с такой силой, что, казалось, должны были лопнуть легкие тех, кто в них дул.

Одновременно в воздухе появились несметные стаи выпущенных на волю и украшенных разноцветными ленточками птиц. Радостными криками приветствуя свободу, носились они над озером и прибрежными кустами.

В воздухе появились несметные стаи птиц.

Как только процессия поднялась по ступенькам крыльца, гроб пронесли на руках через первые двери, потом через вторые и после короткой остановки в нескольких шагах от гробницы опустили в могилу. Снова раздался голос досточтимого Бингама, обращавшегося к богу с просьбой широко раскрыть небесные врата покойному Вильяму Дж. Гиппербону и обеспечить ему там вечный приют.

— Слава почтенному, всеми уважаемому Гиппербону! — произнес вслед за этим церемониймейстер своим высоким звучным голосом.

— Слава! Слава! Слава! — трижды повторили присутствовавшие, и вся толпа, стоявшая за стенами мавзолея, многократно повторила последнее прощальное приветствие, и оно далеко разнеслось в воздухе. Потом шестеро избранников обошли могилу и после нескольких слов, произнесенных по их адресу Джорджем Хиггинботамом от лица всех членов Клуба Чудаков, направились к выходу из холла. Оставалось только закрыть отверстие гробницы тяжелой мраморной плитой с выгравированными на ней именем и титулом покойного.

В это время нотариус Торнброк выступил вперед и, вынув из кармана завещание, прочел его последние строки:

— «Моя последняя воля, чтобы могила моя оставалась открытой в течение двенадцати дней и по истечении этого срока, утром двенадцатого дня, шесть человек, на которых пал жребий и которые сопровождали колесницу, явились бы в мавзолей и положили свои визитные карточки на мой гроб. После этого надгробная плита должна быть поставлена на место, и нотариус Торнброк в этот самый день ровно в двенадцать часов в большом зале Аудиториума прочтет мое завещание, которое хранится у него».

Без сомнения, покойник был большим оригиналом, и кто знает, будет ли это его посмертное чудачество последним?

Присутствующие удалились, и кладбищенский сторож запер мавзолей, а потом и калитку ограды.

Было около восьми часов. Погода продолжала оставаться такой же прекрасной; казалось даже, что безоблачное небо стало еще яснее; еще прозрачнее среди первых теней наступившего вечера. Бесчисленные звезды загорались на небосклоне, прибавляя свой мягкий свет к све-

ту канделябров, сверкавших в мавзолее. Толпа медленно расходилась, направляясь к выходу по многочисленным дорожкам кладбища, мечтая об отдыхе после такого утомительного дня. В течение нескольких минут шум шагов и гул голосов еще беспокоили жителей ближайших улиц, но постепенно они замолкли, и вскоре в этом отдаленном квартале Оксвудса водворилась полная тишина.

ГЛАВА IV
«ШЕСТЕРО»

На следующий день жители Чикаго взялись с утра за свои обычные занятия, и городские кварталы приняли свой повседневный вид. Но если население города больше уже не запружало, как накануне, всех бульваров и проспектов, следуя за похоронной процессией, оно тем не менее все еще интересовалось теми сюрпризами, которые хранились в завещании Гиппербона. Какие параграфы заключались в этом завещании? Какие обязательства накладывало оно на шестерых избранников и каким путем будут введены они в наследство, если допустить, что все это не было какой-нибудь загробной мистификацией достойного члена Клуба Чудаков?

Но нет, никто не хотел допустить такой возможности. Никто не верил, чтобы мисс Лисси Вэг и господа Годж Уррикан, Кембэл, Титбюри, Крабб и Реаль не нашли в этой истории ничего, кроме разочарований, что поставило бы всех их в очень смешное положение, Без сомнения, существовал очень простой способ одновременно удовлетворить любопытство публики и выве-

сти заинтересованных лиц из того состояния неуверенности, которое грозило лишить их сна и аппетита. Для этого достаточно было бы вскрыть завещание и узнать его содержание. Но касаться завещания ранее 15 апреля было строжайше запрещено, а нотариус Торнброк никогда бы не согласился нарушить условий, поставленных завещателем. 15 апреля в большом зале театра Аудиториум, в присутствии многочисленной публики, какая только сможет вместиться в зале, он приступит к чтению завещания Вильяма Дж. Гиппербона. 15 апреля ровно в полдень, ни одним днем раньше, ни одной минутой позже. Таким образом, приходилось покориться, но нервозность жителей Чикаго, по мере того как время приближалось к назначенному сроку, все возрастала. К тому же две тысячи двести ежедневных газет и пятнадцать тысяч разных других периодических изданий, существовавших в Соединенных штатах, — еженедельных, ежемесячных и двухмесячных — своими статьями поддерживали всеобщее возбуждение. И если эти газеты и не имели возможности даже предположительно разоблачить секреты покойного, то они утешали себя тем, что подвергали каждого из шестерых избранников всем пыткам своих интервьюеров,

первой целью которых было выяснить их социальное положение.

Если прибавить к этому, что фотографы не желали, чтобы журналы и газеты их перегнали, и что портреты шестерых избранных — большие и маленькие, до пояса и во весь рост — в сотнях тысяч экземпляров расходились по штатам, то всякому будет ясно, что эти «шестеро» занимали теперь место среди наиболее видных лиц Соединенных штатов Америки.

Репортеры газеты *Чикаго Мейл*, явившиеся к Годжу Урриканy, жившему на Рандольф-стрит, № 73, были приняты крайне сухо.

— Что вы от меня хотите? — спросил он раздраженно. — Я ничего не знаю! Мне совершенно нечего вам говорить!.. Меня пригласили принять участие в процессии, и я это сделал!.. Кроме меня, там было еще целых пять таких же, как я, около самой колесницы… Пятеро, которых я абсолютно не знаю!.. И если это кончится плохо для одного из них, то меня это не удивит!.. Я чувствовал себя там какой-то плоскодонной лодкой, которую тянут на буксире, не будучи в состоянии как следует разозлиться и излить свою желчь!.. О, этот Вильям Гиппербон! Да возьмет бог его душу и, главное, да сохранит он ее у себя! Если же этот

человек надо мной насмеялся, если он заставил меня опустить мой флаг перед этими пятью пролазами, то пусть он бережется!.. Как бы ни был он мертв, как бы глубоко ни был зарыт, если даже для этого мне пришлось бы ждать последнего суда, я все равно сумею…

— Но, — возразил один из репортеров, согнувшийся под напором так неожиданно налетевшего на него шквала, — ничто не дает вам основания думать, мистер, Уррикан, что вы подверглись какой-то мистификации. Вам не придется сожалеть о том, что вы оказались одним из избранников… И если на вашу долю придется только одна шестая этого наследства…

— Одна шестая!.. Одна шестая!.. — вскричал громовым голосом расходившийся командор[15]. — А могу ли я быть уверен, что получу ее, эту шестую, всю целиком?!

— Успокойтесь, прошу вас!

— Я не успокоюсь!.. Не в моей натуре успокаиваться!.. К бурям я привык, я сам всегда бушевал… еще получше их!..

— Ни о какой буре не может быть и речи, — возразил репортер, — горизонт чист…

---

[15] Примечания: 15
Командор — помощник командующего эскадрой.

— Это мы еще увидим! — прервал его все еще продолжавший горячиться американец. — А если вы собираетесь занимать публику моей особой, докладывать ей о моих поступках, о моих жестах, то советую вам хорошенько обдумать то, что вы будете говорить... Иначе вам придется иметь дело с командором Урриканом!

Это был действительно настоящий командор, этот Годж Уррикан, офицер флота Соединенных штатов, шесть месяцев перед тем вышедший в отставку, о чем он все еще очень сокрушался. Бравый моряк, всегда строго исполнявший свой долг как под неприятельским огнем, так и перед огнем небесным, он, несмотря на свои пятьдесят два года, еще не потерял врожденной горячности и раздражительности. Что же касается его внешности, то представьте себе человека крепкого телосложения, рослого и широкоплечего; его большие глаза гневно вращаются под всклокоченными бровями, у него немного низкий лоб, наголо обритая голова, четырехугольный подбородок и небольшая борода, которую он то и дело теребит нервными пальцами. Руки его крепко прилажены к туловищу, а ноги слегка согнуты дугообразно в коленях, от чего все тело наклоняется немного вперед и при ходьбе раскачивается, как

у большинства моряков. Вспыльчивый, всегда готовый с кем-нибудь сцепиться и затеять ссору, неспособный владеть собой, он был противен, как только может быть иногда противен человечек, не приобревший друга ни в своей частной, ни в общественной жизни. Было бы удивительно, если бы этот тип оказался женатых;, но женат он, конечно, не был.

«И какое это счастье для его жены!» любили повторять злые языки. Он принадлежал к той категории несдержанных людей, которые бледнеют при каждом взрыве злобы, что всегда свидетельствует о сердечной спазме. У таких типов обычно туловище устремлено вперед, точно они постоянно готовятся к какой-нибудь атаке. Их горящие зрачки то и дело судорожно сокращаются, а голоса звучат жестко даже тогда, когда они спокойны, и полны злобного рычания всякий раз, когда это спокойствие их оставляет.

Когда сотрудники *Чикаго Глоб* постучали у дверей художественной мастерской, помещавшейся на Саут-Холстед-стрит, в доме № 3997 (что указывает на весьма солидную длину этой улицы), они не нашли в квартире никого, кроме молодого негра, лет семнадцати, находившегося в услужении у Макса Реаля.

— Где твой хозяин? — спросили они его.
— Не знаю.
— Когда он ушел из дому?
— Не знаю.
— А когда вернется?
— Не знаю.

Томми действительно этого не знал, потому что Макс Реаль ушел из дому рано утром, ничего не сказав молодому негру, который любил, как дети, долго спать и которого хозяин не захотел будить слишком рано.

Но из того, что Томми ничего не мог ответить на вопросы репортеров, было бы неправильно заключить, что газета *Чикаго Глоб* могла остаться без информаций, касающихся Макса Реаля. Нет! Нет! Будучи одним из «шестерки», он уже был предметом многочисленных интервью, так распространенных в Соединенных штатах.

Макс Реаль был молодым талантливым художником-пейзажистом, полотна которого уже начинали продаваться в Америке по высокой цене. Будущее готовило ему, без сомнения, блестящее положение в мире искусства. Он родился в Чикаго, но носил французскую фамилию, потому что был родом из семьи коренных жителей города Квебека, в Канаде. Там жила еще его мать,

миссис Реаль, овдовевшая за несколько лет перед тем; она собиралась переселиться вскоре туда, где жил ее сын.

Макс Реаль обожал свою мать, которая платила ему таким же обожанием. Редкая мать и редкий сын! Вот почему он тотчас же поспешил известить ее о происшедшем и о том, что он выбран в число занимавших особо почетное место на похоронах Вильяма Дж. Гиппербона. Он прибавил, что лично его очень мало волновали последствия распоряжений покойного, скрытые в завещании. Ему все это казалось очень забавным — ничего больше.

Максу Реалю исполнилось двадцать пять лет, Он с детства отличался изящной, благородной внешностью типичного француза. Ростом он был выше среднего, с темнокаштановыми волосами, с такой же бородой и с темносиними глазами. Держался очень прямо, но без тени надменности, чопорности. Улыбка у него была очень приятная, походка бодрая и смелая, что указывает обычно на душевное равновесие, являющееся источником неизменной радостной доверчивости. Он обладал большой долей той жизненной силы, которая проявляет себя во всех действиях человека храбростью и великодушием. Сделавшись

художником, одаренный действительно большим талантом, он решил переменить Канаду на Соединенные штаты, Квебек на Чикаго. Его отец офицер, умирая, оставил очень небольшое состояние, и сын, рассчитывая увеличить его, имел в виду главным образом свою мать, а не себя.

Когда выяснилось, что Макса Реаля в доме № 3997 на Саут-Холстед-стрит в этот день нет, репортеры не сочли нужным терять время на расспросы его негра Томми. Газета *Чикаго Глоб* была достаточно осведомлена, чтобы удовлетворить любопытство своих читателей, интересовавшихся молодым художником. Если Макса Реаля в этот день не было в Чикаго, то он был там вчера и, без сомнения, вернется 15 апреля, хотя бы лишь для того, чтобы присутствовать при чтении знаменитого завещания и дополнить собой группу «шестерых» в зале Аудиториума.

Нечто иное получилось, когда репортеры газеты *Дейли Ньюс Рекорд* явились на квартиру Гарри Кембэла. За этим не понадобилось бы приходить вторично в дом № 213, Милуоки-авеню, так как, без сомнения, он сам не замедлил бы прибежать к своим товарищам по работе.

Гарри Т. Кембэл был журналистом и главным репортером такой популярной газеты, как Три-

буна. Тридцати лет, среднего роста, крепкий, с симпатичным лицом, с носом, который, казалось, все вынюхивал, с маленькими пронизывающими глазками, с исключительно тонким слухом, необходимым, чтобы все слышать, и с нетерпеливым выражением губ, точно созданных для того, чтобы все повторять; живой как ртуть, деятельный, ловкий, словоохотливый, выносливый, энергичный, не знающий усталости, он был известен даже как искусный сочинитель всевозможных «блефов», которые можно назвать «американскими гасконадами».[16] Обладая ясным сознанием своей силы, всегда активный, одаренный непоколебимой силой воли, всегда готовый проявить себя смелыми, решительными поступками, он предпочел остаться холостяком, что подходит человеку, ежедневно проникающему в частную жизнь других людей. В общем, добрый товарищ, вполне надежный, уважаемый всеми своими коллегами. Ему не стали бы завидовать, узнав об удаче, сделавшей его одним из «шестерых», если бы даже этим «шестерым» пришлось действительно разделить между собой земные блага Вильяма Гиппербона. Да, совершенно излишне

[16] Примечания: 16

Гасконада — хвастовство, бахвальство, по герою романа А. Додэ «Тартарен из Тараскона», гасконца по происхождению.

было бы. расспрашивать Гарри Т. Кембэла, так как он сам первый громко заявил:

— Да, друзья мои, это я, безусловно я, Гарри Т. Кембэл, один из «шести»... Это вы меня видели вчера марширующим около колесницы. Обратили вы внимание на то, как я держался? С видом, преисполненным достоинства, и стараясь не дать своей радости проявиться слишком шумно, хотя я никогда еще в жизни не присутствовал на таких веселых похоронах. И всякий раз, когда я отдавал себе отчет в том, что он тут, рядом со мной — этот умерший чудак... знаете ли, что я тогда говорил себе? А что, если он не умер, этот достойный человек?! Если из глубины его гроба раздастся вдруг его голос? Если он неожиданно появится, попрежнему жизнеспособный? Я надеюсь, что вы мне поверите, когда я скажу, что если бы это случилось и Вильям Дж. Гиппербон поднялся вдруг из своего гроба, подобно новому Лазарю, я ни за что не позволил бы себе за это на него рассердиться и упрекать за несвоевременное воскресение. Ведь вы всегда — не так ли? — имеете право воскреснуть, если вы не окончательно еще умерли...

Вот что сказал Гарри Т. Кембэл, но надо было слышать, как он это сказал!

— А как вы думаете, — спросили его, — что про*изойдет пятнадцатого апреля?

— Произойдет то, — ответил он, — что нотариус Торнброк ровно в полдень вскроет завещание.

— И вы не сомневаетесь в том, что «шестеро» будут объявлены единственными наследниками покойного?

— Разумеется! Для чего же, скажите, пожалуйста, Вильям Гиппербон пригласил нас на свои похороны, как не для того, чтобы оставить нам свое состояние?

— Кто знает!

— Нехватало, чтобы он нас побеспокоил, ничем за это не вознаградив! Подумайте только: одиннадцать часов шествовать в процессии!

— А вы не предполагаете, что в завещании содержатся распоряжения более или менее странные?

— Это возможно. Так как он оригинал, то я могу всегда ждать от него чего-нибудь оригинального. Во всяком случае, если то, чего он желает, исполнимо, то это будет сделано, а если неисполнимо, то, как говорят во Франции, «это сделается само собой». Могу только сказать, друзья мои, что на Гарри Т. Кембэла вы можете всегда положиться — он ни на шаг не отступит.

Нет! Ради чести журналиста он не отступит, в этом могут быть уверены все те, кто его знает, даже те, кто" его не знает, если только найдется такой человек среди населения Чикаго. Каковы бы ни были условия, предъявляемые покойным, главный репортер газеты Трибуна их принимал и обязывался исполнить до конца. Даже если бы дело шло о путешествии на луну, он все равно отправился бы и туда. Только бы хватило воздуху его легким, а он уж на своем пути не остановится!

Какой контраст между этим решительным и смелым американцем и его сонаследником, известным под именем Германа Титбюри, жившим в торговом квартале города!

Сотрудники газеты *Штаат-Цейтунг* позвонили у дверей дома № 77, но не смогли проникнуть в квартиру.

— Мистер Герман Титбюри дома? — спросили они через приотворившуюся дверь.

— Да, — ответила какая-то великанша, неряшливо одетая, неряшливо причесанная, похожая на драгуна в юбке.

— Может ли он нас принять?

— Я вам отвечу, когда спрошу об этом миссис Титбюри.

Оказалось, что существовала также миссис Кэт Титбюри, пятидесятилетняя особа, на два года старше своего мужа. Ответ, переданный в точности ее прислугой, был следующий:

— Мистеру Титбюри не для чего вас принимать, и он удивляется, что вы позволяете себе его беспокоить.

Между тем вопрос шел только о том, чтобы получить доступ в его квартиру, а отнюдь не в его столовую, и чтобы собрать несколько сведений, касавшихся его самого, а не несколько крошек с его обеденного стола. Но двери этого дома так и остались запертыми, и негодующие репортеры газеты *Штаат-Цейтунг* так ни с чем и вернулись в редакцию.

Герман Титбюри и Кэт Титбюри представляли собой чету, самую скупую из всех когда-либо совершавших свой жизненный путь по этой «долине слез», но они сами, между прочим, не прибавили ни единой капли своего сострадания к людям. Это были два сухих, бесчувственных сердца, бившихся в унисон. К счастью, небо отказалось благословить этот союз, и их род заканчивался с ними. Будучи очень богатыми, они нажили себе состояние не торговлей и не

промышленностью. Нет, оба они, эти рантье[17] (миссис Титбюри приникала в этом такое же участие, как и ее муж), посвятили себя деятельности мелких банкиров, скупщиков векселей по дешевой цене, ростовщиков самой низкой категории, всех этих жадных хищников, которые разоряют людей, оставаясь все время под покровительством закона, того закона, который, по словам знаменитого французского писателя, был бы очень удобен для негодяев… если бы… не существовало… бога!

Титбюри был человек невысокого роста, толстый, с рыжей бородой совсем такого же цвета, как волосы его жены. Железное здоровье позволяло им обоим никогда не тратить и полдоллара на лекарства и на визиты врачей. Обладатели желудков, которые способны были все переварить, желудков, какие должны были бы иметь одни только честные люди, они жили на гроши, и их прислуга привыкла к голодному режиму. С тех пор как Герман Титбюри кончил заниматься делами, у него не было никаких сношений с внешним миром, и он был совершенно в руках миссис Титбюри, самой отвратительной жен-

[17] Примечания: 17

Рантье — лицо, живущее на доходы с накопленного капитала, вложенного в банк или ценные бумаги.

щины, какую только можно себе представить, которая «спала со своими ключами», как говорят в народе.

Чета эта жила в доме с окнами, узкими, как их мысли, снабженными, так же как и их сердца, железными решетками, в доме, похожем на железный сундук с секретным замком. Его двери не открывались ни для посторонних, ни для членов семьи — кстати, родни у них не было, — ни для друзей, которых они никогда не имели. Вот почему и на этот раз двери остались закрытыми перед газетными репортерами, явившимися за информациями.

Но и без непосредственного обращения к чете Титбюри легко было судить о их душевном состоянии, наблюдая за ними с того дня, когда они заняли свои места в группе «шестерых». Сильное впечатление произвело на Германа Титбюри его имя, напечатанное в знаменитом первоапрельском номере газеты Трибуна. Но не было ли еще других каких-нибудь жителей Чикаго с этой же фамилией? Нет! Ни одного, во всяком случае ни одного на улице Робей-стрит, в доме № 77. Допустить же, что он рисковал сделаться игрушкой какой-нибудь мистификации, о нет! Герман Титбюри уже видел себя обладателем

шестой части громадного состояния и только огорчался и злился, что не был избран судьбой в качестве единственного наследника. Вот почему к остальным пяти претендентам он чувствовал не только зависть, но презрение и злобу, вполне солидаризируясь с командором Уррикаком. Читатель легко может себе представить то, что он, Титбюри, и его жена думали об этих пяти «самозванцах».

Разумеется, в данном случае судьба допустила одну из тех грубых ошибок, которые ей очень свойственны, предлагая этому несимпатичному, неинтересному человеку часть наследства ВилЪяма Гиппербона, если это действительно входило в намерения покойного члена Клуба Чудаков.

На другой день после похорон в пять часов утра мистер и миссис Титбюри вышли из дому и отправились на Оксвудсское кладбище. Там они разбудили сторожа и голосами, в которых чувствовалось живое беспокойство, спросили:

— Ничего нового… за эту ночь?

— Ничего нового, — ответил сторож.

— Значит… он действительно умер?

— Так мертв, как только может быть мертв умерший, будьте спокойна, — объявил сторож,

тщетно ожидавший какой-нибудь награды за свой приятный ответ.

Могут быть спокойны, да, разумеется! Покойник не пробудился от вечного сна, и ничто не потревожило отдыха мрачных обитателей Оксвудсского кладбища.

Мистер и миссис Титбюри успокоенные вернулись домой, но еще дважды в тот же день, после полудня и вечером, и рано утром на другой день снова проделали этот длинный путь, для того чтобы самим убедиться, что Вильям Дж. Гиппербон так и не вернулся в этот подлунный мир.

Но довольно говорить об этой чете, которой судьба предназначила фигурировать в такой странной истории, чете, которую ни один из соседей не счел нужным поздравить с выпавшей на ее долю удачей.

Когда двое репортеров газеты Фрейе Прессе дошли до Калюмет-стрит, находившейся неподалеку от одноименного с ней озера в южной части города, в исключительно населенном промышленном квартале, они спросили полицейского, где находится дом, в котором жил Том Крабб. Это был дом № 7, но он принадлежал, по правде говоря, не самому Тому Краббу, а его антрепренеру. Джон Мильнер сопровождал его на все те неза-

бываемые побоища, откуда участвующие в них джентльмены в большинстве случаев уходили с подбитыми глазами, поврежденными челюстями, переломанными ребрами и выбитыми зубами. В этой области Том Крабб был профессионалом, считаясь чемпионом Нового Света с тех пор, как победил знаменитого Фитбимонса, в свою очередь победившего не менее известного Корбэта.

Репортеры без всякого затруднения вошли в дом Джона Мильнера и были встречены самим хозяином, человеком среднего роста, невероятной худобы — лишь кости, обтянутые кожей, только мускулы и нервы. У него был пронизывающий взгляд, бритая физиономия и острые зубы. Он был проворен, как серна, и ловок) как обезьяна.

Том Крабб? — спросили его репортеры.

— Он заканчивает свой первый завтрак, — ответил Мильнер недовольным тоном.

— Можно его видеть?

— По какому поводу?

— По поводу завещания Вильяма Гиппербона и чтобы сообщить о нем в нашей газете.

— Когда дело идет о том, чтобы поместить сведения о Томе Краббе, — ответил Джон Миль-

нер, — то его всегда можно видеть.

Репортеры вошли в столовую и увидели того, о ком только что говорили. Он прожевывал шестой кусок копченой ветчины и шестой кусок хлеба с маслом, запивая их шестой кружкой пива в ожидании чая и шести маленьких рюмок виски, которыми заканчивался обычно его первый завтрак. Он съедал его в половине восьмого утра, а за этим первым завтраком в разные часы дня следовали пять других кормежек. Мы видим, какую важную роль играла цифра шесть в существовании знаменитого боксера, и, может быть, ее таинственному влиянию он обязан был тем, что попал в число шести наследников Вильяма Гиппербона.

Roux

Том Крабб прожевывал шестой кусок копченой ветчины.

Том Крабб был колоссом. Его рост превосходил на десять дюймов шесть английских футов. Ширина его плеч равнялась трем футам. У, него была громадная голова, жесткие черные волосы, совсем коротко остриженные, под густыми бровями большие круглые, глупые глаза быка, низкий покатый лоб, оттопыренные уши, выдвинутые вперед в форме пасти челюсти, густые усы, подстриженные в углах губ, и рот, полный зубов, потому что все самые здоровые удары по физиономии до сих пор не вышибли нй Одного из них. Туловище его было похоже на пивную бочку, руки — на дышла, ноги — на столбы, созданные для того, чтобы поддерживать все это монументальное сооружение в образе человека.

Человека? Так ли это? Нет, животного, так как ничего, кроме животного, не заключалось в этом колоссальном существе. Все его органы работали наподобие различных частей какой-то машины, механизмом которой заведовал Джон Мильнер. Том Крабб пользовался славой в обеих Америках, но абсолютно не отдавал себе в этом отчета. Он ел, пил, упражнялся в боксе, спал, и этим огра-

ничивались все акты его существования, без каких-либо интеллектуальных затрат. Понимал ли он ту счастливую случайность, которая сделала его одним из группы «шестерых»? Знал ли, с какой целью он накануне маршировал своими тяжелыми ногами рядом с погребальной колесницей, под шум громких рукоплесканий толпы? Если понимал, то только очень смутно, зато его антрепренер отдавал себе в этом полный отчет, и те права, которые он, Крабб, приобрел бы благодаря этому случаю, Джон Мильнер сумел бы уж использовать для себя. Вот почему на все вопросы репортеров, касавшиеся Тома Крабба, отвечал он, Джон Мильнер. Он сообщил им все подробности, могущие интересовать читателей газеты *Фрейе Прессе*. Его вес — 533 фунта до еды и 540 после; его рост равнялся 6 английским футам и 10 дюймам, как это уже было сказано выше; его сила, измеренная динамометром, — 75 килограммометрам; максимальная мощь сокращения его челюстных мышц — 234 фунта; его возраст — тридцать лет, шесть месяцев и семнадцать дней; его родители: отец — скотобоец на бойне фирмы «Армур», мать — ярмарочная атлетка в цирке «Суонси».

Что можно было еще спросить, чтобы написать заметку в сто строчек о Томе Краббе?

— Он ничего не говорит! — заметил один из журналистов.

— Да, по возможности очень мало, — ответил Джон Мильнер. — Для чего давать лишнюю работу языку?

— Может быть, он и думает так же мало?

— А для чего нужно ему думать?

— Совершенно не для чего, мистер Мильнер.

— Том Крабб представляет собой сжатый кулак, — прибавил тренер, — сжатый кулак, всегда готовый и к атаке и к обороне.

А когда репортеры Фрейе Прессе уходили:

— Скотина! — сказал один из них.

— И какая еще скотина! — подтвердил другой.

Без сомнения, они говорили это не о Джоне Мильнере.

Пройдя бульвар Гумбольдта и идя по направлению к северной части города, вы попадете в двадцать седьмой квартал. Жизнь здесь идет спокойнее, население менее деловито. Приезжему может показаться, что он попал в провинцию, хотя это выражение в Соединенных штатах не имеет никакого значения. За Вабан-авеню начинается Шеридан-стрит. Следуя по ней до № 19, вы подходите к семнадцатиэтажному дому скромного вида, населенному сотней жильцов. Здесь в

девятом этаже занимала небольшую квартирку из двух комнат Лисси Вэг, в которую она приходила только по окончании своего рабочего дня в магазине мод «Маршалл Фильд», где служила помощницей кассира.

Лисси Вэг принадлежала к честной, но плохо обеспеченной семье, члены которой к этому времени все уже умерли. Будучи хорошо воспитанной и образованной, как большинство американских девушек, она после смерти отца и матери, оставивших ей очень небольшие средства, должна была, для того чтобы существовать, искать себе работу. Дело в том, что мистер Вэг потерял все состояние в неудачной операции с акциями морского страхового общества, и спешная ликвидация бумаг, которую он предпринял, надеясь спасти хоть что-нибудь для Лисси, не дала никаких результатов.

Лисси Вэг, обладающая энергичным, твердым характером, проницательным умом и в то же время спокойная и уравновешенная, нашла в себе достаточно моральных сил, чтобы не растеряться и сохранить всю присущую ей энергию.

Благодаря вмешательству в ее судьбу друзей ее покойных родителей она получила очень хорошую рекомендацию к директору дома «Маршалл

Фильд» и спустя пятнадцать месяцев получила хорошее место. Это была прелестная молодая девушка, которой исполнился двадцать один год, среднего роста, белокурая, с глубокими синими глазами и нежным румянцем, свидетельствующим о цветущем здоровье, с изящной походкой. Серьезное выражение ее лица порой сменялось светлой улыбкой, открывавшей прекрасные зубы. Со всеми любезная, готовая оказать каждому услугу, доброжелательная, она пользовалась любовью всех своих товарок.

Простых и скромных вкусов, она не ведала честолюбия и никогда не предавалась мечтам, которые многим кружат головы. Из всех шестерых избранников Лисси Вэг была менее всех радостно взволнована, узнав, что ей предстоит участвовать в погребальной процессии. Сначала она хотела от этого отказаться. Ей не нравилась эта публичная выставка своей особы. Обращать на себя внимание любопытной толпы было ей глубоко противно. Только сделав над собой большое усилие, она с тяжелым сердцем, с краской смущения на лице заняла место около колесницы.

Ее упорные протесты против такого публичного выступления сумела победить только самая близкая из всех ее подруг, веселая, живая Джо-

вита Фолей. Джовите Фолей было двадцать пять лет; назвать ее красивой нельзя было, и она это знала, но лицо ее искрилось оживлением и умом, а характер ее был открытый и искренний.

Она горячо любила Лисси Вэг. Обе молодые девушки жили в одной квартире и, проводя весь день в магазине «Маршалл Фильд», где Джовита Фолей служила главной продавщицей, они вместе возвращались домой. Редко видели одну без другой. Но Лисси Вэг, кончив тем, что уступила упрашиваниям своей подруги, все-таки не согласилась принять репортеров газеты *Чикаго Геральд*, которые не замедлили явиться в дом № 19, Шеридан-стрит. Тщетно Джовита Фолей уговаривала свою подругу быть менее «суровой» — та ни за что не соглашалась сделаться жертвой газетных интервьюеров. После репортеров, без сомнения, явились бы фотографы, после фотографов — разные другие любопытные. Нет! Гораздо лучше не открывать своих дверей этим навязчивым людям. И как ни настаивала Джовита Фолей, газете *Чикаго Геральд* так и не удалось угостить своих читателей сенсационной заметкой.

— Все равно, — сказала Джовита Фолей, когда журналисты с грустным видом удалились, — все равно, ты не пустила их в дом, но ты не избежишь

любопытства толпы! О, если бы я была на твоем месте! Во всяком случае, я тебя предупреждаю, Лисси, что сумею заставить тебя выполнить все условия завещания! Подумай только, дорогая моя, — получить часть такого невероятного наследства!

— Я не очень-то верю в это наследство, Джовита, — ответила ей Лисси Вэг, — и если окажется, что тут дело идет о капризе мистификатора, то я не буду огорчена.

— Узнаю мою Лисси! — воскликнула Джовита Фолей, обнимая подругу. — Она не будет огорчена… И это — когда дело идет о таком богатстве!

— Но разве мы с тобой теперь не счастливы?

— Счастливы, согласна. Но… Если бы только я была на твоем месте! — повторила тщеславная молодая особа.

— Ну что же? Если бы ты была на моем месте?

— Прежде всего я, конечно, разделила бы это наследство с тобой, Лисси…

— То же самое сделала бы и я, можешь быть в этом уверена, — ответила мисс Вэг, весело смеясь над обещаниями своей восторженной подруги.

— Боже, как мне хочется, чтобы поскорее настало пятнадцатое апреля, — продолжала Джовита Фолей, — и каким долгим мне покажется это

время! Я буду считать часы, минуты…

— Избавь меня хоть от подсчета секунд, — прервала ее Лисси. — Их оказалось бы слишком много!

— И ты способна шутить, когда вопрос идет о таком серьезном деле! О миллионах долларов, которые ты можешь получить!

— Вернее, о миллионах всяких неприятностей и раздражений, подобных тем, которые выпали сегодня на мою долю, — объявила Лисси Вэг.

— Тебе очень трудно угодить, Лисси!

— Видишь, Джовита, я со страхом спрашиваю себя, чем все это кончится…

— Кончится — концом! — воскликнула Джовита Фолей. — Как всё вообще на этом свете.

Таковы были эти шесть сонаследников (что они были призваны разделить между, собой это. громадное состояние, никто не сомневался), которых Вильям Дж. Гиппербон пригласил на свои похороны. Этим привилегированным смертным теперь оставалось только вооружиться терпением и ждать назначенного срока.

Наконец долгие две недели прошли, и наступило 15 апреля. В это утро, по условию завещания, в присутствии Джорджа Б. Хиггинботама и нотариуса Торнброка все шестеро — Лисси Вэг, Макс

Реаль, Том Крабб, Герман Титбюри, Гарри Т. Кембэл и Годж Уррикан — явились в мавзолей, чтобы положить свои визитные карточки на гробницу Вильяма Дж. Гиппербона, после чего могильная плита опустилась на надлежащее место, закрыв собою гроб, и покойному оригиналу больше уж нечего было ждать к себе гостей!

ГЛАВА V
ЗАВЕЩАНИЕ

В этот день с самого утра, как только встало солнце, девятнадцатый квартал был запружен громадной толпой. В публике царило теперь не меньшее возбуждение, чем тогда, когда бесконечная процессия сопровождала Вильяма Дж. Гиппербона к его последнему жилищу. Тысяча триста поездов, обслуживающих Чикаго, уже накануне доставили в город несколько тысяч приезжих. Погода обещала быть превосходной. Свежий утренний ветер очистил небеса от ночных испарений, и солнце плавно подымалось на далеком горизонте над озером Мичиганом, воды которого, ударяясь о берег, слегка волновались. Шумные массы публики двигались по Мичиган-авеню и Конгресс-стрит, направляясь к колоссальному зданию. На одной стороне его возвышалась четырехугольная башня вышиной в триста десять футов.

Список гостиниц в Чикаго очень длинен. Приезжий может всегда выбрать себе какую-нибудь по своему вкусу. К тому же, куда бы городские кэбмены, которым платят по двадцать пять

центов за милю, его ни повезли, он нигде не рискует остаться без комнаты, за которую берут по два и по три доллара в день. Но с точки зрения удобств и быстроты обслуживания, — причем каждому путешественнику предоставляется жить на американский или европейский лад, безразлично, — ни один из этих отелей не может сравниться с Аудиториумом, этим громадным десятиэтажным караван-сараем, помещающимся на углу Конгресс-стрит и Мичиган-авеню, против самого Лейк-Парка.

Это громадное здание может приютить несколько тысяч путешественников; в нем имеется театр достаточных размеров, чтобы вместить восемь тысяч зрителей. В утро, о котором идет речь, публики в театре набралось более, чем когда-либо. Сбор никогда еще не доходил до такой цифры. Это потому, что нотариус Торнброк, который устроил такой удачный аукцион из фамилий шести избранников, на этот раз предложил организовать платные места всем желающим присутствовать на чтении завещания в зале театра Ауди-ториум. Это дало возможность собрать для бедных около десяти тысяч долларов, которые должны были быть распределены между больницей «Алексиан-Брозерс» и детской больницей «Морис Партер

Мемориал».

Около самой рампы сидели шесть избранников.

Как же было не поспешить сюда всем любопытным города и не заполнить каждый уголок огромного зала? На эстраде находились мэр города и весь муниципалитет; позади них — члены Клуба Чудаков, с председателем Хиггинботамом, а несколько впереди них сидели шесть избранников, размещенные по одной линии около самой рампы, причем каждый из них сидел в позе, которая наиболее соответствовала его общественному положению.

Лисси Вэг, смущенная необходимостью быть выставленной напоказ многотысячной публике, сидела в кресле, видимо сконфуженная, низко опустив голову.

Гарри Т. Кембэл сидел с довольным, сияющим лицом, раскланиваясь направо и налево со своими товарищами-журналистами, сотрудниками многочисленных издательств самых разнообразных «окрасок».

Командор Уррикан свирепо вращал глазами, видимо готовый завести спор с каждым, кто осмелится взглянуть ему в лицо.

Макс Реаль беспечно наблюдал за этой жужжа-

щей толпой, снедаемой любопытством, которого он лично почти не разделял, и — нужно ли говорить? — часто взглядывал на сидевшую так близко от него прелестную молодую девушку, смущение которой его живо заинтересовало.

Герман Титбюри мысленно подводил итог собранным суммам за входные билеты и думал о полученной цифре, как о капле воды среди миллионов будущего наследства.

Том Крабб, сидевший не в кресле, так как оно не могло бы вместить его колоссальное туловище, а на широком диване, ножки которого гнулись под его тяжестью, видимо не понимал, почему он здесь очутился.

Нечего говорить, что непосредственно позади шести избранников, в первом ряду зрителей, находились антрепренер Крабба Джон Мильнер, мисс Кэт Титбюри, делавшая своему мужу какие-то совсем непонятные знаки, и подвижная, нервная Джовита Фолей, без которой Лисси Вэг никогда не согласилась бы появиться перед устрашавшей ее публикой. Дальше, в глубине громадной залы, в местах амфитеатра, на самых отдаленных ступеньках, во всех углах, где только мог поместиться человек, во всех отверстиях, где могла просунуться человеческая голова,

виднелись мужчины, женщины и дети, принадлежавшие к различным клас-сам общества, все, кто был в состоянии оплатить свои входные билеты.

А за стенами здания, вдоль Мичиган-авеню и Конгресс-стрит, в окнах домов, на балконах гостиниц, на тротуарах, на мостовых, где было приостановлено движение экипажей, стояла толпа, не менее шумная, чем Миссисипи во время ее разлива, и волны этой толпы далеко переходили за границы квартала.

В этот день, по сделанному подсчету, Чикаго принял в свои стены пятьдесят тысяч приезжих, посторонних, явившихся как из различных пунктов штата Иллинойс, так и из смежных с ним штатов, а также из Нью-Йорка, Пенсильвании, Огайо и Мэна. Шум и гул голосов все усиливались; они носились над всей этой частью города, наполняли весь Лейк-Парк и терялись в залитых солнцем водах Мичигана.

Часы начали отбивать двенадцать. Громкий вздох вырвался из груди присутствующих.

Нотариус Торнброк встал со своего места, и этот раздавшийся в театральном зале вздох, подобный сильному порыву ветра, проник через окна здания и донесся до толпы, запрудившей

ближайшие улицы.

И тотчас же вслед за тем наступила тишина, глубокая, взволнованная тишина, подобная той, какая бывает в промежутке между блеском молнии и раскатом грома, когда вдруг становится тяжело дышать.

Нотариус Торнброк, стоя у стола, занимавшего центр эстрады, скрестив руки на груди, с сосредоточенным лицом ждал, когда замрет последний звук последнего, двенадцатого удара часов.

На столе перед ним лежал конверт, запечатанный тремя красными печатями с инициалами покойного. В этом конверте находилось завещание Вильяма Дж. Гиппербона. Надпись, сделанная на конверте, говорила о том, что его можно было вскрыть только по прошествии двух недель после смерти завещателя. Она указывала также число и час, в которые этот конверт должен был быть вскрыт, а именно ровно в полдень 15 апреля в зале Аудиториума.

Нотариус Торнброк нервным жестом сломал печать конверта и вынул из него сначала документ, на котором виднелась подпись, сделанная хорошо знакомым почерком завещателя, затем вчетверо сложенную карту и, наконец, маленькую коробочку в один дюйм длиной и полдюйма

вышиной.

Покончив с этим, нотариус Торнброк пробежал глазами, вооруженными очками в алюминиевой оправе, первые строчки документа и громким голосом, хорошо слышным даже в самых отдаленных углах зала, прочел следующее:

— «Мое завещание, написанное моей рукой, в Чикаго, 3 июля 1895 года.

Будучи в здравом уме и твердой памяти, я составил этот акт, который заключает в себе мою последнюю волю. Эту волю мистер Торнброк и мой коллега и друг Джордж Б. Хиггинботам, председатель Клуба Чудаков, обязуются исполнить во всей ее полноте, так же как это было сделано и с распоряжениями, касавшимися моих похорон».

Наконец-то вся публика, вместе с наиболее заинтересованными в этом деле лицами, узнают содержание завещания! Настало время получить ответ на все вопросы, интересовавшие жителей Чикаго в течение долгих двух недель, и разрешить все предположения и гипотезы, накопившиеся за дни лихорадочного ожидания!

Нотариус Торнброк громким голосом начал читать завещание.

Нотариус Торнброк продолжал читать завещание:

— «До сих Пор ни один из членов Клуба Чудаков не проявил никаких особых чудачеств. Равным образом и пишущий эти строки, подобно своим коллегам, не выходил еще ни разу за пределы своего банального существования. Но то, что ему не удалось совершить при жизни, может совершиться — в том случае, если его последняя воля будет исполнена — после его смерти».

Одобрительный шопот пронесся по рядам присутствующих, и нотариус Торнброк должен был сделать полуминутную паузу.

— «Мои дорогие коллеги, — продолжал он читать, — вероятно, не забыли, что если я чувствовал к чему-нибудь сильную страсть, то только к благородной игре в «гусек», так распространенной в

Европе и особенно во Франции. Там ее считают заимствованной из Эллады, хотя греки никогда не видали, чтобы в игре принимали участие Платон, Фемистокл, Аристид, и Сократ, — никто вообще из героев ее истории. Я ввел эту игру в нашем клубе. Меня всегда горячо волновало разнообразие всех ее деталей, неожиданность ударов, капризы всевозможных комбинаций, где одна только случайность руководит теми, кто стремится одержать победу на этом оригинальном поле битвы».

Но для чего, с какой стати эта благородная игра в «гусек» так неожиданно появилась в завещании Вильяма Дж. Гиппербона?.. Этот вопрос естественно пришел в голову каждому. Нотариус продолжал:

— «Игра эта, как всем в Чикаго известно, состоит из целой серии клеток, расположенных в известном порядке и занумерованных, начиная с первой и кончая шестьдесят третьей. В четырнадцати из этих клеток находятся изображения гуся, этой домашней птицы, так несправедли-

во обвиняемой в глупости. Ей надлежало бы быть реабилитированной в тот самый день, когда она спасла Капитолий от нападения Бренна и его галлов»[18].

Некоторые из присутствующих, более других скептически настроенные, начали думать, что покойный Вильям Дж. Гиппербон желал просто посмеяться над публикой, расточая такие запоздалые похвалы представителям гусиного рода.

Чтение завещания продолжалось:

— «В этой игре клетки расположены таким образом, что за вычетом четырнадцати вышеуказанных остается еще сорок девять, из которых шесть заставляют играющих платить следующие штрафы: простой штраф в шестой клетке, на которой нарисован мост и с которой игрок переходит в двенадцатую клетку; двойной штраф он платит в девятнадцатой, где он вынужден оставаться в «гостинице», пока его партнеры не сделают двух ходов; тройной штраф в тридцать первой

[18] Примечания: 18

Согласно древнеримской легенде, гуси своим криком предупредили римлян о грозящей им опасности.

клетке, где изображен колодец, в котором игрок остается до тех пор, пока другой не явится занять его место; двойной штраф в сорок второй клетке, а именно в той, на которой изображен лабиринт и которую игрок должен тотчас же покинуть, для того чтобы вернуться в тридцатую; тройной штраф в пятьдесят второй клетке, где он попадает в «тюрьму» и остается там до тех пор, пока кто-нибудь другой не явится его заместить, и, наконец, тройной штраф в пятьдесят восьмой клетке, где изображена мертвая голова, откуда игрок обязан начать всю партию сызнова».

Когда нотариус Торнброк остановился после такой длинной тирады, чтобы перевести дух, в зале раздалось несколько недовольных голосов, но они тотчас же были заглушены огромным большинством присутствующих, видимо сочувственно относившихся к покойному. Но в то же время не пришли же все эти люди для того, чтобы выслушать лекцию о благородной игре в «гусек»!

Передохнув, нотариус продолжал:

— «В этом конверте вы найдете сло-

женную карту и коробочку. На карге изображена игра в «гусек», составленная на основании нового расположения клеток, которое я придумал и которое хочу теперь сообщить публике. В коробочке лежат игральные кости, точная копия тех, которыми я имел обыкновение пользоваться в своем клубе. Как самая карта, так и игральные кости предназначаются для той партии, которая будет сыграна на нижеследующих условиях».

Как?.. Вопрос идет здесь о партии игры в «гусек»? Без сомнения, это была мистификация, «утка», «хембэг», как говорят в Америке.

Внушительные возгласы: «Тише! Тише!» раздались по адресу недовольных, и нотариус Торнброк продолжал свое чтение:

— «Вот что я решил предпринять в честь моей страны, которую люблю горячей любовью патриота, штаты которой я подробно изучал, по мере того как их число увеличивалось, украшая новыми звездами флаг Американской республики».

После этих слов раздался тройной возглас «ура», многократно повторенный эхом Аудиториума, после чего водворилась тишина, так как любопытство публики достигло теперь высшего напряжения.

— «Наш Союз, — не считая Аляски, которая находится вне территории Соединенных штатов и присоединится к ним, как только к нам вернется Канада, — состоит из пятидесяти штатов, занимающих площадь в восемь миллионов километров.

Таким образом, если мы разместим все эти пятьдесят штатов по клеткам в определенном порядке, один за другим, и повторим один из них четырнадцать раз, то получим карту, состоящую из шестидесяти трех клеток, такую же точно, какая имеется в благородной игре в «гусек», превратившейся теперь в благородную игру Соединенных штатов Америки».

Те из присутствовавших, которые были хорошо знакомы с игрой, о которой шла речь, без труда уяснили себе идею Вильяма Дж. Гиппербона. Действительно, это было очень удачно, что он смог разместить в шестидесяти трех клетках

все Соединенные штаты. Вот почему аудитория разразилась бурными аплодисментами, которые вскоре затем раздались и на улице.

Нотариус Торнброк продолжал читать:

> — «Оставалось только решить, который из этих пятидесяти штатов будет фигурировать на карте четырнадцать раз. И мог ли я сделать лучший выбор, решив остановиться на штате, который омывают воды Мичигана и который может справедливо гордиться городом, уже около полстолетия отвоевавшим название «Царицы Запада», — словом, на штате Иллинойс? Границами этого штата служат: на севере — озеро Мичиган, на юге — река Огайо, на западе — река Миссисипи и на востоке — река Вабаш. Он является в одно и то же время и континентальным и морским и стоит в первом ряду великой федеральной республики».

Новый гром рукоплесканий и «ура», от которого, казалось, задрожали стены зала; раскаты его наполнили весь квартал и были повторены многотысячной толпой, находившейся в состоянии исключительного возбуждения.

На этот раз нотариус был вынужден на несколько минут прекратить свое чтение.

Когда наконец тишина была водворена:

— «Мне оставалось только указать, — продолжал он читать, — тех партнеров, которые будут призваны играть на громадной территории Соединенных штатов, следуя правилам, помещенным на прилагаемой карте, которая будет напечатана в миллионах экземпляров, для того чтобы каждый гражданин мог следить за всеми перипетиями партии. Эти участвующие, в числе шести человек, были выбраны из среды населения нашей столицы, именно на них пал жребий, и в данный момент они находятся в зале Аудиториума. Им предстоит переезжать из одного штата в другой согласно числу очков, а в какой именно пункт Данного штата надлежит отправляться, это им будет сообщено исполнителем моего завещания согласно приписке, помещенной мной ниже».

Такова была роль, предназначенная шести избранникам. По капризу игральных костей, им

придется путешествовать по всему Союзу… Они будут подобны фигурам шахматной доски в этой невероятной партии…

Если Том Крабб ничего не понял в идее Вильяма Дж. Гиппербона, то этого нельзя было сказать про командора Уррикана, Гарри Т. Кембэла, Германа Титбюри, Макса Реаля и Лисси Вэг. Все они смотрели на себя — и точно так смотрели на них другие, — как на исключительные существа, поставленные судьбой вне общества простых смертных. Оставалось только узнать, каковы были последние распоряжения, придуманные покойным.

— «По истечении двух недель после чтения моего завещания, — читал Торнброк, — каждые два дня в этом самом зале театра Аудиториум в восемь часов утра нотариус Торнброк в присутствии членов Клуба Чудаков будет выбрасывать игральные кости из футляра, громко объявляя о полученном числе очков и извещая о нем участвующих в партий телеграммами. Каждый из них должен будет в это время находиться в определенном месте под угрозой, если бы его

там не оказалось, быть выключенным из участия в партии. Принимая в расчет леность и быстроту передвижения по всей территории федерации, границы которой ни один из шести не будет иметь право переступить, я решил, что пятнадцати дней будет вполне достаточно для каждого переезда, как бы ни был отдален данный пункт».

Было очевидно, что если Макс Реаль, Годж Уррикан, Гарри Т. Кембэл, Герман Титбюри, Том Крабб и Лисси Вэг соглашались на участие в этой благородной игре, заимствованной, как оказывается, не от греков, а от французов Вильямом Дж. Гиппербоном, то им придется строго подчиняться всем правилам игры.

На каких же условиях будут совершаться эти стремительные путешествия по Соединенным штатам?

— «Все эти шестеро, — раздался снова голос нотариуса Торнброка среди глубокого молчания всех присутствующих, — будут путешествовать на свой счет, сами оплачивая штрафы, налагаемые на них по прибытии в ту или иную клетку, или,

другими словами, в тот или другой штат, причем размер каждого штрафа определяется в тысячу долларов. При первой же неуплате штрафа играющий исключается из партии».

Тысяча долларов! А в том случае, если вмешается неудача и таких штрафов будет не один, а несколько, то образуется порядочная сумма!

Неудивительно поэтому, что недовольная гримаса появилась на лице Германа Титбюри и тотчас же передалась его супруге. Необходимость платить из своих денег штрафы в тысячу долларов каждый не могла не смутить если не всех, то, во всяком случае, некоторых из участвующих. Правда, всегда нашлись бы люди, готовые притти на помощь тем из шестерых избранных, которые, по их мнению, имели лучшие шансы на выигрыш. И не было ли это новым полем, на котором предстояло разыграться спекулятивной горячке, так свойственной гражданам свободной Америки?..

Завещание заключало в себе еще несколько интересных сообщений и распоряжений и прежде всего заявление, касавшееся финансового положения Вильяма Дж. Гиппербона:

«Мое состояние, заключающееся как в движимом, так и в недвижимом имуществе, в промышленных, банковских и железнодорожных акциях, перечисление которых имеется в конторе нотариуса Торнброка, оценивается в шестьдесят миллионов долларов».

Это заявление было встречено одобрительным топотом. Присутствующие были благодарны покойному за то, что он оставил наследство такого размера. Эта цифра показалась почтенной даже в стране Гульдов, Беннетов, Вандербильдов, Рокфеллеров и других миллиардеров, королей сахара, пшеницы, муки, нефти, железных дорог, меди, серебра и золота! Во всяком случае, тот или те из «шести», которым достанется это состояние — всё или частями, — смогут этим удовольствоваться. Не так ли? Но какие же потребуется соблюдать при этом условия?

На этот вопрос завещание ответило так:

«В благородной игре в «гусек», как известно, выигрывает тот, кто первым приходит в шестьдесят третью клетку. Но это бывает только в том случае, когда число выброшенных очков при последнем

метании костей как раз составляет эту цифру. Если же число очков превосходит цифру, помещенную в клетке, то игрок бывает вынужден вернуться на несколько клеток назад, и именно на столько, сколько выброшено лишних очков. Таким образом, согласно этим правилам наследником всего моего состояния будет тот из участвующих в партии, кто займет шестьдесят третью клетку, иначе говоря, шестьдесят третий штат, а именно Иллинойс».

Итак, выиграет только один… Первый прибывший?! А его товарищи по путешествию ничего не получат? И это после стольких волнений, усталости, расходов! Но нет, второй из прибывших, в свою очередь, тоже будет в некоторой мере вознагражден.

«Второй, — говорилось в завещании, — то есть тот, кто при окончании партии окажется ближе других к шестьдесят третьей клетке, получит сумму, составленную из уплаченных штрафов в тысячу долларов каждый, — сумму, которая сможет оказаться благодаря случаю очень

значительной».

Этот параграф не вызвал в публике ни одобрения, ни недовольства. Обсуждать его было уже поздно. Далее Вильям Дж. Гиппербон прибавлял:

> «Если по той или другой причине один или несколько участников партии выйдут из нее до ее окончания, то ее будут продолжать те, кто не бросил борьбы. В случае же если все участники от партии откажутся, мое состояние целиком получит город Чикаго, который сделается, таким образом, моим единственным наследником и, надеюсь, сумеет распорядиться этими деньгами самым лучшим образом».

Заканчивалось завещание следующими строчками:

> «Такова моя последняя воля, исполнение которой поручено Джорджу Б. Хигинботаму, председателю Клуба Чудаков, и моему нотариусу мистеру Торнброку. Этой воле надлежит быть выполненной со всей строгостью и точностью, так же

как должны выполняться все правила благородной игры Соединенных штатов Америки.

А теперь да руководят небеса этой партией, следя за всеми случайностями, и да наградят они наиболее достойных!»

Громкое «ура» встретило этот финальный призыв к участию судьбы в пользу одного из шести партнеров, и присутствующие собрались уже покинуть зал, когда нотариус Торнброк, жестом призвав публику к молчанию, прибавил:

— Имеется еще приписка к завещанию.

Приписка?.. Неужели же будут сведены на-нет все параграфы завещания и разоблачена наконец та мистификация, которой некоторые из публики ждали от покойного чудака?

«К шести участникам, избранным по жребию, будет присоединен еще седьмой по моему собственному выбору. Он будет фигурировать в партии под инициалами X. K. Z., будет пользоваться одинаковыми с другими конкурентами правами и подчиняться тем же самым правилам. Что касается его настоящего имени, то оно будет открыто только в том случае, если он

выиграет партию. Все результаты ударов игральных костей будут ему сообщаться исключительно под этими инициалами. Такова моя последняя воля».

Это показалось странным. Что скрывалось в этой оговорке? Но обсуждать этот вопрос было так же бессмысленно, как и другие, и толпа в сильнейшем возбуждении, как выражались репортеры, покинула зал Аудиториума.

ГЛАВА VI
КАРТА В ДЕЙСТВИИ

В этот день все вечерние, а на следующий день и утренние газеты вырывались из рук газетчиков и покупались по двойной и тройной цене. Если восемь тысяч зрителей, присутствовавших в Аудиториуме, слышали содержание завещания; то сотни тысяч жителей Чикаго и миллионы населения Соединенных штатов, пожираемые любопытством, не имели, этой счастливой возможности. И хотя газетные статьи и заметки интервьюеров и репортеров в большой мере удовлетворяли любопытство масс, все же общий голос властно требовал опубликования карты, которая была приложена к завещанию.

Это была карта благородной игры Соединенных штатов, составленная Вильямом Дж. Гиппербоном и являвшаяся копией игры в «гусек». Но как именно всеми уважаемый член Клуба Чудаков разместил на этой карте пятьдесят штатов Союза? В каких из них путешественникам предстояло задерживаться, в какие возвращаться обратно, чтобы начинать партию сызнова, в каких платить штрафы — простые, двойные или тройные?

И неудивительно, разумеется, что в выяснении всех этих вопросов особенно заинтересованы были шесть избранников и их ближайшие друзья.

Благодаря заботам Джорджа Б. Хиггинботама и нотариуса Торнброка карта, точная копия той, которую покойный оставил в своем завещании, была очень быстро составлена, нарисована, раскрашена, напечатана — все это менее чем в сутки — и в количестве нескольких миллионов экземпляров разослана по всей Америке по цене два цента[19] за экземпляр. Она была доступна, таким образом, всем гражданам, и каждый имел возможность последовательно отмечать на ней ходы этой незабываемой партии.

Вот в каком порядке и под какими номерами были расположены пятьдесят штатов, из которых состояла в этот период Американская республика:

---

[19] Примечания: 19
Цент (амер.) равен двум копейкам.

клетка	1	— Род-Айленд	клетка	34	— Нью-Джерси
»	2	— Мэн	»	35	— Огайо
»	3	— Теннесси	»	36	— Иллинойс
»	4	— Юта	»	37	— Западная Виргиния
»	5	— Иллинойс	»	38	— Кентукки
»	6	— Нью-Йорк	»	39	— Южная Дакота
»	7	— Массачусетс	»	40	— Мериленд
»	8	— Канзас	»	41	— Иллинойс
»	9	— Иллинойс	»	42	— Небраска
»	10	— Колорадо	»	43	— Айдахо
»	11	— Техас	»	44	— Виргиния
»	12	— Нью-Мексико	»	45	— Иллинойс
»	13	— Монтана	»	46	— Округ Колумбия
»	14	— Иллинойс	»	47	— Пенсильвания
»	15	— Миссисипи	»	48	— Вермонт
»	16	— Коннектикут	»	49	— Алабама
»	17	— Айова	»	50	— Иллинойс
»	18	— Иллинойс	»	51	— Миннесота
»	19	— Луизиана	»	52	— Миссури
»	20	— Делавэр	»	53	— Флорида
»	21	— Нью-Гемпшир	»	54	— Иллинойс
»	22	— Южная Каролина	»	55	— Северная Каролина
»	23	— Иллинойс	»	56	— Индиана
»	24	— Мичиган	»	57	— Арканзас
»	25	— Георгия	»	58	— Калифорния
»	26	— Висконсин	»	59	— Иллинойс
»	27	— Иллинойс	»	60	— Аризона
»	28	— Вайоминг	»	61	— Орегон
»	29	— Оклахома	»	62	— Индейская территория
»	30	— Вашингтон	»	63	— Иллинойс
»	31	— Невада			
»	32	— Иллинойс			
»	33	— Северная Дакота			

Таковы были места, отведенные для каждого

штата в шестидесяти трех клетках, причем штат Иллинойс был повторен четырнадцать раз. Но прежде всего нужно выяснить, какие же штаты, выбранные Гиппербоном, требовали уплаты штрафов и какие заставляли несчастных игроков подолгу оставаться в той же самой клетке или, что еще хуже, возвращаться назад.

Таких штатов было шесть.

Во-первых, штат Нью-Йорк, соответствующий в игре в «гусек» шестой клетке, на которой изображен мост. Играющий должен его немедленно покинуть по уплате одного простого штрафа и отправиться в двенадцатую клетку, или, иначе, штат Нью-Мексико.

Во-вторых, девятнадцатая клетка, штат Луизиана, соответствующий той клетке, на которой изображена гостиница, где играющий, уплатив двойной штраф, должен переждать два метания игральных костей.

В-третьих, штат Невада, тридцать первая клетка, соответствующий клетке с изображением колодца, в котором играющий, уплатив тройной штраф, остается до тех пор, пока кто-нибудь из игроков его не сменит.

В-четвертых, штат Небраска, сорок вторая клетка, соответствующий той клетке, на которой

изображен лабиринт, откуда играющий, уплатив двойной штраф, вынужден вернуться назад в тридцатую клетку.

В-пятых, штат Миссури, пятьдесят вторая клетка, соответствующий той клетке, где находится тюрьма, из которой играющий, уплатив тройной штраф, может выйти только тогда, когда ему на смену явится кто-нибудь другой, уплатив, в свою очередь, такой же тройной штраф.

В-шестых, пятьдесят восьмая клетка, штат Калифорния, соответствующий той клетке, на которой изображена мертвая голова и откуда безжалостные правила игры заставляют играющего вернуться обратно в первую клетку, штат Род-Айленд, и сызнова начинать всю партию.

Что касается штата Иллинойс, повторенного на карте четырнадцать раз, то занимаемые им клетки соответствуют клеткам с изображением гусей. Но играющие никогда не должны в них останавливаться, и по правилам игры они имеют право продолжать эту игру до тех пор, пока число выброшенных очков не приведет их в одну из клеток, на которых нет изображений этой симпатичной птицы, взывающей, по мнению Вильяма Гиппербона, к полной реабилитации.

В том случае, если бы при первом же ударе ко-

стей играющий получил девять очков, он мог бы, переходя из одной клетки с изображением гуся в другую такую же, дойти до шестьдесят третьей клетки, иными словами, до конца. Так как число девять может быть составлено только двумя способами: или из трех и шести, или из пяти и четырех, то в первом случае играющий отправляется в двадцать шестую клетку, штат Висконсин, а во втором — в пятьдесят третью клетку, Флорида. Для такого исключительно счастливого игрока это является, конечно, большой удачей, так как дает ему сразу преимущество перед его соперниками. Но, в сущности, это преимущество более кажущееся, чем реальное, так как для того, чтобы достигнуть последней клетки, нужно выбросить точное число очков, и если играющий выбросит больше, он вынужден будет возвратиться назад.

Наконец, последнее замечание: когда одного из играющих нагоняет другой, первый должен уступить ему свою клетку и вернуться в ту, которую занимал этот последний, уплатив предварительно простой штраф, за исключением того случая, когда он успел уехать из данной клетки до прибытия туда другого партнера. Такое отступление от правил было допущено завещателем с учетом непредвиденных запаздываний, вызванных по-

следовательными перемещениями.

Остается еще один хотя и второстепенный, но все же, безусловно, очень интересный вопрос, который не может быть решен одним только изучением карты: куда именно в каждом данном штате должен отправляться играющий?

Шло ли дело о столице, главном официальном пункте штата, или о его метрополии[20] имеющей обычно более важное значение, или, наконец, о каком-нибудь месте штата, представляющем особый интерес с точки зрения географической или исторической? Не допустить ли, что покойный, применяя опыт, полученный из своих путешествий, предпочел выбрать места наиболее восхваляемые? В записке, приложенной к завещанию, скрывался ответ на этот вопрос. Игрок извещался телеграммой о результатах метания игральных костей в его пользу. Ее обязан был посылать нотариус Торнброк, направляя в тот пункт, где в данный момент находился участник матча.

Нечего говорить о том, что американские газеты и журналы не замедлили опубликовать все эти замечания, напомнив при этом, что по-

---

[20] Примечания: 20

В американских штатах метрополией является крупнейший город штата; главный город, столица, — его правительственный центр.

следняя воля завещателя требовала, чтобы все правила благородной игры в «гусек» выполнялись с абсолютной строгостью.

Что касается срока, который позволил бы каждому игроку явиться без опоздания в назначенное место, то его было более чем достаточно, несмотря на то что метание игральных костей происходило через каждые два дня. Но так как всех игроков было семь, то на долю каждого приходилось два раза по семь, то есть четырнадцать дней, которых вполне хватало для переезда с одного конца Союза в другой. В эту эпоху вся поверхность территории Союза была уже испещрена железнодорожными путями, и путешествовать можно было очень быстро.

Таковы были правила, не допускавшие никаких возражений. Как говорится, был дан выбор — соглашаться или отступить.

И все согласились.

Думать, что все шестеро сделали это с одинаковым удовольствием, конечно, неправильно. В этом отношении командор Уррикан был одного мнения с Томом Краббом, или, лучше сказать, с Джоном Мильнером и с Германом Титбюри. Макс Реаль и Гарри Кембэл смотрели на это дело с точки зрения туристов: один, намереваясь «из-

влечь» из путешествия побольше этюдов, другой — газетных заметок. Что же касается Лисси Вэг, то Джовита Фолей заявила ей:

— Дорогая моя, я хочу отправиться к Маршалл Фильду и попросить, чтобы он дал отпуск не только тебе, но и мне, так как я провожу тебя до самой шестьдесят третьей клетки!

— Но ведь это же совсем безумие! — воскликнула молодая девушка.

— Наоборот, это очень разумно, — возразила Джовита Фолей. — И так как шестьдесят миллионов долларов этого почтенного господина Гиппербона достанутся тебе…

— Мне?!

— Тебе, Лисси. И ты, конечно, не откажешься дать мне половину за мои хлопоты…

— Все, если хочешь!

— Согласна! — ответила Джовита Фолей серьезнейшим тоном.

Само собой разумеется, что миссис Титбюри решила сопровождать Германа Титбюри в его паломничестве, несмотря на то что это удваивало расходы. Раз им не запрещалось ехать вместе, то они вместе и поедут, это будет лучше для обоих.

На этом настояла, конечно, госпожа Титбюри, так же как она настояла и на том, чтобы мистер

Титбюри согласился принять участие в партии. Перемещения с места на место и связанные с ними расходы несказанно пугали этого человека, настолько же трусливого»., насколько и скупого. Но властная Кэт категорически заявила, что она этого желает, и Германну не оставалось ничего другого, как подчиниться.

То же самое можно сказать о Томе Краббе, которого никогда не покидал его тренировщик. Без сомнения, он повсюду увлек бы его за собой самым сногсшибательным темпом.

Что касается командора Уррикана, Макса Реаля и Гарри Кембэла, то будут ли они путешествовать одни или в сопровождении своих слуг? На это ответа еще не было, но, во всяком случае, среди параграфов завещания не было такого, который бы это запрещал. Их могли свободно сопровождать все, кто бы этого ни пожелал, сопровождать и держать за них пари, подобно тому как держат пари за беговых или скаковых лошадей.

Излишне добавлять, что посмертное чудачество Вильяма Гиппербона произвело громадное впечатление не только в Новом, но и в Старом Свете. Никто не сомневался, зная спекулятивную страсть американцев, что они будут ставить колоссальные суммы за удачу тех или других

участников этой волнующей партии.

Нужно сказать, что Герман Титбюри и Годж Уррикан, люди богатые, и Джон Мильнер, получивший очень много денег за Тома Крабба, не рисковали застрять в дороге за недостатком средств, требуемых в уплату штрафов. Гарри Кембэлу газета Трибуна, для которой это служило выгодной рекламой, охотно открывала необходимый кредит. Макса Реаля не беспокоили денежные обязательства и затруднения, так как неизвестно было еще, встретятся ли они на его пути. Во всяком случае, он всегда успел бы об этом подумать.

Когда Лисси Вэг расстраивалась, Джовита Фолей говорила ей:

— Не бойся ничего, моя дорогая! Мы пожертвуем всеми нашими сбережениями на это путешествие.

— В таком случае, мы не далеко уедем, Джовита!

— Очень далеко, Лисси!

— Но если судьба заставит нас платить штрафы?

— Судьба заставит нас только… выиграть! — объявила Джовита Фолей не допускающим возражений тоном, и Лисси Вэг решила с ней

лучше не спорить.

Но как бы то ни было, весьма вероятно, ни Лисси Вэг, ни, может быть, даже Макс Реаль никогда не сделались бы любимцами американских дельцов, так как при неуплате одного какого-нибудь штрафа их не замедлили бы исключить из партии, к выгоде конкурентов.

Во всяком случае, единственно, что, по мнению некоторых, говорило в пользу Макса Реаля, было то, что на него пал жребий первым отправиться в путь, — обстоятельство, которое привело командора Уррикана в бешенство. Нет! Он положительно не мог переварить мысли, что получил только шестой номер: после Макса Реаля, Тома Крабба, Германа Титбюри, Гарри Т. Кембэла и Лисси Вэг! А между тем это не имело, в сущности, никакого значения. Разве последний из отправившихся не мог бы обогнать своих партнеров, если бы он с первого же удара получил, например, четыре и пять очков, которые отправили бы его в пятьдесят третью клетку, иначе говоря, в штат Флорида? Такого рода случайности были очень свойственны этим удивительным комбинациям, созданным, если верить легенде, таким тонким поэтическим вкусом, каким обладала Эллада.

Было очевидно, что публика, с самого начала

всем этим крайне заинтересованная, не желала считаться ни с трудностью, ни с утомительностью их путешествий. Разумеется, совершить такое путешествие в какие-нибудь несколько недель было невозможно; могло даже случиться, что оно продолжится несколько месяцев и даже лет. И разве этого не знали члены Клуба Чудаков, которые были свидетелями или игроками нескончаемых «историй», предпринимаемых ежедневно Вильямом Гиппербоном в залах этого клуба? Продолжительность перемещений из одного пункта в другой, быстрота движения и переутомление могли вызвать среди участников матча заболевания, и они принуждены были бы бросить всякую мысль о достижении желаемой цели, к выгоде наиболее энергичных или защищаемых судьбой партнеров.

Но подобные случайности никого не беспокоили. Все жаждали только одного — поскорее бы началась эта кампания, чтобы принять участие во всех волнениях шестерых избранников, сопровождая их мысленно в их путешествии или даже фактически, по примеру тех велосипедистов-любителей, которые сопровождают совершающих пробег профессионалов. Вот что удовлетворило бы алчность содержателей отелей тех штатов,

через которые проезжали бы участники партии!

Но если публика не задумывалась над различными задержками и неприятностями, могущими случиться в пути, то самим участникам партии вполне естественно могла притти в голову следующая мысль: почему не заключить между собой условие, по которому выигравший партию обязывался разделить свой выигрыш с теми, которые не были осчастливлены судьбой? Или, во всяком случае, оставив себе половину громадного состояния, предоставить другую половину менее счастливым партнерам? Оставить себе тридцать миллионов долларов, а остальные разделить между ними? Эта мысль казалась очень заманчивой. Быть уверенным в любом случае получить несколько миллионов — для практических умов, не жаждущих никаких авантюр, казалось достойным очень серьезного обсуждения.

В этом не было ничего, что противоречило воле завещателя, поскольку партия продолжалась бы в предписанных им условиях и выигравшему предоставлялось право распоряжаться полученной суммой по своему усмотрению. Вот почему заинтересованные в этом лица по инициативе одного из них, наверняка наиболее разумного из шести, организовали официальное собрание

с целью обсудить это предложение. Герман Титбюри выразил согласие его принять. Подумайте только: несколько миллионов долларов были бы гарантированы каждому! Обладая темпераментом завзятого игрока, госпожа Титбюри колебалась, но кончила тем, что согласилась. После некоторых размышлений Гарри Кембэл, страстный любитель приключений, тоже выразил свое согласие, так же как и Лисси Вэг, по совету своего патрона Маршалла Фильда и несмотря на протесты тщеславной Джовиты Фолей, жаждавшей всего или ничего. Что касается Джона Мильнера, то он присоединился, не спросясь Тома Крабба, и если Макс Реаль сначала немножко поупрямился, то только потому, что в каждом из этих артистов таится некоторая доля сумасбродства! Однако в данном случае, может быть для того, чтобы не сделать неприятного Лисси Вэг, которая его очень интересовала, он заявил, что согласен подписаться под принятым его партнерами решением.

Но для того чтобы это решение было окончательно оформлено, нужны были подписи всех шестерых игроков. А между тем, несмотря на согласие, пятерых, шестой оказался настолько упрямым, что никакие уговоры ни к чему не

привели. Очевидно, вы догадываетесь, что дело шло об ужасном Годже Уррикане, который наотрез отказался дать свою подпись. Он был избран судьбой, чтобы выиграть партию, и ни на какие соглашения ни с кем итти не желал. Пришлось прервать переговоры, так как с упрямством командора ничего нельзя было поделать, несмотря на угрозу чувствительного удара кулаком, который, по совету Джона Мильнера, собирался нанести ему Том Крабб, ручавшийся переломать ему четыре-пять ребер. К довершению всего упустили из виду еще то обстоятельство, что в силу сделанной в завещании приписки играющих было уже теперь не шесть, а семь. Прибавился еще этот неизвестный X. K. Z., выбранный Вильямом Гиппербоном. Но кто же был этот X. K. Z.? Жил ли он в Чикаго и знал ли о нем что-нибудь нотариус Торнброк? Приписка гласила, что имя этой таинственной личности станет известно только в случае, если неизвестный выиграет партию. Вот что давало работу умам и вносило новый элемент любопытства в это событие. И раз этот X. K. Z. не мог явиться, чтобы принять участие в переговорах, то привести их к желанному концу не представлялось возможным, даже если бы командор Уррикан и дал свое согласие.

Ничего другого не оставалось, как ждать первого метания игральных костей, результат которого должен был быть объявлен 30 апреля в зале Аудиториума.

С того дня, о котором идет речь, а именно с 25 апреля, до назначенного срока оставалась ровно неделя. Что же касается приготовлений к отъезду, то времени на них с избытком должно было хватить не только командору Урриканy, который отправлялся шестым по счету, но также и четырем другим — Германy Титбюри, Гарри Кембэлу, Тому Краббу и Лисси Вэг, ехавшим значительно раньше его.

— Но, мама, для чего мне, в сущности, бросаться в эту дикую авантюру?

Как это ни странно, но менее всех озабоченным предстоящим путешествием оказался тот, кому по жребию надлежало отправиться в путь первому. Живя в мире фантазий, Макс Реаль, казалось, совсем об этом не думал, и всякий раз, когда миссис Реаль, покинувшая свой родной Квебек и поселившаяся с сыном в доме по улице Холстед-стрит, ему об этом напоминала, он отвечал:

— У меня впереди еще много времени!

— Да нет!.. Совсем не так уж много, дитя мое.

— Но, мама, для чего мне, в сущности, бросаться в эту дикую авантюру?

— Как, Макс, ты не хочешь испытать своего счастья?

— Счастья сделаться большим миллионером?

— Ну, разумеется, — отвечала симпатичная дама, мечтавшая о том, о чем мечтают матери для своих сыновей. — Во всяком случае, подготовляться к путешествию тебе уже пора.

— Завтра, дорогая мама… послезавтра… или, лучше, накануне отъезда.

— Скажи мне, по крайней мере, что ты думаешь с собой взять?

— Мои кисти, ящик с красками, холст… все это в мешок, на спину, как солдат.

— Но имей в виду, что ты можешь быть отослан в самые отдаленные пункты Америки.

— На окраину Соединенных штатов — самое большее, — возражал молодой человек. — Я удовольствовался бы одним чемоданом, чтобы совершить даже кругосветное путешествие.

Другого ответа нельзя было от него добиться, и он возвращался в свою мастерскую. Но миссис Реаль ни за что не хотела позволить ему пропустить такой редкий случай нажить себе состояние.

Что касается Лисси Вэг, то у нее времени на сборы было очень много, так как ей надо было ехать через десять дней после Макса Реаля. Это очень огорчало нетерпеливую Джовиту Фолей.

— Какое несчастье, моя Лисси, — говорила она, — что ты получила только пятый номер!

— Успокойся, моя дорогая, — отвечала молодая девушка. — Этот номер так же хорош, как и все другие. Или, лучше сказать, так же плох.

— Не говори так, Лисси! И никогда не думай так. Это принесет нам несчастье.

— Подождем, Джовита. Взгляни на меня. Неужели ты серьезно думаешь, что ты… выиграешь?

— Я в этом так же твердо уверена, моя дорогая,

как в том, что у меня еще целы все тридцать два зуба.

Вслед за этими словами раздался взрыв неудержимого смеха Лисси, и Джовита Фолей почувствовала сильное желание побить свою подругу.

Нечего говорить о том настроении, в каком находился командор Уррикан. Его жизнь точно остановилась. Он решил покинуть Чикаго через десять минут после того, как игральные кости объявят ему, куда надлежит отправляться. В пути он не остановится ни на один день, ни на час, даже если бы его отослали в самую глубину Иверглейдс, на полуостров, Флорида.

Что же касается четы Титбюри, то она думала только о тех штрафах, которые ей придется платить, если им не повезет, особенно если придется застрять в «тюрьме» штата Миссури или в «колодце» штата Невада. Но кто знает? Может быть, им посчастливится избежать всех этих ужасных мест?

Чтобы с этим покончить, несколько слов о Томе Краббе.

Боксер продолжал обильно питаться шесть раз в день, нимало не заботясь о будущем, и надеялся, что этой хорошей привычке ему не придется изменять в течение всего путешествия. Любитель

хорошо поесть, он, без сомнения, всегда найдет гостиницы, хорошо снабженные провизией, даже в самых скромных местечках. С ним будет Джон Мильнер, который, конечно, не допустит, чтобы у него оказался в чем-нибудь-недостаток. Без сомнения, это будет стоить больших денег, но зато — какая реклама для чемпиона Нового Света! Возможно, если случай будет им благоприятствовать, ему удастся организовать несколько боксерных сеансов, из которых знаменитый сокрушитель челюстей сумеет извлечь для себя и славу и материальную выгоду.

Нужно заметить, что агентства по приему пари открыли отделения в Чикаго и в других городах Союза и назначили специальные ставки на каждого из участников. Но само собой разумеется, что они не могли функционировать, пока партия еще не началась. И если нетерпение публики было очень интенсивно между 1 и 15 апреля — днем, в который было прочитано завещание, — то не меньшее нетерпение царило между 15 и 30 апреля — днем, когда впервые игральные кости должны были быть брошены на карту, составленную Вильямом Гиппербоном. Все те, которые привыкли держать пари на бегах, ждали часа, чтобы поставить на «шестерых», теперь уже

«семерых», то есть на каждого из них или на всех вместе. Что же должно лечь в основу ставок? Тут не могли иметь значения — как это бывает для пари, которые держат на бегах — ни список ранее взятых призов, ни список знаменитых родоначальников участвующих в бегах лошадей, ни те или другие гарантии, представленные тренировщиками. Тут можно было только взвешивать личные качества всех участвующих с точки зрения чисто моральных шансов.

Нужно, однако, признаться, что Макс Реаль вел себя так, что не мог вызвать к себе симпатий держателей пари. Дошло до того, что 29 апреля, за день до того, когда игральные кости должны были зафиксировать его путь, он ничего лучшего не нашел, как уехать из Чикаго! С ящиком красок и кистями за плечами он уехал из города в его окрестности!

Его мать, до крайности взволнованная, не могла сказать, когда он вернется. А если что-нибудь его случайно задержит и он не сможет явиться на следующий день в Чикаго, когда его будут там вызывать? Какое он доставит удовольствие шестому партнеру, который сделается благодаря этому пятым! Таким «пятым» оказался бы Годж Уррикан. Этот неприятный человек уже заранее

радовался при мысли, что его очередь, таким образом, подвинется и у него останется вместо шести всего только пять конкурентов.

Настало 30 апреля, но никто еще не мог сказать, вернулся ли Макс Реаль из своей экскурсии и находится ли среди публики, наполнявшей зал Аудиториума.

В этот день ровно в полдень нотариус Торнброк в присутствии Джорджа Хиггинботама, окруженный-членами Клуба Чудаков, на глазах всех присутствующих в зале твердой рукой потряс коробочкой с игральными костями и выбросил на карту две из них.

— Четыре и четыре! — крикнул он.

— Восемь, — ответили в один голос присутствующие.

Эта цифра соответствовала клетке, назначенной завещателем для штата Канзас.

ГЛАВА VII
ПЕРВЫЙ ОТЪЕЗЖАЮЩИЙ

На следующий день на вокзале города Чикаго царило совершенно исключительное оживление. Чем же оно было вызвано? Очевидно, присутствием среди публики путешественника в костюме туриста с ящиком красок и кистей за спиной. Его сопровождал молодой негр с небольшим саквояжем в руках и сумкой через плечо. Оба они намеревались сесть на поезд, отходящий в восемь часов утра.

Федеральная республика не испытывает недостатка в железнодорожных путях. Ее территория перерезана ими по всем направлениям. Сумма, в которую обходятся Соединенным штатам их железные дороги, превышает пятьдесят пять миллиардов франков в год, обслуживают их семьсот пятьдесят тысяч человек. В одном только Чикаго ежедневно насчитывается до трехсот тысяч пассажиров и до десяти тысяч тонн газет и писем, которые перевозят железнодорожные вагоны.

Из этого можно заключить, что куда бы, по капризу игральных костей, ни были перекину-

ты семь участников партии, ни одному из них не грозило запоздать хотя бы на. один день к месту назначения. К этому громадному числу железнодорожных ветвей нужно еще прибавить пароходы, как морские, так и речные и озерные. Говоря о Чикаго, можно сказать, что если туда легко приехать, то так же легко оттуда и уехать.

Макс Реаль, вернувшийся накануне из своей экскурсии, находился в толпе, наполнявшей зал Аудиториума в тот момент, когда «четыре и четыре» было произнесено нотариусом Торнброком.

Никто не знал, что он в зале, так как о его возвращении еще никому не было известно. Поэтому, когда было произнесено его имя, в зале наступило минутное молчание, нарушенное громовым голосом командора Уррикана, прокричавшего с того места, где он сидел:

— Его нет!

— Он здесь! — раздалось в ответ, и Макс Реаль, приветствуемый аплодисментами, поднялся на эстраду.

— Готовы ехать? — спросил председатель Клуба Чудаков, подходя к художнику.

— Готов ехать… и выигрывать! — ответил, улыбаясь, молодой художник.

Командор Годж Уррикан в эту минуту был

похож на людоеда из Папуасии, готового проглотить живьем своего соперника.

Что касается милейшего Гарри Кембэла, то, подойдя к Максу Реалю, он проговорил самым приветливым тоном:

— Счастливого пути, товарищ по путешествию!

— Счастливого пути также вам, когда настанет ваш день запирать чемодан, — ответил художник, и они обменялись дружеским рукопожатием.

Ни Годж Уррикан, ни Том Крабб, первый — от кипевшего в нем бешенства, второй — как всегда, пребывавший в полудремотном состоянии, не сочли нужным присоединить к пожеланиям журналиста свои. Что касается четы Титбюри, то она лелеяла в душе только одно желание: чтобы все самые неприятные случайности, могущие произойти в этой игре, обрушились на голову первого отъезжающего, чтобы он застрял в глубине «колодца» штата Невада или очутился в «тюрьме» штата Миссури и оставался там до конца своих дней.

Проходя мимо Лисси Вэг, Макс Реаль почтительно ей поклонился.

— Разрешите мне пожелать вам успеха, мисс

Вэг, — сказал он.

— Но ведь это против ваших собственных интересов, мистер Реаль! — ответила молодая девушка, немного удивленная.

— Это безразлично. Будьте только уверены в искренности моих вам пожеланий.

— Благодарю вас, — проговорила Лисси Вэг, а присутствовавшая при разговоре Джовита Фолей шепнула на ухо своей подруге:

— У него безусловно очень интересная внешность, у этого Макса Реаля! И он, верно, станет еще лучше, если, согласно пожеланию, позволит тебе прибыть к цели путешествия первой!

По окончании процедуры зал Аудиториума опустел, и весть о результате первого метания игральных костей не замедлила распространиться по всему городу.

«Матч Гиппербона», как любили выражаться жители Чикаго, должен был скоро начаться.

Вечером этого дня Макс Реаль закончил все свои приготовления к отъезду, в сущности очень несложные, и на следующее утро простился с матерью, крепко ее обняв и обещав писать как можно чаще. Потом он покинул дом № 3997 на Холстед-стрит и в сопровождении верного Томми отправился пешком на вокзал, куда пришел за

десять минут до отхода поезда. Макс Реаль был прекрасно осведомлен о несметном количестве железнодорожных путей, окружавших Чикаго, и ему нужно было только выбрать один из двух или трех поездов, направляющихся з Канзас. Этот штат не граничит непосредственно со штатом Иллинойс, но отделяется от него одним только штатом Миссури. Вот почему путешествие, которое судьба приготовила молодому художнику, не превышало пятисот пятидесяти или шестисот миль, в зависимости от того пути, который он решит избрать.

«Я не знаю Канзаса, — сказал он себе, — и это прекрасный для меня случай узнать «американскую пустыню», как называли когда-то этот штат. К тому же среди местных фермеров насчитывают немало канадских французов, и я буду чувствовать себя там, как в своей семье. Мне ведь не запрещается избрать любую дорогу, лишь бы только во-время прибыть к намеченному пункту».

Да, это не было запрещено. Таково было и мнение нотариуса Торнброка, когда его об этом спросили. В записке, составленной Вильямом Гиппербоном, говорилось, что Макс Реаль должен отправиться в Форт Рилей в Канзасе, и он мог

явиться туда даже только на пятнадцатый день по выезде из Чикаго и все же во-время получить там телеграмму, извещающую его о числе очков, выпавших на его долю при втором метании игральных костей, втором для него и восьмом с начала партии. В общем, из всех пятидесяти штатов, расположенных на карте в известном нам уже порядке, было только три, которые обязывали играющего явиться в самый короткий промежуток времени к назначенному пункту. Там он мог надеяться, что его при следующем же метании игральных костей заменит другой игрок: Луизиана, или девятнадцатая клетка, в которой помещается «гостиница»; штат Невада, или тридцатая клетка, в которой находится «колодец»; штат Миссури, или соответствующая ему пятьдесят вторая клетка, в которой расположена «тюрьма».

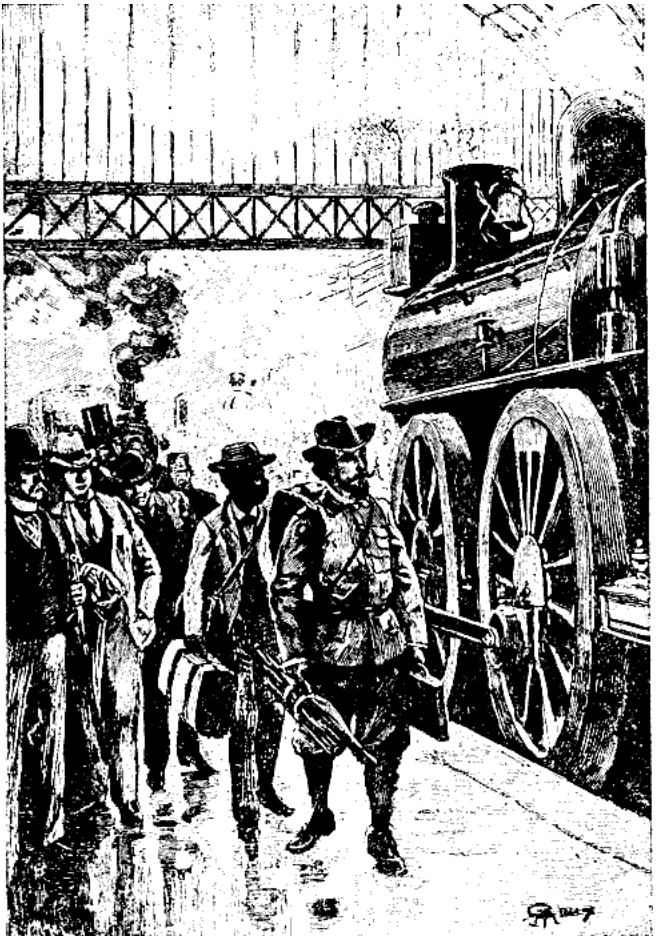
И если Макс Реаль предпочитал достигнуть назначенного ему пункта, избрав для этого «дорогу школьников», как выражаются французы, то это было его дело, и никто не мог ему в этом препятствовать. Но нельзя было, конечно, ждать, чтобы такой сумасшедший, как командор Уррикан, или такой скупой, как Герман Титбюрн, захотели бы испытывать свое терпение и тратить свои

деньги на остановки в пути. Они помчались бы на всех парах, с головокружительной быстротой, совершенно не желая «Iransire vldendo»[21]. Вот маршрут, избранный Максом Реалем: вместо того чтобы самым коротким путем направиться в Канзас, пересекая с востока на запад штаты Иллинойс и Миссури, он использует Грэнд-Трэнк, железнодорожную ветвь, которая тянется на протяжении трех тысяч семисот восьмидесяти шести миль от Нью-Йорка в Сан-Франциско, «от океана к океану», как говорят в Америке. Сделав около пятисот миль по железной дороге, он достигнет Омахи на границе штата Небраска и оттуда на одном из пароходов, которые идут вниз по Миссури, доедет до столицы Канзас-Сити, откуда в качестве туриста-художника явится в назначенный день в Форт Рилей.

Когда Макс Реаль явился на перрон вокзала, там собралось уже много любопытных. Дело в том, что, прежде чем рисковать большими суммами денег, держа пари за того или другого из играющих, любители таких пари желали собственными глазами увидеть того из этих играющих, кто в первую очередь должен был

[21] Примечания: 21
Transire videndo — быть на виду.

отправиться в путь. Хотя «ставки», основанные на тех или других более или менее невероятных предположениях, не были еще твердо установлены, всем все же хотелось взглянуть на молодого художника в момент его отъезда. Внушит ли доверие его вид? Было ли какое-нибудь основание думать, что судьба ему улыбнется? Ведь всегда можно было бояться, что он не избежит пунктов, где ему придется платить штрафы, что повлечет остановку в пути.

Когда Макс Реаль явился па перрон вокзала, там собралось уже много любопытных.

Нужно сознаться, что Макс Реаль с первого же момента не расположил к себе своих сограждан уже тем, что вез с собой все атрибуты своей профессии. Каждый янки, будучи весьма практичным, считал, что дело вовсе не в том, чтобы осматривать ту или другую местность, писать картины, но в том, чтобы путешествовать не как артист, а как один из участников партии. Придуманная Вильямом Гипперболом, она вызвала к себе общенациональный интерес. Эта партия стоила того, чтобы к ней относиться вполне серьезно.

Если ни один из семи не вложит в эту партию весь тот пыл, на который он способен, то это будет страшным пренебрежением по отношению к громадному большинству граждан свободной Америки. Вот почему среди всей этой разочарованной публики, собравшейся на вокзале, не нашлось никого, кто решился бы сесть в поезд, чтобы составить компанию Максу Реалю хотя бы до первой остановки. Кроме художника, все вагоны были полны только пассажирами, уезжавшими из Чикаго по своим личным, торговым

или промышленным делам.

Вот почему Макс Реаль мог прекрасно устроиться на одной из скамеек вагона и Томми рядом с ним, так как уже миновало время, когда белые не потерпели бы в своем вагоне присутствия цветнокожего пассажира.

Раздался наконец свисток, поезд дрогнул, и мощный паровоз с пронзительным ревом выбросил из своей широкой пасти целый сноп огненных искр и пара.

Среди публики, оставшейся на перроне, виднелась фигура командора Уррикана, бросавшего вслед первому отъезжающему взгляды, полные угроз.

Погода не благоприятствовала, путешествие начиналось плохо. Не надо забывать, что в Америке на этой долготе, хотя это та же параллель, что проходит и через северную Испанию, зима еще не кончается в апреле. На всем протяжении этой обширной территории, где совершенно отсутствуют горы, в этот период зимние холода еще продолжаются и атмосферные течения, устремляясь сюда из полярных районов, бушуют во-всю. Холод начинал понемногу сдавать под первыми лучами майского солнца, но сильные бури продолжали еще временами свирепство-

вать. Низкие Тучи, приносившие сильные ливни, закрывали собой горизонт — досадное обстоятельство для художника, ищущего залитых солнцем пейзажей! И тем не менее всего лучше было путешествовать по штатам Союза именно в эти первые дни весеннего сезона, так как позже жара здесь становится уже нестерпимой. К тому же можно было надеяться, что плохая погода не продлится долго: некоторые признаки уже указывали на ее скорое улучшение.

Теперь — несколько слов о молодом негре, который в течение двух лет находился в услужении у Макса Реаля и вместе с ним отправлялся в это путешествие, обещавшее, повидимому, множество всяких сюрпризов.

Как уже говорилось раньше, это был семнадцатилетний юноша, рожденный свободным гражданином. Освобождение рабов произошло ведь во время войны Северных штатов с Южными[22], закончившейся лет тридцать до этой истории, к большой чести американцев и всего

[22] Примечания: 22

Война Севера и Юга — гражданская война 1861–1865 годов в Северной Америке. Фермеры и рабочие Севера боролись с рабовладельцами Юга за уничтожение рабства, за право свободного заселения и освоения свободных южных земель. Война окончилась 26 мая 1865 года победой Севера. Рабство было официально уничтожено. Негры были освобождены без выкупа, но и без земли.

человечества. Родители Томми, жившие в эпоху рабства, были уроженцами штата Канзас, в котором борьба между аболиционистами[23] и плантаторами штата Виргиния была особенно напряженной. Тем не менее они не подверглись чересчур тяжелой участи, — обстоятельство, которое здесь необходимо отметить, — и жить им было легче, чем большинству их сограждан. Имея над собой в качестве полновластного хозяина человека справедливого и доброго, они смотрели на себя как на членов его семьи. А потому, когда вошел в силу билль об уничтожении рабства, они не захотели уходить от хозяина, точно так же как и он не подумал-, с ними расставаться. Томми после смерти своих родителей и их хозяина — играло ли тут роль влияние атавизма или воспоминание о счастливых днях детства? — почувствовал себя в большом затруднении, очутившись лицом к лицу с житейскими нуждами. Возможно, что его молодой ум не отдал себе еще отчета в тех преимуществах, которые принес ему этот акт освобождения, когда он узнал, что должен

[23] Примечания: 23

Аболиционисты — сторонники отмены рабовладения. Общество аболиционистов основано было в 1775 году в Филадельфии Франклином. Движение аболиционизма было вызвано интересами буржуазии Северных штатов, стремившейся к расширению внутреннего рынка и нуждавшейся в вольнонаемных рабочих.

рассчитывать только на свои собственные силы, чтобы выбраться из жизненных тисков. И не были ли более многочисленны, чем это принято думать, эти бедные люди, которые сожалеют, продолжая оставаться все еще детьми, о том, что они из слуг-рабов превратились в свободных людей, в слуг вольнонаемных?

К счастью, Томми удалось поступить по рекомендации к Максу Реалю. Будучи от природы довольно развитым, искренним, хорошего поведения, готовый любить каждого, кто проявил бы к нему какое-нибудь участие, он скоро привязался к молодому художнику, работа у которого давала ему обеспеченное существование.

Единственно, что его огорчало — и он этого не скрывал, — была невозможность принадлежать своему хозяину всецело, быть полной его собственностью. И часто Томми об этом говорил.

— Но зачем это тебе нужно? — спрашивал его Макс Реаль.

— Затем, что если бы вы были моим настоящим хозяином, если бы вы меня купили, то я был бы совсем уже вашим.

— А что бы ты этим выиграл, мой мальчик?

— Выиграл бы то, что вы не могли бы меня тогда прогнать, как это делают со слугами, которыми

недовольны.

— Но, Томми, кто же думает о том, чтобы тебя прогонять? К тому же, если бы ты был моим рабом, я мог бы тебя всегда продать.

— Все равно, это очень большая разница. Так было бы гораздо вернее.

— Ничего подобного, Томми!

— Да, да… И потом… я не мог бы самовольно уйти от вас.

— Успокойся в таком случае: если я буду доволен твоими услугами, то возможно, что в один прекрасный день я тебя куплю.

— Но у кого, раз я ровно никому не принадлежу?

— У. тебя… У тебя самого… когда я разбогатею… и за такую дорогую цену, какую ты только назначишь!

Томми одобрительно кивал, глаза его блестели, он улыбался, открывая два ряда сверкающих белоснежных зубов. Бедный малый чувствовал себя счастливым при мысли, что в один прекрасный день он сможет продаться своему хозяину, которого полюбил за это обещание еще больше.

Излишне говорить, как он был доволен возможностью сопровождать художника в его путешествии по Соединенным штатам. Ему было

бы грустно, что тот уезжает неизвестно куда, в полном одиночестве, даже если бы речь шла о самой кратковременной разлуке. А кто мог сказать, как долго продлится эта партия, начатая при столь странных условиях? Возможно, что тот, кому было суждено ее выиграть, употребит много недель, а может быть, даже много месяцев на то, чтобы достигнуть шестьдесят третьей клетки.

Как бы то ни было, суждено ли было этому путешествию закончиться скоро или затянуться еще надолго, Макс Реаль чувствовал себя очень омраченным в этот первый день, глядя в забрызганные грязью и дождевыми каплями стекла вагонного окна. Приходилось покоряться необходимости и проезжать через страну, не видя ее. Все терялось в сероватых тонах, так нелюбимых художниками, — небо, поля, города, местечки, дома, вокзалы. Окрестности Иллинойса только очень смутно виднелись в дымке тумана. Чуть вырисовывались высокие трубы мукомольного завода города Нэйпирсвилла и крыши часовых заводов Ороры. Никаких признаков городов Освиго, Йорквилла, Сэндвича, Мендозы, Принстона и Род-Айленда с его изумительным мостом, переброшенным через Миссисипи, быстрые воды которой окружают остров Рок, никаких призна-

ков всех этих владений штата, превращенных в арсенал, где сотни пушек выглядывают из-за зеленых деревьев и цветущих кустарников.

Макс Реаль был разочарован. Если он не будет ничего видеть, кроме бури, дождя и тумана, то его зрение художника мало чем обогатится. Лучше уж было бы спать весь этот день, что Томми добросовестно и проделывал.

К вечеру дождь перестал. Облака поднялись в более высокие зоны, и солнце садилось, окутанное золотистой парчой далекого горизонта. Это было большим праздником для глаз артиста. Но почти непосредственно вслед за тем сумрак наступившего вечера окутал всю пограничную полосу, отделяющую штат Айова от штата Иллинойс, и переезд через эту территорию не доставил Максу Реалю никакого наслаждения. Вскоре, несмотря на то что ночь была светлая, он закрыл глаза и раскрыл их лишь на рассвете.

И возможно, что он был прав, сожалея, что не сошел с поезда накануне в Род-Айленде.

«Да, я сделал глупость, большую глупость, — сказал он себе проснувшись. — Времени у меня совершенно достаточно: чтобы доехать до назначенного пункта, требуется меньше восьмидесяти часов… День, который я оставил для Омахи, я

должен был бы проввсти в Род-Айленде… Для того чтобы попасть оттуда в Дэвенпорт, расположенный на берегу Миссисипи, нужно только пересечь реку, и я мог бы наконец увидеть этого знаменитого «родоначальника вод», по которому мне предстоит, быть может, проехать от верховьев до устья, если только судьба заставит меня кататься по центральным территориям Союза».

Но было уже поздно предаваться всем этим соображениям.

Поезд мчался на всех парах по равнинам штата Айова. Макс Реаль не мог хорошенько разглядеть ни Айова-Сити, лежащего в одноименной долине, в течение шестнадцати лет бывшего столицей этого штата, ни Де-Мойна, его теперешней столицы, старинной крепости, построенной при слиянии реки того же имени с рекой Раккуи. В Де-Мойне насчитывается пятьдесят тысяч жителей, и он окружен целой сетью железнодорожных линий.

Солнце появилось на небе в тот момент, когда поезд остановился в Каунсид-Блафсе, пограничном городе штата, всего в трех милях от Омахи, важного города штата Небраска, природную границу которого составляет река Миссури.

Там в давние времена возвышалась Скала Со-

вета, куда собирались представители индейских племен Дальнего Запада, и оттуда начинали свой путь различные экспедиции, преследовавшие коммерческие или завоевательные цели; там знакомили участников экспедиций с мало известными до тех пор районами, изрезанными отрогами цепи Скалистых гор и гор Новой Мексики.

Но Макс Реаль больше не упустит возможности использовать эту первую станцию Центральной Тихоокеанской железной дороги, подобно тому как он упустил другие за вчерашний день!

— Вставай! Идем! — сказал он своему спутнику.

— Но разве мы уже приехали? — спросил Томми, открывая глаза.

— Очевидно, куда-то приехали, раз мы где-то уже находимся.

После такого весьма положительного ответа оба они — один с мешком за спиной, другой с чемоданом в руках — спрыгнули на перрон вокзала.

Первый пароход должен был отчалить от набережной Омахи в десять часов утра, а было еще только шесть, и у них оставалось достаточно времени для того, чтобы побывать в Каунсил-Блафсе,

на левом берегу Миссури, куда они и отправились после наскоро съеденного первого завтрака. Будущий хозяин и его будущий невольник быстро шли по дороге, тянувшейся между двумя железнодорожными путями, заканчивающимися двумя мостами, переброшенными через реку и образовавшими, таким образом, двойной путь сообщения с важнейшим городом штата Небраска.

Небо прояснялось, и через разорвавшиеся тучи, которые ветер гнал над равниной, солнце бросало снопы утренних лучей. Какое удовольствие после двадцати четырех часов, проведенных в железнодорожном вагоне, итти по дороге легкими и быстрыми шагами!

Правда, Макс Реаль не мог даже подумать о том, чтобы зарисовать на ходу какой-нибудь ландшафт: перед его глазами расстилались одни только длинные бесплодные берега, мало привлекательные для кисти художника. Вот почему он решил итти прямо по направлению к Миссури, этому притоку Миссисипи, который назывался когда-то Мизе-Сури Пети-Кануи, что по-индейски значит «Тинистая река». В этом месте Миссури находится в трех тысячах милях от своего истока.

Максу Реалю пришла в голову мысль, которая, наверно, не пришла бы ни командору Уррикану,

ни тренировщику Тома Крабба, ни даже Гарри Кембэлу, мысль — стараться, насколько это будет в его силах, оградить себя от любопытства публики. Уезжая из Чикаго, он не сообщил своего маршрута. А между тем город Омаха интересовался не менее других городов этой партией в благородную игру Соединенных штатов, и если бы его жители знали, что первый из отъезжающих партнеров был теперь их гостем, то они оказали бы ему все те почести, которые полагалось оказывать такому важному лицу.

Омаха представляет собой очень значительный город, в котором насчитывается вместе с его южным предместьем не менее ста пятидесяти тысяч жителей. Промышленный подъем, или «бум», правильно названный Элизе Реклю «периодом реклам, спекуляций, ажиотажа и в то же время напряженнейшего труда», вывел в 1854 году город Омаху, подобно многим другим городам, из прежнего его состояния полной заброшенности, снабдив его всеми продуктами промышленности и цивилизации. Будучи азартными игроками по самой своей природе, разве могли бы жители этого города противостоять потребности держать пари за того или другого из партнеров этой партии, которым, по воле слепого рока, предстояло

путешествовать по всей территории Союза? И вот теперь один из них не соблаговолил сообщить о своем присутствии… Очевидно, этот Макс Реаль не желал привлечь к себе симпатии сограждан! Он ограничился тем, что зашел пообедать в самую скромную гостиницу, где не сказал своего имени. Впрочем, не было ничего невозможного в том, что судьба еще не один раз пришлет его в штат Небраска или, во всяком случае, в один из тех штатов, которые обслуживает в направлении на запад Великий Тихоокеанский путь.

Как, раз в Омахе начинается длинная железнодорожная линия, называемая Тихоокеанской дорогой, которая тянется между Омахой и Огденом, а также Южной Тихоокеанской дорогой, соединяющей Огден с Сан-Франциско. Что касается тех путей, которые соединяют Омаху с Нью-Йорком, то их так много, что путешественникам остается только выбирать.

Продолжая соблюдать инкогнито, Макс Реаль миновал главные кварталы этого города, напоминающие собой, так же как и кварталы соседнего с ним города Каунсил-Блафса, шахматную доску. Было десять часов Утра, когда Макс Реаль в сопровождении Томми прошел через северную часть города к берегу Миссури и спустился вниз

по набережной к пароходной пристани.

Пароход Дин Ричмонд был уже готов к отплытию. Его котлы хрипели, как хрипит пьяница, и его балансир[24] ждал только приказания тронуться в путь, чтобы притти в движение над спардеком[25]. В конце дня Дин Ричмонд, проплыв сто пятьдесят миль, должен был причалить в Канзас-Сити.

Макс Реаль и Томми устроились в верхней крытой галлерее задней части парохода.

О, если бы пассажиры знали, что среди них находится один из участников знаменитой партии и плывет вместе с ними по миссурийским водам до города Канзаса, как восторженно они его приветствовали бы! Но Макс Реаль продолжал хранить самое строгое инкогнито, и Томми никогда не позволил бы себе его выдать.

Было десять минут одиннадцатого, когда пароход снялся с якоря. Мощные лопасти его колес пришли в движение, и он поплыл вниз по течению, усеянному кусочками пемзы, добываемой

---

[24] Примечания: 24

Балансир — качающееся коромысло паровой машины.

[25] Примечания: 25

Спардек — верхняя палуба обычно у трехпалубных судов, теперь уже выходящих из употребления. Часто спардеком называют палубу средней надстройки первого яруса.

из источников в ущельях Скалистых гор.

Берега Миссури на территории штата Канзас, ровные и покрытые зеленой растительностью, не имеют того живописного характера, который им придают в верхнем течении этой реки гранитные отроги горной цепи. Здесь желтые воды Миссури не встречают на своем пути препятствий в виде всякого рода искусственных заграждений, больших водопадов и страшных водоворотов. Но благодаря многочисленным притокам, текущим из самых отдаленных районов Канады, эти воды здесь очень полны и глубоки. Главный из этих притоков известен под именем Йеллоустон-Ривер.

Дин Ричмонд быстро плыл среди целой флотилии пароходов и парусных лодок, которые пользуются нижним течением этой реки, так как ее верхнее непригодно для навигации, зимой — из-за массы льдов, а летом — из-за многочисленных мелей, появляющихся в результате длительных и сильных засух.

Вскоре они доплыли до Плат-Сити, города, названного так в честь реки, на которой он стоит. Эта река носит еще другое название: Небраска, но первое — Плат (плоская) — ей больше подходит, так как она течет здесь среди густо заросших тра-

вой берегов, открытых и плоских, отчего русло ее очень неглубоко. На расстоянии двадцати пяти миль от Плат-Сити пароход причалил к пристани города Небраски, который по справедливости может быть назван портом Линкольна, столицы штата, несмотря на то что этот город лежит лье на двадцать западнее реки.

После полудня Макс Реаль мог сделать несколько эскизов, проезжая Этчинсон, а также зарисовать восхитительную местность, находящуюся поблизости Ли-венуэрта, там, где через Миссури перекинут один из самых красивых ее мостов. В этом пункте в 1827 году была выстроена крепость с целью защищать страну от нашествия индейских племен.

Было около полуночи, когда молодой художник и Томми вышли на пристани в Канзас-Сити. В их распоряжении оставалось двенадцать дней для того, чтобы достигнуть Форта Рилей, пункта, намеченного в этом штате Вильямом Гипперболом.

Макс Реаль выбрал довольно представительную с виду гостиницу, в которой великолепно проспал всю ночь после двадцатичетырехчасового пребывания в вагоне и четырнадцатичасового — ка пароходе.

Следующий день был посвящен осмотру города, или, вернее, двух городов, так как на правом берегу реки Миссури, образующей в этом месте затянутую петлю, находятся два Канзаса, разделенные один от другого рекой; один из них принадлежит штату Канзас, а другой — штату Миссури. Второй играет более важную роль, в нем сто тридцать тысяч жителей, тогда как в первом всего только тридцать восемь тысяч. Разумеется, если бы они находились в одном штате, то составили бы один общий город.

Но Макс Реаль не имел ни малейшего желания оставаться более суток ни в одном из этих двух Кан-засов. Они были так похожи один на другой, как две шахматные доски, и достаточно было видеть один, чтобы составить себе полное представление о другом. Вот почему утром 4 мая он отправился в дальнейший путь, который должен был привести его в Форт Рилей, решив на этот раз путешествовать исключительно как художник. Разумеется, он опять воспользовался железной дорогой, твердо решив выходить на всех станциях, которые ему понравятся, в поисках за интересными пейзажами.

Эта дорога не походила более на «американскую пустыню» прежних времен. Обширная

равнина постепенно поднимается по направлению к западу и на границе штата Колорадо достигает высоты пятисот туазов[26]. Ее волнообразную поверхность пересекают широкие, покрытые лесом долины, отделенные одна от другой степями, теряющимися в далекой линии горизонта, теми степями, по которым за сто лет до того двигались индейские племена: канзас, нэ-персэ, отеас и другие, известные под общим именем краснокожих.

Но что в корне изменило внешний вид страны, так это исчезновение сосновых и кипарисовых рощ, которые заменили миллионы фруктовых деревьев и многочисленные парники, где выращиваются ягоды и виноград. Громадные пространства, занятые культурой сорго, играющего теперь важную роль на сахарных заводах, чередуются с полями ячменя, пшеницы, гречихи, овса и ржи, которые делают из Канзаса одну из самых богатых территорий Союза.

Что касается цветов, то они были здесь в изобилии и каких разнообразных сортов! По берегам реки Канзаса встречается особенно много видов белой полыни с пушистыми листьями, причем

---

[26] Примечания: 26
Туаз (toise) — французская мера длины, около двух метров.

некоторые травоподобные, другие кустарникообразные, издающие запах скипидара.

Таким образом, переходя от одной станции к другой, удаляясь на четыре или пять миль в глубь страны, останавливаясь то там, то тут, чтобы нарисовать несколько полотен, Макс Реаль употребил целую неделе на то, чтобы добраться до Топики, куда он и прибыл после полудня 13 мая.

Топика — столица Канзаса. Своим названием она обязана зарослям дикого картофеля, которым покрыты все склоны долины. Город расположен на южном берегу реки, а его предместье — на противоположном.

Полдня ушло на отдых, необходимый как самому Максу Реалю, так и молодому негру, а следующее утро было посвящено осмотру столицы. Тридцать две тысячи жителей ее не имели никакого понятия о том, что среди них находится один из участников знаменитой партии, имя которого встречалось постоянно во всех газетах. Все знали, что он должен проехать через этот город, для того чтобы добраться до Форта Рилей, и никому не приходило в голову, что он мог избрать для этого какой-нибудь другой путь, не воспользовавшись самым кратчайшим — железнодорожной линией, которая идет по берегу реки. Но население

налрасно его ждало: Макс Реаль на рассвете 14 мая выехал из города, сохранив до конца свое строгое инкогнито.

Форт Рилей, лежащий на слиянии двух рек, Смоки-Хилл и Рипабликен, был теперь всего в каких-нибудь шестидесяти милях. Макс Реаль мог приехать туда в тот же вечер или же наутро следующего дня, если бы ему не пришла фантазия снова побродить по окрестностям. Он так и сделал, выйдя из вагона на станции Манхаттан. В результате он едва не закончил свое путешествие в самом его начале и не потерял права продолжать партию!

Но что поделаешь! Художник не желал больше считаться с «шахматной доской», в которую судьба превратила этот район.

Вскоре после полудня Макс Реаль и Томми вышли из вагона на предпоследней станции, находившейся в трех или четырех милях от Форта Рилей, и направились к левому берегу реки Канзаса. Полдня было более чем достаточно, чтобы пройти это расстояние, и они были вполне уверены, что придут во-время в назначенный пункт.

Макс Реаль не мог отказать себе в удовольствии сделать остановку на берегу реки, так пленил его очаровательный пейзаж, внезапно открывшийся

его взорам.

В загибе реки, где свет капризно переплетался с тенью, росло одно из уцелевших деревьев прежней кипарисовой рощи. Его длинные пышные ветви простирались далеко над водой. Внизу виднелись развалины нескольких хижин из необожженного кирпича, а за ними красиво раскинулась обширная долина, пестреющая цветами, среди которых было очень много горевших золотом подсолнечников. За рекой. зеленели деревья, и их густую листву местами прорезывали яркие солнечные лучи. Общий вид не оставлял желать ничего лучшего.

«Какое прелестное место! — мысленно сказал Макс Реаль. — В какие-нибудь два часа я, наверное, успею покончить с этим эскизом».

А между тем, как вы сейчас увидите, с ним самим едва не было здесь «покончено».

Молодой художник уселся на берегу, держа перёд собой натянутый на крышку ящика с красками холст. Он работал минут сорок, ничем не развлекаясь, когда внезапно какой-то отдаленный шум, quadrupedante sonitu[27] Вергилия, раздался где-то в западном направлении. Каза-

[27] Примечания: 27

Quadrupedante sonitu (лат.) — цитата из поэмы римского поэта I века н. э. Вергилия, буквально; топот четвероногого.

лось, что по равнине на левом берегу реки несется несметный табун лошадей.

Этот все увеличивающийся шум разбудил Томми, который сладко дремал, лежа под деревом.

Его хозяин не поворачивал головы, углубленный в свою работу, и ничего, видимо, не слышал. Томми встал и пошел к крутому берегу, чтобы окинуть взглядом окрестность.

Шум все время усиливался, и далеко на горизонте поднимались целые облака пыли, гонимые ветром.

Быстрыми шагами Томми вернулся обратно, не на шутку напуганный.

— Хозяин! — вскричал он.

Но художник был так углублен в свою работу, что ничего ему не ответил.

— Хозяин! — повторил Томми таким же испуганным голосом, кладя руку ему на плечо.

— Да что с тобой, Томми? Что случилось? — спросил Макс Реаль, продолжая озабоченно смешивать краски кончиком кисти.

— Хозяин… Но разве вы и сейчас ничего не слышите? — вскричал Томми.

Нужно было быть глухим, чтобы не услышать в эту минуту все приближающегося гула.

Макс Реаль вскочил и, положив палитру на

траву, побежал к самому берегу реки. На расстоянии всего каких-нибудь пятисот шагов мчалось что-то колоссальное, подымая целые тучи пыли, какая-то лавина, катившаяся по равнине и издававшая ужасающие звуки — дикий топот и ржанье. Еще несколько минут, и эта лавина докатится до самого берега реки!

Спасаться бегством можно было, только повернув на север, и, схватив все принадлежности рисования, Макс Реаль, сопровождаемый, или, правильнее, предшествуемый, Томми, кинулся бежать со всех ног в этом направлении.

Страшная лавина, приближавшаяся с такой быстротой, состояла из нескольких тысяч лошадей и мулов, которых этот штат развел когда-то в лесных заповедниках на берегу Миссури. Но с тех пор как вошли в моду автомобили и велосипеды, эти «четвероногие моторы», как их здесь называют, предоставленные самим себе, блуждают на свободе, перекочевывая из одного конца штата в другой. На этот раз, видимо чем-то страшно перепуганные, они галопировали уже в течение нескольких часов. Никакие препятствия не могли их остановить. Хлебные поля, опытные станции — все было ими растоптано и разрушено, и если река не явится для них непреодолимой

преградой, то где остановятся они в своей бешеной скачке?

Макс Реаль и Томми бежали теперь уже из последних сил и скоро очутились бы, без сомнения, под ногами этой грозной орды, близость которой они теперь ясно ощущали, если бы им не удалось в мгновение вскарабкаться на нижние ветви орешника. Это было единственное дерево, возвышавшееся на всем пространстве этой равнины.

Было уже пять часов вечера.

Вскарабкавшись на дерево, они почувствовали себя в безопасности, и, когда последние ряды страшного табуна исчезли за поворотом реки:

— Скорей, скорей! — крикнул Макс Реаль.

Томми не очень-то спешил покинуть ветку орешника, на которой удобно уселся верхом.

— Скорей же, говорю тебе, так как иначе я потеряю шестьдесят миллионов долларов и не смогу сделать из тебя жалкого невольника!

Макс Реаль шутил, так как не было никакого риска не успеть во-время явиться в Форт Рилей. Но все же, вместо того чтобы итти к Станции, которая была теперь от них чересчур далеко и где могло не быть в эту минуту отходившего в Форт Рилей поезда, художник решил продолжать путь пешком и быстро зашагал по равнине в

направлении к далеким огонькам, сверкавшим на горизонте.

Так закончилась последняя часть их путешествия, и на городской башне не пробило еще шести часов, когда Макс Реаль и Томми входили в Джексон-Отель.

Итак, первый из избранных уже находился в том пункте, который Вильям Гиппербон выбрал в восьмой клетке. Но почему он выбрал именно этот пункт? Вероятно потому, что если штат Миссури, находящийся в географическом центре Союза, мог быть назван центральным штатом, то штат Канзас, в свою очередь, оправдывал это название, так как занимал его геометрический центр, и Форт Рилей помещался, таким образом, в самом сердце штата.

Макс Реаль благополучно прибыл в Форт Рилей и на другое утро, выйдя из Джексон-Отеля, где он провел ночь, отправился в почтовое бюро — узнать, не было ли ему телеграммы.

— Ваше имя? — спросил его почтовый чиновник.

— Макс Реаль.

— Макс Реаль?.. Из Чикаго?..

— Именно.

— Один из участников знаменитой партии

благородной игры Американских Соединенных штатов?

— Он самый.

Сохранить дольше свое инкогнито на этот раз было невозможно. Известие о пребывании Макса Реаля в городе не замедлило распространиться среди его жителей, и художник вернулся в отель, сопровождаемый громкими «ура», которые его порядком сердили. Сюда, в этот отель, должны были ему принести телеграмму, которая известит его о втором метании брошенных для него игральных костей и пошлет его… куда? Туда, куда заблагорассудится капризной и непостижимой судьбе.

ГЛАВА VIII
ТОМ КРАББ, ТРЕНИРУЕМЫЙ ДЖОНОМ МИЛЬНЕРОМ

Одиннадцать очков, составленных из пяти и шести, — это, в общем, не такой уж плохой удар, раз игроку не удалось получить девяти очков, составленных из шести и трех или из пяти и четырех, которые могли бы отправить его в двадцать шестую или пятьдесят третью клетку.

Было, конечно, не совсем приятно, что указанный числом одиннадцать штат находился очень далеко от Иллинойса. Это обстоятельство не могло не вызвать некоторого недовольства если не Тома Крабба, то, во всяком случае, его тренера Джона Мильнера.

Судьба посылала их в Техас, самый обширный из всех штатов Союза, площадь которого больше площади всей Франции. Этот штат, находящийся на юго-западе Конфедерации, соприкасается с Мексикой, от которой он был отделен лишь в 1835 году, после жаркой битвы, выигранной генералом Густавом у генерала Санта-Анна.

Том Крабб мог попасть в Техас двумя путями. Покинув Чикаго, он мог или направиться в Сент-

Луис и, сев там на пароход, доехать по Миссисипи до Нового Орлеана, или же сделать этот переезд по железной дороге, которая идет в главный город штата Луизиана, пересекая для этого штаты Иллинойс, Теннесси и Миссисипи. Оттуда можно выбрать одну из дорог, ведущих в Остин, столицу Техаса, — пункт, указанный в завещании Вильяма Гиппербона. Причем ехать можно было по железной дороге или же на одном из тех пароходов, которые совершают рейсы между Новым Орлеаном и Галвестоном.

Джон Мильнер предпочел воспользоваться железной дорогой, для того чтобы перевезти Тома Крабба в Луизиану. В его распоряжении не было столько свободного времени, сколько было у Макса Реаля, и он не мог позволить себе тратить его зря, так как к 16-му, не позже, он был обязан доехать до цели своего путешествия.

— Итак, когда же вы отправляетесь в путь? — спросил его репортер газеты Фрейе Прессе, узнав о результате тиража, имевшего место 3 мая в зале Аудиториума.

— Сегодня вечером.

— А багаж ваш готов?

— Мой багаж — это Крабб, — ответил Джон Мильнер. — Он совершенно полон, закрыт и

завязан. Мне остается только доставить его на вокзал.

— А что он по этому поводу говорит?

— Ровно ничего. Как только он покончит со своей шестой едой, мы вместе отправимся к поезду, и я с удовольствием отдал бы его в багажное отделение, если бы не боялся, что его вес превзойдет положенный.

— У меня, между прочим, предчувствие, что Тома Крабба ждет удача.

— И у меня тоже, — объявил Джон Мильнер.

— Счастливого пути!

— Благодарю вас.

Тренер не имел в виду стараться сохранять инкогнито чемпиона Нового Света. Человек с такой заметной внешностью, как Том Крабб, не мог бы ни в каком случае не обратить на себя внимания. Скрыть его отъезд было нельзя, и в этот вечер на перроне вокзала собралась целая толпа, с интересом наблюдавшая за тем, как его вталкивали в вагон при громких криках «ура» присутствующих.

Вслед за ним в вагон вошел и Джон Мильнер. Поезд тронулся, и казалось, что паровоз уже ощущал ту чрезмерную нагрузку, которой наградил его тяжеловесный борец.

За ночь проехали триста пятьдесят миль и на следующий день прибыли в Фультен, находившийся на окраине штата Иллинойс, на границе со штатом Кентукки.

Том Крабб совершенно не интересовался местностью, по которой он проезжал. А между тем штат занимал четырнадцатое место в ряду штатов Союза. Без сомнения, Макс Реаль и Гарри Т. Кембэл не преминули бы осмотреть и Нашвилл, теперешнюю столицу штата, и поле битвы при Чаттануге, где Шерман[28] открыл южные дороги федеральным армиям[29]. Равным образом оба они — один в качестве художника, другой в качестве репортера, — наверно, не поленились бы сделать крюк в какую-нибудь сотню миль до Гранд-Джанкшен, для того чтобы почтить своим присутствием город Мемфис. Это единственный важный пункт штата на левом берегу Миссисипи;

---

[28] Примечания: 28

Шерман (1820–1891) — генерал одного из лучших рабочих полков правительственной армии. По поручению генерала Гранта, совершил «рейд к морю», врезавшись со своим батальоном в глубь неприятельской территории. После установления военной диктатуры на Юге был временным комиссаром республиканского правительства одного из пяти военных округов Юга.

[29] Примечания: 29

Федеральные армии — правительственные армии, боровшиеся с южанами. Федералисты — сторонники единства Соединенных штатов в виде централизованного, хотя и федеративного государства.

он очень красиво расположен на скале, возвышающейся над великолепной рекой, усеянной цветущими зелеными островками.

Но тренер не считал возможным уклониться от маршрута, чтобы позволить колоссальным ногам Тома Крабба шагать по этому городу с египетским названием. Поэтому ему не представилось случая спросить, зачем шестьдесят лет тому назад правительство нашло нужным построить в этом городе, столь удаленном от берега моря, арсеналы и верфи, в настоящее время совершенно заброшенные, и услышать ответ, что «Америке подобные ошибки так же свойственны, как и всяким другим странам».

Поезд мчался все дальше, унося с собой второго партнера и его ко всему равнодушного компаньона через равнины штата Миссисипи. Вскоре он миновал Холли Спринг, Гренаду и Джексон. Последний является столицей не имеющей большого значения территории, на которой исключительная по интенсивности культура хлопка сильно задержала общее развитие промышленности и торговли.

На перроне вокзала этого города появление Тома Крабба произвело громадное впечатление.

Несколько сотен любопытных явились по-

смотреть на прославленного кулачного бойца. Правда, он не обладал ни ростом Адама, которому приписывали девяносто футов, ни Авраама — восемнадцать футов, ни даже Моисея — двенадцать футов, но все же это был один из представителей гигантов человеческого рода.

Среди любопытных находился также один ученый, почтенный Кил-Кирнэй, который, измерив с необыкновенной точностью чемпиона Нового Света, сделал по этому поводу следующее весьма обстоятельное заключение.

— Господа, — сказал он, — в результате проделанных мною исторических изысканий мне удалось найти главнейшие вычисления измерений, относящиеся к гигантографическим работам и записанные по десятичной системе. Вот они. В XVII веке появился Вальтер Парсон, ростом в два метра двадцать семь. В XVIII веке явились: немец Мюллер из Лейпцига, ростом в два метра сорок, англичанин Бернсфильд, ростом в два метра тридцать пять, ирландец Маграт, ростом в два метра тридцать, ирландец О'Бриен, ростом в два метра пятьдесят пять, англичанин Толлер, ростом в два метра пятьдесят пять, испанец Эласежэн, ростом в два метра тридцать пять. В XIX веке явились: грек Овасаб, ростом в два метра

тридцать три, англичанин Хэле из Норфолка, ростом в два метра сорок, немец Марианн, ростом в два метра сорок пять, и китаец Шанг, ростом в два метра пятьдесят пять сантиметров. Рост же Тома Крабба, — считаю нужным заявить это его почтенному тренеру, — от пяток до макушки головы составляет всего только два метра тридцать…

— Но что же вы хотите, чтобы я сделал? — ответил не без раздражения Джон Мильнер. — Ведь не могу же я его удлинить…

— Разумеется, нет, — продолжал мистер Кил-Кирнэй, — я этого и не прошу… Но, во всяком случае, он уступает всем этим…

— Том, — сказал Джон Мйльнер, — ударь-ка хорошенько господина ученого прямо в грудь, чтобы он мог заодно узнать и силу твоего бицепса!

Ученый Кил-Кирнэй не пожелал подвергаться такому опыту, после которого у него не осталось бы требуемого числа ребер, и удалился медленными, преисполненными достоинства шагами.

Но Том Крабб был все же встречен шумными рукоплесканиями публики, когда Джон Мильнер от его имени сделал вызов всем любителям бокса. На этот вызов никто не ответил, и чемпион

Нового Света отправился в свое купе, сопровождаемый горячими пожеланиями успеха всех присутствующих.

Перерезав с севера на юг штат Миссисипи, поезд достиг границы штата Луизиана у станции Рокки-Ком-форт. Далее, у станции Карролтон, поезд подошел к реке шириной приблизительно в четыреста пятьдесят туазов, которая делает здесь петлю, окружая ею главный город этого штата.

В Новом Орлеане Том Крабб и Джон Мильнер оставили поезд, сделав переезд в девятьсот миль, считая от Чикаго. Когда они приехали сюда после полудня 5 мая, у них в запасе оставалось еще тринадцать дней, чтобы попасть в назначенный день в Остин, столицу Техаса, любым путем: сухим, использовав для этого Тихоокеанскую железную дорогу, или морским.

Во всяком случае, от Джона Мильнера нельзя было ожидать, чтобы он стал прогуливать своего Крабба по городу с целью дать ему случай полюбоваться всеми его диковинками.

Если бы судьба послала туда еще кого-нибудь из «семерки», то, конечно, тот лучше сумел бы справиться с подобной задачей. Остин был от них еще на расстоянии четырехсот миль, и Джо» Мильнер думал только о том, как бы поскорее в

него попасть.

Самым близким путем был бы, конечно, железнодорожный, потому что между этими двумя городами существовало прямое сообщение, удобное, однако, только в тех случаях, когда приходящие и отходящие поезда совпадают. Действительно, продвинувшись вперед в западном направлении и проехав штат Луизиана через города Лафайет, Рейрелан, Террбон, Тайгервилл, Рамос и Брашир по направлению к Ведикому озеру, поезд, сделав еще последние сто восемьдесят миль, доезжает до границы Техаса. Начиная с этого пункта, он идет, уже не останавливаясь, все последние двести тридцать миль, от станции Орендж вплоть до самого Остина. Тем не менее, хотя он, может быть, был в этом неправ, Джон Мильнер предпочел другой маршрут, решив, что лучше сесть на пароход в Новом Орлеане и проехать водой до Галвестона, который соединяется железной дорогой со столицей Техаса.

Оказалось, что пароход Шерман отправлялся на следующее утро из Нового Орлеана в Галвестон. Таким случаем нельзя было не воспользоваться. Проехать триста миль морем на пароходе, делающем десять миль в час, можно было в полтора дня, самое большее в два, при неблагоприятном

ветре.

Джон Мильнер не счел нужным советоваться с Томом Краббом; это было бы равносильно тому, как если бы он захотел посоветоваться со своим чемоданом, доверху набитым и завязанным. Покончив со своей последней, в этот день шестой по счету, едой, поданной ему в портовой гостинице, знаменитый боксер улегся спать и беспросыпу проспал до утра. Было уже семь часов, когда капитан Кертис отдал приказ ослабить цепи Шермана, сделав это после того, как он приветствовал чемпиона Нового Света с вниманием, которого был достоин второй партнер матча Гиппербона.

— Почтенный Том Крабб, — сказал он, — я весьма польщен той честью, какую оказывает мне ваше пребывание на моем пароходе!

Боксер, повидимому, не понял того, что сказал ему капитан Кертис, и глаза его инстинктивно устремились к дверям, которые вели в столовую.

— Поверьте, — продолжал капитан Шермана, — я сделаю все возможное, чтобы в самый короткий срок доставить вас в надежную гавань. Я не буду экономить ни своего горючего, ни пара. Я буду душой своих цилиндров, душой своего балансира, душой своих колес, которые завертятся со всей присущей им быстротой для того, чтобы

обеспечить вам славу и деньги!

Рот Тома Крабба открылся как бы для ответа, но тотчас закрылся для того, чтобы через минуту опять открыться и снова закрыться. Это указывало на то, что час первого завтрака уже пробил на стенных часах его желудка.

— Вся моя кладовая с провизией в вашем распоряжении, — заявил капитан Кертис. — Будьте уверены, что мы во-время приедем в Техас, если бы даже мне пришлось для этого ввести в дело все предохранительные клапаны, с риском, что пароход взлетит на воздух.

— Не будем взлетать на воздух, — сказал Джон Мильнер со свойственным ему благоразумием. — Это было бы большой ошибкой накануне выигрыша шестидесяти миллионов долларов.

Погода была превосходная, а к тому же все проходы фарватера Нового Орлеана вполне безопасны, несмотря на то что некоторые из них бывают подвержены резким переменам, за которыми бдительно следит морское управление. Шерман следовал теперь па южному проходу среди тростников и камышей, растущих вдоль его низких берегов. Возможно, что обонятельный нерв путешественников был раздражен испарениями бесчисленных пузырей болотного газа,

образуемых брожением органических веществ на дне реки; но не было никакой опасности сесть на мель в этом канале, представлявшем собою вход в большую реку. Проехали мимо нескольких заводов и складов, выстроенных на обоих ее берегах, мимо местечка Эльд-жирс, мимо Пуант-Алахаш, мимо Джемпа. В это время года уровень воды всегда высок. В апреле, мае и июне Миссисипи вздувается от обычных разливов, а отливают ее воды лишь в ноябре.

В силу этого Шерману не понадобилось замедлять своего хода, и он без всяких затруднений достиг порта Идс, названного так по имени инженера, работы которого улучшили весь этот южный фарватер.

В этом именно месте Миссисипи вливается в Мексиканский залив, и ее течение составляет не менее четырех с половиной тысяч миль.

Как только Шерман обогнул последний мыс, он повернул на запад.

Как же перенес Том Крабб эту часть переезда? Очень хорошо. Позавтракав, пообедав и поужинав в свои обычные часы, он отправился спать и когда на следующее утро появился на своем всегдашнем месте, в задней части спардека, то имел очень свежий и довольный вид.

Шерман сделал уже около пятидесяти миль в открытом море; смутно вырисовывались в северном направлении очертания все удалявшегося низкого берега.

Впервые Том Крабб пускался в плавание по открытому морю, и начавшаяся боковая и килевая качка его сначала только удивила.

Мало-помалу это удивление сменилось на его лице, обычно таком румяном, сильной бледностью, постепенно увеличивающейся, и внимательно следивший за ним Джон Мильнер не мог ее не заметить.

«Уж не заболевает ли?» подумал он, подходя к скамье, на которую спутник его принужден был грузно опуститься, и, потрепав его по плечу:

— Ну, как?.. Ничего?.. — спросил он.

Том Крабб открыл было рот, но на этот раз не голод заставил раздвинуться его челюсти, хотя час первого завтрака уже пробил. И так как закрыть рот он во-время не смог, то струя соленой воды влилась ему в горло в тот момент, когда Шерман под напором высокой волны сильно накренился на один бок.

Том Крабб оторвался от скамьи и рухнул на палубу. Необходимость перенести его в центр парохода, где качка была менее ощутительна,

становилась очевидной.

— Идем, Том, — сказал Джон Мильнер.

Том Крабб хотел подняться, но все его усилия оказались тщетными, и он тяжело грохнулся на пол.

Капитан Кертис, почувствовав сильное сотрясение, поспешил к задней части спардека.

— Вижу, в чем дело, — проговорил он. — В общем, это пустяки, конечно, и почтенный Том Крабб скоро к этому приспособится. Немыслимо, чтобы такой человек был подвержен морской болезни! Это допустимо для слабеньких женщин, но было бы ужасно, если бы этому подвергся человек такого крепкого сложения! Ужасно, да, действительно!

Никогда еще пассажиры не присутствовали при более печальном зрелище. Тошнота, как известно, является обычно естественным уделом хилых, болезненных натур. В таких случаях она протекает вполне нормально, не насилуя природы, но человек такой комплекции и такой силы!..

Не будет ли с ним того же, что бывает с массивными зданиями, которые больше страдают от землетрясения, нежели самая хрупкая хижина какого-нибудь индейца?.. Она остается целой в

то время, как крупное здание расходится в пазах и рушится.

И Том Крабб «разошелся в пазах» и грозил превратиться в груду развалин.

Джон Мильнер, очень всем этим озабоченный, вмешался в дело.

— Нужно бы его отсюда оттащить, — сказал он.

Общими усилиями они старались поднять чемпиона Нового Света, но тщетно.

Для такой работы капитан Кертис призвал начальника судовой команды и двенадцать матросов. Общими усилиями они старались поднять чемпиона Нового Света, но тщетно. Оказалось необходимым сначала катить его по спардеку, как какую-нибудь бочку, потом спустить при помощи двух соединенных блоков на нижнюю палубу и наконец дотащить до рубки машины, балансир которой, казалось, издевался над этой обессиленной глыбой. И Том Крабб в полной прострации остался лежать там, куда его приволокли.

— Я думаю, — заметил Джон Мильнер, обращаясь к капитану Кертису, — что всему виной эта отвратительная соленая вода, которой Том наглотался!

— Если бы это был алкоголь, — ответил рассудительным тоном капитан Кертис, — то море давно уже было бы все до последней капли выпито и никакой навигации не существовало бы.

Все складывалось до крайности неудачно. Ветер, дувший с запада, резко переменил направление. Он все свежел и свежел, а боковая

и килевая качка все усиливалась. К тому же, когда приходится итти против волн, движение парохода сильно замедляется, и длина переезда должна была теперь, без сомнения, удвоиться: семьдесят или восемьдесят часов вместо сорока! Короче говоря, Джон Мильнер пережил все фазы волнения и тревог в то время, как его спутник переживал все фазы своей ужасной болезни: встряску всех внутренностей, неправильности в аппарате кровообращения, и такие головокружения, какие не в состоянии вызвать самое сильное опьянение. Одним словом, говоря языком капитана Кертиса, Тома Крабба оставалось только подобрать лопатой.

Наконец 9 мая около трех часов пополудни, после страшного порыва ветра — к счастью, кратковременного — появились берега Техаса, окаймленные дюнами белого песка и защищенные непрерывным рядом островов, над которыми летали стаи громадных пеликанов. Они могли составить большую экономию для запасов провианта на пароходе, тем более что Том Крабб, хотя он и очень часто, даже слишком часто открывал рот, ничего еще не ел после своего последнего завтрака, полученного, когда пароход находился на одной параллели с портом Идс.

Джон Мильнер лелеял надежду, что его компаньон скоро поправится, победит отвратительную болезнь, снова примет человеческий облик и будет иметь приличный вид, когда Шерман, укрывшись от бурного моря в заливе Галвестон, не будет больше подвергаться капризам разъяренных волн. Но нет, несчастному Тому Краббу не удалось принять человеческий вид даже и тогда, когда он очутился в спокойных водах.

Город Галвестон построен на самом конце песчаного мыса. Виадук соединяет его с материком, и через него ведутся торговые сношения, среди которых особо важную роль играет торговля хлопком. Как только Шерман прошел фарватер, он направился к месту своей стоянки. Джон Мильнев не мог сдержать возгласа ярости, увидев, что несколько сот Любопытных собрались уже на набережной. Извещенные по телеграфу о том, что Том Крабб выехал пароходом из Нового Орлеана в Галвестон, они явились встречать его на пристань. И что же мог представить им тренер вместо чемпиона Нового Света, второго отъезжающего, участника матча Гиппербона?.. Бесформенную массу, которая была более похожа на пустой мешок, чем на человеческое существо!

Джон Мильнер еще раз попытался вызвать

физическую встряску у Тома Крабба.

— Ну, что же?.. Все еще не того?.. — спросил он.

Мешок оставался мешком, и его пришлось на носилках перенести в Бич-Отель, где для них было оставлено помещение.

Несколько шуток, несколько каламбуров раздавалось по пути его следования вместо тех громких привычных «ура», которые сопровождали его отъезд из Чикаго.

Но в конце концов не все было потеряно. Завтра, после спокойной ночи и целого ряда искусно скомбинированных кушаний, Том Крабб, без сомнения, обретет свою жизненную энергию и присущую ему силу, и от его болезни не останется следа.

Джон Мильнер все это говорил себе, но он глубоко ошибался: ночь не принесла никакого изменения в состоянии здоровья его компаньона. Помрачение всех его способностей на другой день было так же глубоко, как и накануне. А между тем от него не требовали никакого умственного напряжения (на которое он был вообще неспособен), а лишь чисто животного усилия. Но все было тщетно. С того момента, как он очутился на твердой земле, его рот все время оставался герметически закрытым. Он не требовал пищи,

его желудок не издавал привычных сигналов в положенные часы еды.

Так прошел день 10 мая, затем настало 11-е, а 16 мая было тем последним сроком, когда он должен был прибыть в Остин.

Джон Мильнер решился на единственную меру, к которой можно было еще прибегнуть: лучше было приехать слишком рано, чем слишком поздно. Если Тому Краббу суждено выйти из этого состояния прострации, он сможет из него выйти так же хорошо в Остине, как и в Галвестоне, но, по крайней мере, он будет в назначенном месте к указанному сроку.

Итак, Том Крабб был препровожден на вокзал на ручной тележке и внесен в вагон, как багаж. Когда пробило половина девятого вечера, поезд тронулся, и стоявшие на перроне держатели пари отказывались рискнуть самой маленькой суммой, даже двадцатью пятью центами, за партнера, находившегося в таком плачевном состоянии.

К счастью, чемпиону Нового Света и его тренеру предстоял переезд не через все семьдесят пять миллионов гектаров, составляющих территорию Техаса. Им нужно было только проехать сто шестьдесят миль, отделяющих Галвестон от

столицы штата.

Было бы желательно побывать в областях, орошаемых великолепнейшей рекой Рио-Гранде и другими: Антонио, Бразас и Тринити, вливающейся в бухту Галвестон, а также рекой Колорадо с ее капризно извивающимся руслом, усеянным жемчужными устрицами. Великолепная страна этот Техас, с его бесконечными прериями, где когда-то стояли лагерем команчи![30] На западе она сплошь покрыта девственными лесами, пышными магнолиями, смоковницами, акациями, пальмами, дубами, кипарисами, кедрами, громадными рощами апельсинных деревьев и кактусами, наиболее красивыми из всей флоры: Горы Техаса, которые на северо-западе говорят о близости цепи Скалистых гор, бесподобны. Эта страна дает сахарный тростник лучше того, что растет на Антиллах, табак «нокогдоше», превосходящий табак мерилендский и виргинский, и хлопок лучше того, который разводится в штатах Миссисипи и Луизиана. Некоторые ее фермы обладают площадью земли в сорок тысяч акров, в них насчитывается столько же голов скота, а в их ранчо выращиваются тысячи лошадей самой

---

[30] Примечания: 30

Команчи — индейское племя, вытесненное колонизаторами в Техас.

лучшей породы.

Но могло ли все это интересовать Тома Крабба, который никогда ни на что не смотрел, и Джона Мильнера, который смотрел на одного лишь Тома Крабба?

Вечером поезд остановился на два часа на станции Хьюстон, где находится склад товаров, доставляемых по рекам Тринити, Бразас и Колорадо, а на следующий день, 13 мая, очень рано Том Крабб вышел из вагона на станции Остин, конечном пункте своего путешествия. Этот город, столица штата, представляет собой очень важный промышленный центр, и его омывают воды реки, на которой имеются искусственные заграждения. Остин расположен на возвышенности к северу от Колорадо, в районе, изобилующем железом, марганцем, гранитом, мрамором, гипсом и глиной. Этот город более американский, чем многие другие города Техаса; в нем сосредоточены все судебные учреждения штата. Население его не превышает двадцати шести тысяч, и почти все его жители саксонского происхождения. Здесь это единственный «одиночный» город среди тех «двойных» городов, какими являются вообще все города, расположенные вдоль реки Рио-Гранде, в которых деревянные дома находятся на одном

берегу реки, а хижины из необожженного кирпича — на другом, как, например, города Эль-Пасо и Эль-Президио, наполовину мексиканские. В. Остине железнодорожные пассажиры встретили только таких американцев, которые приехали сюда из любопытства и с целью заключить несколько пари, посмотрев на второго партнера, которого игральные кости прислали в Остин из отдаленнейших областей Иллинойса.

И этим любопытным посчастливилось больше, чем жителям Галвестона и Хьюстона, так как, вступив на перрон вокзала столицы Техаса, Том Крабб вышел наконец из состояния той угрожающей неподвижности, которую не могли победить ни заботы, ни мольбы, ни даже упреки Джона Мильнера. Сначала чемпион Нового Света казался еще немного утомленным, немного вялым и слабым. Но что в этом удивительного, если он не проглотил ничего, кроме морского воздуха, с самого того дня, когда Шерман вышел в открытое море?

Да! Этот великан был вынужден питаться все эти дни исключительно самим собой. Но, по правде говоря, даже и при таком режиме ему хватило бы пищи еще на многие, многие дни!

Зато какой завтрак получил он в это утро,

завтрак, продолжавшийся до самого вечера: полные блюда крупной дичи, окорока баранины и телятины, всевозможные виды колбас, овощи, фрукты, сыры, и джин, и виски, и смесь портера с пивом, и чай, и кофе! Джону Мильнеру стало немного страшно, когда он подумал о счете, который ему представят в гостинице в день отъезда.

И все это повторялось на другой день, и на следующий, и так вплоть до 16 мая.

Том Крабб теперь снова превратился в удивительную человеческую машину, при столкновении с которой Корбэт, Фитсимонс и другие, не менее его знаменитые боксеры столько раз терпели полное поражение.

ГЛАВА IX
ОДИН И ОДИН — ДВА

В это утро один из городских отелей, или, лучше сказать, одна из небольших и далеко не из лучших гостиниц, Сэнди-Бар, принимала двух путешественников, приехавших с первым утренним поездом в Кале, маленький городок штата Мэн.

Эти двое путешественников, мужчина и женщина, видимо/ порядочно измученные длинной и утомительной дорогой, назвались мистером и миссис Филд. Фамилия Филд, так же как Смит и Джонсон, одна из наиболее распространенных среди людей англо-саксонского происхождения. Вот почему нужно обладать совершенно исключительными качествами, занимать какое-нибудь выдающееся положение в мире искусств, политики или военной науки, словом, нужно быть гением, чтобы носящие это имя могли обратить на себя общественное внимание. Так как имена мистера и миссис Филд никому ничего не говорили, хозяин гостиницы записал их в своей книге без всяких дальнейших вопросов.

В эту эпоху по всей территории Соединенных

штатов ничьи имена не были так распространены, не повторялись так часто миллионами уст, как имена партнеров знаменитого матча эксцентричного члена Клуба Чудаков. Но так как ни один из «семерки» не назывался Филдом, то в Кале никто приезжей четой не заинтересовался. К тому же оба они не подкупали своей наружностью, и весьма возможно, что хозяин гостиницы задавал себе вопрос, как-то они еще ему заплатят, когда настанет время подавать им счет.

Для чего же явилась чета Филд в этот маленький городок, расположенный на самой далекой границе штата, находящегося на северо-восточной окраине Союза, для чего прибавила она две единицы к шестистам шестидесяти одной тысяче жителей этого штата, равного по площади половине всей территории Новой Англии?[31]

Комната в первом этаже, предоставленная мистеру и миссис Филд в гостинице Сэнди-Бар, была малокомфортабельна: одна кровать, стол, два стула и туалетный столик. Вид из окна открывался на реку Сент-Круа, левый берег которой принадлежит Канаде. У дверей в коридор стоЯл единственный чемодан приезжих, принесенный

---

[31] Примечания: 31

Новой Англией называется группа штатов: Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд.

железнодорожным носильщиком. В одном углу комнаты виднелись два толстых дождевых зонтика и ветхий дорожный мешок.

Оставшись вдвоем после ухода хозяина гостиницы, который привел их в эту комнату, мистер и миссис Филд заперли сначала дверь изнутри, потом приложили ухо к замочной скважине, чтобы убедиться, что их никто не услышит.

— Наконец-то мы добрались до цели нашего путешествия! — сказал он.

— Да, — подтвердила она, — после двух дней и трех долгих ночей, проведенных в вагоне.

— Я думал, что это путешествие никогда не кончится, — продолжал мистер Филд, опуская почти безжизненные руки таким жестом, точно все их мускулы были совершенно не в состоянии функционировать.

— И оно еще не окончено, — сказала миссис Филд.

— Интересно, сколько все это будет нам стоить?

— Дело не в том, сколько все это будет стоить, — раздраженным тоном ответила его супруга, — а в том, сколько все это может нам принести!

— Во всяком случае, — продолжал мистер Филд, — нам пришла удачная мысль не путе-

шествовать под нашими действительными именами.

— Это моя мысль…

— И мысль восхитительная… Ты представляешь себе, что с нами было бы, если бы мы оказались во власти хозяев гостиниц, трактирщиков, кучеров и всех этих живодеров, жиреющих от щедрот тех, кто попадается им в руки, — и все это под тем предлогом, что в наши карманы вскоре потекут миллионы долларов.

— Да, мы хорошо сделали, — повторила миссис Филд, — и мы и впредь будем сокращать, насколько это возможно, все наши расходы. Во всяком случае, за все эти три дня путешествия мы ни копейки не истратили в буфетах железнодорожных вокзалов. И я надеюсь поступать так и & дальнейшем.

— И все же, может быть, мы лучше сделали бы, если бы отказались…

— Довольно, Герман! — властным тоном заявила миссис Филд. — Разве же у нас меньше шансов, чем у других участников, приехать первыми?

— Конечно нет, Кэт! Но самым благоразумным было бы все-таки согласиться на предложение… разделить наследство между всеми участниками матча.

— Я другого мнения. К тому же против этого восставал командор Уррикан, а неизвестный Х. К. Z. отсутствовал и дать своего согласия не мог.

— А знаешь ли, что я тебе скажу, — продолжал господин Филд, — именно его-то я и боюсь больше всех других. Никто не знает, ни кто он, ни откуда… С ним никто не знаком. Его зовут Х. К. Z. Но разве же. это имя? Прилично ли называться Х. К. Z.?

Говоривший был господин Титбюри. Если он сам не скрывался под инициалами, то ведь он, однакоже, переменил свою фамилию Титбюри на филд (читатель, без сомнения, узнал его по первым же фразам, которыми он обменялся со своей женой, самозванной госпожой Филд, — фразам, насквозь пропитанным отвратительной скаредностью).

Да, то был действительно Герман, третий партнер. Игральные кости, выбросив два очка, по единице каждый, отослали его во вторую клетку, штат Мэн. Это была большая для него неудача, которая приближала его всего лишь на два шага к шестьдесят третьей клетке, заставляя в то же время проделать длинный путь до крайнего северо-восточного пункта Союза.

Дело в том, что штат Мэн граничит и с до-

минионом Канада и с Нью-Брансуиком. После вступления этого штата в 1820 году в Конфедерацию, его восточной границей сделался залив Пассамакодди, в который направляет свои воды река Сент-Круа, подобно тому как этот штат, разделенный на двенадцать графств, посылает двух сенаторов и пятьдесят депутатов в Конгресс, который немного претенциозно может быть назван «Национальным заливом», так как в него вливаются «политические реки» Американских Соединенных штатов.

Мистер и миссис Титбюри вечером 5 мая покинули свой темный дом на Робей-стрит и поселились в этой мрачной гостинице в городе Кале. Мы знаем, какие соображения заставили их присвоить себе вымышленную фамилию. Не извещая никого о дне и часе своего отъезда, они путешествовали, соблюдая строгое инкогнито, так же как и Макс Реаль, хотя мотивы, которые ими руководили, были, конечно, совершенно иные.

Все это озабочивало держателей пари, так как нужно признать, что Герман Титбюри в этой скачке за миллионами представлялся замечательным спортсменом и не стремился больше ни к чему. Не было сомнения в том, что ставки на

него будут все увеличиваться по мере развития матча и что он сделается его фаворитом. Не был ли он одним из тех привилегированных лиц, которым все удается благодаря полному отсутствию щепетильности в выборе средств, обеспечивающих успех? Его богатство позволит ему заплатить все штрафы, и как бы они ни были велики, он без колебания расплатится наличными деньгами. К тому же Титбюри не станет предаваться никаким фантазиям во время переездов, подобно Максу Реалю и Гарри Кембэлу. Были ли какие-нибудь основания, в таком случае, бояться, что он задержится в пути? Разумеется, никаких. Была только несомненная уверенность в том, что в назначенный день он будет в указанном месте. Все это составляло, безусловно, очень серьезные гарантии, представляемые Германом Титбюри, не говоря уже о той личной удаче, которая никогда ему не изменяла во всех его делах.

Эта достойная чета позаботилась о том, чтобы придумать маршрут наиболее быстрый и наименее дорогой для путешествия по запутанной сети железных дорог, раскинутой, точно громадная паутина, по всей восточной территории Союза. Нигде не останавливаясь, не подвергая себя угрозе полного разорения в станционных буфетах или

в отельных ресторанах, питаясь. исключительно провизией, взятой из дому, переходя с одного поезда в другой с точностью шарика в руках ловкого фокусника, они так же мало, как и Том Крабб, интересовались достопримечательностями той или иной местности. Всегда погруженные в одни и те же соображения, всегда преследуемые одним и тем же страхом, записывая каждый грош своих ежедневных расходов, считая и пересчитывая сумму, взятую с собой для путешествия, проводя дни в дремоте, а ночи во сне, господин и госпожа Титбюри проехали штат Иллинойс с запада на восток, потом штат Индиана, за ним штат Огайо, далее штат Нью-Йорк и, наконец, Нью-Гемпшир. Так они достигли утром 8 мая границы штата Мэн, находящейся у подножия горы Вашингтон из группы гор Монтань Бланш, снежная вершина которой через полосу ливней и града возносит на высоту целых пяти тысяч семисот футов имя славного героя Американской республики.

Оттуда мистер и миссис Титбюри достигли Парижа, затем Льюистона на Андроскоггине, торгового города, который соперничает с важным городом Портлендом, одним из лучших портовых городов Новой Англии, нашедшим себе приют в бухте Каско.

Оттуда железная дорога привела их в Огасту, официальную столицу штата Мэн, элегантные виллы которой рассеяны по берегам реки Кеннебека. Доехав до станции Бангора, надо было подняться к северо-востоку до станции Баскахоган, где кончался железнодорожный путь, и спуститься на лошадях до Принстона, который соединяется с Кале.

Вот таким-то образом, при частых и неприятных переменах поездов, завершился переезд четы Титбюри в штат Мэн. Туристы охотно посещают цепь окружающих его гор, поля морены, его дремучие бесконечные дубовые леса, рощи канадских сосен, кленов, буков и берез, представляющие собою квинт-эссенцию северных районов, которые снабжали» лесным материалом все местные верфи до введения железных корпусов в морские конструкции.

Мистер и миссис Титбюри, они же Филд, прибыли в Кале 9 мая с ранним поездом, значительно раньше назначенного срока, что вынуждало их оставаться там до 19-го числа. Десяток дней жить в этом маленьком городке, в котором всего несколько тысяч жителей и который представляет собой обыкновенный каботажный порт! Чем займут они время до того часа, когда телеграмма

нотариуса Торнброка заставит их оттуда уехать?

А между тем какие восхитительные экскурсии можно совершить среди такой разнообразной природы! На северо-западе великолепная местность с горой Катадин высотой в три тысячи пятьсот футов — гранитной скалой, поднимающейся из-за зеленого свода лесов. А город Портленд, с пятьюдесятью тысячами жителей, где родился великий поэт Лонгфелло, город, полный оживления благодаря своей интенсивной торговле с Южной Америкой и Антиллами, а также своим памятникам, паркам и садам, которые его жители, — артисты в душе, — поддерживают с такой любовью и вкусом! И этот скромный Брансуик со своим знаменитым колледжем Бодэном, куда картинная галлерея привлекает всех истинных любителей искусства! А дальше на юг, вдоль берегов Атлантики, все эти курорты, лечебные станции, так охотно посещаемые в жаркий сезон богатыми семьями из соседних штатов, семьями, которые считали бы для себя позором не провести в одной из них, например в Бар Харбор, на этом чудеснейшем острове Маунт-Дезэрт, несколько недель! Но требовать таких передвижений от двух моллюсков, оторванных от родной почвы и перенесенных за девятьсот миль от нее, было

бы напрасным трудом. Нет! Они ни на один день, ни на один час не покинут Кале! Они останутся в обществе друг друга, обсуждая свои шансы, мысленно проклиная своих партнеров и в сотый раз придумывая, как бы лучше употребить свое новое богатство в том случае, если судьба сделает их триста раз миллионерами: шестьдесят миллионов долларов равнялись примерно тремстам миллионам франков. И в самом деле, не слишком ли все это их затруднит?

Затруднят... миллионы... их?! Об этом не беспокойтесь! Они сумеют обратить их в ценные, вполне верные бумаги, в акции банков, рудников, промышленных обществ, и будут жить на громадные доходы, не растрачивая их ни на какие благотворительные учреждения, ничего не тратя также и на свой комфорт, на свои удовольствия. Они будут жить, как раньше, сосредотачивая все свое существование на любви к деньгам, пожираемые auri sacra fames[32], эти скареды, трясущиеся над сундуком и способные удавиться из-за копейки, подлые крысы, презренные существа, бессменные члены академии сквалыг.

Если судьба покровительствовала этой отвра-

---

[32] Примечания: 32
Auri sacra fames — проклятой жаждой золота.

тительной чете, то у нее были, верно, на то свои причины. Какие именно, трудно себе представить. Но это было бы в ущерб другим партнерам, более достойным богатства Вильяма Дж. Гиппербона, которые сумели бы сделать из. его денег лучшее употребление; да, безусловно все, не исключая Тома Крабба и даже самого командора Уррикана.

Милая чета наблюдала во время приливов уход в море рыбачьих лодок.

И вот оба они сидят на далекой окраине федеральной территории, в маленьком городке Кале, скрываясь под вымышленной фамилией Филд, скучающие и нетерпеливые, ожидая дальнейших событий, наблюдая во время приливов уход в море рыбачьих лодок, а затем их возвращение с добычей — тяжелым грузов макрелей, сельдей и лососей. Потом они возвращаются в свою комнату в гостиницу Сэнди-Бар и запираются на ключ, дрожа от страха при мысли, что их настоящие имена будут вскоре обнаружены.

На самом деле городок Кале не так уж затерян в глубине штата Мэн, чтобы слухи и толки о знаменитом матче могли не дойти до его жителей. Все они прекрасно знали, что вторая клетка находится в этом штате Новой Англии, а телеграф им сообщил, что при третьем метании игральных костей выброшенное число очков — одно и одно — обязывало партнера Германа Титбюри явиться в их город.

Так прошли 9, 10, 11 и 12 мая, дни, наполненные скукой в этом маленьком унылом городишке. Макс Реаль и тот вряд ли смог бы пересилить

эту скуку. Когда вам совершенно нечего делать, как только слоняться по улицам, застроенным деревянными домами, да бродить взад и вперед по набережной, то вам кажется, что время тянется бесконечно долго. А впереди эта телеграмма с указанием нового маршрута, телеграмма, которая не могла быть отправлена раньше 19-го числа! Каким нужно было вооружиться терпением, чтобы ждать ее еще целых семь дней!

А между тем чете Титбюри представлялся очень удобный случай «побывать за границей», перейдя реку Сент-Круа, левый берег которой принадлежит доминиону Канада.

Эта мысль пришла в голову Герману Титбюри, и утром 13 мая он обратился к госпоже Титбюри со следующими словами:

— Вот уж, можно сказать, чорт побрал бы этого Гиппербона! Зачем только он выбрал этот самый отвратительный город из всех городов штата Мэн, чтобы послать туда партнеров, имевших несчастье получить два очка в самом начале партии!

— Осторожнее, Герман! — шопотом остановила его госпожа Титбюри. — Что, если тебя вдруг кто-нибудь-услышит!.. Раз судьба привела нас в Кале, то хочешь не хочешь, а надо оставаться в Кале.

— Но разве нам запрещено выходить из города?

— Нет, конечно, но при условии оставаться на территории Союза.

— Значит, мы не имеем даже права переправиться на тот берег реки?

— Ни в коем случае, Герман! Покойный категорически запрещает покидать территорию Соединенных штатов.

— Но кто об этом узнал бы, Кэт? — воскликнул мистер Титбюри.

— Я тебя не понимаю, Герман! — возразила почтенная особа, повышая голос. — Неужели это ты говоришь?.. Я положительно не узнаю тебя! А если потом узнают, что мы переходили границу?.. Если вдруг с нами что-нибудь случится такое, что нас там задержит… Какое-нибудь несчастье… И мы не сможем вернуться в срок, девятнадцатого?.. Вообще… я этого не желаю!

И у нее были основания этого не желать, у властной миссис Титбюри. Разве знают заранее, что когда может случиться? Разве нельзя предположить, что произойдет землетрясение? Что Нью-Брансуик отделится, от материка?.. Что эта часть Америки вдруг разойдется по всем швам и между двумя странами образуется страшная

пропасть?.. Как же в таком случае попасть в телеграфное бюро в назначенный день? И разве это не будет грозить исключением их из числа участников матча?

— Да… Нет! Нам нельзя перебраться на тот берег! — сказала миссис Титбюри тоном, не допускающим никаких возражений.

— Ты права, да. Я даже не знаю, как мне могла притти в голову подобная мысль!.. Несомненно, что с тех пор, как мы уехали из Чикаго, я сделался совсем другим человеком… Это проклятое путешествие превратило меня в совершенную тупицу!.. Всю жизнь мы никуда не уезжали из своего дома на Робей-стрит и вдруг вздумали пуститься странствовать по большим дорогам… в нашем-то возрасте!.. Эх! Ну, разве не лучше бы мы сделали, если бы остались дома… отказались от участия в этой партии…

— Шестьдесят миллионов долларов — такая сумма, ради которой стоит себя немножко побеспокоить! — заявила миссис Титбюри.

Город Сент-Стивн, находящийся в доминионе[33] Канада, на противоположном берегу реки Сент-Круа, так и не удостоился чести принять в

---

[33] Примечания: 33

Доминион — английская самоуправляющаяся колония, в данном случае Канада.

свои стены чету Титбюри.

Казалось, что люди, в такой мере предусмотрительные и осторожные, представлявшие больше гарантий, чем все другие партнеры, должны были быть застрахованы от всяких неприятных неожиданностей. Казалось, что их никогда не могли бы застать врасплох, с ними никогда не должно было произойти ничего такого, что бы их скомпрометировало. Но случай любит иной раз посмеяться над самыми ловкими людьми и ставить им ловушки, и тогда вся их осмотрительность не в состоянии уберечь их, и ничего другого не остается, как считаться со случаем.

И тем не менее утром 14 мая мистер и миссис Титбюри надумали предпринять маленькую экскурсию. Успокойтесь, никуда далеко они не собирались, всего только на две-три мили от Кале, не дальше. Здесь будет кстати заметить, что этот город получил французское название оттого, что он построен на самой окраине Соединенных штатов, подобно тому как одноименный с ним французский город стоит на самой окраине Франции; что же касается штата Мэн, то он назван так в честь первых колонистов, которые обосновались там в царствование Карла I Английского.

В день, о котором идет речь, погода была гро-

зовая, тяжелые тучи поднимались на горизонте, жара к полудню обещала сделаться нестерпимой. Такой день был неудачно выбран для прогулки пешком, тем более что итти им приходилось все время в гору вдоль левого берега Сент-Круа.

Мистер и миссис Титбюри вышли из гостиницы около девяти часов утра. Сначала они шли вдоль реки по открытому месту, а потом, по выходе из города, — в тени деревьев, в густых ветвях которых резвились тысячи белок.

Чета Титбюри заранее навела все необходимые справки у хозяина гостиницы и успокоилась, узнав, что в окрестностях этого города им не грозила встреча ни с какими дикими зверями — ни с волками, ни с медведями, возможно, только с несколькими лисицами. Поэтому они могли с полным доверием гулять по лесам, которые когда-то сплошь покрывали весь штат Мэн.

Само собою разумеется, что мистер и миссис Титбюри абсолютно не интересовались теми разнообразными пейзажами, которые открывались их взорам. Они говорили только о своих партнерах, о тех, которые уехали до них, и тех, которые должны были ехать позже. Где могли быть в это время Макс Реаль и Том Крабб?.. И вечно этот Х. К. Z., который беспокоил их более всех других!..

Наконец, после двух с половиной часов ходьбы, — время близилось уже к полудню, — они подумали, что пора бы вернуться позавтракать в гостиницу Сэнди-Бар, но, мучимые жаждой в эту убийственную жару, решили зайти сначала в кабачок, расположенный на берегу реки в какой-нибудь полумиле от Кале.

Несколько посетителей сидели за столиками, на которых красовались кружки с пивом.

Мистер и миссис Титбюри уселись в сторонке и стали обсуждать, что бы такое им себе спросить. Портер и эль казались не вполне для них подходящими.

— Боюсь, как бы эти напитки не были чересчур холодны, — заметила миссис Титбюри. — Мы сейчас в испарине, и это было бы рискованно.

— Ты совершенно права, Кэт, схватить плеврит так легко!.. — согласился мистер Титбюри.

И, повернувшись к хозяину кабачка:

— Грог из виски, — сказал он.

— Из виски, вы говорите? — воскликнул тот.

— Да… или из джина.

— А ваше разрешение?

— Разрешение? — повторил Титбюри, крайне удивленный таким вопросом.

Он не удивился бы, если бы вспомнил, что штат

Мэн принадлежит к той группе штатов, которые установили принцип запрета алкоголя. Да, в Канзасе, в Северной Дакоте, в Южной Дакоте, в Вермонте, в Нью-Гемпшире и особенно в Мэне запрещается гнать и продавать спиртные напитки. Во всех этих штатах одни только городские агенты имеют право выдавать их за деньги тем, кто их покупает для медицинских или промышленных целей, и это только после того, как эти напитки подверглись экспертизе одним из комиссаров штата. Нарушать этот закон хотя бы только неосторожным требованием — значило подвергать себя очень строгим взысканиям, налагаемым декретом с целью искоренения алкоголизма. Вот почему, едва мистер Титбюри задал свой вопрос, к нему подошел какой-то человек.

— Вы не имеете требуемого разрешения? — спросил он.

— Нет… не имею.

— В таком случае, вы обвиняетесь в нарушении закона.

— В нарушении закона? Но почему?

— Потому что вы требовали себе виски или джина.

Это был агент, делающий объезд своего округа. Он записал имена мистера и миссис Филд и

предупредил их, что на следующий день им надо будет явиться к судье.

Чета вернулась в свою гостиницу совершенно расстроенная, и что за день, что за ночь она там провела! Если несчастная мысль зайти в кабачок пришла в голову миссис Титбюри, то такой же несчастной была идея мистера Титбюри спросить вместо эля или портера грог из виски! Какому же штрафу они теперь подвергнутся? И бранные слова, взаимные обвинения, споры продолжались всю ночь!

Судья, некий Р. Т. Ордак, был бесспорно самым неприятным, вечно брюзжащим и на все обижающимся существом, какое только можно себе представить. Когда на следующее утро нарушители закона предстали перед ним в его кабинете, он, не обратив никакого внимания на их вежливые приветствия, стал поспешно задавать им вопросы крайне резким тоном.

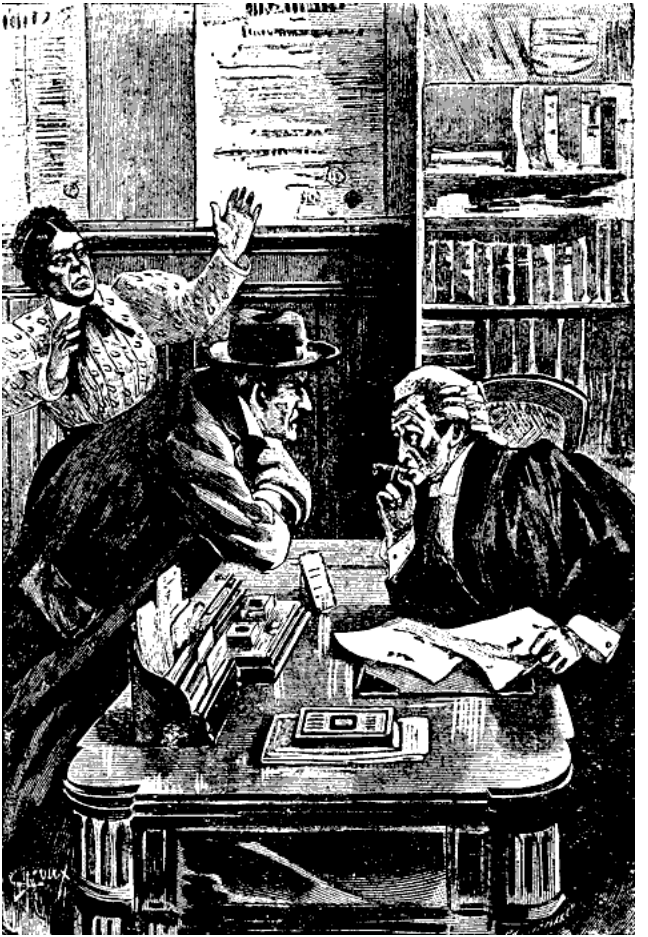
Их имена?.. Мистер и миссис Филд. Их местожительство?.. Они назвали наудачу — Гаррисберг, штат Пенсильвания. Их профессия?.. Рантье.

Судья тотчас бросил им в лицо:

— Подвергаетесь штрафу в размере ста долларов за нарушение закона о запрещении спиртных напитков в штате Мэн.

Это было уже слишком! Как ни умел владеть собой Титбюри и какие усилия ни прилагала миссис Титбюри, чтобы его успокоить, сдержаться на этот раз он не смог и, окончательно выйдя из себя, стал грозить судье Ордаку. А в результате судья Ордак удвоил штраф, наказав мистера Титбюри еще дополнительными ста долларами за неуважение к правосудию.

«Дополнение» еще более взбесило мистера Титбюри. Двести долларов добавочно к уже сделанным ранее расходам, связанным с переездом в самый отдаленный пункт проклятого штата Мэн! Доведенный до полного отчаяния, нарушитель закона забыл всякую осторожность и дошел до того, что пожертвовал даже всеми теми преимуществами, какие давало ему его инкогнито.

— А знаете ли вы, с кем имеете дело?

Скрестив на груди руки, с пылающим от бешенства лицом, с несвойственной ему силой отталкивая миссис Титбюри, он наклонился к сидевшему за бюро судье и проговорил:

— А знаете ли вы, с кем имеете дело?

— С неучем, которого я награждаю штрафом в триста долларов за то, что он продолжает говорить все тем же тоном, — ответил не менее его выведенный из себя Р. Т. Ордак.

— Триста долларов? — вскричала миссис Титбюри и, почти потеряв сознание, упала на скамейку.

— Да, — ответил судья, напирая на каждый слог, — триста долларов должен уплатить мистер Филд из Гаррисберга, штат Пенсильвания…

— В таком случае, — проревел мистер Титбюри, ударяя по бюро кулаком, — знайте, что я не мистер Филд из Гаррисберга, штат Пенсильвания…

— Кто же вы, в таком случае?

— Мистер Титбюри… из Чикаго… Иллинойс…

— Другими словами, субъект, позволяющий себе путешествовать под вымышленным именем! — вскричал судья таким тоном, как если бы он сказал: «Еще одно преступление к целой

массе других».

— Да… мистер Титбюри, из Чикаго, третий партнер в матче Гиппербона, будущий наследник его колоссального состояния!

Это заявление не произвело, повидимому, никакого впечатления на Р. Т. Ордака. Этот судья, настолько же несдержанный на язык, насколько и беспристрастный, относился, повидимому, к третьему партнеру матча Гиппербона совершенно так же, как к любому портовому матросу. Вот почему он проговорил своим свистящим голосом, точно высасывая каждое слово:

— В таком случае, этот мистер Титбюри из Чикаго, Иллинойс, уплатит триста долларов штрафа, а кроме того, за то, что он позволил себе предстать перед правосудием под чужим именем, я приговариваю его к восьмидневному тюремному заключению.

Это было уже слишком, и рядом с миссис Титбюри, продолжавшей лежать на скамейке, грохнулся, в свою очередь, и мистер Титбюри.

Восемь Дней тюрьмы! А через пять дней должна была притти ожидаемая телеграмма, и 19-го предстояло отправиться в дальнейший путь, быть может на другую окраину Соединенных штатов, и надлежало явиться туда в назначенный

день, так как иначе это грозило исключением из партии!

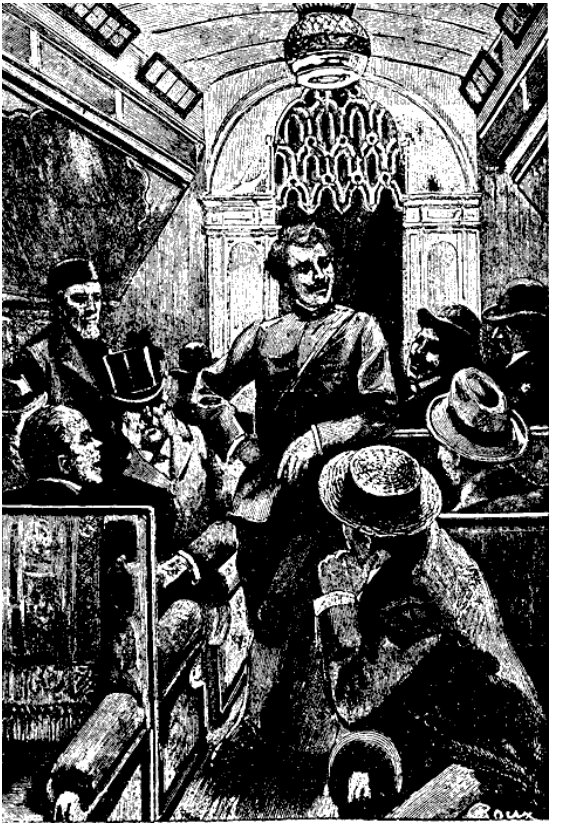
Нужно согласиться, что для господина Титбюри это было гораздо серьезнее, чем если бы он был отослан в пятьдесят вторую клетку, штат Миссури, в «тюрьму» Сент-Луис. Там, по крайней мере, он имел надежду быть освобожденным одним из партнеров, тогда как в тюрьме города Кале, по распоряжению судьи Р. Т. Ордака, ему предстояло оставаться в заключении вплоть до отбытия своего наказания.

ГЛАВА X
РЕПОРТЕР В ПУТИ

— Да, господа, да! Я смотрю на этот матч Гиппербона как на одно из самых изумительных национальных явлений, которое обогатит историю нашей славной страны! После войны Северных штатов с Южными за Независимость, после провозглашения доктрины Монроэ[34] и проведения в жизнь билля Мак-Кинлея — это самое значительное событие, созданное фантазией одного из членов Клуба Чудаков, событие, которое сосредоточило на себе всеобщее внимание.

[34] Примечания: 34

Доктрина Монроэ — принцип, провозглашенный президентом США Монроэ в 1823 году: «Америка для американцев». Доктрина Монроэ направлена против вмешательства европейских государств в дела Американского континента.

Я смотрю на матч Гиппербона как на одно из самых изумительных явлений...

Так говорил Гарри Кембэл, обращаясь к пассажирам того поезда, который 7 мая вышел из Чикаго. Главный репортер газеты *Трибуна*, преисполненный радости и надежды, шагал сначала по центральному проходу от одного конца вагона к другому, все время безумолку болтая и произнося высокопарные фразы, а потом перешел по тамбуру, соединяющему вагоны, в соседний и стал так путешествовать по всему поезду, мчавшемуся на всех парах по южному берегу озера Мичигана. Гарри Кембэл ехал один. Выразив благодарность тем из своих товарищей, которые предложили его сопровождать, он не принял их предложения. Нет, он поедет один, даже без слуги, один, совершенно один! Как вы видите, он не хотел путешествовать инкогнито, как Макс Реаль или Герман Титбюри. Он ничего ни от кого не скрывал и охотно написал бы на своей шляпе: «Четвертый партнер матча Гиппербона!»

Его провожала на вокзал многочисленная толпа с криками «ура» и с пожеланиями счастливого пути. Он был так возбужден, так самоуверен, его все знали как человека очень решительного, сме-

лого и ловкого, что многие тут же начали держать за него пари. За него ставили один против двух и даже против трех, что льстило ему, ибо он считал это для себя хорошим предзнаменованием.

Но если Гарри Кембэл отказал своим друзьям в просьбах сопровождать его в переездах по Союзу, то он отнюдь не имел намерения, — в чем нетрудно было уже убедиться, — сидеть в полном одиночестве в своем углу, погруженным в собственные мысли, ни с кем не говоря ни слова. Наоборот, все путешественники, с которыми сталкивала его судьба, становились его товарищами. Он принадлежал к тем людям, которые думают только тогда, когда, говорят, сказать же, что во время своего пути он был скуп на слова, было, конечно, невозможно. Ни на слова, ни ца деньги! Касса богатейшей Трибуны была для него открыта, и он всегда мог возместить свои расходы всевозможными интервью, описаниями, рассказами, статьями всякого рода. Различные перипетии матча должны были доставить ему богатый материал.

— Но, — обратился к нему один из путешествен-

ников, янки[35] с головы до ног, — не придаете ли вы слишком большого значения партии, придуманной Вильямом Дж. Гиппербоном?

— Нет, — ответил репортер, — я считаю, что такая оригинальная идея могла зародиться только в ультра-американском мозгу.

— Вы совершенно правы, — сказал на это толстый коммерсант из Чикаго, — все Соединенные штаты потеряли сейчас голову, и в день похорон можно было убедиться, какую популярность приобрел покойный на другой день после своей смерти.

— Мистер, — обратилась к говорившему пожилая дама, сидевшая в своем уголку закутанная в плед, с искусственными зубами и в очках, — а вы тоже участвовали в процессии?

— Да, и мне казалось, что я тоже один из наследников нашего славного гражданина, — ответил не без гордости коммерсант из Чикаго. — И я более чем счастлив, встретив на своем пути в Детройт одного из его будущих наследников.

— Вы едете в Детройт? — спросил Гарри Т. Кем-

---

[35] Примечания: 35

Янки. — В эпоху войны 1861–1865 годов южане обозначали Этим термином северян. В настоящее время европеец применяет его ко всему коренному населению США, причем с ним связано представление о специфических чертах американца.

бэл, протягивая ему руку.

— В Детройт, Мичиган.

— В таком случае, я буду иметь удовольствие сопровождать вас до города, которого ждет такое блестящее будущее. Я его еще не знаю, но очень хочу знать.

— У вас нехватит на это времени, — заявил янки так поспешно, что его можно было принять за одного из держателей пари. — Это значило бы удлинить ваш маршрут, и я повторяю, что у вас нехватит на это времени.

— Всегда можно на все найти время, — ответил Гарри Т. Кембэл таким уверенным тоном, что еще больше расположил к себе всех присутствующих.

Гордые тем, что среди них находится пассажир с таким темпераментом, они огласили вагон громкими криками «ура», которые были услышаны в самом конце поезда.

— Мистер, — обратился к Кембэлу пожилой священник в пенсне, пожиравший репортера глазами, — довольны вы этим первым ударом игральных костей?

— И да и нет, ваше преподобие, — ответил журналист почтительным тоном. — Да — потому что мои партнеры, уехавшие до меня, не ушли

дальше второй, восьмой и одиннадцатой клеток, тогда как я выпавшими на мою долю очками — два и четыре — отослан в шестую клетку, а оттуда в двенадцатую. Нет — потому что эту шестую клетку занимает штат Нью-Йорк, в котором, как гласит легенда, «есть один мост…», и этот мост — через водопад Ниагару. Ну, а водопад Ниагара мне чересчур хорошо известен. Я уже раз двадцать там был!.. Слишком уж это избито, повторяю; так же, как американский и канадский водопады, как Пещера Ветров, как Козий остров!.. К тому же это чересчур близко от Чикаго!.. Мне хотелось бы поездить по всей стране, побывать во всех четырех углах Союза, отмахать тысячи миль…

— Но это при условии, что вы всегда в назначенный день и час будете на месте… — сказал священник.

— Разумеется! Будьте уверены, что ничто никогда не заставит меня запоздать хотя бы на одну минуту!

— Но мне кажется, — заметил находившийся среди публики торговец консервами, свежий цвет лица которого говорил в пользу его товара, — мне кажется, что вы могли бы себя поздравить, так как после того, как вы ступите на территорию штата Нью-Йорк, вам надо будет направиться в

Нью-Мексико… А они не так уж близко один от другого…

— Ну, — воскликнул репортер, — ведь их разделяют всего несколько сотен миль!

— Да, если только не быть посланным в крайний пункт Флориды или в какую-нибудь пограничную деревушку штата Вашингтон…

— Вот этого мне и хотелось бы! — объявил Гарри Т. Кембэл. — Пересечь всю территорию Соединенных штатов с северо-запада на юго-восток!..

— Но разве эта шестая клетка, в которой имеется «мост», не обязывает вас уплатить штраф? — спросил священник.

— Ба, тысячу долларов! Вот уж что не разорит *Трибуну*! Со станции Ниагара-Фолс я по телеграфу, пошлю туда чек, который газета поспешит, конечно, оплатить…

— И тем охотнее, прибавил янки, — что этот матч Гиппербона для них является делом…

— Которое к тому же превратится в очень выгодное дело, — ответил уверенным тоном Гарри Т. Кембэл.

— Я в этом так убежден, — сказал коммерсант, — что если бы держал пари, то держал бы за вас…

— И вы хорошо сделали бы, — ответил репортер.

Можно судить по этим ответам, что уверенность Кембэла в своем успехе можно было сравнить только с уверенностью Джовиты Фолей в успехе ее подруги Лисси Вэг.

— А не думайте ли вы, — спросил священник, — что среди ваших конкурентов есть один, которого; по моему мнению, следует опасаться более всех других?

— Кого же именно?

— Седьмого, мистер Кембэл, того, который значится под инициалами X. K. Z.

— Этого «партнера последней минуты»?! — воскликнул журналист. — Ну, что вы! Он только ловко пользуется всей той таинственной обстановкой, которой его окутали. Это своего рода «Человек в маске», так любимый всеми зеваками! Но в конце концов его инкогнито раскроется, и если бы даже он оказался самим президентом Соединенных штатов, то и тогда все равно не было бы никаких оснований бояться его больше, чем кого-либо другого из этих «семи».

Было почти невероятно, чтобы этот седьмой, на котором завещатель остановил свой выбор, оказался президентом Соединенных штатов. Но

в Америке никто не нашел бы ничего неприличного и в том, что первое лицо в Союзе вступило в борьбу с целью оспаривать у своих конкурентов состояние в шестьдесят миллионов Долларов.

Около Семисот миль отделяют Чикаго от Нью-Йорка, но Гарри Кембэлу надлежало сделать только две трети этого пути, не заезжая в этот огромный американский город, что ему вовсе и не улыбалось, так как он знал его еще лучше, чем те знаменитые водопады, куда он теперь отправлялся.

Покинув Чикаго и обогнув озеро Мичиган, поезд достиг штата Индиана, граничащего с Иллинойсом, и стал подниматься по дороге, которая шла в гору, вплоть до самого города Мичиган-Сити. Несмотря на свое название, этот город, однако, не принадлежит к штату того же имени и является одним из портовых городов штата Индиана.

Если самонадеянный репортер избрал этот путь из целой сети других железнодорожных путей этого района, если он проехал Нью-Буффало, если он остановился всего на несколько часов в Джексоне, важном фабричном центре с двенадцатью тысячами жителей, если он продолжал двигаться все дальше и дальше на северо-восток, то это потому, что он решил посмотреть Детройт,

куда и прибыл в ночь с 7 на 8 мая.

На следующий день, после недолгого сна в комфортабельной комнате одной из городских гостиниц, откуда известие о его приезде быстро распространилось по всему городу, он с самого утра получил горячие приветствия от множества любопытных, вернее симпатизирующих ему людей, решивших весь этот день ходить за ним по пятам. Может быть, он не раз пожалел о невозможности скрыться под строгим инкогнито, тем более что, в сущности, дело шло только о беглом осмотре города. Но как избежать известности и славы и всех связанных с ними неудобств, когда вы являетесь главным репортером Трибуны и одним из «семи» матча Гиппербона?!

В результате, окруженный многочисленной и шумной компанией, Гарри Т. Кембэл осмотрел Детройт штата Мичиган, официальной столицей которого является скромный город Лансинг. Это благоденствующий город, выросший из маленького пограничного форта, построенного французами в 1670 году, и названный так по имени пролива шириною в этом месте в четыреста туазов. По этому проливу озеро Гурон несет излишек своих вод в озеро Эри. Напротив возвышается канадский город Виндзор, пред-

местье Лансинга, куда четвертый партнер не заглянул, так как у него едва хватило времени на то, чтобы осмотреть самый Детройт, население которого не превосходит двухсот тысяч человек. Там встретили его с величайшим энтузиазмом и всевозможными пожеланиями, которыми они, без сомнения, с такой же горячностью наградил^ бы любого из семи партнеров.

Гарри Т. Кембэл в тот же вечер отправился дальше. Если бы ему было позволено воспользоваться железнодорожными путями Канады и пересечь южную часть провинции Онтарио, он мог бы через длинный тоннель, проложенный под рекой Сент-Клэр при ее выходе из озера Гурона, достигнуть более прямым путем Буффало и Ниагары. Но въезд на территорию доминиона Канада был ему запрещен. Поэтому ему надо было доехать до штата Огайо, спуститься к Толедо, быстро растущему городу, построенному в южной части озера Эри, затем повернуть по направлению к Сандаски, путешествуя все время среди самых богатых виноградников Америки, и, наконец, по восточной береговой линии озера доехать до Кливленда. О, это великолепный город с населением в двести две тысячи, с улицами, обсаженными кленовыми деревьями, с аллеями Эвклида, прозванными

Елисейскими полями Америки, с предместьями, расположенными амфитеатром на холмах, с природными богатствами, доставляющими неисчерпаемые запасы нефти, которым мог бы позавидовать Цинциннати!..

Потом он проехал Эри-Сити, город штата Пенсильвания, и, покинув этот штат на станции Нортвилл, очутился в штате Нью-Йорк, откуда, промчавшись мимо Денкирка, освещенного газом своих природных источников, вечером 10 мая доехал до Буффало, второго по значению города штата, где за сто лет перед тем он встретил бы лишь тысячи бизонов вместо теперешних сотен тысяч жителей.

Несомненно, Гарри Т. Кембэл хорошо сделал, не задержавшись в этом прелестном городе, на его бульварах и аллеях парка Ниагара, у его элеваторов и на берегу озера, в которое вливаются воды водопада. Было необходимо, чтобы ровно через десять дней — последний срок — он предстал своей собственной персоной в Санта-Фе, столице Нью-Мексико, находившейся на расстоянии тысячи четырехсот миль, из которых не на всех проведены железные дороги.

Вот почему на следующий же день после короткого переезда в двадцать пять миль он уже

подъезжал к деревне Ниагара-Фолс.

Что бы ни говорил репортер об этом знаменитом водопаде, ставшем теперь слишком известным и слишком индустриализованным, причем индустриализация еще усилится, когда будут укрощены все его шестнадцать миллионов лошадиных сил, все равно ничто не может привлечь к себе столько туристов, сколько привлекает водопад Лошадиная Подкова. Ни горная цепь Адирондайк, представляющая собой совокупность ущелий, узких горных проходов, котловин и лесов, — изумительная территория, которую Союз намеревается превратить в национальный заповедник, — ни заграждения на реке Гудсоне, ни Центральный парк Нью-Йорка, ни его Бродвей, ни Бруклин-мост, так дерзко перекинувшийся через Ист-Ривер, — ничто из всех этих чудес не может сравниться с чудесами знаменитого водопада!

Да! Ничто не может сравниться с этим шумным низвержением вод, мчащихся по Ниагарскому каналу из озера Эри в озеро Онтарио! Это мчится река Св. Лаврентия и, на своем пути разбиваясь об один из утесов Козьего острова, образует два водопада: по одну сторону американский, а по другую — канадский, называемый Лошадиной

Подковой. И что за изумительное зрелище — эта гневно клокочущая река, ее страшные скачки у подошв двух водопадов и эти глубокие зеленоватые впадины в центре второго из них! А затем река успокаивается и катит свои укрощенные воды на протяжении трех миль, вплоть до моста Сэспеншен-Бридж, где она вновь разрывает свои оковы и превращается в наводящие ужас стремнины.

Когда-то на крайнем выступе скалистого берега Козьего острова возвышалась Террапин-Тоуэр, башня, окруженная до самой своей верхушки облаками распыленной пены, которая днем образовывала солнечные радуги, а по ночам — лунные. Но эту башню пришлось снести, так как водопад за последние полтора столетия отодвинулся почти на сто футов и башня могла свалиться в пропасть. В последнее время пешеходный мост, так смело перекинутый с одного берега бушующих вод на другой, позволяет туристам любоваться двойным течением реки во всей его красоте.

Гарри Т. Кембэл, сопровождаемый многочисленными приезжими — американцами и жителями Канады, прошел осторожно на середину мостика, стараясь не ступать на ту его часть,

которая принадлежит доминиону Канада. После провозглашения громкого «ура», подхваченного тысячей восторженных голосов, так что оно было слышно, даже несмотря на шум и гул вод, он вернулся в деревушку Ниагара-Фолс, обезображенную теперь соседством большого количества заводов. Но что прикажете делать, когда вопрос идет о возможности утилизировать миллион тонн в час!

Репортер не отправился бродить по зеленеющим рощам Козьего острова, не спускался к гроту Ветров, спрятанному в лесной чаще острова, и не пожелал скрыться на время за густыми завесами водопада, именуемого Лошадиной Подковой, что можно сделать, только перейдя на канадский берег. Но он не забыл явиться в деревенскую почтовую контору, откуда отправил чек на тысячу долларов на имя нотариуса Торнброка, город Чикаго, чек, который тотчас по предъявлении должен был быть оплачен кассиром газеты Трибуна. После полудня, воздав должное превосходному завтраку, данному в его честь, Гарри Т. Кембэл возвратился в Буффало и в тот же вечер уехал из этого города, чтобы к назначенному сроку завершить вторую часть своего маршрута.

Когда он уже садился в вагон, мэр города, по-

чтенный Х. В. Экселтон, сказал ему серьезным тоном:

— Это хорошо удается раз, мистер Кембэл, но не увлекайтесь больше всякими прогулками и поездками, как вы это делали до сих пор…

— А если это доставляет мне удовольствие? — возразил Гарри Т. Кембэл, не любивший никаких замечаний, исходивших даже от таких высокопоставленных лиц. — Мне кажется, что я имею право…

— Нет, мистер Кембэл… Вы так же мало имеете на это право, как какая-нибудь пешка, желающая двигаться, куда ей вздумается, по шахматной доске…

— О! Но ведь я сам себе хозяин, я полагаю?!

— Глубокая ошибка, мистер Кембэл! Вы принадлежите тем, кто держит за вас пари, и в том числе мне, который поставил на вас пять тысяч долларов.

В сущности, почтенный Х. В. Экселтон был прав, и в собственных своих интересах репортер Трибуны даже в том случае, если бы от этого пострадали его заметки, обязан был думать главным образом об одном: как достигнуть назначенного пункта самым быстрым и коротким путем.

К тому же Гарри Кембэлу совершенно незачем

было изучать этот штат Нью-Йорк, в котором он бывал уже столько раз. Железнодорожные сообщения между его центром и Чикаго так же многочисленны, как и просты. Для американцев это дело одного дня, так как их поезда удерживают рекорд пробега одной тысячи миль в сутки.

В общем, Гарри Кембэл не имел основания быть недовольным этим первым ударом игральных костей. Разве он не отсылал его из штата Нью-Йорк в штат Нью-Мексико, где его любопытство туриста могло быть вполне удовлетворено? По всей вероятности, каприз игральных костей направит в штат Нью-Йорк еще и других участников матча, которые там еще не бывали, например Германа Титбюри, Лисси Вэг и ее неизменную спутницу Джовиту Фолей.

Штат Нью-Йорк по своей населенности является первым в Союзе (в нем насчитывается не менее шести миллионов жителей), а по своей территории в сорок тысяч квадратных миль — двадцать девятым. Это «главный штат», как его иногда называют, расположенный в форме треугольника, стороны которого составляют прямые линии. Без сомнения, те из партнеров Гарри Кембэла, которые туда приедут, не будут иметь, так же как и он, возможности оставаться там в течение всех

пятнадцати дней — периода, отделяющего один тираж от другого. Им придется только очень бегло осмотреть водопад и, побывав на Ниагарском мосту, спешить в Санта-Фе, столицу Нью-Мексико. И если в конце концов они решили бы доехать до Нью-Йорка, то на другие города у них уже не осталось бы времени. А между тем большинство из них стоили бы того, чтобы их осмотреть: Олбани, местопребывание представителей законодательной власти, с населением в сто десять тысяч жителей, гордый своими музеями, школами, парками, своим дворцом, постройка которого обошлась не менее чем в двенадцать миллионов долларов; Рочестер, мукомольный центр, город мануфактурный по преимуществу, развивающий индустрию с помощью энергии водопада Дженесси; Сиракузы, город, богатый солью, добываемой из неисчерпаемых солончаков Онондага, и еще много других городов, которыми штат может справедливо гордиться.

Нужно осмотреть самый Нью-Йорк, возвышающийся между реками Гудсоном и Восточной, расположенный на полуострове Манхаттане, где он занимает сейчас площадь в шестьсот квадратных километров, или двенадцать тысяч гектаров. Необходимо осмотреть его бульвары, его памят-

ники, его тысячи церквей, что не так уж много для миллиона семисот тысяч жителей; собор св. Патрика, выстроенный из белого мрамора; Центральный парк, занимающий площадь в триста сорок пять гектаров, с лужайками, рощами, водами, парк, к которому примыкает большой акведук (водопровод) Кротона; его Бруклин-мост, перекинутый через Восточную реку в ожидании дня, когда будет перекинут такой же и через Гудсон; его порт, торговые обороты которого выражаются цифрой в восемьсот миллионов долларов, и его обширный залив, испещренный островами. Среди них находится и Бедлоэ-Айленд, где возвышается колоссальная статуя Бартольди — Свобода, освещающая Мир. Но, повторяю, все эти чудеса не представляли для главного репортера *Трибуны* прелести новизны, а потому, посетив водопад Ниагару, он решил впредь не уклоняться от своего маршрута.

Действительно, было уже 11 мая, ему надо было быть в Санта-Фе самое позднее 21 мая ровно в полдень, а как всем известно, два штата, разделенные расстоянием в тысячу шестьсот миль, не могут назваться соседними!

Покидая Буффало, Гарри Т. Кембэл предполагал вернуться в Чикаго, чтобы направиться далее на

запад по Центральной Тихоокеанской железной дороге. Но так как не было никакой соединительной ветки, идущей прямо в Санта-Фе, то это было бы ошибкой, ибо ему пришлось бы долго ехать на лошадях по стране с очень плохо налаженным транспортом. К счастью, его сотрудники по *Трибуне*, ознакомившись основательно с этой частью Дальнего Запада, составили для него маршрут, сообщенный ему телеграммой в Буффало. Телеграмма, эта заканчивалась так:

> «Не забывайте, что подписавшийся под этой телеграммой поставил на вас сто долларов и что при всяком другом маршруте он рискует их потерять.
>
> Бруман С. Бикгорн, секретарь редакции».

Как же мог тот из «семи», которого так усердно обслуживали друзья, облегчая ему с такой заботливостью исполнение его задачи, — как же мог он не иметь всех шансов явиться первым? Да, без сомнения, но при условии следовать совету почтенного Х. В. Экселтона, другими словами, не задерживаясь несвоевременным рассматриванием окружающего.

«Хорошо, мой добрый Бикгорн, этому маршруту

я и буду следовать, — мысленна сказал себе Гарри Т. Кембэл, — и не позволю себе ни малейшего от него уклонения. Что же касается железной дороги, то об этом тревожиться нечего. Будь спокоен, любезный секретарь редакции! Если случится какое-либо запоздание, то это произойдет не по моему легкомыслию или небрежности, и твои сто долларов будут так же энергично защищаться, как и пять тысяч его превосходительства главного представителя власти Буффало. Я не забываю, что ношу цвет *Трибуны*».

Благодаря строго обдуманной комбинации железнодорожного расписания и поездов Гарри Т. Кембэл не спеша, отдыхая по ночам в лучших отелях, проехал за шестьдесят часов шесть штатов — Огайо, Индиану, Иллинойс, Миссури, Канзас, Колорадо — и 19-го вечером остановился на станции Клифтон, на границе Нью-Мексико.

И если репортер пожал там пятьсот сорок шесть рук, то это значило, что в этой маленькой деревушке, затерянной в глубине необозримых равнин Дальнего Запада, было всего только двести семьдесят три двуруких существа!

Гарри очень рассчитывал провести в Клифтоне спокойную ночь, но велико было его разочарование по выходе из вагона, когда он узнал, что

по случаю значительных исправлений пути движение поездов будет прервано на несколько дней. А он был еще в ста двадцати пяти милях от Санта-Фе, и на переезд у него оставалось не больше тридцати шести часов. Мудрый Бруман Бикгорн этого не предвидел!

К счастью, при выходе из вокзала Гарри Кембэл столкнулся с субъектом полуамериканского, полуиспанского типа, который как будто его ждал. Увидев репортера, тот три раза щелкнул своим бичом — тройная пальба, применявшаяся им, повидимому, всякий раз, когда он с кем-нибудь здоровался. Потом на языке, напоминавшем скорее Сервантеса, чем Купера:

— Гарри Кембэл? — спросил он.

— Я.

— Желаете ли вы, чтобы я отвез вас в Санта-Фе?

— Желаю ли я этого?!

— Значит, решено?

— Твое имя?

— Изидорио.

— Изидорио! Мне нравится.

— Мой экипаж здесь, готов к отбытию.

— Так едем же. И не забудь, мой друг, что если экипаж двигается благодаря своей упряжке, то на

место он прибывает благодаря своему кучеру.

Понял ли испано-американец все то, на что намекал этот афоризм? Возможно.

Это был человек лет сорока пяти — пятидесяти, очень смуглый, с очень живыми глазами, с насмешливым выражением лица, один из тех хитрецов, которые нелегко дают себя провести. А что он был горд тем, что везет важную особу, имевшую один шанс из семи сделаться обладателем шестидесяти миллионов долларов, в этом репортер нимало не сомневался, хотя ничто не было менее достоверно.

Гарри Т. Кембэл ехал в экипаже один. Это не-была какая-нибудь почтовая карета, запряженная шестеркой лошадей, а простая одноколка, способная перенести все трудности пути. Она стремительно понеслась по тряской дороге Об-эй-Трейль, пересеченной многочисленными ручьями, которые они переезжали вброд. Затем, сделав запас провизии на почтовой станции, они отдохнули ночью несколько часов.

На следующий день на заре одноколка помчалась дальше, сделав около сорока миль через Кимаррон, следуя вдоль цепи Белых гор, не встретив в пути, никаких препятствий. Теперь больше уж не приходилось опасаться ни апашей,

ни команчей, ни других племен краснокожих, которые в былые времена бродили по дорогам, так как некоторые из них добились разрешения от федерального правительства сохранять свою независимость.

К полудню Гарри Т. Кембэл проехал форты Юнион и Лас-Вегас и ехал теперь по горным перевалам Моро-Пикс. Это очень гористая, трудная и даже опасная дорога, совершенно неподходящая для быстрого передвижения, так как с низменности надо было подняться на высоту в семьсот или восемьсот туазов над уровнем моря к тому месту, где лежит Санта-Фе.

За этим громадным горным хребтом Нью-Мексико простирается водный бассейн, пополняемый многочисленными притоками, делающими реку Рио-Гранде-дель-Норте одной из великолепнейших рек западного склона Америки. Там начинается одна из очень важных дорог, которая идет в Денвер и способствует торговым сношениям с провинциями Мексики.

В ночь с 20-го на 21-е продвижение одноколки сделалось очень трудным и медленным, и нетерпеливый путешественник не без основания начал бояться, что не успеет приехать в Санта-Фе к сроку. В результате — нескончаемые уговоры и

упреки по адресу флегматичного Изидорио.

— Да ведь ты совсем не двигаешься!..

— Что поделать, мистер Кембэл, ведь у нас только колеса, а нам нужны были бы крылья!

— Но ты, значит, не понимаешь, почему я спешу приехать в Санта-Фе непременно двадцать первого!

— Что ж! Если не будем там в этот день, приедем на следующий…

— Но это будет уж слишком поздно!

— Моя лошадь и я делаем все, что можем, и нельзя требовать большего от одного человека и одного животного.

Изидорио действительно не проявлял никакого упрямства и не щадил себя.

Гарри Т. Кембэл почувствовал, что ему необходимо вызвать в своем вознице больший интерес к той партии, в которой он сам участвовал. Когда экипаж с трудом поднимался по одной из самых крутых дорог горного перевала, посреди густых зеленеющих лесов, следуя по зигзагам лабиринта, покрытого камнями, пнями и свалившимися от старости деревьями, он сказал, обратившись к

своему Автомедону[36]:

— Изидорио, я хочу сделать тебе одно предложение.

— Сделайте, мистер Кембэл.

— Ты получишь тысячу долларов, если я буду завтра до полудня в Санта-Фе.

— Тысячу долларов, говорите вы? — переспросил испано-американец, прищуривая один глаз.

— Тысячу долларов, при условии, разумеется, что я выиграю партию.

— А, — протянул Изидорио, — при условии, что…

— Ну, разумеется.

— Идет… Пусть будет так!

И он стегнул свою лошадь.

В полночь одноколка достигла только вершины горного перевала, и беспокойство репортера усилилось. Будучи не в состоянии сдерживать дольше своего волнения:

— Изидорио, — объявил он, ударяя его по плечу, — я хочу сделать тебе новое предложение.

— Делайте, мистер Кембэл.

— Десять тысяч… да, десять тысяч долларов…

---

[36] Примечания: 36

Автомедон — возничий Ахилла, легендарного древнегреческого героя-полубога, обладавшею неуязвимым телом, за исключением его пяты, откуда и термин «ахиллесова пята».

если я приеду во-время.

— Десять тысяч?.. Что вы говорите! — повторил Изидорио.

— Десять тысяч!

— И опять, если вы выиграете партию?..

— Разумеется.

Чтобы спуститься с горной цепи, не заезжая в Галистео, где можно было бы воспользоваться добавочной железнодорожной веткой, а это отняло бы некоторое время, и поехать по долине реки Никито до города Санта-Фе, находившегося на расстоянии пятидесяти миль, требовалось не менее двенадцати часов.

Правда, дорога была теперь сносная, с небольшим подъемом, а лучшей лошади, чем та, которую Гарри Т. Кембэл получил на последней станции в Туосе, трудно было бы иметь. Теперь была надежда явиться в Санта-Фе к указанному сроку, но только при условии, что они нигде ни на минуту не задержатся и что погода будет им благоприятствовать.

Ночь была великолепная; луна — точно заказанная по телеграфу заботливым Бикгорном; температура воздуха приятная; легкий свежий ветерок, а когда подымался сильный ветер, то он дул в спину и потому не мешал движению экипа-

жа. У дверей гостиницы фыркала от нетерпения лошадь, полная огня, представительница мексико-американской породы лошадей, выросшая в коралях[37] западной провинции.

Что касается того, кто держал в руках вожжи, то лучшего возницу трудно было бы найти. Десять тысяч долларов чаевых! Блеск такой суммы никогда, даже в самых безумных мечтах, не ослеплял его глаз! И тем не менее Изидорио не казался так сильно пораженным этим неожиданно свалившимся на него богатством, как должен был быть, по мнению Гарри Т. Кембэда.

«Может быть, — говорил себе репортер, — негодяй хотел бы больше? Раз в десять больше? В конце концов, что такое какие-то тысячи долларов по сравнению с миллионами Гиппербона?.. Капля воды в море! Ну так что же! Если нужно, я дойду и до ста капель».

И в тот момент, когда они трогались в путь:

— Изидорио! — сказал он ему на ухо. — Теперь дело идет уже не о десяти тысячах долларов...

— Ну? Значит, вы берете назад свое обещание? — воскликнул Изидорио.

— Да нет, мой друг, нет... наоборот!.. Сто ты-

---

[37] Примечания: 37
Кораль — загон для лошадей и домашнего скота.

сяч долларов тебе, если мы до полудня будем в Санта-Фе…

Сто тысяч долларов… говорите?.. — переспросил Изидорио, полузакрыв свой левый глаз. Потом прибавил — Опять же… если вы выиграете?

— Да, если я выиграю.

— А вы не могли бы мне это написать на кусочке бумажки, мистер Кембэл? Всего только несколько слов…

— За моей подписью?

— За вашей подписью и с вашим росчерком…

Само собой разумеется, что словесное обещание в таком важном деле не могло быть достаточным. Гарри Т. Кембэл без всяких колебаний вынул из кармана свою записную книжку и на одном из листков написал, что обязуется выплатить сто тысяч долларов господину Изидорио из Санта-Фе, — обязательство, которое будет точно выполнено, если только репортер окажется единственным наследником Вильяма Дж. Гиппербона. Он подписался, сделал росчерк и отдал бумажку вознице.

Тот взял ее, прочел, бережно сложил, сунул в карман и сказал:

— А теперь — в путь!

Что это была за безумная скачка, что за головокружительная быстрота, как мчалась теперь одноколка по дороге вдоль берега реки Чикито! Но, несмотря на все усилия, рискуя сломать экипаж и свалиться в реку, в Санта-Фе все же нельзя было попасть раньше, чем без десяти минут двенадцать.

Что это была за безумная скачка…

В этой столице насчитывают не более семи тысяч жителей. Штат Нью-Мексико был присоединен к владениям федеральной республики в 1850 году, а зачисление его в состав пятидесяти штатов совершилось за несколько месяцев до всех этих событий, и это позволило покойному чудаку включить его в свою карту.

Впрочем, он остался определенно испанским как по своим нравам, так и по своему внешнему виду, и англо-американский характер прививался к нему очень медленно. Что касается Санта-Фе, то его положение в центре серебряных рудников обеспечивает ему цветущую будущность. По словам его жителей, город покоится на прочном серебряном фундаменте и из почвы улиц можно извлекать минерал, который приносит до двухсот долларов с тонны. Впрочем, для туристов город представляет мало любопытного, если не считать развалин церкви, построенной испанцами почти за три века перед тем, и дворца губернатора, скромной одноэтажной постройки, единственное украшение которой составляет портик с деревянными колоннами.

Что касается испанских и индейских домов, по-

строенных из кирпича-сырца, то есть необожженного кирпича, то некоторые из них представляют собой кубы каменной кладки с проделанными в стенах неправильными отверстиями, подобно тем, какие встречаются в индейских жилищах.

Гарри Т. Кембэл был принят здесь так же, как и по всему пути своего следования. Но он не успел ответить иначе, как выражением общей благодарности на все тянувшиеся к нему семь тысяч рук. Было уже одиннадцать часов пятьдесят минут, а он должен был явиться на телеграф до того, как на городских башенных часах пробьет двенадцать.

Его ждали там две телеграммы, посланные почти одновременно утром из Чикаго. Первая, за подписью нотариуса Торнброка, извещала его о результате произведенного для него второго метания игральных костей. Десять очков, из пяти и пяти, отсылали четвертого партнера в двадцать вторую клетку, в Южную Каролину.

Таким образом, этот бесстрашный, не знающий усталости путешественник, мечтавший о безумных маршрутах, получал желаемое!

Добрых тысячу пятьсот миль предстояло ему «поглотить», направляясь к атлантическому склону Соединенных штатов!..

Он позволил себе только одно замечание:

— Если бы захватить Флориду, то у меня было бы еще несколько лишних сот миль!..

В Санта-Фе американцы хотели отпраздновать прибытие своего компатриота, организовав митинги, банкеты и другие подобные церемонии. Но, к своему большому сожалению, главный репортер газеты Трибуна принужден был от всех таких торжеств отказаться. Наученный опытом, он решил строго следовать советам почтенного мэра города Буффало не позволять себе задерживаться в пути, выбирать самые кратчайшие дороги и вознаградить себя экскурсиями позже, когда он уже приедет на место своего назначения.

К тому же телеграмма, отправленная ему предусмотрительным Бикгорном, заключала в себе новый маршрут, не менее всесторонне обдуманный, чем предыдущий, и товарищи просили Кембэла все время неуклонно придерживаться его. Вот почему он решил в тот же день покинуть столицу Нью-Мексико.

Городские возницы были уже осведомлены о том, что этот ультра-щедрый путешественник сделал для Изидорио, и Гарри Т. Кембэлу оставалось только выбирать, так как все предлагали

ему свои услуги в надежде, что они будут так же хорошо награждены, как и их товарищ.

Без сомнения, может показаться странным, что Изидорио не потребовал для себя чести — что было почти его правом — довезти репортера до ближайшей железнодорожной линии, кто знает, может быть в тайной надежде прибавить еще сто тысяч долларов к тем, которые ему уже обеспечивала расписка Гарри Т. Кембэла. Но возможно также и то, что этот практичный испано-американец чувствовал себя настолько же усталым, насколько и удовлетворенным. Все же он пришел проститься с журналистом, который, уже сговорившись с другим возницей, собирался выехать из города в три часа пополудни.

— Ну, как, любезный? Все хорошо? — спросил его Гарри Т. Кембэл.

— Все хорошо, мистер.

— Ну, а я не считаю, что окончательно с тобой рассчитался тем, что привлек тебя к участию в моем будущем богатстве…

— Вы слишком добры, мистер Кембэл. Я не заслуживаю…

— Да-да… Я еще раз хочу выразить тебе свою благодарность и сказать, что без твоего усердия, без твоей преданности я приехал бы слишком

поздно… Меня исключили бы из партии, если бы я запоздал хотя бы только на десять минут!

Изидорио выслушал эту лестную похвалу, оставаясь, как всегда, спокойным и насмешливым, потом сказал:

— Если вы довольны, мистер Кембэл, то и я тоже…

— А двое составляют пару, как говорят наши друзья французы, Изидорио!

— Значит, это — как для упряжных лошадей?

— Именно. А что касается бумажки, которую я тебе подписал, то храни ее очень бережно. Когда же ты услышишь, что обо мне все будут говорить как о победителе матча Гиппербона, то отправляйся в Клифтон, сядь на поезд, который привезет тебя в Чикаго, и иди прямо в кассу!.. Будь совершенно спокоен, я сумею сделать честь моей подписи.

Изидорио слушал, склонив голову, почесывая лоб, щуря глаза, с видом человека, который хочет что-то сказать, но не решается.

— Ну что же, — проговорил Гарри Т. Кембэл, — разве ты не считаешь себя достаточно вознагражденным?

— Как можно! — ответил Изидорио. — Но… эти сто тысяч долларов… это все… если вы вы-

играете?

— Подумай, любезный, сообрази… Разве же может быть иначе?

— Почему нет?

— Ну, послушай… разве я мог бы иметь возможность заплатить тебе такую сумму, если бы я не получил наследства?

— О, я понимаю, мистер Кембэл… я даже очень хорошо понимаю!.. Поэтому я предпочел бы…

— Что же именно?

— Сотню добрых Долларов…

— Сотню вместо ста тысяч?

— Да — спокойно ответил Изидорио. — Видите ли, я не люблю рассчитывать на случай, и сто добрых долларов, которые вы мне дадите сейчас, — это будет более основательно…

Делать было нечего, и Гарри Т. Кембэл — возможно, в душе сожалея о своей излишней щедрости — вынул из кармана сто долларов и передал их этому мудрецу, который разорвал его расписку и отдал ему кусочки. Репортер уехал, сопровождаемый шумными пожеланиями счастливого пути, и вскоре исчез из виду, уже мчась по шоссейной дороге Санта-Фе. На этот раз новый возница, без сомнения, проявил себя меньшим философом, чем его товарищ.

А когда Изидорио расспрашивали о причине принятого им решения, он отвечал:

— Что ж! Сто долларов — это хорошо… это — сто долларов!.. А доверия у меня к нему не было!.. Человек до такой степени самоуверенный!.. Видите ли… Я не поставил бы за его голову и двадцати пяти центов!

ГЛАВА XI
ПЕРЕЖИВАНИЯ ДЖОВИТЫ ФОЛЕЙ

Лисси Вэг была по очереди пятой отъезжающей. Прошло девять суток с того дня, как уехал из Чикаго Макс Реаль, до того дня, когда она, в свою очередь, должна была покинуть метрополию Иллинойса.

С каким волнением переживала она эту бесконечно тянувшуюся неделю, или, вернее, с каким волнением переживала ее Джовита Фолей! Она никак не могла успокоиться. Не ела, не спала — она не жила. Все приготовления к отъезду были сделаны на следующий же день после первого метания костей 1-го числа в восемь часов утра, а два дня спустя она заставила Лисси Вэг пойти с ней в Аудиториум, где должно было состояться второе метание игральных костей в присутствии все такой же многочисленной, все такой же взволнованной толпы. 5 и 7 мая произошли третье и четвертое метания костей. Еще сорок восемь часов — и судьба произнесет свой приговор подругам, которых больше не разделяли: они вдвоем составляли как бы одну личность.

Нужно, однако, выразиться более точно: Джо-

вита Фолей всецело поглотила Лисси Вэг, а этой последней была предоставлена роль ментора, осторожного и рассудительного, которого, однако, не хотят никогда слушать.

Излишне говорить, что отпуск, который дал Мистер Маршалл Фильд своей второй кассирше и своей главной продавщице, начался 16-го, на другой день после прочтения завещания. С этих пор обе молодые особы были избавлены от необходимости являться каждый день на Мадисон-стрит. Это несколько волновало более благоразумную из них, так как она сомневалась, сможет ли их патрон в том случае, если бы их отсутствие продлилось несколько недель, может быть даже несколько месяцев, обходиться без них.

— Мы сделали ошибку, — повторяла Лисси Вэг.

— Об этом все давно уже сказано, — отвечала Джовита Фолей, — но эту ошибку мы будем продолжать, пока это понадобится.

Говоря так, эта нервная, впечатлительная молодая особа не переставала ходить взад и вперед по маленькой комнате, занимаемой ими на Шеридан-стрит. Она то открывала единственный чемодан, в котором лежали белье и платье, приготовленные для путешествия, желая убедиться, что ничего не забыто, то принималась считать

и пересчитывать имевшиеся у них деньги — всё, что они сэкономили и превратили теперь в кредитные билеты и в золото, — которые не замедлят, конечно, поглотить гостиницы, железные дороги, экипажи и всякие неожиданности, к большому огорчению Лисси Вэг. И Джовита говорила об этом почти со всеми многочисленными жильцами этих громадных домов-ульев Чикаго, насчитывающих семнадцать этажей. Она то спускалась на лифте, то опять поднималась, едва ей удавалось узнать от кого-нибудь в толпе или из газеты какую-нибудь новость.

— Лисси, дорогая, — вскричала она однажды, — он уже уехал, этот мистер Макс Реаль! Только неизвестно, где он сейчас… Он не сообщил даже своего маршрута в Канзас!

Действительно, никакие старания местных хроникеров не в состоянии были найти следов молодого художника, о котором можно было получить известие не раньше 15-го, то есть спустя неделю после того, как Джовита Фолей и Лисси Вэг начнут свое путешествие по Союзу.

— Знаешь, говоря откровенно, — сказала Лисси Вэг, — из всех наших партнеров этот молодой человек единственный, который меня интересует…

— Потому только, что он тебе пожелал счастливого пути? Не так ли? — ответила Джовита Фолей.

— И также потому, что он мне кажется достойным всяких милостей фортуны!

— Но после тебя, Лисси, надеюсь?!

— Нет, раньше.

— Понимаю… Если бы ты не была одной из «семи», то ты именно ему пожелала бы успеха, — ответила Джовита.

— Но я все равно и теперь ему этого желаю.

— Допустим. Но так как ты одна из участниц партии и я тоже в качестве твоей ближайшей подруги, то, прежде чем молить небеса за Макса Реаля, я предложила бы тебе подумать обо мне. К тому же, я тебе повторяю, никто не знает, где он, этот художник. Полагают, что недалеко от Форта Рилей, если только какой-нибудь несчастный случай не…

— Будем надеяться, что этого не случится, Джовита.

— Нужно надеяться, что не случится… Разумеется, разумеется, моя дорогая!

Такими словами, звучавшими в ее устах несколько иронически, Джовита Фолей отвечала обычно на замечания робкой Лисси.

Потом, чувствуя опять желание ее слегка подразнить, она прибавила:

— Ты никогда ничего не говоришь об отвратительном Томе Краббе, а ведь он тоже сейчас в дороге со своим провожатым… Он тоже едет в Техас… Может быть, ты желаешь успеха также и этому представителю ракообразных?

— Я желаю только, чтобы судьба не отослала и нас так далеко, Джовита!

— Пустяки, Лисси!

— Но не забывай, Джовита, что мы только женщины и что какой-нибудь соседний штат был бы для нас несравненно более удобен.

— Согласна, Лисси, но в то же время, если судьба не будет к нам настолько любезной, чтобы потворствовать нашей слабости, и отошлет нас к Атлантическому или Тихому океану или, наконец, к Мексиканскому заливу, то нам все равно придется этому подчиниться.

— Мы подчинимся, потому что ты этого хочешь, Джовита.

— Не потому, что я этого хочу, а потому, что так надо, Лисси. Ты думаешь всегда только об отъезде и никогда о приезде… о великом моменте прибытия в шестьдесят третью клетку… А я думаю об этом и днем и ночью… потом о нашем

возвращении в Чикаго, где нас ждут миллионы в кассе милейшего нотариуса.

— Да!.. Знаменитые миллионы наследства! — улыбаясь, проговорила Лисси Вэг.

— Но скажи, Лисси, неужели другие партнеры выражали так свое неудовольствие? Разве они не подчинились своей участи? Разве чета Титбюри не отправилась в Мэн?

— Бедняги! Мне их жаль…

— О! Ты выведешь меня из терпения в конце концов!.. — воскликнула Джовита Фолей.

— А если ты не успокоишься и будешь продолжать волноваться, как волнуешься всю эту неделю, то захвораешь, и я останусь за тобой ухаживать. Предупреждаю тебя об этом.

— Я?.. Заболею?.. Ты с ума сошла!.. Ведь только нервы меня и поддерживают. Они-то и дают мне бодрость и выносливость, и я буду нервничать в течение всего путешествия!..

— Хорошо, Джовита, но тогда если не ты скоро сляжешь, то я…

— Ты… ты?.. Ну попробуй только заболеть! — воскликнула милая, но чересчур экспансивная особа, бросаясь на шею Лисси Вэг.

— В таком случае, не волнуйся, — возразила Лисси Вэг, отвечая на поцелуй своей подруги, — и

все будет хорошо!

Джовита Фолей не без усилий взяла себя в руки, страшно испугавшись мысли, что ее подруга вдруг сляжет в самый день отъезда.

7-го числа утром, вернувшись из Аудиториума, Джовита Фолей сообщила Лисси последнюю новость, а именно, что четвертый партнер, Гарри Т. Кембэл, получив шесть очков, должен отправиться сначала в штат Нью-Йорк, на Ниагарский мост, а оттуда в Санта-Фе, в штат Нью-Мексико.

По этому поводу Лисси Вэг заметила, что репортеру *Трибуны* придется уплатить, очевидно, штраф!

— Вот что уж ни в коем случае не затруднит его газету, — возразила ее подруга.

— Конечно, нет, Джовита, но очень затруднило бы нас, если бы нам пришлось уплатить тысячу долларов в самом начале или вообще в течение путешествия.

Верная себе, Джовита ответила движением головы, которое ясно выражало: «Этого не случится! Нет! Этого не случится!..»

Но в глубине души именно это ее больше всего и беспокоило, хотя она тщательно это скрывала от всех. И каждую ночь в тревожном сне, который мешал спать также и Лисси Вэг, она громко

говорила о «мосте», о «гостинице», о «лабиринте», о «колодце», о «тюрьме», о всех тех мрачных клетках, которые заставляли участвующих платить штрафы простые, двойные и тройные, для того чтобы иметь право продолжать партию.

Наконец настало 8 мая, и на другой день двум молодым путешественницам надлежало отправиться в путь. Горячими угольями, которые Джовита Фолей постоянно чувствовала у себя под ногами в течение всей этой недели, можно было бы нагреть паровоз большой скорости, и он доставил бы их в самые дальние пункты Америки.

Нечего и говорить, что Джовита Фолей поспешила приобрести путеводитель по Соединенным штатам, самый подробный и самый лучший из всех «Guide-Books»[38], который она без конца перелистывала, читала и перечитывала, хотя совершенно не могла отдать себе отчета в преимуществе одного маршрута перед другим.

К тому же, чтобы быть в курсе дела, достаточно было просматривать газеты столицы или любого города штата. Устанавливалась немедленно письменная связь с теми штатами, в которые воля игральных костей направляла участников

---

[38] Примечания: 38
Guide-Book — справочник-путеводитель.

матча, и особенно с теми местностями, какие были указаны в завещании Вильяма Дж. Гиппербона. Почта, телефон и телеграф беспрерывно работали во все часы дня и ночи. В утренних листках, так же как и в вечерних, можно было найти целые столбцы информаций, более или менее достоверных и фантастических также, надо в этом признаться, и это потому, что случайные читатели и абоненты всегда предпочитают получать хоть фальшивые известия, чем не иметь никаких.

К тому же все эти информации зависели от самих участников партии, от образа действия каждого из них. Таким образом, если сведения, даваемые о Максе Реале, были весьма неосновательны, то это потому, что он никого не посвящал в свои планы, кроме своей матери, и так как он не расписался ни в Омахе, куда приехал с Томми, ни в Канзас-Сити по прибытии туда на пароходе Дин Ричмонд, то репортеры тщетно разыскивали его следы, и никто не знал, что с ним происходит в данное время.

Глубокая неизвестность окутывала также и Германа Титбюри. В том, что он 5-го числа уехал из Чикаго вместе с госпожой Титбюри, никто, конечно, не сомневался. В доме его на Робей-стрит

никого не оставалось, кроме их прислуги, этого колосса в юбке, о которой упоминалось выше. Но никому не было известно, что они путешествовали под вымышленным именем, и потому все усилия репортеров захватить их где-нибудь по дороге оставались тщетными. По всем данным, точных известий об этой чете нельзя было ждать раньше того дня, когда они явятся в почтовое бюро Кале за своей телеграммой.

О Томе Краббе получались довольно подробные вести. Выехавших 3-го числа из Чикаго Мильнера и его компаньона видали и интервьюировали во всех главных городах их маршрута и наконец в Новом Орлеане, где они сели на пароход, чтобы ехать в Галвестон, штат Техас. Газета Фрейе Прессе нашла нужным заметить по этому поводу, что пароход Шерман был американским, другими словами, составлял как бы частичку родины. Так как участникам партии было запрещено покидать национальную территорию, то считалось более приличным не ездить на иностранных пароходах, даже когда эти пароходы оставались все время в водах Союза.

Что касается Гарри Кембэла, то сведений о нем было очень много. Они падали, как апрельский дождь, так как он сыпал телеграммами, газет-

ными заметками, письмами, и это было очень выгодно Трибуне. Таким образом, стали известны его переезды в Джексон и в Детройт, и читатели с нетерпением ждали подробностей о тех приемах и празднествах, которые были организованы в Честь его в Буффало и на Ниагарском водопаде.

Так настало 7 мая. Через день нотариус Торнброк в присутствии Джорджа Хиггинботама должен был объявить в зале Аудиториума о результате пятого метания игральных костей. Еще тридцать шесть часов — и Лисси Вэг станет известна ее судьба.

Легко себе представить, в каком нетерпении Джовита Фолей провела эти два дня, не без основания предаваясь самым беспокойным, волнующим мыслям.

Дело в том, что в ночь с 7-го на 8-е у Лисси Вэг появилась сильнейшая боль в горле и такой острый приступ лихорадки, что ей пришлось разбудить свою подругу, спавшую в соседней комнате.

Джовита Фолей тотчас вскочила с постели, дала ей напиться и тепло укутала, повторяя не очень уверенным голосом:

— Это пустяки, дорогая моя… это пройдет.

— Надеюсь, — ответила Лисси Вэг. — Заболеть теперь было бы чересчур некстати.

Такого же мнения была и Джовита Фолей, которая уже не в состоянии была снова лечь спать и не отходила от постели молодой девушки. Сон ее был очень тревожен.

Джовита Фолей не отходила от постели молодой девушки.

На следующий день, едва рассвело, весь дом уже знал, что пятая участница партии заболела и что необходимо вызвать доктора. Его прождали до девяти часов. Вскоре уже и вся улица, как и дом, была в курсе того, что случилось, за улицей — весь ближний квартал, а за ним и город, так как известие о болезни Лисси распространилось с быстротой электричества, с быстротой, свойственной всем мрачным известиям.

И что было в этом удивительного? Разве мисс Вэг не была героиней дня? Личностью наиболее у всех на виду после отъезда Гарри Кембэла? Разве не на ней сосредотачивалось теперь все внимание публики? Единственной героиней среди всех героев матча Гиппербо-на? И вот Лисси Вэг больна, — может быть, серьезно, — накануне того дня, когда должна была решиться ее судьба.

Наконец объявили о приходе вызванного врача, доктора медицины Пью; это было вскоре после девяти часов. Он начал с того, что спросил Джовиту Фолей о характере молодой девушки.

— Прекрасный… — ответила она.

Тогда доктор, сев у кровати Лисси Вэг, внима-

тельно посмотрел на нее, велел показать язык, пощупал пульс, выслушал и выстукал. Ничего со стороны сердца, ничего со стороны печени, ничего со стороны желудка. Наконец, после добросовестного осмотра, который один стоил четырех долларов:

— Ничего страшного, — сказал он, — если только не произойдет каких-нибудь серьезных осложнений.

— А есть ли основание бояться таких осложнений? — спросила Джовита Фолей, взволнованная словами доктора.

— И да и нет, — ответил доктор Пью. — Нет, если болезнь удастся пресечь в самом начале… Да, если, несмотря на все наши старания, она будет продолжать развиваться и лекарства будут бессильны это остановить.

— Но, во всяком случае, — возразила Джовита Фолей, которую все более и более волновали эти уклончивые ответы, — могли бы вы теперь же определить болезнь?

— Да, и самым категорическим образом.

— Говорите же, доктор!

— Мой диагноз: обыкновенный бронхит… Затронуты нижние доли легких… Есть немного хрипов, но плевра не затронута… Таким образом,

пока опасаться плеврита не приходится… Но…

— Но?..

— Но бронхит может перейти в воспаление, а воспаление— в отек легких… Это именно то, что я называю серьезными осложнениями.

Доктор прописал обычные в таких случаях средства — капли аконита на спирту, успокаивающие кашель, сиропы, теплое питье и отдых — главное, отдых. Потом, обещав заехать еще вечером, исчез, торопясь к себе, не сомневаясь, что его в кабинете уже ждут репортеры.

Произойдут ли те осложнения, о которых говорил доктор, и если произойдут, то что делать?

Ввиду такой грозной возможности Джовита Фолей едва не потеряла голову. В течение последних часов Лисси Вэг казалась ей более слабой, более страдающей. Легкая дрожь говорила о новом приступе лихорадки, пульс бился еще более ускоренно, общая слабость, казалось, увеличилась.

Джовита Фолей, потрясенная морально не менее, чем Лисси Вэг физически, не отходила от ее изголовья, вытирала ее разгоряченный лоб, давала ей микстуру, а потом снова предавалась самым грустным мыслям и роптала на такую несправедливость судьбы.

«Нет, — говорила она себе, — нет! Ни Том Крабб,

ни Титбюри, ни Кембэл, ни Макс Реаль не заболели бы бронхитом накануне своего отъезда!.. Не случилось бы такого несчастья и с командором Урриканом! Нужно же, чтобы все это обрушилось на мою бедную Лисси, обладающую таким цветущим здоровьем!.. И завтра... да, завтра пятый тираж... А что, если вдруг нас отошлют куда-нибудь далеко... далеко... если опоздание на пять или шесть дней помешает нам явиться в срок к месту назначения... если двадцать третье число настанет раньше, чем мы успеем покинуть Чикаго... если будет слишком поздно это сделать и нас исключат из партии еще до того, как мы ее начнем!»

Если... если!.. Это несчастное «если», не переставая, вертелось в мозгу Джовиты Фолей и заставляло кровь приливать к ее вискам.

Около трех часов приступ лихорадки начал слабеть. Лисси Вэг вышла из состояния глубокой прострации, но кашель как будто усилился. Открыв глаза, она увидела Джовиту Фолей, склоненную над ее изголовьем.

— Ну, как же ты себя сейчас чувствуешь? — спросила она. — Лучше, не правда ли?.. И скажи, что мне сейчас тебе дать?

— Выпить чего-нибудь, — ответила мисс Вэг

голосом, очень изменившимся от боли в горле.

— Вот, голубчик… прекрасное питье: горячее молоко с содовой водой!.. А потом, доктор тебе велел… всего только несколько порошков…

— Все, что ты хочешь, моя милая Джовита!

— В таком случае, все устроится само собой… да… само собой!

— Ты ведь знаешь, голубчик, — сказала Лисси Вэг, — что когда острый приступ лихорадки проходит, чувствуется всегда большая слабость и в то же время некоторое облегчение…

— Значит, ты начинаешь выздоравливать! — воскликнула Джовита Фолей. — Завтра все пройдет!

— Начинаю выздоравливать?.. Уже?.. — прошептала больная, пытаясь улыбнуться.

— Да… уже… и, когда доктор вернется, он, наверно, скажет, что ты можешь встать!

— Но ты должна сознаться, Джовита, что мне, правда, очень не везет!

— Не везет?.. Тебе?!

— Да, мне… И судьба очень ошиблась, не выбрав тебя на мое место! Завтра ты была бы уже в Ауди-ториуме… и могла бы в тот же день выехать…

— Чтобы я уехала, оставив тебя в таком состоянии?.. Никогда!

— Я сумела бы тебя заставить!

— К тому же не в этом дело, — ответила Джовита Фолей, — не я пятая участница партии, не я будущая наследница покойного Гиппербона… это все ты! Обдумай все хорошенько, моя дорогая!.. Ведь ничего не будет потеряно, если наш отъезд отложится на сорок восемь часов… У нас еще останется целых тринадцать дней на путешествие, а в тринадцать дней можно проехать от одного конца Соединенных штатов до другого!

Лисси Вэг не хотелось ответить, что ее болезнь могла продлиться неделю и больше — кто знает, может быть, даже больше двух недель, — и она удовольствовалась только тем, что сказала:

— Обещаю тебе, Джовита, выздороветь как можно скорее.

— Я большего и не прошу! А сейчас довольно болтать, не утомляй себя, постарайся немного заснуть… а я посижу здесь, около тебя…

— Ты кончишь тем, что сама заболеешь…

— Я?.. Будь спокойна… И к тому же у нас очень хорошие соседи, которые меня всегда заменили бы, в случае надобности… Спи спокойно, моя Лисси!

Пожав руку своей подруги, Лисси отвернулась и тотчас уснула.

Но беспокоило и раздражало Джовиту Фолей то, что после полудня на улице перед их домом началось необычайное для этого квартала оживление. Уличный шум был так велик, что мог бы разбудить Лисси Вэг, спавшую на девятом этаже дома. По тротуарам взад и вперед шагали любопытные. Деловые с виду люди останавливались перед домом № 19 и о чем-то друг у друга осведомлялись. Одна за другой подъезжали кареты и после небольшой остановки мчались дальше, к городским кварталам.

— Как-то она сейчас? — спрашивали одни.

— Ей хуже, — отвечали другие.

— Говорят, тяжелая форма лихорадки.

— Нет, тиф…

— Ах, бедная барышня!.. Некоторым людям, правда, не везет!

— Но ведь она — одна из «семи» матча Гиппербона.

— Нечего сказать, большое преимущество, если им нельзя воспользоваться!

— Если бы даже Лисси Вэг и была в состоянии сесть в поезд, разве она могла бы перенести все трудности, связанные со столькими переездами?

— Прекрасно сможет… если партия закончится всего в несколько ходов… Это вполне возможно!

— А если она продлится еще месяц?

— Никогда нельзя полагаться на случай…

И тысяча подобных же замечаний.

Само собой разумеется, что многие любопытные, быть может держатели пари, и, без сомнения, многие репортеры явились в этот день на квартиру к Джовите Фолей. Но, несмотря на настойчивые требования принять их, она отказала всем. Отсюда целый ряд противоречивых известий, или преувеличенных, или с начала до конца фальшивых, о болезни Лисси Вэг, известий, которые очень быстро распространились по городу. Но Джовита Фолей не сдавалась и ограничивалась тем, что, подходя к окну, проклинала все усиливавшийся уличный гул. Она сделала исключение только для одной из служащих дома Маршалл Фильд, которой дала самые успокоительные сведения: «Катар горла… легкая простуда…»

Около пяти часов вечера, когда уличный шум опять усилился, она высунулась из окна и среди одной группы людей, очевидно очень взволнованных, узнала… кого? Годжа Уррикана! Ему сопутствовал человек лет сорока, по виду матрос, широкоплечий, сильный, подвижной, жестикулировавший не переставая. Казалось, он был еще

более бешеного темперамента, чем страшный командор.

Разумеется, не из участия к молоденькой партнерше Годж Уррикан явился в этот день на Шеридан-стрит и стоял под ее окнами, с которых не сводил глаз. И это в то время, как его компаньон, что прекрасно видела Джовита Фолей, демонстративно грозил кому-то кулаком с видом человека, который не в силах долее сдерживаться.

И когда в окружавшей его толпе разнеслось известие, что болезнь Лисси Вэг не представляла ничего серьезного:

— Какой болван это сказал? — проревел он.

Тот, кто принес это известие, разумеется, не пожелал себя назвать, боясь неприятных последствий.

— Плохо… ей очень плохо!.. — объявил командор Уррикан.

— Все хуже и хуже, — добавил его компаньон, — и если кто-нибудь попробует утверждать противное…

— Послушай, Тюрк, держи себя в руках!

— Чтобы я держал себя в руках?! — заревел Тюрк, ворочая глазами, как разъяренный тигр. — Это легко вам, мой командор, который, как известно, самый терпеливый из людей! Но мне…

слушать подобного рода разговоры!.. Это выводит меня из себя… А когда я вне себя…

— Хорошо… А теперь довольно! — приказал Годж Уррикан, дергая за руку своего компаньона с такой силой, точно хотел ее оторвать.

После этих нескольких фраз можно было притти к заключению, — многие сочли бы это невероятным, — что на свете существовал человек, по сравнению с которым командор Годж Уррикан казался ангелом кротости.

Во всяком случае, если оба эти субъекта явились сюда, то только в надежде получить плохие известия и удостовериться в том, что в матче Гиппербона будут участвовать всего только шесть партнеров.

Так именно думала Джовита Фолей, с трудом удерживаясь, чтобы не выйти на улицу. Ей хотелось поступить с этими двумя субъектами так, как они того заслуживали, рискуя быть растерзанной этим страшным зверем в человеческом образе.

Короче говоря, в результате всех этих обстоятельств все газеты, появившиеся около шести часов вечера, оказались переполненными самыми странными противоречиями.

По одним — здоровье Лисси Вэг окрепло благо-

даря заботам врача, и ее отъезд ни на один день не будет отложен. По другим — хотя болезнь и не представляла ничего серьезного, тем не менее мисс Вэг потребуется некоторое время для отдыха, и она не сможет отправиться в путешествие раньше конца недели.

Газеты *Чикаго Глоб* и *Чикаго Ивнинг Пост*, расположенные к девушке, оказались особенно пессимистическими: в них сообщалось о консилиуме светил науки… о необходимости операции…

«Мисс Вэг сломала себе руку» — сообщала первая газета. «Ногу» — сообщала вторая. А нотариус Торнброк, исполнитель завещания покойного, получил анонимное письмо, в котором ему сообщали, что пятая партнерша отказывалась от своей доли наследства. Что же касается газеты Чикаго Мэйл, редакторы которой разделяли симпатии и антипатии командора Уррикана, то эта газета без всяких колебаний объявила, что Лисси Вэг в этот день между четырьмя часами сорока пятью минутами и четырьмя часами сорока семью минутами пополудни скончалась.

Когда эти новости дошли до Джовиты Фолей, с ней едва не сделалось дурно; к счастью, доктор Пыо во время своего вечернего визита до некото-

рой степени ее успокоил.

— Нет!.. Это только обыкновенный бронхит, — повторял он. — Никаких симптомов страшного воспаления или еще более страшного отека легких нет. До сих пор, по крайней мере… Достаточно будет нескольких дней спокойствия и отдыха…

— Но скольких же именно?!

— Может быть, семи или восьми.

— Семи или восьми?!

— При условии, чтобы больная не подвергалась ни малейшему сквозному ветру.

— Семь или восемь дней!.. — повторяла несчастная Джовита Фолей, ломая руки.

— И притом — если не произойдет никаких серьезных осложнений…

Ночь прошла беспокойно. Снова появилась лихорадка — приступ, который продолжался до самого утра и вызвал сильнейшую испарину. Но боль в горле уменьшилась, и откашливание становилось постепенно менее затруднительным.

Джовита Фолей не ложилась спать. Бесконечные часы провела она у изголовья своей бедной подруги. Какая сиделка могла бы сравниться с ней в заботах, в рвении и во внимании? Но она никому не уступила бы своего места.

На следующий день после небольшого недомо-

гания и возбуждения, обычных по утрам, Лисси Вэг снова заснула.

Было 9 мая, и в этот день в зале театра Аудиториум должно было состояться пятое метание игральных костей матча Гиппербона. Джовита Фолей отдала бы десять лет своей жизни, чтобы там быть. Но оставить больную! Нет… об этом нечего было и думать. Случилось так, что Лисси Вэг скоро проснулась и, подозвав к себе подругу, сказала:

— Милая Джовита, попроси нашу соседку притти сюда заменить тебя около меня.

— Ты хочешь, чтобы…

— Я хочу, чтобы ты отправилась в Аудиториум… Ведь туда надо к восьми часам, не так ли?

— Да… к восьми…

— Ну вот… через двадцать минут ты вернешься… Мне приятно, что ты там будешь… и так как ты веришь в мою удачу…

«Еще бы!» вскричала бы Джовита Фолей за несколько дней перед тем, но в этот день она так не сказала. Она только поцеловала больную в лоб и предупредила соседку, почтенную особу, которая тотчас же пришла и уселась у изголовья постели. Потом Джовита сбежала с лестницы и, сев в первую попавшуюся карету, велела ехать к

Аудиториуму.

Было без двадцати восемь, когда Джовита Фолей подошла к дверям зала, уже переполненного публикой. Ее тотчас узнали и закидали вопросами:

— Как себя чувствует мисс Лисси Вэг?

— Вполне хорошо, — заявила она и попросила, чтобы ее пропустили к эстраде, что было тотчас исполнено.

Так как известие о смерти молодой девушки появилось уже во многих утренних газетах, то некоторые из присутствующих удивились, что ее самая близкая подруга была в этой толпе и даже не в трауре.

Без десяти минут восемь председатель и члены *Клуба Чудаков*, сопровождаемые нотариусом Торнброком со всегдашними алюминиевыми очками на носу, появились на эстраде и уселись вокруг стола. Карта штатов была разложена перед нотариусом. Около кожаного футляра лежали две игральные кости. Еще пять минут, и на стенных часах зала пробьет ровно восемь.

Внезапно громовый голос прервал тишину, которая водворилась не без труда.

Этот голос нельзя было не узнать: так гудеть мог только голос командора.

Годж Уррикан попросил слова, ему необходимо было сделать одно маленькое замечание, что и было ему разрешено.

— Мне кажется, господин председатель, — сказал он, повышая голос по мере того, как развивалась фраза, — мне кажется, чтобы неуклонно и точно исполнить волю покойного, лучше было бы не приступать к этому пятому метанию костей, так как пятая партнерша не в состоянии…

— Да… да!.. — проревели некоторые из группы, окружавшей Годжа Уррикана, и громче всех других проревел голос страшного человека, сопровождавшего накануне командора и стоявшего под окнами Джовиты Фолей.

— Молчать, Тюрк!.. Молчать!.. — приказал командор Уррикан, точно он обращался к собаке.

— Чтобы я замолчал!..

— Тотчас же!

Под мечущим искры взглядом Уррикана Тюрк замолчал, и командор продолжал:

— Если я делаю это предложение, то только потому, что имею самое серьезное основание предполагать, что пятая партнерша не может выехать ни сегодня, ни завтра…

— Ни даже через неделю! — закричал один из присутствующих, сидевших в зале.

— Ни через неделю, ни через две недели, ни через месяц, — подтвердил командор Уррикан, — и это потому, что сегодня утром, в пять часов сорок семь минут, она умерла!

Сдержанный шопот прокатился по залу, но его покрыл женский голос, отчетливо произнесший:

— Это ложь! Ложь! Ложь, потому что я, Джовита Фолей, всего двадцать пять минут тому назад оставила Лисси Вэг живой и выздоравливающей!

Новый взрыв криков и протестов раздался из группы Уррикана. После формального заявления командора поведение Лисси Вэг доказывало, что она не желала считаться ни с какими требованиями приличий! Разве она не должна была умереть, раз он категорически заявил о ее смерти?

Тем не менее считаться со словами Годжа Уррикана было теперь трудно. А бешеный субъект продолжал настаивать, лишь несколько изменив свои аргументы. Вот что он заявил:

— Пусть будет так… пятая партнерша не умерла, но в то же время ей все не лучше!.. Ввиду создавшегося положения я прошу, чтобы моя очередь подвинулась и чтобы то метание костей, которое произойдет через несколько минут, было бы для шестого партнера, который, таким образом,

должен будет занимать с этих пор пятое место.

Новый гром криков в ответ на это требование и топот Годжа Уррикана были поддержаны его единомышленниками, вполне достойными плавать под его флагом.

В конце концов нотариусу Торнброку удалось усмирить это неистовствующее собрание, и когда снова водворилась тишина:

— Предложение Годжа Уррикана, — сказал он, — основано на неверном понимании воли завещателя и находится в полном противоречии с правилами благородной игры Североамериканских Соединенных штатов. Каково бы ни было состояние здоровья пятой партнерши, даже в том случае, если бы оно ухудшилось и ее пришлось бы вычеркнуть из числа живых, все равно мой долг, долг исполнителя завещания покойного Вильяма Гиппербона, требует, чтобы мы приступили к тиражу, назначенному на девятое мая для мисс Лисси Вэг. Через две недели, если она окажется не на своем посту, останется ли она в живых или нет, все равно, она будет лишена своих прав, и партия будет продолжаться при участии не семи, а шести партнеров.

Последовали бурные протесты Годжа Уррикана. Голосом, полным негодования, он заявлял, что

если кто-нибудь и понимал неверно волю завещателя, то это сам нотариус Торнброк, хотя его и поддерживали члены Клуба Чудаков. Произнося эти столь грозные слова, командор был красен от гнева, но его красное лицо казалось бледным рядом с совершенно багровой физиономией его компаньона.

Вот почему Годж Уррикан чувствовал, что ему необходимо было удержать Тюрка около себя, чтобы предотвратить какое-нибудь несчастье.

— Куда ты? — спросил он, остановив его в тот момент, когда Тюрк пытался от него ускользнуть.

— Туда, — ответил Тюрк, указывая кулаком на эстраду.

— Зачем?

— Затем, чтобы схватить этого Торнброка за шиворот и выбросить вон, как какую-нибудь морскую свинью…

— Сюда, Тюрк!.. Сюда! — скомандовал Годж Уррикан.

И присутствовавшие услышали в груди Тюрка нечто похожее на глухое рычание, какое издает плохо укрощенный дикий зверь, готовый броситься на своего укротителя.

Пробило восемь часов, глубокая тишина водво-

рилась в зале.

Тогда нотариус Торнброк, может быть немного более обычного взволнованный, правой рукой взял пустой футляр, левой положил в него игральные кости и потряс ими, то подымая футляр, то опуская. Послышался легкий стук маленьких костяшек, ударившихся о кожаные стенки футляра, и когда их выбросили, они подкатились к самому краю стола.

Нотариус Торнброк пригласил Джорджа Б. Хигинботама и его коллег проверить выброшенное число очков и звонким голосом произнес:

— Девять, из шести и трех.

Счастливое число, так как пятый партнер одним скачком попадал в двадцать шестую клетку, штат Висконсин.

Глава XII
ПЯТАЯ ПАРТНЕРША

— О, дорогая Лисси, какой счастливый… какой изумительный удар костей!.. — восторженно вскричала Джовита Фолей.

Она быстро вошла в комнату, забыв в эту минуту о том, что могла взволновать больную, которая, может быть, отдыхала. Но Лисси Вэг не спала. Все еще очень бледная и слабая, она разговаривала с пожилой женщиной, сидевшей около ее постели.

После того как нотариус Торнброк объявил о числе выпавших очков, Джовита Фолей покинула Аудиториум, оставив присутствующих предаваться своим размышлениям, а Годжа Уррикана — донельзя взбешенным тем, что не на его долю выпал такой счастливый удар.

— Какое же число выбросили кости? — спросила Лисси Вэг, слегка приподнимаясь на подушках.

— Девять, милочка, девять, из шести и трех, что отсылает нас сразу в двадцать шестую клетку!

— А эта клетка?

— Штат Висконсин… город Милуоки, в двух

часах… всего только в двух часах езды скорым поездом!

Действительно, для начала партии лучшего нельзя было и желать.

— Нет… нет! — продолжала восторженная особа. — Я прекрасно знаю, что девять очков, из пяти и четырех, отослали бы нас прямехонько в пятьдесят третью клетку… А эта клетка… посмотри на карту… ведь это Флорида!.. Представляешь себе нас, отправляющихся во Флориду? Можно сказать, на самый конец света!

И, разгоряченная, красная, взволнованная, она обмахивалась картой, как веером.

— Ты безусловно права, — ответила Лисси Вэг. — Флорида — это действительно немного слишком уж далеко…

— Все удачи, дорогая моя, тебе, тебе одной, — повторяла Джовита Фолей, — а все неудачи другим…

— Будь немного повеликодушнее, Джовита.

Если хочешь, могу исключить из их числа Макса Реаля, так как ты желаешь ему всяких благ…

— Без сомнения…

— Но вернемся к делу, Лисси… Двадцать шестая клетка! Ты должна отдать себе ясный отчет в том преимуществе, которое это нам доставит!..

До сих пор первым был этот журналист Гарри Т. Кембэл, но он только еще добрался до двенадцатой клетки, тогда как мы!.. Еще тридцать семь очков… всего только тридцать семь очков… и мы достигнем цели!

Ее несколько разочаровало, что Лисси Вэг, казалось, не разделяла ее энтузиазма.

— У тебя такой вид, точно ты не рада!.. — вскричала она.

— Рада, Джовита, рада!.. Мы отправимся в Висконсин, в город Милуоки!

— О, у нас еще есть время, дорогая моя Лисси!.. Это не завтра и даже не послезавтра!.. Через пять или шесть дней, когда ты совсем поправишься… Может быть, даже через пятнадцать, если так будет нужно! Только бы нам быть на месте двадцать третьего в полдень…

— В таком случае, все к лучшему, раз ты довольна.

— Довольна ли я, моя дорогая? Я настолько же довольна, насколько недоволен командор… Этот отвратительный человек хотел сделать так, чтобы ты оказалась вне конкурса… Хотел заставить нотариуса Торнброка предоставить этот пятый удар ему, командору, под предлогом, что ты все равно не смогла бы им воспользоваться… Что ты

должна будешь лежать в течение нескольких недель… Он дошел до того, что заявил, что тебя нет больше на свете… О, это отвратительный морской волк!.. Ты знаешь, я ведь никому не желаю зла, но этот командор! Я от души желаю ему заблудиться в «лабиринте», свалиться в «колодец», заплесневеть в «тюрьме», быть вынужденным платить всякие штрафы — простые, двойные и тройные, одним словом, желаю всех тех неприятностей, которые выпадают в этой игре на долю неудачников! А если бы ты слышала, как нотариус ему ответил! О, этот очаровательный нотариус! Мне хотелось его расцеловать!

Оставляя в стороне некоторую долю преувеличения, свойственную молодой девушке, нужно признать, что Джовита Фолей была права. Эти выброшенные девять очков, составленные из шести и трех, означали один из лучших ходов, какие только можно желать для начала игры, так как это давало Лисси Вэг не только возможность обогнать первых четырех партнеров, но и оставляло ей достаточно времени для полного выздоровления.

Действительно, штат Висконсин находится рядом со штатом Иллинойс, от которого его отделяет на юге только сорок вторая параллель. На

западе его границу составляет река Миссисипи, на востоке — озеро Мичиган и на севере — частично озеро Верхнее. Его столица — Мадисон; Милуоки — это метрополия. Построенный на берегу озера, менее чем в двухстах милях от Чикаго, этот город часто, быстро и регулярно сносится со всеми торговыми центрами Иллинойса.

Итак, день 9 мая, грозивший большими неприятностями, начинался очень счастливо. Правда, волнение, которое испытала больная, несколько ухудшило ее состояние, и когда пришел доктор медицины Пью, он нашел ее немного более нервной, чем накануне. Приступы кашля, иногда очень резкие, сопровождались общей слабостью и небольшим повышением температуры. Ничего нельзя было, однако, предпринять нового, так как прежде надо было закончить принимать уже начатые лекарства.

— Отдых… главное, отдых, — повторял доктор Джовите Фолей, которая его провожала. — Я вам очень советую, мисс, устранять от больной всякое волнение… пусть она остается одна, пусть больше спит…

— Скажите, доктор, ее состояние вас сейчас не очень беспокоит? — спросила Джовита Фолей, чувствуя себя во власти новых опасений.

— Нет… Повторяю: это только бронхит, который еще не кончился… Ничего угрожающего со стороны легких, ничего со стороны сердца… Главное, берегите ее от сквозного ветра… Да, еще нужно, чтобы она себя поддерживала питанием, насильно заставляя себя почаще что-нибудь есть — бульон, молоко…

— Но, доктор… Скажите, если не произойдет каких-нибудь серьезных осложнений…

— Которые всегда лучше предвидеть…

— Да, я знаю… То можно ли надеяться, что наша больная поправится через неделю?

Доктор ничего не ответил и только наклонил голову, что не было особенно успокоительно.

Джовита Фолей, достаточно взволнованная, согласилась не оставаться подолгу в комнате Лисси Вэг и сидела в своей, оставив дверь между ними полуоткрытой.

Разложив на столе карту благородной игры Американских Соединенных штатов и свой путеводитель, она принялась изучать штат Висконсин, его климат, нравы его жителей, и все это в таких подробностях, точно она собиралась оставаться там всю жизнь.

Газеты Союза, как и надо было ожидать, поместили на своих страницах отчет о пятом метании

игральных костей. Во многих из них говорилось и об инциденте с Уррикаком, причем одни поддерживали претензии бешеного командора, другие их осуждали. Но большинство было все же настроено против него. Нет! Он не имел никакого основания требовать, чтобы ему предоставили право воспользоваться результатом этого метания игральных костей; и все одобряли нотариуса Торнброка, который применил правила, изложенные в завещании, во всей их строгости.

К тому же, что бы ни говорил Годж Уррикан, Лисси Вэг не умерла и умирать не собиралась. Это вызвало в публике естественный подъем симпатий к больной, которая в глазах всех сделалась теперь более интересной, хотя все-таки трудно было думать, чтобы она могла вынести до конца всю тяжесть таких переездов. Что же касается ее болезни, то это не было даже настоящим бронхитом, и через сутки все должно было пройти.

Разложив на столе карту и путеводитель, Джовита принялась изучать штат Висконсин.

Но тем не менее, так как читатели газеты всегда очень требовательны ко всяким информациям, бюллетень о состоянии здоровья пятой партнерши печатался два раза в день, так, как если бы дело шло о здоровье какой-нибудь принцессы крови.

День 9 мая не принес никаких изменений в состоянии больной, и оно не ухудшилось ни в следующую ночь, ни в день 10 мая, что заставило Джовиту Фолей вывести заключение, что одной недели будет совершенно достаточно для того, чтобы поставить больную на ноги. И к тому же, если бы даже ее выздоровление потребовало десяти, одиннадцати, двенадцати, даже тринадцати, даже пятнадцати дней, все равно, раз дело шло лишь о коротком, всего двухчасовом переезде… Только бы обе они явились 23-го числа в полдень в Милуоки, как того требовал устав матча Гиппербона! А если бы понадобился потом маленький отдых, то отдохнуть можно было бы в метрополии.

Ночь с 10-го на 11-е прошла довольно спокойно.

Приступов озноба у Лисси Вэг почти уже не было, и были все основания думать, что лихорадка закончилась. Кашель оставался еще довольно сильным, но хрипов становилось все меньше, дыхание делалось все свободнее, так что никаких новых осложнений ожидать было уже нельзя.

Когда на следующее утро Джовита Фолей вошла в комнату больной, Лисси, видимо, чувствовала себя значительно бодрее. Перед тем Джовиты Фолей не было дома в течение целого часа. Но куда она уходила? Об этом она ни слова не сказала даже соседке, которая ничего по этому поводу не могла сообщить мисс Вэг.

Едва только Джовита Фолей вошла в комнату своей подруги, как, не успев даже снять шляпу, поспешила к постели больной и крепко ее поцеловала, причем лицо у нее было такое оживленное, глаза блестели так хитро и весело, что Лисси не могла не спросить:

— Да что с тобой сегодня?

— Ничего, дорогая моя… ничего… это только потому, что у тебя сегодня гораздо более здоровый вид, моя дорогая, и потом, погода такая чудная!.. Это майское солнце… все эти лучи, которые точно вдыхаешь, точно пьешь… О, если бы ты могла хоть часок посидеть у окошка… вместо лекарства

принять хорошую дозу солнца!.. Я уверена, что это сразу тебя бы вылечило, но… нельзя позволять себе никаких неосторожных поступков, чтобы не произошли осложнения…

— Но куда же ты уходила, Джовита?

— Куда уходила? Прежде всего в магазин «Маршалл Фильд», чтобы сообщить о твоем здоровье… Наши патроны ежедневно об этом осведомляются, и мне хотелось их поблагодарить!

— Ты хорошо сделала, Джовита! Они были очень добры, разрешив нам такой продолжительный отпуск… А когда он кончится…

— Все выяснено… все выяснено, моя дорогая, они никого не возьмут на наше место.

— Ну, а потом?.

— Потом? Что потом?

— Ты нигде больше не была?

— Где я еще была?

Казалось, что Джовита Фолей не решалась ответить на этот вопрос. Но долго она не в состоянии была выдержать. И ей помогла Лисси Вэг, спросив:

— Ведь сегодня, кажется, одиннадцатое мая, не правда ли?

— Одиннадцатое, моя дорогая, — ответила Джовита восторженным тоном, — и если бы не этот

твой бронхит, то вот уже два дня, как мы могли бы жить в гостинице в этом очаровательном городе Милуоки…

— Но в таком случае, — прервала, ее Лисси Вэг, — если сегодня одиннадцатое, то, значит, шестое метание игральных костей уже было…

— Разумеется!

— А это значит…

— Это значит… Нет, знаешь, ничто никогда не доставляло мне такого удовольствия… Никогда! Нет, подожди, я должна тебя поцеловать!.. Я не хотела тебе все это рассказывать, потому что тебя нельзя волновать… но я не могу, это выше моих сил!..

— Но говори же, Джовита…

— Представь себе, милочка, ведь он тоже получил девять очков… но составленные из четырех и пяти.

— Кто он?

— Командор Уррикан.

— Да? Но мне кажется, что это еще лучше…

— Да, лучше, потому что он сразу попадает в пятьдесят третью клетку, значительно опережая всех других… Но, с другой стороны, это очень нехорошо…

И Джовита Фолей предалась неудержимым

проявлениям радости, настолько же шумным, насколько и необъяснимым.

— Но почему же это нехорошо?. — спросила Лисси Вэг.

— Потому что командор отослан к чорту на кулички.

— К чорту на кулички?

— Да!.. В самую глубину Флориды!

Таков был действительно результат тиража этого утра, о котором с видимым удовольствием объявил нотариус Торнброк, все еще сердитый на Годжа Уррикана. Как же был принят этот результат самим командором? Он был, видимо, страшно взбешен, и возможно, что ему пришлось принять серьезные меры, чтобы удержать Тюрка от какой-нибудь совсем уж дикой выходки. Но по этому поводу Джовита Фолей ничего не могла сказать, так как она немедленно, после того как стало известно число выброшенных очков, покинула зал Аудиториума.

— В глубь Флориды! — повторяла она. — В самую глубь Флориды, дальше, чем за две тысячи миль отсюда!

Но эта новость не взволновала больную так, как опасалась Джовита Фолей. Ее доброе сердце заставило ее скорее пожалеть командора.

— Так вот как ты это воспринимаешь! — воскликнула ее так легко возбуждающаяся подруга.

— Да... бедный командор! — тихо прошептала Лисси Вэг.

День прошел недурно, хотя настоящее выздоровление еще не наступило. Во всяком случае, не было уже больше оснований бояться тех серьезных осложнений, которые осторожный врач всегда предвидит.

Начиная со следующего дня, с 12 мая, Лисси Вэг начала есть с большим аппетитом и почувствовала себя немного крепче. Хотя лихорадка совершенно исчезла, ей не сразу было позволено вставать с постели, и время для обеих тянулось необыкновенно долго, особенно для Джовиты Фолей. Она часто сидела в комнате больной, и разговор — не в форме диалога, а скорее в форме монолога — бывал порой очень оживлен.

А о чем стала бы говорить Джовита Фолей, как не об этом штате Висконсин, по ее словам, самом красивом, самом интересном из всех штатов Союза! С путеводителем в руках, она болтала не переставая. И если Лисси Вэг, задержанная болезнью, могла пробыть там не более Нескольких часов, то она, Джовита Фолей, во всяком случае уже успела, изучить его так хорошо, как если бы

провела там несколько недель.

— Представь себе, моя дорогая, — говорила она восторженным тоном, — представь себе, что раньше этот штат назывался Месконсин, по имени реки, протекающей там, и что нигде в мире нет страны, которая могла бы с ним сравниться. На севере до сих пор еще видны остатки старых сосновых лесов, покрывавших когда-то всю его территорию. В нем имеются лечебные источники, превосходящие даже источники штата Виргиния, и я уверена, что если бы твой бронхит…

— Но, — заметила Лисси Вэг, — разве же мы сейчас едем не в Милуоки?

— Да, в Милуоки, важнейший город штата. Это слово на старом индейском языке означает «прекрасная страна». Город с населением в двести тысяч душ, среди которых немало немцев… Его называют поэтому германо-американскими Афинами… О, если бы мы были сейчас там, какие восхитительные прогулки мы совершили бы по скалистому берегу реки, окаймленной прекраснейшими зданиями! Все сплошь красивые, безукоризненно чистые кварталы с домами из молочно-белого кирпича… Этим и заслужил город название… Неужели ты не догадываешься, какое?.

— Да, Джовита?

— Крем-Сити, моя дорогая… Сливочного города!.. В него хотелось бы обмокнуть хлеб… О, зачем только этот проклятый бронхит не позволяет нам отправиться туда тотчас же!

Штат Висконсин насчитывал еще много других городов, которые они успели бы посмотреть, если бы выехали из Чикаго 9-го числа. Среди них город Мадисон, построенный, как бы на мосту, на перешейке, соединяющем озеро Мендота с озером Монона. Потом еще несколько захолустных городишек с курьезными названиями, с изумительными по своей природной красоте озерами, бухтами и т. д.

И Джовита Фолей продолжала читать восторженным голосом страницу за страницей своего путеводителя, рассказывая различные превращения этой страны, когда-то населенной индейскими племенами и колонизованной франко-канадцами в эпоху, когда эта страна была известна под именем Беджер-Стэт, штата Бобров.

Утром 13-го числа любопытство населения Чикаго еще возросло. Газеты, в свою очередь, все больше и больше волновали умы. Вот почему зал Аудиториума кишмя кишел публикой, точь-в-точь как в тот день, когда там происхо-

дило чтение завещания Вильяма Гиппербона. И немудрено, так как в восемь часов должны были объявить результат седьмого метания игральных костей в пользу таинственной личности, скрывающейся под инициалами X. K. Z. Тщетно старались раскрыть инкогнито этого седьмого партнера. Все самые ловкие репортеры, самые талантливые ищейки местной хроники ни к чему не пришли. Несколько раз им казалось, что они напали на настоящий след, но тут же убеждались в своей ошибке. Сначала думали, что этой припиской, прибавленной к завещательному акту, покойный хотел привлечь к участию в партии одного из своих коллег из Клуба Чудаков, предоставив ему седьмой шанс в своем матче. Некоторые даже называли таким коллегой Джорджа Хиггинботама, но почтенный член клуба это формально опроверг.

Что касается нотариуса Торнброка, то когда к нему обратились по этому поводу, он заявил, что не имеет об этом ни малейшего представления и что его миссия заключается только в том, чтобы сообщать по телеграфу в местные почтовые бюро о результатах тиражей, касавшихся «Человека в маске», как его прозвали. Тем не менее многие надеялись и, возможно, не без основания, что в

это утро господин X. K. Z. ответит на призыв к его инициалам в зале Аудиториума.

Этим объяснялось присутствие в зале исключительно многочисленной толпы, причем только очень небольшая ее часть могла найти себе место перед эстрадой, на которой не замедлили появиться нотариус Торнброк и члены Клуба Чудаков. Многие же тысячи зрителей толпились на соседних улицах и в аллеях Лейк-Парка.

Но любопытные присутствующие были разочарованы, совершенно разочарованы: в маске или без маски— никакого субъекта в зале не появилось, когда нотариус Торнброк выбросил из кожаного футляра на стол игральные кости и громко произнес:

— Девять, из шести и трех. Двадцать шестая клетка, штат Висконсин.

По странному совпадению, это было то же число, которое выпало на долю Лисси Вэг, составленное тоже из шести и трех, но тут было еще одно обстоятельство, крайне важное для нее, а именно, что, по установленным покойным Гиппербоном правилам, если бы она, Лисси Вэг, находилась еще в Милуоки в день приезда туда мистера X. K. Z., то ей надлежало уступить ему место, а самой вернуться на свое прежнее, что

в данном случае означало сызнова начинать партию, оставаясь все еще прикованной к своей комнате и не будучи в состоянии покинуть Чикаго.

Публика не желала расходиться. Она ждала. Но никто не являлся. И пришлось покориться. Во всяком случае, это было большим разочарованием для всех присутствующих, разочарованием, о котором вечерние газеты не замедлили упомянуть в своих заметках, мало симпатизирующих этому неизвестному Х. К. Z. Нельзя же было так потешаться над населением!

Потом дни потянулись за днями обычным порядком. Каждые сорок восемь часов производились в нормальных условиях тиражи, и их результаты рассылались по телеграфу заинтересованным лицам в те места, где по расписанию они должны были в это время находиться.

Так настало 22 мая. Никаких известий о Х. К. Z., который до сих пор в Висконсин еще не являлся! Правда, в почтовое бюро Милуоки он мог приехать даже 27-го, в последний срок. И разве Лисси Вэг не могла тотчас же туда отправиться и, согласно правилам игры, уехать оттуда раньше появления там Х. К. Z.? Да, могла, потому что она была почти совсем здорова, но тут она вновь

взволновалась из-за боязни, как бы не заболела Джовита Фолей, у которой неожиданно сделался сильнейший нервный припадок. У нее поднялась температура, и ей пришлось слечь в постель.

— Я тебя предупреждала, моя бедная Джовита, — говорила ей Лисси Вэг, — ты так неблагоразумна…

— Это все пустяки, дорогая моя… К тому же положение сейчас совершенно другое… я не участвую в партии, и если бы я не могла поехать, то ты отправилась бы одна.

— Никогда, Джовита!

— А между тем пришлось бы…

— Никогда, никогда, повторяю! С тобой — да, хотя вообще это бессмысленно… Но без тебя… ни за что!..

И действительно, если бы Джовита Фолей не смогла с ней поехать, то Лисси Вэг твердо решила не думать больше о том, чтобы использовать свои шансы сделаться единственной наследницей Вильяма Гиппербона.

Но Джовита Фолей отделалась одним только днем полной диэты и отдыха, 22 мая после полудня она могла уже встать и окончательно уложила и заперла чемодан, который молодые путешественницы должны были взять с собой.

— О, — вскричала она, — я отдала бы десять лет своей жизни за то, чтобы очутиться сейчас уже в дороге!

Десять лет, которые она отдавала уже неоднократно, и еще другие десять, которые она, вероятно, не раз еще отдаст в течение своего путешествия, составили бы такую внушительную цифру, что ей очень немного лет осталось бы прожить на этом свете!

Отъезд был назначен на другой день, 23 мая, с поездом, который через два часа должен был прибыть в Милуоки, где в двенадцать часов Лисси рассчитывала получить телеграмму от нотариуса Торнброка. День, предшествующий отъезду, закончился бы без всяких событий, если бы около пяти часов к подругам не явился гость, которого они не ждали.

Лисси Вэг и Джовита Фолей, высунувшись в окно, смотрели на улицу, где уже собралась большая толпа любопытных, взгляды которых то и дело направлялись на окна их квартиры.

Раздался звонок, и Джовита пошла открывать дверь.

На площадке стоял человек, только что поднявшийся в лифте на девятый этаж.

— Здесь живет мисс Лисси Вэг? — спросил

незнакомец, поклонившись молодой девушке.

— Да, здесь.

— Могла бы она меня принять?

— Но… — начала было Джовита Фолей нерешительным тоном, — мисс Вэг была очень больна…

— Знаю… знаю… — сказал гость, — и я имею основание думать, что в настоящее время она совершенно поправилась?

Да, совершенно, так что завтра утром мы уезжаем. Значит, я имею удовольствие говорить сейчас с мисс Джовитой Фолей? Вы не ошиблись. И может быть, по вашему делу я могла бы заменить вам сейчас Лисси? Я предпочел бы лично повидать ее, увидеть ее своими собственными глазами, если только это возможно. Могу я спросить, для чего? У меня нет причин скрывать от вас цель моего прихода, мисс Фолей… Я собираюсь принять участие в матче Гиппербона… в качестве держателя пари и поставить большую сумму на пятого партнера. И вы понимаете… что мне хотелось бы…

Понимала ли Джовита Фолей? Разумеется, и была в восторге. Наконец-то нашелся кто-то, кто считал, что шансы Лисси Вэг настолько серьезны, что готов был рискнуть тысячами долларов, держа за нее пари!

Мой визит будет коротким, очень коротким, — прибавил гость.

Это был человек лет пятидесяти, с легкой сединой в бороде, с очень живыми глазами, более живыми даже, чем это обычно встречается у людей его возраста. Это был джентльмен изысканного вида, со стройной фигурой, умным, выразительным лицом и необыкновенно мягким голосом. Настаивая на своем желании быть принятым Лисси Вэг, он делал это в безукоризненно вежливой форме, извиняясь, что принужден ее беспокоить накануне путешествия, имеющего для нее такое важное значение.

В общем, Джовита Фолей не нашла никаких оснований отказать ему в его желании, тем более что, по его словам, визит не грозил быть продолжительным.

— Могу я узнать ваше имя, мистер? — спросила она.

— Гемфри Уэлдон из Бостона, Массачусетс, — ответил незнакомец.

И, войдя в переднюю комнату, дверь которой ему отворила Джовита Фолей, он направился в следующую, где была Лисси Вэг.

Увидав его, молодая девушка поспешно встала.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — сказал он. —

Простите мне мою навязчивость, но мне очень хотелось вас повидать… Только одну минуту, одну минуту…

Но он все же сел на придвинутый ему Джовитой фолей стул.

— Минуту… только одну минуту… — повторил он. — Как я уже сказал, я имею намерение поставить на вас значительную сумму, так как верю в ваш успех, и мне хотелось убедиться в том, что состояние вашего здоровья…

— Я совершенно поправилась, — ответила Лисси Вэг, — и благодарю вас за то доверие, которое вы мне оказываете, но… по правде сказать… мои шансы…

— Тут все дело в предчувствии, мисс Вэг, — ответил мистер Уэлдон тоном, не допускающим возражения.

— Именно, в предчувствии… — подтвердила Джовита Фолей.

— Так что спору это не подлежит… — прибавил почтенный джентльмен.

— И то, что вы думаете о моей подруге Вэг, — вскричала Джовита Фолей, — то самое думаю и я!.. Я уверена, что она выиграет.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь… особенно с тех пор, как знаю, что нет никаких препятствий

к ее отъезду, — заявил мистер Уэлдон.

— Да, — подтвердила Джовита Фолей. — Завтра утром мы будем на вокзале, и поезд к двенадцати часам доставит нас в Милуоки…

— Где вы сможете в течение нескольких дней отдохнуть, если бы в этом оказалась надобность, — заметил мистер Уэлдон.

— О нет, ни в коем случае! — быстро возразила Джовита Фолей.

— Но почему?

— Потому что не нужно, чтобы мы были еще там, когда туда приедет мистер X. К. Z., так как в этом случае нам пришлось бы начинать партию сызнова.

— Правильно.

— А куда-то отправит нас следующее метание игральных костей! — заметила Лисси Вэг. — Вот что меня беспокоит.

— Но не все ли равно, моя дорогая! — вскричала Джовита Фолей, так быстро поднимаясь со стула, точно в этот момент у нее выросли крылья.

— Будем надеяться, мисс Вэг, — сказал гость, — что следующий тур окажется для вас таким же счастливым, как и первый.

И этот милейший человек принялся говорить о тех предосторожностях, которые надо было иметь

в виду во время путешествия, о необходимости самым точным образом согласоваться с расписанием поездов и выбирать наиболее подходящие во всей этой громадной железнодорожной сети, покрывающей территорию Союза.

— Впрочем, — прибавил он, — я вижу, что, к моему большому удовольствию, вы не будете путешествовать в полном одиночестве.

— Да, моя подруга будет мне сопутствовать, или, лучше сказать, увлекать меня за собой!..

— Вы совершенно правы, мисс Вэг, — Сказал мистер Уэлдон. — Всегда лучше путешествовать вдвоем. Это гораздо приятнее…

— И это безопаснее, особенно когда дело идет о том, чтобы не опаздывать на поезда, — заявила Джовита Фолей.

— Итак, я полагаюсь на вас, — прибавил мистер Уэлдон. — Я уверен, что вы поможете вашей подруге выиграть.

— Да, вы можете на меня положиться, мистер Уэлдон.

— Примите же мои самые искренние пожелания, так как ваш успех гарантирует мой!

Визит длился не более двадцати минут, и, попросив разрешения пожать руку сначала Лисси Вэг, а потом ее милой подруге, господин Уэлдон в

сопровождении Джовиты вышел на лестницу и уже из лифта послал молодой девушке прощальное приветствие.

— Бедняга! — сказала Лисси Вэг. — Мне неприятно думать, что по моей вине он потеряет такие большие деньги…

— Знаю… знаю, — возразила мисс Фолей, — но запомни, что я тебе сейчас скажу, моя дорогая. У, этих пожилых господ всегда очень много здравого смысла, у них есть какое-то чутье, которое их никогда не обманывает… А этот достойный джентльмен принесет тебе счастье в игре.

Приготовления были уже закончены, и им ничего другого не оставалось, как лечь в этот день пораньше, чтобы встать при первом проблеске зари. Но они все-таки решили дождаться последнего визита доктора, который обещал вечером к ним заехать. И он действительно заехал, мистер Пью, и констатировал, что состояние здоровья больной не оставляло желать ничего лучшего и что все опасения серьезных осложнений должны быть наконец забыты.

На следующий день, 23 мая, в пять часов утра более нетерпеливая из двух путешественниц была уже на ногах. А перед самым отъездом в последнем нервном припадке эта удивительная

Джовита Фолей вновь нарисовала себе целую картину всяких неудач, задержек, опозданий и несчастных случаев!.. Что, если экипаж, который повезет их на вокзал, сломается по дороге?. Если улицы будут так запружены, что придется двигаться шагом?.. Если за ночь произошло изменение в расписании поездов?.. Если произойдет какая-нибудь железнодорожная катастрофа?..

— Успокойся же, Джовита, успокойся, прошу тебя, — не переставала псжторять Лисси Вэг.

— Не могу, дорогая моя?

— И ты собираешься пребывать в таком состоянии в течение всего путешествия?

— Все время!

— В таком случае, я остаюсь.

— Карета внизу, Лисси… скорее!.. Пора!..

Действительно, карета ждала их, вызванная за час раньше, чем нужно было. Подруги поспешно спустились с лестницы, напутствуемые пожеланиями всех жильцов. В раскрытых окнах дома даже в такой ранний час виднелись сотни любопытных.

Экипаж тронулся по Норт-авеню и, доехав до Норт-Бранч, стал спускаться вдоль правого берега Чикаго-Ривер, переехал по мосту, находившемуся в конце Ван-Берен-стрит, и к семи часам десяти

минутам доставил путешественниц на вокзал.

Возможно, что Джовита Фолей испытала некоторое разочарование, увидав, что отъезд пятой партнерши матча не привлек толпы любопытных. Было очевидно, что Лисси Вэг не была любимицей в этом матче Гиппербона. Впрочем, эта скромная молодая девушка нисколько об этом не жалела, предпочитая уехать из Чикаго, не привлекая к себе внимания публики.

— Даже этот мистер Уэлдон и тот не приехал, — не удержалась от замечания Джовита Фолей.

Действительно, вчерашний гость не явился на вокзал, чтобы проводить до вагона участницу партии, которая так живо его интересовала.

— Как видишь, — сказала Лисси Вэг, — он тоже меня покинул.

Наконец поезд тронулся, и никто не порадовал даже приветствием Лисси Вэг. Никаких «ура», никаких горячих пожеланий, если не считать тех, которые Джовита Фолей произнесла в душе в честь своей подруги.

Поезд обогнул озеро Мичиган и промчался, не останавливаясь, мимо станций Лейк-Вью, Эвантон, Гле-нок и других. Погода была восхитительная. Воды сверкали, оживляемые движениями пароходов и парусных судов, воды, которые,

переливаясь из озера в озеро — Верхнее, Гурон, Эри и Онтарио, уносятся главной артерией — рекой Св. Лаврентия — в безбрежную Атлантику. Из Ванкегана, важного города этого побережья, поезд, миновав на одной из станций главный железнодорожный путь штата Иллинойс, помчался дальше по штату Висконсин. Двигаясь к северу, он сделал остановку в Расине, большом фабричном городе, и не было еще десяти часов, когда он остановился на платформе вокзала города Милуоки.

— Приехали!.. Приехали!.. — вскричала Джовита и так глубоко и радостно вздохнула, что ее вуалетка натянулась, точно парус, вздуваемый ветром.

— Приехали на целых два часа раньше, — заметила Лисси Вэг, взглянув на свои часы.

— Нет, на четырнадцать дней позже, — возразила Джовита Фолей, выскакивая на платформу.

И она поспешила на розыски своего чемодана, лежавшего среди целой груды всякого багажа. С чемоданом ничего не случилось, — неизвестно, почему Джовита Фолей боялась за его целость. Подъехала карета, и молодые путешественницы велели отвезти себя в одну из приличных гостиниц, адрес которой они нашли в путеводителе.

Когда их спросили там, долго ли они намерены остаться в Милуоки, Джовита Фолей ответила, что они это скажут по возвращении из почтового бюро, но что, по всей вероятности, они уедут в тот же день.

Потом, обращаясь к Лисси Вэг:

— Я думаю, что ты голодна? — спросила она.

— Да, я охотно позавтракала бы, Джовита.

— В таком случае, идем завтракать, а потом погуляем.

— Но ты ведь знаешь, что ровно в полдень…

— Этого ли мне не знать, моя дорогая?

Они отправились в столовую гостиницы и оставались там не более получаса.

Так как они еще не записали своих имен, решив сделать это по возвращении из почтового бюро, то жители Милуоки не имели никакого представления о том, что пятая партнерша матча Гиппербона находилась в это время в их городе.

Без четверти двенадцать путешественницы вошли в почтовое бюро, и Джовита Фолей спросила одного из чиновников, не было ли телеграммы для мисс Лисси Вэг.

При этом имени чиновник поднял голову, и его глаза выразили искреннее удовольствие.

— Мисс Лисси Вэг? — переспросил он.

— Да… из Чикаго… — ответила Джовита Фолей.

— Депеша вас ждет, — сказал чиновник, подавая телеграмму адресату.

— Дай! Дай!.. — воскликнула Джовита Фолей. — Ты так долго будешь распечатывать, что со мной, наверное, сделается нервный припадок!

Дрожавшими от нетерпения руками она распечатала телеграмму и прочла:

Лисси Вэг. Почтовое бюро Милуоки. Висконсин.

Двадцать, из десяти и десяти. Сорок шестая клетка, штат Кентукки, Мамонтовы пещеры.

Торнброк.

ГЛАВА XIII
ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОМАНДОРА УРРИКАНА

11 мая в восемь часов утра командору Урриканy было сообщено о числе очков шестого тиража, а в девять часов двадцать пять минут он уже покинул Чикаго.

Как видите, он не терял времени, да этого и нельзя было делать, так как он обязался до истечения срока, то есть ровно через две недели, быть в самом отдаленном пункте полуострова Флориды.

Девять, из четырех и пяти, один из самых лучших ходов партии! Счастливый игрок сразу отсылался в пятьдесят третью клетку. На карте, составленной Вильямом Гиппербоном, эту клетку занимал штат Флорида, самый отдаленный из всех штатов юго-восточной части Североамериканской республики.

Друзья Годжа Уррикана, или, правильнее, его сторонники, — так как друзей у него не было, но были люди, верившие в счастливую звезду этого несдержанного на язык человека, — выразили желание поздравить его при выходе из зала Ау-

диториума.

— Зачем это, скажите, пожалуйста? — сказал он своим обычным недовольным, ворчливым тоном, придававшим такое «обаяние» его речам. — Зачем обременять меня вашими пожеланиями и выражениями симпатии в момент, когда я буду трогаться в путь? Это сделает мой багаж чересчур тяжелым.

— . Командор, — говорили ему, — пять и четыре — ведь это такое блестящее начало!

— Блестящее? Представляю себе… блестящее для тех, у кого есть дела во Флориде.

— Заметьте, командор, что вы этим значительно обгоняете ваших конкурентов…

— Думаю, что это только справедливо, так как судьба заставляет меня ехать последним!

— Без сомнения, мистер Уррикан, и теперь вам было бы достаточно получить десять очков, чтобы очутиться у цели, и в два хода вы выиграли бы партию.

— Действительно!.. Если я получу девять очков, то у меня уже не будет больше хода… А если получу больше десяти очков, то мне придется возвращаться вспять, еще неизвестно куда…

— Все равно, командор, всякий на вашем месте был бы очень доволен.

— Возможно, но лично я недоволен!

— Подумайте только: шестьдесят миллионов долларов, может быть, ждут вашего возвращения.

— Я так же хорошо воспользовался бы ими, если бы пятьдесят третья клетка находилась в одном из штатов, соседних с нашим!

Это было вполне правильное соображение, и тем не менее, хотя он с этим не соглашался, его преимущество перед остальными пятью партнерами было вполне реальным, так как никто из них не мог бы при следующем ходе попасть в последнюю клетку, между тем как ему было бы совершенно достаточно для этого получить десять очков.

Но так как Годж Уррикан был всегда глух к голосу рассудка, то весьма возможно, что даже в том случае, если бы он попал в один из штатов, соседних с Иллинойсом, штат Индиана или Миссури, он все равно не стал бы его слушать.

Ворча и негодуя, командор Уррикан вернулся к себе на Рандольф-стрит в сопровождении Тюрка, выражавшего свое негодование так громко и неистово, что его хозяин вынужден был строго-настрого приказать ему замолчать.

Его хозяин?.. Но разве Годж Уррикан был хозя-

ином Тюрка? И это в такое время, когда, с одной стороны, Америка провозгласила уничтожение рабства, а с другой — этот Тюрк, хотя и был совершенно черен от загара, все равно не мог бы сойти за негра.

Был ли он, в конце концов, его слугой? И да и нет.

Тюрк, хотя он и был в услужении у командора, не получал от него никакого жалования, а когда случалось, что ему нужны были деньги, — о, совсем немного, — он их просил, и ему давали. Ближе всего ему подходило название «сопровождающего», тем более что разница в их социальном положении не позволяла смотреть на него как на товарища командора.

Тюрк (это было его настоящее имя) был один из старых моряков федерального флота, никогда не плававший в морях другого государства, служивший сначала во флоте в качестве юнги, потом матроса, потом квартирмейстера, словом, прошедший все инстанции. Нужно заметить, что он служил на тех судах, где служил и Годж Уррикан, бывший сначала учеником; потом мичманом, лейтенантом, капитаном и командором. Вот почему они прекрасно друг друга знали, и Тюрк был единственным из судовой команды, с кото-

рым этот горячка-офицер бывал иногда способен столковаться. И, возможно, потому, что Тюрк проявлял себя еще более неистовым, чем командор. Он принимал во всех происходивших ссорах сторону Уррикана, готовый наброситься на каждого, кто не имел счастья ему понравиться.

Во время плавания Тюрк нередко исполнял должность личного слуги Годжа Уррикана. Тот оценил его и кончил тем, что не мог без него обходиться. Когда возраст позволил командору выйти в отставку, Тюрк, у которого срок регулярной службы кончился, оставил флот, нашел Годжа Уррикана и вскоре сделался самым необходимым для него человеком на условиях, о которых говорилось выше. Таким образом, он уже три года как проживал на Рандольф-стрит, занимая положение управляющего, который ничем не управляет, или, > если хотите, почетного интенданта.

Но о чем еще не было ничего сказано и чего никто не подозревал, это что Тюрк был, в сущности, самым кротким, самым безобидным, самым приятным для совместной жизни человеком. За время своей службы во флоте он никогда ни с кем не поссорился, никогда не принимал участия в ссорах и драках матросов, никогда не подымал ни на кого руку, даже после того как выпивал

виски или джин стаканами, причем часто он пил без счету, но никогда не пьянел.

Как же ему пришла вдруг мысль, ему, человеку миролюбивому и спокойному, превзойти в неистовстве Годжа Уррикана, самого неистового из людей?

Тюрк искренне полюбил командора, несмотря на всю его необщительность. Он был похож на тех верных псов, которые, когда их хозяин начинает на кого-нибудь сердиться, вторят ему еще более громким лаем. Разница была только в том, что пес слушался голоса своей природы, а Тюрк действовал этому голосу наперекор. Привычка выходить из себя при каждом удобном и неудобном случае и проявлять свое негодование в гораздо более резкой форме, чем Годж Уррикан, нимало не изменила мягкости его характера. Его припадки неистового гнева были деланными, он играл роль, но играл ее изумительно, совершенно перевоплощаясь в другого человека.

Он поступал так, движимый истинной привязанностью к своему хозяину, стараясь превзойти его в бешенстве, чтобы его сдержать, напугав теми последствиями, к которым такие порывы бешенства могли привести. И действительно, всякий раз, когда Годж Уррикан находил нужным

вмешаться и успокоить Тюрка, он сам в конце концов успокаивался. Когда один говорил, что проучит какого-нибудь невежу, другой предлагал пойти и надавать тому пощечин, а когда командор угрожал кому-нибудь пощечиной, Тюрк заявлял, что изобьет того досмерти. И командор во всех таких случаях начинал уговаривать Тюрка, и в результате доброму малому удавалось предотвратить истории, которые грозили командору очень крупными неприятностями.

Так было в последний раз, по поводу отъезда командора во Флориду, когда Годж Уррикан намеревался вызвать нотариуса на дуэль, как будто тот был в чем-то виноват, а Тюрк во весь голос кричал, что эта отвратительная канцелярская крыса, очевидно, что-то сплутовала, и клялся оборвать ему оба уха и сделать из них букет своему хозяину.

Таков был этот оригинальный субъект, достаточно ловкий для того, чтобы не дать никому догадаться о своей игре, сопровождавший утром 16 мая на центральный вокзал Чикаго командора Уррикана.

К отходу поезда, увозившего шестого партнера, на вокзале собралась большая толпа, и если, как уже говорилось выше, у отъезжавшего в этой

толпе не было друзей, то, во всяком случае, были люди, решившиеся рисковать своими деньгами и ставившие на него большие суммы. Может быть, им казалось, что человек такого бешеного характера должен был уметь держать в повиновении даже саму фортуну?

Каков же был маршрут, придуманный командором? Очевидно, тот, который грозил ему меньшим риском запоздать к сроку, — самый короткий.

— Слушай, Тюрк, — сказал он, как только вернулся к себе на Рандольф-стрит, — слушай и смотри.

— Слушаю и смотрю…

— Вот это карта Соединенных штатов, которую я сейчас кладу на стол перед тобой.

— Очень хорошо… Карта Соединенных штатов…

— Да. Вот здесь Иллинойс с Чикаго… Там — Флорида…

— О, я знаю! — ответил Тюрк, глухо ворча себе под нос. — В былые времена мы там плавали, командор.

— Ты понимаешь, Тюрк, что если бы дело шло только о том, чтобы отправиться в Таллахасси, столицу Флориды, или Пенсаколу, или даже в

Джексонвилл, то это было бы очень легко и скоро, комбинируя различные идущие туда поезда…

— Очень легко и скоро, — повторил Тюрк.

— И, — продолжал командор, — когда я думаю, что эта Лисси Вэг, эта глупая девчонка, отделается только тем, что переедет из Чикаго в Милуоки…

— Негодная! — прорычал Тюрк.

— И что этот Гиппербон…

— О, если бы только он не умер, мой командор! — вскричал Тюрк, подымая кулак таким жестом, точно хотел уложить на месте бедного покойника.

— Успокойся, Тюрк… он умер… Но для чего нужно было ему выбрать во всей Флориде место, наиболее отдаленное в штате… Это на самом конце того длинного полуострова в форме хвоста, который вдается в Мексиканский залив…

— Того хвоста, которым следовало бы его выпороть. Выпороть до крови! — заявил Тюрк.

— Потому что, в конце концов, ведь это в Ки-Уэст, на этот маленький островок из группы островов Пайн-Айленде, нам придется тащить наш чемодан! Маленький островок, и к тому же очень скверненький, как говорят испанцы,

годный только на то, чтобы служить цоколем[39] маяку, и на котором теперь вырос целый город…

— Скверные места, мой командор, — сказал Тюрк. — А что касается маяка, то мы его не раз пеленговали[40], прежде чем входить во Флоридский пролив.

— Ну, и я думаю, — продолжал Годж Уррикан, — что самое лучшее, самое быстрое, что мы можем предпринять, это проделать первую половину нашего пути по железной дороге, а вторую — морем… скажем, девятьсот миль, чтобы доехать до Мобила, и от пятисот до шестисот, чтобы доплыть оттуда до Ки-Уэста.

Тюрк не возразил, да никаких возражений этот проект, очень благоразумный, и не требовал. По железной дороге через тридцать шесть часов Годж Уррикан попадал в Мобил, штат Алабама, и ему оставалось двенадцать дней для того, чтобы на пароходе доехать до Ки-Уэста.

— Если бы нам это не удалось, — заявил командор, — это означало бы, что суда перестали совершать по морю рейсы.

---

[39] Примечания: 39

Цоколь — подставка.

[40] Примечания: 40

Пеленговать — определить направление судна от наблюдателя на какой-либо определенный предмет с помощью пеленгатора.

— Или что не осталось больше воды в море! — вскричал Тюрк голосом, в котором чувствовалась явная угроза Мексиканскому заливу.

Но каждый согласится, что таких двух случайностей ожидать, конечно, трудно. О возможности не найти в Мобиле судно, отправлявшееся во Флориду, и не заговаривали. Это очень оживленный порт, его навигационная деятельность значительна, и к тому же благодаря своему положению между Мексиканским заливом и Атлантикой Ки-Уэст сделался местом стоянки многих судов.

В общем, этот маршрут в некоторых своих Частях походил на маршрут Тома Крабба. Если чемпион Нового Света спускался вниз по бассейну Миссисипи вплоть до Нового Орлеана, штат Луизиана, то командору Урриканну предстояло спуститься до Мобила, штат Алабама. Достигнув порта, первый поворачивал на запад, к берегам Техаса, а второй намеревался повернуть на восток, к берегам Флориды. Таким образом, Годж Уррикан и Тюрк, предшествуемые носильщиком с тяжелым чемоданом в руках, в девять часов утра были уже на перроне вокзала. Их дорожные костюмы— куртка, кушак, сапоги и фуражка — указывали на то, что это были моряки. В дополнение оба они были еще вооружены

шестиствольными «дерринджерами», составляющими необходимую принадлежность каждого настоящего американца.

Их отъезд, сопровождавшийся обычными криками «ура», не был ознаменован никаким приключением, если не считать того, что командор имел горячее объяснение с начальником станции по поводу трех с половиной минут запоздания отхода поезда.

Паровоз помчал их с бешеной скоростью и так мчал до Кейро, находящегося почти на границе Теннесси. В Кейро, откуда Том Крабб отправился дальше по железнодорожной линии, которая заканчивается в Новом Орлеане, они выбрали тот путь, который следует вдоль границы Миссисипи и Алабамы и заканчивается в Мобиле. Главный город здесь был Джексон, штат Теннесси, который не надо смешивать с городами этого же названия в штатах Миссисипи, Огайо, Калифорния и Мичиган. Их поезд вскоре после полудня 12-го числа пересек границу Алабамы, находившуюся приблизительно в ста милях от конечного пункта этой железнодорожной ветви.

Всем, конечно, ясно, что командор Уррикан путешествовал не для удовольствия, а для того, чтобы самым коротким путем достигнуть назна-

ченного пункта, поэтому никаких забот туриста он не знал. К тому же все внешние достопримечательности — города, ландшафты и тому подобное — не могли интересовать старого моряка, а тем более Тюрка.

В десять часов вечера поезд остановился на платформе вокзала Мобила, совершив свой длинный переезд без каких бы то ни было недоразумений и несчастных случаев. Нужно прибавить, что Годж Уррикан не имел повода поссориться ни с кем из машинистов, кочегаров, кондукторов, железнодорожных служащих, ни даже со своими товарищами по путешествию.

Впрочем, он не скрывал того, кем он был, и весь поезд был осведомлен, что в лице этого энергичного и шумного субъекта везут шестого партнера матча Гиппербона.

Командор велел проводить себя в ближайший от порта отель. Справляться об отходящих пароходах было слишком поздно, и Годж Уррикан решил этим заняться на следующий день, покинув с самого раннего утра свою комнату. Тюрк намеревался, конечно, ему сопутствовать, и если бы какое-нибудь судно, направлявшееся во Флориду, оказалось готовым к отплытию, то они в тот же день отправились бы дальше.

На следующее утро, когда солнце только еще вставало, оба они дружно шагали по набережной Мобила.

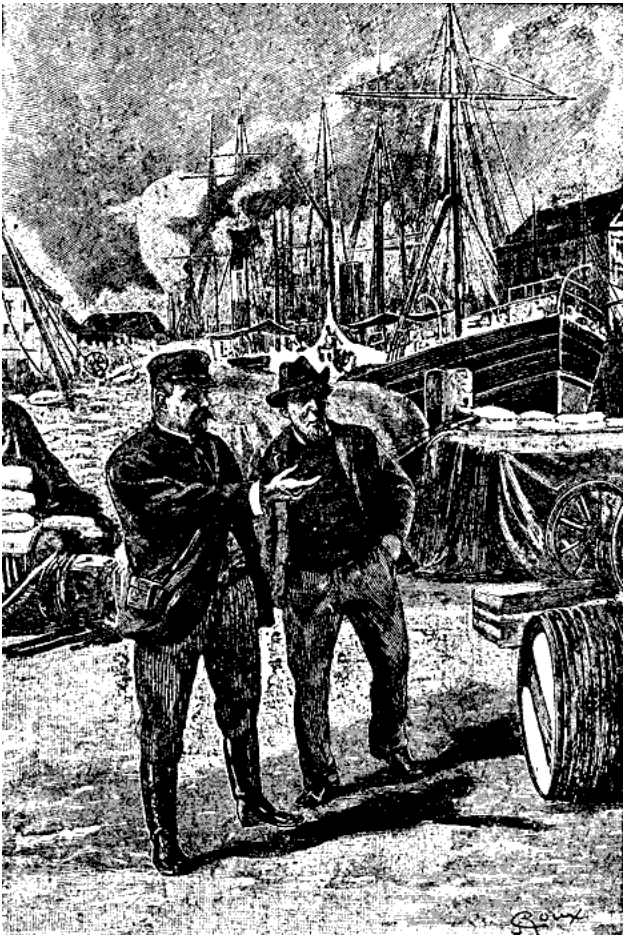
Монтгомери является официальной столицей Алабамы, штата, названного так по реке того же имени. Он состоит из двух областей: одна гористая, по которой тянутся в юго-западном направлении последние отроги Аппалачских гор, а другая — из обширных равнин, в южной своей части наполовину болотистых. В прежние времена этот штат занимался только культурой хлопка, теперь же благодаря удобному железнодорожному сообщению он энергично эксплоатирует свои железные и каменноугольные копи.

Но ни Монтгомери, ни даже Бирмингам, промышленный город в центре штата, не могут соперничать с Мобилом, население которого составляет около тридцати двух тысяч жителей. Он построен на террасе в глубине одноименной бухты, очень удобной во всякое время года для причаливания судов, приходящих из открытого моря. Его предместье распланировано очень широко и окружено зелеными рощами. Командор Уррикан не без основания полагал, что он найдет здесь очень много способов добраться морем до Ки-Уэста. Торговое значение порта Мобила

таково: он принимает ежегодно в свои воды по меньшей мере пятьсот судов.

Но существуют люди, которых преследуют неудачи, которые никогда не могут их избежать, и на этот раз Годжу Уррикану представился серьезный случай выйти из себя.

Дело в том, что он явился в Мобил в самый разгар забастовки, общей забастовки тамошних грузчиков. Она была объявлена только накануне и грозила продолжиться несколько дней. Из судов, которые уже были назначены к отплытию, ни одно не могло выйти в открытое море до соглашения с судохозяевами, решившими сопротивляться всем требованиям бастующих.

Грузы оставались на набережной — порт бездействовал.

Таким образом, 13, 14 и 15 июня командор провел в тщетной надежде, что какое-нибудь судно закончит погрузку и сможет пуститься в путь.

Грузы оставались на набережной, в пароходных котлах не было огня, громадные тюки хлопка занимали все доки; навигация не была бы более бездеятельной, если бы бухта Мобила оказалась внезапно покрытой льдами. Такое ненормальное положение вещей могло продолжиться неделю ж даже больше… Что же делать?

Приверженцы командора Уррикана внушили ему безусловно очень разумную мысль — отправиться немедленно в Пенсаколу, один из крупных городов штата Флорида на его границе со штатом Алабама. Поднявшись по железной дороге до северной окраины штата, а затем спустившись к берегу Атлантики, было нетрудно уже доехать до Пенсаколы за двенадцать часов.

Годж Урриканн, — нужно отдать ему в этом справедливость, — был человеком быстрых решений и не терял времени на пустые разговоры. Вот почему, сев утром 16-го числа вместе с Тюрком в поезд, он в этот же вечер был в Пенсаколе.

У. него оставалось еще в запасе девять дней, более, чем требовалось, чтобы переехать из Пенсаколы в Ки-Уэст, даже если бы дело шло о переезде на парусном судне.

Флорида представляет собой полуостров, вдвинувшийся в Мексиканский залив, и имеет в ширину четыреста пятьдесят миль, а в длину — около трехсот пятидесяти.

Если Таллахасси является столицей, законодательным центром штата, то значение Пенсаколы, во всяком случае, не меньше, чем значение Джексонвилла, хозяйственного центра штата. Соединенная длинной цепью железных дорог с самым центром Союза, Пенсакола со своими двенадцатью тысячами жителей переживает период расцвета. Но для командора Уррикана, разыскивавшего какое-нибудь готовое к отплытию судно, было особенно важно то, что в торговом обороте порта участвовало почти тысяча двести кораблей.

Но здесь опять начались все те же преследовавшие командора неудачи. Забастовки, конечно, не было, но зато не было также ни одного судна, которое собиралось выйти из гавани, направляясь на юго-восток, в Актиллы или в Атлантику, — и, разумеется, никакого вероятия добраться морем

до Ки-Уэста!

— Очевидно, — проговорил Годж Уррикан, кусая себе губы, — ничего не поделать! Не везет!

— И никого нет, с кем можно было бы за это посчитаться!.. — ответил его компаньон, свирепо вращая глазами.

— Но не можем же мы бросить здесь свой якорь на целую неделю…

— Нет!.. Во что бы то ни стало нам нужно сняться с якоря, мой командор, — заявил Тюрк.

— Согласен, но каким способом перебраться из Пенсаколы в Ки-Уэст?

Годж Уррикан, не теряя ни минуты, принялся обходить одно парусное судно за другим, один пароход за другим, но всюду получал самые неопределенные обещания: «Да, они поедут…», «Уложат только товары и дополнят груз…» — но ничего окончательного, несмотря на высокую цену, которую командор предлагал за свой переезд. Тогда он попробовал «по-своему» вразумить этих проклятых капитанов и даже самого начальника порта, рискуя попасть за это is тюрьму.

Так прошли еще два дня, и вечером 18-го всем стало ясно, что оставалось снова попробовать сухопутный переезд, так как о морском нечего было и думать. И какая усталость! Какой страх

опоздать к назначенному сроку!

Подумать только! Если ехать не пароходом, а по железной дороге, то нужно было пересечь почти всю Флориду с запада на восток и ехать через Таллахасси вплоть до Лайв-Ок, а потом спуститься на юг, к Тампе или к Пунто-Гарда, лежащим на берегу Мексиканского залива, — сделать в общем около шестисот миль по железной дороге, причем поезда по расписанию не были согласованы один с другим. И с этим можно было бы еще примириться, если бы, начиная с данного пункта, железнодорожная сеть обслуживала всю остальную часть полуострова. Так нет же! И если нельзя было поймать какое-нибудь судно, готовое к отплытию, то предстояла еще длинная дорога, целое путешествие, которое проходило бы в крайне тяжелых условиях!

Это очень печальная часть Флориды, малонаселенная и плохо приспособленная для жизни. Найдутся ли там какие-нибудь способы сообщения в виде почтовых карет, повозок или верховых лошадей, которые дали бы возможность в несколько дней доехать до крайнего пункта Флориды? И допустив, что вы нашли бы все необходимое, причем это стоило бы безумных денег, каким это было бы медленным и утоми-

тельным передвижением! И даже опасным в этих бесконечных лесах с рядами темный кипарисов, местами непроходимых, погруженных наполовину в стоячие воды трясин; на дорогах, едва различимых под массой болотных трав, скрывающих почву; в густых зарослях гигантских грибов, которые при каждом шаге разрываются с шумом фейерверочных ракет, и дальше по лабиринту болотистых равнин и озер, в которых кишмя кишат аллигаторы[41], и ламантины[42], и самые страшные змеи с головами в форме треугольников, укусы которых смертельны. Такова эта ужасная страна Эверглэйдских болот, куда скрылись последние представители племени семинолов, красивые и дикие, воевавшие во времена своего вождя Ойзеолы так бесстрашно против вторжения в их страну федеральных армий. Одни только туземцы находят возможность жить, или, вернее, прозябать, в этом сыром и жарком климате, так благоприятствующем развитию болотных лихорадок, сваливающих с ног в несколько часов

[41] Примечания: 41

Аллигаторы — крокодилы, водящиеся в североамериканских водах и у юго-восточных берегов Азии.

[42] Примечания: 42

Ламантин — морская корова, млекопитающее из породы травоядных китов. Водится в Африке, у южноамериканских берегов Атлантического океана и в устьях впадающих в него рек.

самых здоровых и крепких людей, даже таких, каким был командор Уррикан!

О, если бы эту часть Флориды можно было сравнить с той, которая простирается на восток до двадцать девятой параллели, и если бы требовалось отправиться из Фернандины в Джексонвилл и в Сент-Огастин, в страну, в которой нет недостатка ни в селах, ни в городах, ни в путях сообщения!.. Но ехать из Пунто-Гарда на самую окраину страны, к мысу Сэйбл…

А тем временем настало уже 19 мая. Оставалось всего шесть дней. И выяснилась полная невозможность использовать сухопутный путь!

Утром в этот день к командору Уррикану подошел на набережной некий Хыолкар, один из местных судовщиков, наполовину американец, наполовину испанец, один из тех, которые занимаются мелким каботажем у берегов Флориды, и, поднеся руку к своей кепке, сказал:

— Все еще нет судна, чтобы везти вас во Флориду, командор?

— Нет, — ответил Годж Уррикан, — и если вам таковое известно, вы получите от меня десять пиастров.

— Одно такое я знаю.

— Какое?

— Мое.

— Ваше?

— Да… Чикола. Хорошенькая шхуна на сорок пять тонн. Три человека судовой команды. Шхуна, делающая обычно восемь узлов при хорошем ветре и…

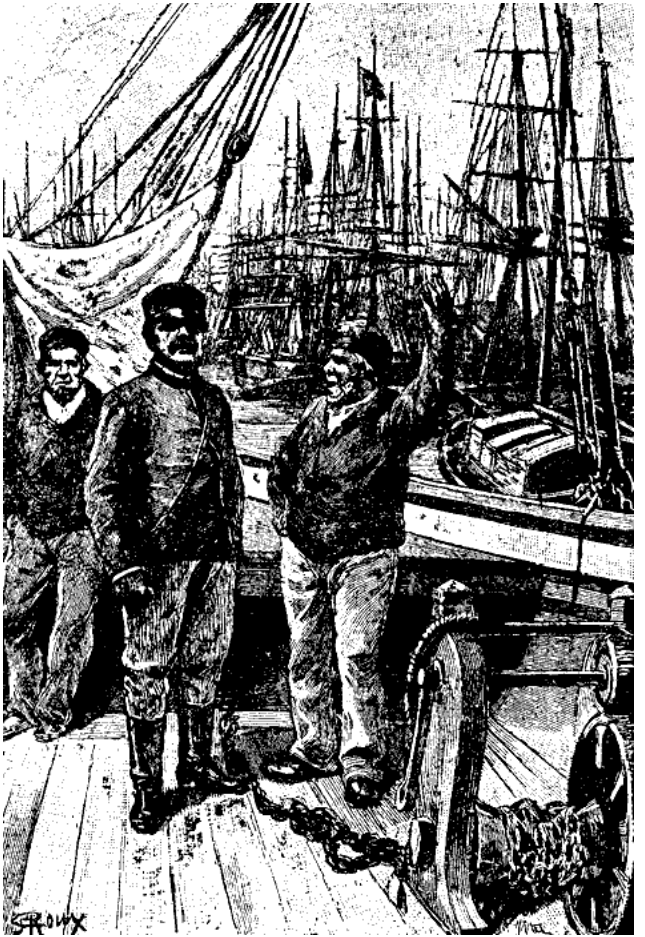
— Какой национальности? Американской?

— Американской.

— Готовая к отплытию?

— Готовая к отплытию и к вашим услугам, — ответил Хьюлкар.

Приблизительно пятьсот миль отделяли Пенсаколу от Ки-Уэста. Если ехать по прямой линии, при условии делать не меньше пяти узлов в час, принимая во внимание возможное отклонение с пути или неблагоприятные ветры, то этот переезд мог быть сделан в шесть дней.

BROWN

Через час мы будем в открытом море.

Десять минут спустя Уррикан и Тюрк стояли уже на палубе Чиколы, которую разглядывали глазами знатоков. Это было маленькое каботажное судно, сидевшее неглубоко в воде, предназначенное к плаванию вдоль побережья, с достаточно широким корпусом, чтобы выдержать большую парусность. Для таких двух моряков, как командор и бывший квартирмейстер, опасностей на море не существовало. Что же касается Хьюлкара, то он уже в течение двадцати лет плавал на своей шхуне от Мобила до Багамских островов через флоридские воды и несколько раз заезжал в Ки-Уэст.

— Сколько за переезд? — спросил командор.

— Пять пиастров в день.

— С едой?

— С едой.

Это было дорого, и Хьюлкар пользовался обстоятельствами.

— Едем! Тотчас же! — приказал Уррикан.

— Как только ваш багаж будет на палубе.

— А в котором часу отлив?

— Он уже начался, и через какой-нибудь час мы будем в открытом море.

Только переезд на Чиколе давал возможность явиться в срок в Ки-Уэст, куда шестой партнер обязан был прибыть не позднее полудня 25 мая.

В восемь часов, расплатившись в гостинице, Уррикан и Тюрк были уже на берегу, а через пятьдесят минут маленькая шхуна плыла по заливу между портами Макрэ и Пикинс, построенными когда-то французами и испанцами, и скоро она вошла в открытое море.

ГЛАВА XIV
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ КОМАНДОРА УРРИКАНА

Погода была надежная. Дул свежий восточный ветер. На море, защищенном полуостровом Флоридой, не ощущалось еще волнений атлантических вод, и Чикола чувствовала себя хорошо.

К тому же ни командору, ни Тюрку нечего было опасаться морской болезни, от которой так пострадал Том Крабб. Что касается управления шхуной, то они готовы были притти на помощь Хьюлкару и его трем матросам, если бы это понадобилось.

Так как ветер дул противный, то Чикола лавировала, чтобы оставаться все время в виду земли. Переезд этим, конечно, удлинялся. Но бури в этом заливе бывают очень свирепыми, и такое легкое суденышко не может рисковать удаляться от портов, бухт, устьев рек и речек, столь многочисленных на Флоридском побережье и доступных для причаливания судов небольшого тоннажа. Тем более, что Чикола всегда могла бы найти себе убежище в какой-нибудь маленькой бухточке и простоять там в течение нескольких часов. Но

это было бы, разумеется, потерей времени, а в распоряжении Годжа Уррикана его оставалось так мало!

Сильный ветер дул весь день и всю ночь, но постепенно становился тише. Если бы произошло обратное, то это позволило бы итти лучшим, более быстрым ходом. К несчастью, на следующий день ветер постепенно совершенно затих, и по белой, теперь неподвижной поверхности моря Чикола, хотя и с увеличенной парусностью, могла сделать только около двадцати миль в юго-восточном направлении. Пришлось даже прибегнуть к веслам, для того чтобы не быть отнесенными в открытую часть залива. В общем, эффект сорокавосьмичасового плавания сводился почти к нулю. Командор кусал от нетерпения кулаки и ни с кем не говорил ни слова, даже с Тюрком.

Тем не менее 22 мая Чикола, поддерживаемая течением из залива, быстро плыла по морю, находясь на одной параллели с портовым городом Тампа, надежным убежищем для судов небольшого тоннажа, плавающих в усеянных рифами водах. Но до Тампы оставалось еще миль пятьдесят, и маленькая шхуна не могла бы. конечно, подойти к нему и потом двигаться дальше вдоль

берега Флориды, до самого ее острого конца, рискуя запоздать к назначенному пункту.

К тому же после спокойствия, царившего накануне, можно было предвидеть по состоянию неба резкую перемену погоды.

В этом не сомневались ни командор Уррикан, ни Тюрк, ни матросы шхуны.

— Возможно, что погода скоро переменится, — сказал утром командор Уррикан.

— Для нас будет лучше, если ветер начнет дуть с запада, — ответил Тюрк.

— Море, очевидно, что-то уже чует, — подтвердил хозяин шхуны. — Видите вы эти длинные такие тяжелые волны и зыбь, которая там, в открытом море, начинает уже зеленеть?

Потом, внимательно осмотрев горизонт и покачав головой, он прибавил:

— Не люблю, когда дует с этой стороны!

— Но для нас это хорошо, — сказал Тюрк, — пусть бы ветер еще даже усилился, лишь бы только погнал нас туда, куда нам нужно!

Годж Уррикан молчал, видимо озабоченный этими грозными симптомами; тучи сгущались между западом и юго-западом с каждой минутой все больше. Хорошо, когда дует сильный ветер, но нужно для этого держать море в руках, а с

этим суденышком в сорок тонн и с половинной палубой… Никто никогда не узнает того, что происходило в смятенной душе командора! Едва буря начала бушевать там, в открытом море, как такая же буря поднялась и в груди Годжа Уррикана!

После полудня ветер, окончательно принявший западное направление, проявил себя резкими продолжительными порывами с короткими передышками. Оказалось необходимым спустить верхние паруса, и шхуна понеслась по морю, казавшемуся жестким и изрытым глубокими впадинами, как перышко, несомое бушующими волнами.

Ночь была плохая в том смысле, что пришлось еще убрать паруса.

Теперь Чиколу толкало к берегу Флориды более энергично, чем это требовалось. Если и не было времени искать там убежища, все равно нужно было продолжать двигаться в юго-восточном направлении, туда, где находился назначенный пункт.

Хозяин шхуны правил ею, как опытный моряк. Тюрк, держа руку на румпеле, удерживал, насколько был в силах, маленькое судно от боковой качки.

Командор помог матросам взять рифы на фоке

и гроте, оставив только малый фок. Было неимоверно трудно противодействовать одновременно и ветру и течению, которые толкали шхуну к земле.

И действительно, утром 23 мая из-под лохматых клочьев тумана, скрывавших горизонт, неожиданно появилась плоская береговая полоса.

Хьюлкар и матросы, не сразу ее узнавшие, сказали:

— Бухта Уайтуотер.

Эта бухта, глубоко врезающаяся в побережье, отделена от Флоридского пролива только узкой и длинной полосой земли, защищаемой фортом Пойнсэт, находящимся на оконечности мыса Сэйбл.

Еще какие-нибудь десять миль в этом направлении, и маленькая шхуна будет на траверсе этого мыса.

— Боюсь, что мы окажемся вынужденными зайти в этот порт, — сказал Хьюлкар.

— Зайти туда, для того чтобы не быть в состоянии оттуда выбраться при этом ветре?! — вскричал Тюрк.

Годж Уррикан не произносил ни слова.

— Если мы этого не сделаем, — продолжал хозяин шхуны, — то течение, когда мы будем на

одной параллели с мысом Сэйбл, отбросит нас в пролив, и мы очутимся не в Ки-Уэсте, а среди Багамских островов в водах Атлантики.

Командор продолжал молчать, и возможно, — так вздуто было его горло и так крепко сжаты губы, — что он не в состоянии был произнести ни единого слова.

В свою очередь, хозяин шхуны прекрасно понимал, что если бы они стали искать убежища в бухте Уайтуотер, то Чикола оказалась бы заблокированной там на много дней. А было уже 23 мая, и явиться в Ки-Уэст нужно было через сорок восемь часов.

Матросы, соперничая друг с другом, проявляли чудеса смелости и ловкости, желая защитить маленькое судно от бурных порывов ветра, которые налетали из открытого моря; они рисковали поломать мачты и даже перевернуть судно вверх дном.

Попробовали держаться по ветру с малым фоком и с фок-стеньгой марселя позади. Шхуна «потеряла» еще три или четыре мили в течение этого дня и следующей ночи. Если ветер не переменит направления и не начнет дуть с севера или с юга, то она уже не в состоянии будет сопротивляться, и на следующий день ее прибьет

к берегу.

И в этом не осталось больше сомнений, когда на заре 24 мая полоса земли, вся точно всклокоченная от множества покрывавших ее отрогов скал, опоясанная рифами, выставила на расстоянии пяти приблизительно миль страшные острия мыса Сэйбл. Еще несколько часов, и Чикола будет увлечена течением во Флоридский пролив.

Тем не менее соединенными усилиями всех находившихся на шхуне, пользуясь начинавшимся приливом, может быть и возможно было бы еще добраться до бухты Уайтуотер.

— Это нужно, — заявил Хьюлкар.

— Нет, — ответил Уррикан.

— Но я не хочу рисковать потерять свою шхуну и самому погибнуть вместе с ней, продолжая упрямо стремиться к открытому морю…

— Я у тебя ее покупаю, твою шхуну…

— Она не продается.

— Судно всегда продается, когда за него дают больше того, что оно стоит!

— Сколько же вы за нее даете?

— Две тысячи пиастров.

— Согласен, — ответил Хьюлкар, восхищенный такой выгодной сделкой.

— Это вдвое больше того, что она стоит, — ска-

зал командор Уррикан. — Из этих денег одна тысяча — за нее, а другая — за тебя и за твоих трех матросов.

— А когда платеж?

— Я дам тебе чек, по которому ты получишь деньги в Ки-Уэсте.

— Ладно. Решено, командор!

— А теперь, Хьюлкар, живей в открытое море!

Весь день Чикола мужественно боролась; временами ее совершенно заливало волнами, и ее защитные заслоны были уже наполовину под водой. Но Тюрк правил ею твердой рукой, а маленькая команда работала храбро и с исключительным искусством.

В конце концов шхуне удалось отделиться от берега благодаря легкому изменению направления ветра к северу. Но с наступлением ночи ветер начал слабеть и все расстилавшееся перед глазами пространство заполнилось густым туманом.

Трудность положения дошла теперь до предела. В течение дня невозможно было мало-мальски точно определить, где именно находилась шхуна: на одной ли параллели с Ки-Уэстом, или она уже миновала гряду подводных камней, простирающихся от оконечности полуострова по направлению к Маркезас и Тортугае.

По мнению Хьюлкара, Чикола должна была быть теперь очень близко от целой группы островков, позади которых катятся вместе с водами Флоридского пролива теплые воды Гольфстрима.

— Мы теперь, конечно, уже видели бы маяк Ки-Уэста, не будь этого тумана, — сказал Хьюлкар. — И надо быть очень осторожным, чтобы не наткнуться на прибрежные скалы. Я считаю, что было бы лучше подождать рассвета и, если туман рассеется…

— Я не буду ждать, — ответил командор.

Он действительно не мог больше ждать, так как ему надо было быть в Ки-Уэсте на другой же день в полдень.

Чикола продолжала двигаться по направлению к югу по совершенно почти успокоившемуся морю, среди густого тумана. Как вдруг около пяти часов утра все, кто на ней находился, почувствовали сильный толчок, а за ним другой…

Маленькая шхуна натолкнулась на подводный камень.

Приподнятая в третий раз ударом высокой волны, уже наполовину приведенная в негодность, шхуна с переломленной передней частью корпуса легла на левый бок и опрокинулась.

В эту минуту раздался чей-то крик.

Тюрк узнал голос своего командора.

Он стал громко звать его, но не получил никакого ответа.

Облака тумана были так густы, что совершенно скрывали скалы, окружавшие шхуну.

Ее хозяину и трем матросам удалось наконец укрепиться на одном из подводных камней. К ним присоединился и Тюрк. В полном отчаянии он все искал и звал командора…

Тщетные призывы, тщетные поиски…

В полном отчаянии он все искал и звал командора.

Но, может быть, облака тумана рассеются и Тюрк найдет своего командора еще живым? Он перестал на это надеяться. Крупные слезы катились по его щекам.

Около семи часов туман начал понемногу рассеиваться, и местами стало видно море.

Чикола разбилась, ударившись о гряду беловатых скалистых отрогов. Раздавленная при столкновении шлюпка больше уже ни на что не была годна. На западе и на востоке на протяжении четверти мили эта гряда скалистых отрогов тянулась уже в виде целого ряда подводных камней.

Снова возобновились поиски, и один из матросов нашел наконец командора Уррикана, лежавшего между двумя подводными камнями.

Тюрк кинулся к нему, схватил его в объятия и приподнял, засыпая вопросами. Никакого ответа.

Едва заметное дыхание вырывалось, однако, из раскрытых губ Годжа Уррикана, и сердце его хотя и слабо, но все же билось.

— Он жив… он жив!.. — закричал Тюрк.

Годж Уррикан находился в очень плачевном состоянии, так как при падении голова его ударилась об острый край скалы. Но кровь почти уже не текла. Рану, которая закрылась сама собой, перевязали куском полотна, обмыв ее предварительно небольшим количеством пресной воды, которая нашлась на шхуне. Потом командор, остававшийся все еще без сознания, был перенесен на выступающий берег маленького островка, где морской прилив не мог его настигнуть.

В это время небо совершенно очистилось от завесы тумана, и можно было видеть на несколько миль вперед.

Было двадцать минут десятого, когда Хьюлкар, протягивая руку по направлению к западу, воскликнул:

— Маяк Ки-Уэста!

Действительно, Ки-Уэст находился теперь на расстоянии не более четырех миль в том же направлении.

Если бы в эту ночь не было тумана, огни маяка были бы во-время замечены и маленькая шхуна не погибла бы среди этих опасных подводных камней.

Обычно моряки стараются избегать этих мест, опасаясь Нижней Флориды.

Что касается шестого партнера матча Гиппербона, то не было ли основания считать его окончательно выбывшим из партии? У него не было никакой возможности переплыть расстояние, отделявшее островок, на котором он нашел себе убежище, от Ки-Уэста, и ему ничего другого не оставалось, как пребывать на нем в ожидании момента, когда какое-нибудь судно захватит всех потерпевших кораблекрушение людей и доставит их в Ки-Уэст.

Тяжело было положение несчастных, находившихся на этой беловатой гряде, похожей на какое-то хранилище костей, выступающей из воды во время морского прилива не более как на пять или шесть футов. Вокруг извивались, как змеи, гигантские саргассовые водоросли всевозможных цветов и самые крохотные водоросли, извлекаемые из подводных глубин течением Гольфстрим.

Много маленьких заливчиков кишмя кишели сотнями рыб самых различных пород, всяких величин и форм: сардинки, морские петухи, морские волки, морские коньки восхитительных окрасок, испещренные разноцветными полосами. Во множестве там находились также и моллюски и всякие ракообразные существа:

креветки, омары, крабы и лангусты.

И, наконец, со всех сторон почти на поверхности, чуя кораблекрушение, плавали между отрогами скал хищные и жадные акулы, главным образом акулы «молотки» длиною от шести до семи футов, снабженные громадными челюстями, страшнейшие морские чудовища.

Что касается птиц, то они здесь летали бесчисленными стаями — обыкновенные и хохлатые цапли, чайки, морские ласточки и большие бакланы. Несколько пеликанов, очень крупных, стоявших наполовину в воде, ловили рыбу так же серьезно, но с большим успехом, чем профессиональные рыболовы, ловящие удочкой. Они издавали при этом «замогильным», как выразился один французский путешественник, голосом своеобразный крик: «Хоэнкор!»

Во всяком случае, найти пищу на этом островке было нетрудно, хотя бы только охотясь за легионами черепах, находившихся и в воде и на суше, на всем пространстве, отделявшем островок от тех, которые названы по имени этих пресмыкающихся.

Между тем время шло, а несчастный командор, несмотря на все старания тех, кто его окружал, все еще не приходил в себя. Это приводило Тюрка

в самое искреннее беспокойство и волнение. Если бы он мог доставить своего хозяина в Ки-Уэст и поручить заботам какого-нибудь врача! Может быть, его спасли бы, принимая во внимание необыкновенно крепкое здоровье. Но сколько еще пройдет дней, прежде чем они смогут покинуть этот островок? Было немыслимо починить шхуну, исправить ее продавленный корпус: никакой ремонт не помог бы шхуне противостоять опасностям, которые грозили в таких местах.

Нечего говорить, что Тюрк не строил никаких иллюзий относительно результата матча Гиппербона: для Годжа Уррикана партия была проиграна. Какой взрыв негодования охватил бы его, если бы он остался жив, и кто не простил бы ему на этот раз его раздражения перед лицом такой адской неудачи?!

Было немного более десяти часов, когда один из матросов, стоявших на страже в конце песчаной полосы, покрытой скалистыми отрогами, закричал: «Лодка, лодка!», и действительно, рыболовная лодка, подталкиваемая слабым ветром, приближалась к островку. Немедленно Хьюлкар дал сигнал, замеченный находившимися в лодке. И полчаса спустя, захватив всех пострадавших от кораблекрушения, лодка уже плыла по направ-

лению к Ки-Уэсту.

Слабая надежда вновь зажглась в сердце Тюрка; возможно, она блеснула бы и Годжу Урриканy, если бы он мог выйти из состояния полной прострации: ничто не доходило до его сознания.

Как бы то ни было, несомая ветром лодка быстро проплыла четыре мили, и в четверть двенадцатого она уже входила в гавань.

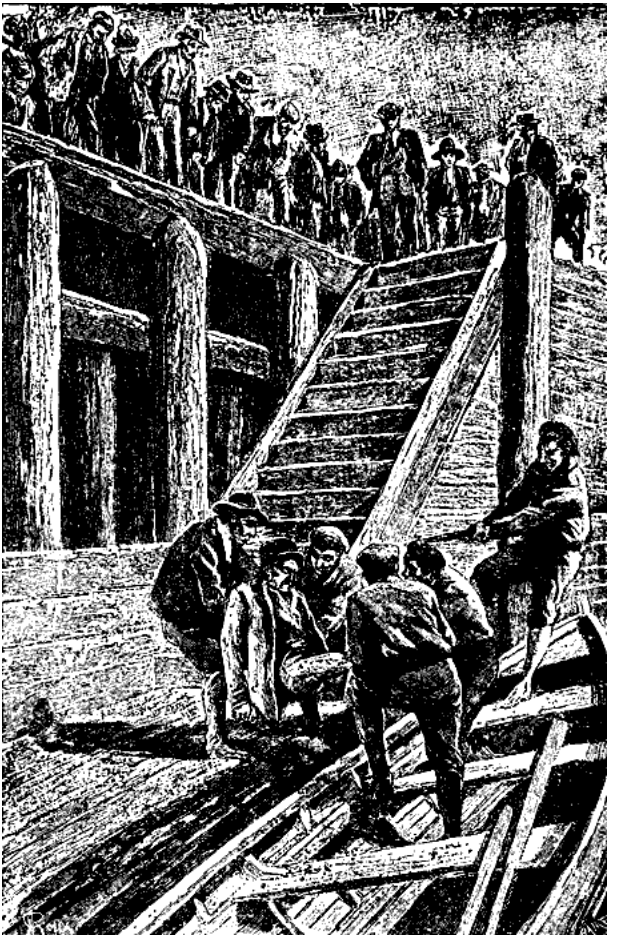
На этом островке Ки-Уэст, длиной в два лье, а шириной в одно, маленький городок вырос, подобно тому как вырастают овощи под влиянием хорошего ухода. Теперь это был уже довольно значительный город, сообщавшийся с центральным штатом при помощи подводного кабеля, город с большим будущим, благоустройство которого шло быстрыми шагами вперед благодаря росту навигации (тоннаж в триста тысяч).

Лодка вошла в самую глубь гавани, причалила к берегу, и тотчас же несколько сот жителей — Ки-Уэст насчитывал их в это время около восемнадцати тысяч — окружили прибывших. Они ждали командора Уррикана. Но в каком виде он предстал перед ними, или, лучше сказать, в каком виде он был им представлен! Очевидно, море не благоприятствовало участникам матча Гиппербона! Том Крабб явился в Техас в виде

инертной массы, а командор был почти трупом!

Годжа Уррикана поволокли в портовую контору, куда тотчас же явился спешно вызванный доктор.

Командор еще дышал, и хотя его сердце билось слабо, никаких внутренних разрывов в его организме, повидимому, не произошло. При падении со шхуны он ударился головой об острый край скалы, и теперь кровь снова усиленно потекла. Все время можно было опасаться кровоизлияния в мозг.

Годжа Уррикана поволокли в портовую контору...

Но, несмотря на все принятые меры, несмотря на энергичный массаж, для чего Тюрк уж не пожалел своих рук, командор все еще не приходил в себя.

Тогда доктор предложил перенести его в комнату какой-нибудь комфортабельной гостиницы или в больницу Ки-Уэста, где за ним будет лучший уход, чем в каком-либо другом месте.

— Нет, — ответил Тюрк, — ни в больницу, ни в гостиницу.

— Но куда же, в таком случае?

— В почтовое бюро!

Эту мысль, которая пришла в голову Тюрку, поняли и одобрили все присутствующие, окружавшие в эту минуту командора. Если Годж Уррикан все же явился в Ки-Уэст з полдень 25 мая, и это наперекор буре и приливу, то. почему его присутствие не зарегистрировать в том самом месте, где по расписанию ему полагалось быть в этот день?

Послали за носилками, положили на них командора и направились к почтовому бюро; их сопровождала все увеличивающаяся толпа.

Велико было изумление всех почтовых чиновников, подумавших сначала, что, несомненно, произошла какая-нибудь ошибка. Не приняли ли их бюро за морг? Но когда им стало известно, что лежавшее перед ними тело было телом командора Уррикана, одного из партнеров матча Гиппербона, их удивление сменилось волнением и участием.

Он был здесь, перед маленьким окошечком почтовой конторы, куда попал по воле игральных костей, выбросивших пять и четыре очка… и явился в назначенный день, но в каком виде!

Тюрк выступил вперед и громким голосом, который был всеми услышан, спросил:

— Нет ли телеграммы на имя командора Годжа Уррикана?

— Еще нет, — ответил чиновник.

— В таком случае, — продолжал Тюрк, — будьте добры удостоверить, что мы были здесь до ее получения.

Этот факт был немедленно зарегистрирован в присутствии многочисленных свидетелей.

Было сорок пять минут двенадцатого, и ничего другого не оставалось, как ожидать телеграммы, которая, несомненно, была послана из Чикаго.

Ждать ее пришлось недолго.

В одиннадцать часов пятьдесят три минуты затрещал телеграфный аппарат, его механизм пришел в действие, и узкая полоска бумажной ленты начала разматываться.

Чиновник взял ее и, прочитав адрес, проговорил:

— Телеграмма на имя командора Годжа Уррикана!

— Здесь! — ответил Тюрк за своегб хозяина, у которого даже в эту минуту доктор не мог заметить никакого намека на прояснение сознания.

Телеграмма содержала следующее:

Чикаго, Иллинойс, 8 час. 13 мин. утра, 25 мая.

Пять очков, из трех и двух. Пятьдесят восьмая клетка, штат Калифорния, Долина Смерти.

Торнброк.

Штат Калифорния, на другом, противоположном конце федеральной территории, которую придется пересечь с юго-востока на северо-запад!

Дело было не только в расстоянии в две тысячи с лишком миль, разделявших Калифорнию от Флориды, но в том еще, что эта пятьдесят восьмая

клетка была та самая, на которой в благородной игре в «гусек» фигурирует «мертвая голова», а это означает, что, явившись в эту клетку, игрок обязан возвратиться в самую первую и сызнова начинать всю партию.

«Ну, — произнес мысленно Тюрк, — лучше, кажется, чтобы мой хозяин так и не приходил в себя… Такого удара он не перенесет!»

ГЛАВА XV
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ 27 МАЯ

Вероятно, никто не забыл, что вначале, по завещанию Вильяма Гиппербона, число игроков в благородной игре Американских Соединенных штатов было ограничено шестью избранниками, на которых выпал жребий. Эти шесть участвовали в погребальной процессии, идя около самой колесницы с телом эксцентричного члена *Клуба Чудаков.*

Вероятно, помнят также, что во время заседания 15 апреля, когда нотариус читал в зале Аудиториума завещание, неожиданная приписка привлекла к участию в партии еще седьмого партнера, значившегося под инициалами X. K. Z. Но был ли этот новый партнер, подобно его другим товарищам, избран по жребию или исключительно по желанию покойного, никто не знал. Как бы то ни было, ввиду строгости, с которой была сделана приписка, никто не помышлял о том, чтобы ее в точности не соблюсти, и господин X. K. Z., или «Человек в маске», пользовался теми же правами, как и остальные шесть. И если бы судьба сделала его единственным наслед-

ником, то никто не стал бы у него это богатство оспаривать.

На основании именно этой приписки 13-го числа в восемь часов утра нотариус Торнброк приступил к седьмому метанию игральных костей, и (напомним на всякий случай и об этом факте) число выброшенных очков — девять, из шести и трех — заставило господина X. K. Z. отправиться в штат Висконсин. Таким образом, если этот неизвестный партнер не был обуреваем безудержной страстью к путешествиям, той любовью «к перемене мест», которая терзала редактора газеты Трибуна, если он был чужд всякой страсти к приключениям, то он должен был считать себя вполне удовлетворенным. Несколько часов по железной дороге доставили бы его в Милуоки, и если бы по прибытии туда он застал еще Лисси Вэг, то она должна была бы уступить ему свое место, а сама начинать партию сызнова.

Но поспешил ли этот «Человек в маске» отправиться в Висконсин, как только ему стал известен результат седьмого тиража, хотя в его, распоряжении оставалось еще пятнадцать дней, этого никто не знал.

Сначала все были очень заинтересованы появлением этого нового участника матча. Что он

собой представлял? Разумеется, он уроженец Чикаго, так как завещатель никого, кроме коренных жителей города, в свою партию не допускал, но больше никто ничего о нем не знал, и любопытство публики от этого только возрастало.

Вот почему 13 мая в день седьмого тиража на вокзале в часы отхода поездов из Чикаго в Милуоки толпа любопытных была особенно многочисленна.

Все рассчитывали узнать этого X. К. Z. по его виду, по его походке, по какой-нибудь его странности или оригинальной черте. Полное разочарование! Вокруг — одни только обычные физиономии путешественников, которых ничто не выделяло из толпы обыкновенных смертных. Тем не менее в самый момент отъезда какой-то неизвестный честный малый был принят за «Человека в маске» и, до крайности смущенный, сделался предметом незаслуженной овации.

На следующий день явилось снова порядочное число любопытных, но на третий их было уже меньше и совсем мало во все последующие дни. Так и не нашлось никого, кто по виду имел бы основание рассчитывать на наследство Вильяма Дж. Гиппербона.

Нотариусу Торнброку не давали покоя, засыпая вопросами.

Единственно, что можно было сделать и что сделали все эти люди, донельзя заинтересованные таинственностью X. K. Z., готовые рискнуть большими суммами, держа за него пари, это расспросить о нем нотариуса Торнброка. Ему не давали покоя, засыпая вопросами.

— Ведь вам же должно быть известно все, что касается X. K. Z., — говорили ему.

— Абсолютно ничего! — отвечал он.

— Но вы его знаете?

— Я его не знаю, а если б и знал, то не имел бы никакого права открыть его инкогнито.

— Но вы должны знать, где он живет, в Чикаго или в каком-нибудь другом месте, раз вы ему сообщали о результате метания игральных костей.

— Я ничего ему не посылал. Он узнал об этом или из газет, или же слышал в зале Аудиториума.

— Но ведь вам непременно придется послать ему телеграмму, извещающую о тираже двадцать седьмого?

— Телеграмму я ему, конечно, пошлю.

— Но куда?

— Туда, где он в это время будет, то есть где он должен будет находиться: в Милуоки, Висконсин.

— Но по какому адресу?

— До востребования, на инициалы X. K. Z.

— Но если его там не будет?

— Если его там не будет, то тем хуже для него, так как у него отнимут все его права.

Как видите, на все эти «но» любопытных нотариус Торнброк давал один и тот же ответ: он ничего не знал и ничего не мог сказать.

Постепенно интерес, вызванный человеком, о котором упоминалось в приписке, начал слабеть, и в конце концов решили предоставить будущему установить личность неизвестного X. K. Z. Ведь если бы он выиграл и сделался таким образом единственным наследником Вильяма Гиппербона, то его имя разнеслось бы по всем пяти частям света. Если же, наоборот, выигрыш пал бы не на него, то для чего было знать все эти подробности: был ли он стар или молод, богат или беден, толст или худ, высокого роста или маленького, блондин или брюнет и под какой фамилией записан в регистрационной книге своего прихода?

А тем временем за всеми перипетиями игры следили с исключительным вниманием в

том мире, где занимаются спекуляцией, в мире жаждущих выиграть, любителей риска и поклонников «бума». Финансовые бюллетени день за днем давали подробные сведения о положении вещей, подобно тому как они публикуют состояние биржевого курса. Не только в Чикаго, который один из репортеров назвал «городом пари», и во всех больших городах Союза, но и во всех городских предместьях, даже в самых маленьких деревушках за участниками партии следили с неослабевающим интересом.

Главные города Союза — Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Вашингтон, Олбани, Сент-Луис, Балтимора, Ричмонд, Чарлстон, Цинциннати, Детройт, Омаха, Денвер, Солт-Лейк-Сити, Саванна, Мобил, Новый Орлеан, Сан-Франциско и Сакраменто — организовали специальные агентства, дела которых шли необыкновенно успешно. Все давало основание думать, что число таких агентств удвоится, утроится и удесятерится по мере того, как по капризу игральных костей Макс Реаль, Том Крабб, Герман Титбюри, Гарри Кембэл, Лисси Вэг, Годж Уррикан и Х. К. Z. будут делаться победителями или жертвами. Были созданы настоящие рынки с маклерами, где отмечались спрос и предложение, продавались и покупались

по изменяющимся ценам шансы того или другого участник» знаменитого матча.

Само собой разумеется, что это движение не было сосредоточено исключительно на территории Американских Соединенных штатов. Оно вскоре перешло через границу и отдельными потоками потекло по доминиону — по городам Квебек, Монреаль, Торонто и другим важным городам Канады. Потом направилось в Мексику и в маленькие штаты, омываемые водами залива. Оттуда оно распространилось по Южной Америке — по Колумбии Венецуэле, Бразилии, Аргентинской республике, по Перу, Боливии и Чили. Лихорадка игры не замедлила охватить весь Новый Свет.

Помимо этого, по другую сторону Атлантики, в Европе — во Франции, Германии, России; в Азии — в Индии Китае и Японии; в Океании в Австралии и Новой Зеландии тоже принимали участие во всех безумствах матча Гиппербона.

Если покойный член *Клуба Чудаков* не очень нашумел при своей жизни, то какую бурю он поднял после своей смерти! Почтенный Джордж Хиггинботам и другие коллеги покойного могли гордиться тем, что принимали участие в рождении его посмертной славы.

Кто же в данное время был баловнем судьбы на поприще этого нового вида спорта?

Хотя сейчас было трудно ответить на этот вопрос, так как число метаний игральных костей было еще очень незначительно, все же четвертый партнер, Гарри Кембэл, имел очень много сторонников, и общественное внимание сосредоточилось главным образом на его особе. О нем особенно громко кричали газеты, следуя за ним как бы по пятам, получая от него ежедневно письменные сообщения. Макс Реаль со свойственной ему сдержанностью, Герман Титбюри, путешествовавший вначале под вымышленным именем, Лисси Вэг отъезд которой был отложен на последний день, — все они не могли соперничать с блестящим и шумным репортером газеты *Трибуна.*

Следует, однако, прибавить, что Том Крабб, очень рекламируемый Джоном Мильнером, тоже привлекал к себе внимание многих держателей пари. Казалось вполне естественным, что такое колоссальное богатство достанется этому колоссальному животному. Случай любит подобные контрасты, или, лучше сказать, подобные сходства, и если он чужд привычкам, то, во всяком случае, у него бывают капризы, с которыми при-

ходится считаться.

Что касается командора Уррикана, то в самом начале на всех биржах его акции стояли очень высоко. Первые полученные им девять очков, составленные из пяти и четырех, отправили его в пятьдесят третью клетку, и каким это было блестящим началом! Но, будучи отослан при втором метании в пятьдесят восьмую клетку, в Калифорнию, и вынужденный сызнова начинать партию, он лишился всех симпатий публики. К тому же знали, что он потерпел кораблекрушение около Ки-Уэста, что его переезд туда совершился при самых отвратительных условиях и что утром 23 мая он был еще без сознания. Неизвестно, будет ли он когда-нибудь в состоянии добраться до Долины Смерти и не был ли он мертв вдвойне — как человек и как партнер.

Оставался один только X. К. Z., и было серьезное основание предполагать, что ловкачи и хитрецы, у которых мозг устроен не так, как у других людей, и позволяет им заранее угадывать удачные удары игральных костей, остановят свое внимание именно на нем. Если же в этот момент его оставляли в покое, то потому, что не знали, отправился ли он уже в штат Висконсин или нет. Но этот вопрос должен был выясниться, как

только он явится в почтовое бюро Милуоки за получением телеграммы.

И день этот был уже не за горами. Приближалось 27 мая, когда должен был произойти четырнадцатый тираж, в котором был заинтересован «Человек в маске». В этот день после метания игральных костей нотариус Торнброк пошлет ему телеграмму в почтовое бюро Милуоки, куда около полудня он должен будет явиться лично. Легко можно себе представить, какая толпа любопытных соберется в это бюро, людей, стремящихся увидеть наконец господина Х. К. Z.! Если и не узнают его имени, то, по крайней мере, увидят его самого, и фотографические аппараты не замедлят сделать с него моментальные снимки, которые в этот же самый день будут напечатаны в газетах.

Кстати нужно заметить, что Вильям Гиппербон расположил различные штаты Союза на своей карте самым произвольным образом. Все эти штаты не были помещены ни в алфавитном, ни в географическом порядке. Вот почему штаты Флорида и Георгия, в действительности соседние, занимали один — двадцать восьмую клетку, другой — пятьдесят третью. Техас и Южная Каролина были помещены под номерами десятым

и одиннадцатым, тогда как их разделяет расстояние в восемьсот или девятьсот миль. То же самое можно сказать и про все остальные. Такое распределение не было, конечно, результатом сознательного выбора, и возможно даже, что они были помещены завещателем в том порядке, какой им выпал по жребию.

Как бы то ни было, именно в штате Висконсин таинственный X. K. Z. должен был ждать телеграммы, извещающей его о результате второго тиража.

Что касается Лисси Вэг и Джовиты Фолей, то, приехав в Милуоки только 23 утром, они поспешили его покинуть, для того чтобы не встретиться там с седьмым партнером, когда тот явится в городское телеграфное бюро.

Наконец наступило 27 мая. Общее внимание сосредоточилось на этой таинственной личности, которая неизвестно по каким мотивам не желала объявить своего имени публике.

Вот почему в этот день зал Аудиториума не был так переполнен, как он мог бы быть: тысячи любопытных с утренним поездом отправились в Милуоки, где надеялись увидеть наконец в почтовой конторе этого таинственного X. K. Z.

В восемь часов нотариус Торнброк, по обык-

новению очень торжественный, окруженный членами Клуба Чудаков, выбросил из футляра на стол игральные кости и при наступившем общем молчании громко произнес:

— Четырнадцатый тираж. Седьмой партнер. Десять очков, из четырех и шести.

Вот что означали эти выброшенные десять очков.

Так как X. K. Z. был в двадцать шестой клетке, штат Висконсин, то десять очков отослали бы его в тридцать шестую, если бы эти очки не должны были бы дублироваться, так как эта тридцать шестая клетка была занята штатом Иллинойс. В силу этого, неизвестному X. K. Z. нужно было, покинув штат Висконсин, отправиться в сорок шестую клетку, которая на карте Вильяма Гиппербона находилась в округе Колумбия.

Фортуна несомненно покровительствовала этому таинственному партнеру! Первое метание костей послало его в штат, соседний с Иллинойсом, а второе — направило всего только на три штата дальше, через Индиану, Огайо и Западную Виргинию, в округ Колумбия, в его столицу Вашингтон, являющуюся в то же время столицей Соединенных штатов Америки. Какая разница между этими путешествиями и теми, которые

выпали на долю его конкурентов, отсылаемых на самые окраины федеральной территории!

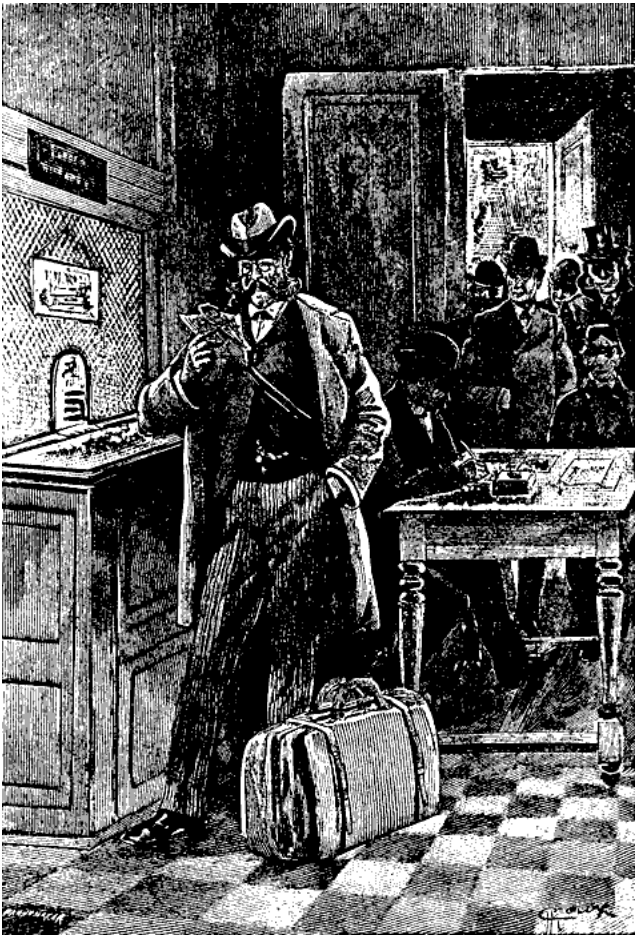
Разумеется, необходимо было держать пари именно на него, которому так везет, если только он в действительности существовал.

И вот в это утро в Милуоки не осталось на этот счет никаких сомнений: незадолго до полудня толпа любопытных, находившихся и внутри и вне почтового бюро, раздвинула свои ряды для того, чтобы пропустить человека среднего роста, крепко, повидимому, сложенного, с легкой проседью в бороде, с пенсне на носу. На нем был костюм путешественника, и он держал в руках небольшой чемодан.

— Есть у вас телеграмма для X. K. Z.? — спросил он почтового чиновника.

— Вот, получите, — ответил тот.

Тогда седьмой партнер, — так как это был именно он, — взял телеграмму, распечатал ее, прочел, снова сложил, положил в свой портфель и, не высказав никакого признака ни удовольствия, ни неудовольствия, вышел из бюро при полном молчании взволнованной публики.

Седьмой партнер взял телеграмму…

Его наконец увидели, этого седьмого партнера! Он существовал! Это не продукт фантазии, он один из представителей человеческого рода! Но кто же он?. Как его имя? Какое он занимает общественное положение? Каковы его качества? Этого никто не знал. Он явился тихо, бесшумно и так же тихо исчез!

Но все равно, раз он в назначенный день явился в Милуоки, то так же точно он в назначенный день явится и в Вашингтон. Для чего же нужно знать его социальное положение? Нельзя сомневаться в том, что он будет продолжать точно выполнять все условия, раз он выбран самим завещателем. К чему же тогда предпринимать те или другие шаги, чтобы узнать что-нибудь больше? Пусть каждый, не колеблясь, держит за него пари! Он сделается, повидимому, баловнем судьбы, так как, судя по первым полученным очкам, все говорит за то, что удача будет ему сопутствовать в течение всего путешествия.

В итоге вот каково было положение дел в этот день, 27 мая:

Макс Реаль 15 мая покинул Форт Рилей, штат Канзас, для того чтобы отправиться в двадцать

восьмую клетку, штат Вайоминг.

Том Крабб 17 мая выехал из города Остина, штат Техас, в тридцать пятую клетку, штат Огайо.

Герман Титбюри, откупившись от наказания, покинул 19 мая город Кале, штат Мэн, чтобы направиться в четвертую клетку, штат Юта.

Гарри Кембэл 21 мая выехал из города Санта-Фе, штат Нью-Мексико, в двадцать вторую клетку, штат Южная Каролина.

Лисси Вэг 23 мая покинула город Милуоки, штат Висконсин, для того чтобы отправиться в тридцать восьмую клетку, штат Кентукки.

Командор Уррикан, если он еще жив, — а надо надеяться, что он поправился, — получил сорок восемь часов тому назад, 25 мая, телеграмму, которая отправила его в пятьдесят восьмую клетку, штат Калифорния, откуда ему предстоит вернуться в Чикаго, для того чтобы начать всю партию сызнова.

И, наконец, X. K. Z. 28 мая был послан в сорок шестую клетку, в округ Колумбия.

Миру остается теперь только ждать дальнейших событий и результатов следующих тиражей, которые будут производиться каждые два дня.

Идея, выдвинутая газетой Трибуна, пользовалась большим успехом и была принята не только

Америкой, но и всеми другими странами.

Если партнеров в настоящее время не шесть, а семь, то почему бы не поступить так, как это делается для жокеев на бегах? Почему каждому из семи партнеров не присвоить себе какого-нибудь определенного цвета из семи цветов радуги, расположив их в том порядке, какой эти цвета занимают в последней?

Таким образом, у Макса Реаля будет фиолетовый цвет, у Тома Крабба — синий, у Германа Титбюри — голубой, у Гарри Кембэла — зеленый, у Лисси Вэг — желтый, у Годжа Уррикана — оранжевый и у X. K. Z. — красный.

И с этих пор маленькие разноцветные флажки ежедневно втыкались в те пункты, которые партнеры матча Гиппербона занимали на карте благородной игры Соединенных штатов Америки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК

15 мая в полдень в почтовом бюро Форта Рилей Макс Реаль получил телеграмму, отправленную в тот же день из Чикаго. Десять очков, из пяти и пяти, — таково было число очков, выброшенных игральными костями для первого партнера.

Из восьмой клетки, штата Канзас, эти десять очков отсылают игрока в одну из клеток штата Иллинойс. Согласно правилам этой игры, данная клетка требует удвоить число очков, и в результате двадцать очков приводят игрока в двадцать восьмую клетку, штат Вайоминг.

— Очень, очень удачно! — воскликнул Макс Реаль, когда он и Томми вернулись в гостиницу.

— Раз мой хозяин доволен, — ответил милый юноша, — то и я тоже, конечно.

— Он безусловно доволен, — сказал Макс Реаль, — и по двум причинам: во-первых, потому, что путешествие не будет продолжительно, так как штаты Канзас и Вайоминг почти соприкасаются; во-вторых, потому, что мы будем иметь возможность осмотреть самую красивую часть Соединенных штатов, изумительный Нацио-

нальный парк Йеллоустон, с которым я еще незнаком. Вот она — моя счастливая звезда, я узнаю ее!.. Выбросить для меня именно десять очков, которые дают мне двойной ход и помещают штат Вайоминг на моем пути! Понимаешь ты это, Томми? Понимаешь?.

— Нет, хозяин, — ответил Томми.

Томми действительно не в состоянии был понять все эти остроумные комбинации благородной игры Американских Соединенных штатов, которые так восхищали молодого художника.

Но это было не важно, и Макс Реаль мог только поздравлять себя с таким удачным вторым тиражом, хотя он и отставал еще от Лисси Вэг и командора Уррикана; но этот последний, как известно, был вынужден начать партию сызнова. И действительно, это путешествие было не только не утомительно, но еще позволяло побывать в самом очаровательном уголке штата Вайоминг.

Вот почему, желая пробыть там как можно больше времени и располагая только пятнадцатью днями — с 15 до 29 мая, Макс Реаль решил немедленно уехать из маленького городка, Форта Рилей.

Следующую телеграмму на свое имя Макс Реаль

должен был получить в Шайенне, столице Вайоминга, конечно, если до тех пор партия никем не будет выиграна.

В сущности, Годжу Урриканy достаточно было бы получить десять очков, для того чтобы достигнуть шестьдесят третьей, и последней, клетки, поскольку первое же новое метание костей сразу перенесло его в пятьдесят третью клетку, что дало ему возможность намного опередить всех своих конкурентов.

— И он очень на это способен, этот ужасный человек, — сказал Макс Реаль, когда газеты опубликовали результат последнего тиража. — И тогда никаких больше разговоров о наследстве, я не смогу тебя купить, мой бедный Томми!.. Но, как бы то ни было, я все же успею осмотреть окрестности Йеллоустона!.. Презренный раб, запирай же наши чемоданы и скорее в путь, в Национальный парк!

«Презренный раб», чувствуя себя польщенным, быстро покончил все приготовления к отъезду.

Если бы Макс Реаль ограничился переездом из Форта Рилей прямо в Шайенн, то он сделал бы всего четыреста пятьдесят миль в один день, пользуясь железнодорожной линией, соединяющей эти два города, но так как он намеревался

подняться до северо-западного угла штата Вайоминг, занятого Национальным парком, то это расстояние по меньшей мере должно было удвоиться.

Немедленно по получении депеши Макс Реаль принялся изучать железнодорожное расписание, выбирая наиболее короткий путь. В результате он узнал, что две ветви Тихоокеанской железной дороги предоставляли почти одинаковые гарантии в быстроте передвижения.

Одному из маршрутов фиолетовый флаг (это был флаг первого партнера) отдал предпочтение. По приезде в Шайенн он придумает какую-нибудь другую комбинацию с целью попасть как можно скорее в Национальный парк.

Макс Реаль отправился в путь 16 мая после полудня, забрав все принадлежности живописи, и вместе с Томми, который нес его чемодан, уселся в вагон. Колоссальны и плоски, без спусков и подъемов, эти западные равнины Канзаса, орошаемые ниспадающими с Белых гор Колорадо водами реки Арканзас. И до чего проста конструкция этих железнодорожных путей! По мере того как рельсы клались на путь, паровоз их поглощал, и железнодорожная линия удлинялась ежедневно на несколько миль.

Правда, все эти бесконечные степи не представляют ничего любопытного для глаз художника, но зато в следующей за ними гористой части Колорадо местность становится необыкновенно разнообразной и живописной.

Ночью поезд переехал геометрическую границу двух штатов и ранним утром остановился в Денвере.

Осмотреть этот город, хотя бы часок, Макс Реаль не имел возможности. Поезд шел дальше, в Шайенн, и, выйдя из него, молодой художник мог запоздать на целый день. Теперь же этот переезд длиной в сотню миль, причем поезд оставил в стороне великолепную панораму Снежных гор с вершинами Лонг-Пика, совершился очень быстро.

Что такое Шайенн? Это название реки и города, а также индейцев, населявших когда-то эту часть страны. Город Шайенн возник на одной из стоянок или лагерей, которые служили жилищем первых золотоискателей. Палатки постепенно сменялись хижинами, хижины — домами, расположенными вдоль улиц и площадей. Вокруг образовалась сеть железных дорог, и в настоящее время Шайенн насчитывает около двенадцати тысяч жителей. Построенный на высоте тысячи

туазов, он является важной станцией этого великого Тихоокеанского железнодорожного пути.

Штат Вайоминг не имеет природных границ и довольствуется теми, которые провели геодезисты — прямыми линиями, составляющими стороны прямоугольника. Это страна величавых гор и глубоких долин, в которых реки Колорадо, Колумбия и Миссури берут свое начало. А страна, давшая начало трем водным путям, играющим такую важную роль в американской гидрографии, имеет полное право прибавить еще одну звездочку к тем, которые сверкают на флаге Соединенных штатов.

Согласно своему обыкновению, Макс Реаль сохранял полное инкогнито. Город Шайенн не знал, что в этот день его посетил один из участников матча Гиппербона. Он не ждал к себе его, тем более так рано. Было известно, что он только 29-го должен явиться в назначенный пункт. Это дало ему возможность избежать всяких приемов и банкетов, вредных для желудка, и скучнейших церемоний. Они, без сомнения, были бы организованы в его честь городским населением, склонным к шумным проявлениям восторга. Среди них фигурировали бы, конечно, и женщины, пользующиеся в этом штате избирательным

правом наравне с мужчинами.

Выйдя из вагона утром 16 мая, Макс Реаль принял все меры к тому, чтобы как можно скорее попасть в Национальный парк. Если бы он имел в своем распоряжении больше времени, то мог бы отправиться туда в экипаже, останавливаясь там, где ему понравится, подробно исследуя эту область горного хребта Ларами, все эти высоко лежащие равнины, глинистая почва которых была когда-то дном громадного озера, переходя вброд бесчисленные горные ручьи, капризно извивающиеся притоки Плат-Ривер и Норт-Форта, осматривая террасы этой изумительной орографической системы[43] с ее извилистыми долинами, дремучими лесами и сетью притоков реки Колумбии, словом, всю эту страну, в которой поднимаются более чем на две тысячи туазов над уровнем моря горы Юниэн-Пик, Хайден-Пик, Фремонт-Пик и эта дикая вершина Ураган в горном хребте Уайд-Уотер. Отсюда, может быть, и пошло название Орегон. Эта вершина известна вечно бушующими вокруг нее бурями и имеет полное основание соперничать в этом отношении с не менее диким командором Урриканом.

---

[43] Примечания: 43

Орография — отдел географии, занимающийся изучением земной поверхности и строения земной коры.

Да, путешествовать здесь в экипаже, верхом или пешком, на свободе, останавливаясь по желанию в самых красивых уголках этой местности, раскидывать свою походную палатку то там, то здесь, не торопясь куда-то к сроку, — что может быть более привлекательным для художника, и с каким восторгом Макс Реаль совершил бы путешествие при таких условиях! Но мог ли он забыть, что он не только художник, но и партнер, что он не принадлежит себе, сделавшись игрушкой случая, завися теперь всецело от него, от удара игральных костей; что он взял на себя обязательство в назначенный день являться в указанный пункт, играть роль шахматной пешки?

«Пешка, которой судьба распоряжается, как ей заблагорассудится, — говорил он себе. — Ведь это факт, что я ничего другого собой теперь не представляю! В этом — какое-то полное отсутствие человеческого достоинства, и все лишь для того, чтобы иметь маленький шанс — один из семи — получить наследство этого покойного чудака! Краска заливает мне лицо всякий раз, когда этот смуглолицый Томми упорно на меня смотрит!.. Я должен был бы послать нотариуса Торнброка к чорту и отказаться от этой нелепой партии. Мой уход доставил бы большое удовольствие таким

типам, как Титбюри, Крабб и Уррикан!.. Я ничего не говорю про милую и скромную Лисси Вэг. Эта молодая девушка показалась мне не очень-то обрадованной тем, что попала в число этих «семи»!.. Да, к чорту! Я сделал бы это немедленно и остался бы здесь, в Вайоминге, сколько мне захотелось бы, если бы не мать, которая никогда не простила бы моего дезертирства!.. Но, в конце концов, раз я уже здесь, в этой изумительной, совершенно неправдоподобной стране Йеллоустон, то осмотрим все, что только возможно осмотреть в какие-нибудь двенадцать дней».

Так рассуждал Макс Реаль, и это было довольно правильное рассуждение после подробного изучения маршрута, наиболее подходящего при данных условиях. Дело в том, что, путешествуя так, как ему хотелось, он не только не избежал бы запаздывания, но и мог бы подвергнуться разного рода опасностям. Как равнина, так и долина центральной части штата Вайоминг далеко не безопасны, когда путешествуют вот так, без всякой охраны. Не говоря уже о возможности встретиться с дикими зверями — медведями и другими хищниками, можно подвергнуться нападению индейцев, этих кочующих представителей племени сиу, которые не все еще поселены

в назначенные и отведенные для них Соединенными штатами места.

Вот почему во время разведок, которые федеральное правительство организовало в 1870 году с целью подробно исследовать местность Йеллоустон, стоящие во главе экспедиции господа Дон, Лэнгфорд и доктор Хайден путешествовали по стране в сопровождении военного конвоя, охранявшего их миссию, а два года спустя, 1 марта 1872 года, Конгресс объявил, имея на то полное основание, весь этот район Национального парка «восьмым чудом мира».

Два трансконтинентальных железнодорожных пути соединяют Нью-Йорк с Сан-Франциско. Первый, носящий название Центральной Тихоокеанской железной дороги, длиной в три тысячи триста восемьдесят миль. Начиная с Грейнджера, он носит название Орегон-Шорт-Лайн и идет через Огден. Второй, длиной в пять тысяч триста миль, идет через Топику, Денвер и в Шайенне примыкает к первой линии.

От города Шайенна до Огдена всего пятьсот пятнадцать миль, а от Огдена до Мониды, самой близкой станции от Национального парка, всего четыреста пятьдесят миль. Поэтому вполне естественно, что Макс Реаль, желавший как можно

скорее добраться до северо-западного угла штата Вайоминг, выбрал именно маршрут, который, если бы его слегка удлинить, все равно дал бы ему возможность осмотреть город Огден.

В этот самый вечер, продолжая хранить полное инкогнито, Макс Реаль и Томми сели в поезд и помчались через длинные болотистые равнины Ларами. Они еще спали крепким сном, когда поезд остановился на станции Бентон-Сити, представляющей собой один из тех городов, которые вырастают на поверхности Дальнего Запада, как грибы, немного ядовитые при своем появлении на свет, но обезвреженные благодаря правильно взращенной культуре.

Утром 17 мая поезд остановился в Огдене. Кроме индейцев, здесь встречается также довольно значительное число китайцев.

Именно там Центральная Тихоокеанская железная дорога, прежде чем обогнуть озеро Грэйт-Солт-Лейк, отделяет от себя ветвь, которая тянется на протяжении четырехсот пятидесяти миль вплоть до Хелина-Сити. В этом же пункте другая ветвь железнодорожной линии направляется на юг и соединяет Огден с Грэйт-Солт-Лейк-Сити, сто-

лицей штата, большим мормонским[44] городом.

Таким образом, Макс Реаль имел возможность, сделав очень маленький крюк — не больше тридцати шести миль, — заехать в этот интересный город, пользующийся такой известностью, И тем не менее он от этого воздержался. Весьма возможно, однако, что, по капризу игральных костей, ему придется еще раз очутиться поблизости от этого города святых.

Весь день 17 мая был занят переездом через территорию штата Айдахо. Макс Реаль двигался вдоль горной цепи Бир-Ривер, мимо Горячих ключей, и, оставив на востоке границу штата Вайоминг, к вечеру достиг крайнего пункта Айдахо в городе Оксфорде.

Айдахо принадлежит бассейну реки Колумбии, богатой золотоносными жилами, которые привлекают туда шумные толпы искателей и промывателей золота. Столицей штата является город Бойзе-Сити с населением в две тысячи пятьсот жителей. На этой территории находится несколько резерваций (районов), отданных ин-

---

[44] Примечания: 44

Мормоны — члены североамериканской религиозной секты. Учение мормонов — смесь многобожия и христианства. В этой секте была очень развита эксплоатация руководителями рядовых членов. Среди мормонов было распространено многоженство. Центром мормонов являлся район Соленого озера в Северной Америке.

дейским племенам.

Штат Монтана представляет собой гористую страну, как указывает и его название. Он один из самых больших по размерам штатов всего Союза, негодный для полевой культуры, но очень благоприятный для скотоводства. Почва его очень богата золотыми, серебряными и медными жилами. Из всех штатов это тот, в котором индейские племена занимают самые большие территории на Дальнем Западе, беспокойное соседство которых американцы не очень охотно переносят.

Виргиния-Сити, столица штата, вначале проявляла все признаки быстрого расцвета, подобно большинству городов этих западных территорий, но в настоящее время она потеряла свое значение. Ей на смену выдвинулись города Бьютт-Сити и Хелина, хотя население первого из них значительно уменьшилось.

Само собой разумеется, что существуют быстрые и комфортабельные средства сообщения между Национальным парком и станцией Монида, где остановился первый партнер, и с каждым годом эти средства сообщения будут все усовершенствоваться, по мере того как будет увеличиваться число туристов Старого и Нового Света, приглашаемых федеральным правитель-

ством осмотреть территорию Йеллоустона.

Вот почему Макс Реаль мог немедленно выехать из Мониды, воспользовавшись прекрасно организованным экипажным сообщением, и спустя несколько часов вместе с Томми прибыл к назначенному пункту.

Можно сказать, что национальные парки по отношению к территории республики играют такую же роль, какую играют скверы ее больших городов. Кроме Йеллоустонского парка, были созданы еще другие, новые, как, например, парк Кретер-Лейк на вулканической территории штата, называемой американской Швейцарией, Сад Богов, так красиво расположенный среди гористой зоны реки Колорадо.

В конце февраля 1872 года сенат и палата депутатов выслушали чтение одного доклада, который должен был быть представлен в Конгресс.

Вопрос шел о запрещении частным лицам селиться на территории Союза размером пятьдесят пять на шестьдесят пять миль, находящейся неподалеку от источников рек Йеллоустона и Миссури, с предоставлением этой части под охрану данного штата. С этих пор этот район становится Национальным парком, и пользоваться им будет весь американский народ.

Заявив, что пространство, заключенное в указанных границах, не годится ни для каких доходных культур, докладчик прибавил:

> «Предлагаемый закон нимало не уменьшит государственных доходов и будет принят повсеместно как мера, достойная духа прогресса, почетная как для Конгресса, так и для нации».

Доклад был принят. Йеллоустонский Национальный парк был передан в Управление министерства внутренних дел.

Страна эта — одна из наиболее прославляемых, причем этой славой она обязана исключительно своим изумительным природным красотам, к которым рука человека ничего не прибавила.

Тем не менее до некоторой степени человек все же внес свое: с целью привлечь в этот Национальный парк экскурсантов всех пяти частей света он упростил передвижение по этой территории целой сетью удобных дорог, проложенных среди самой хаотической природы. Во многих пунктах теперь высятся великолепные отели, изящество которых соединяется с комфортом. Путешествовать по этой местности можно теперь в полной безопасности. Приходится бояться только

одного — чтобы эта страна не превратилась в одну сплошную лечебную станцию, в один колоссальный водный курорт, куда стали бы стекаться толпы больных, u привлеченных горячими источниками Файр-Хола и Йеллоустона.

А кроме того, — как об этом пишет Элизе Реклю, — все эти национальные парки уже успели превратиться в колоссальные охотничьи угодья для директоров различных финансовых компаний, которым уже принадлежат все ведущие к паркам железные дороги и лучшие отели.

Здесь-то именно (к сожалению, в это время года громадный караван-сарай был переполнен путешественниками) Макс Реаль проводил все время. На его счастье, никто не подозревал в нем одного из участников матча Гиппербона. В противном случае ему не давали бы покоя целые сотни любопытных, Без них же он мог бродить, где ему вздумается, восхищаясь поразительными природными красотами этой местности (не вызывавшими, надо сознаться, большого одобрения со стороны Томми). Он делал ежедневно по нескольку этюдов, которые молодой негр находил всегда несравненно более привлекательными, чем самые местности. Нет, никогда Макс Реаль не сумеет изгладить из своей памяти всех

этих незабываемых чудес Национального парка!

«Только бы мне не опоздать явиться двадцать девятого числа в Шайенн! — мысленно говорил он себе. — Бог мой, что сказала бы тогда моя дорогая мать?»

Она действительно великолепна — эта долина Йеллоустона с обрамляющими ее базальтовыми горными массивами (из которых можно было бы выстроить целый дворец), с их острыми, неровными, точно искромсанными краями и снежными вершинами, в которых берут начало тысячи маленьких речек и ручейков, текущих в глубине сосновых лесов; со всеми этими каньонами[45] с вертикальными, близко отстоящими стенами, образующими бесконечные коридоры, избороздившие всю местность. Там сосредоточены усилия необузданной, дикой природы. Там расстилаются целые поля лавы, обширные равнины, местами сплошь покрытые вулканическими извержениями. Там на черноватых скалистых обрывах на некотором расстоянии одна от другой высятся колонны, точно высеченные из камня рукой человека и испещренные желтыми и красными полосами, готовые модели для цветной

---

[45] Примечания: 45

Каньон — узкое ущелье с отвесными стенами.

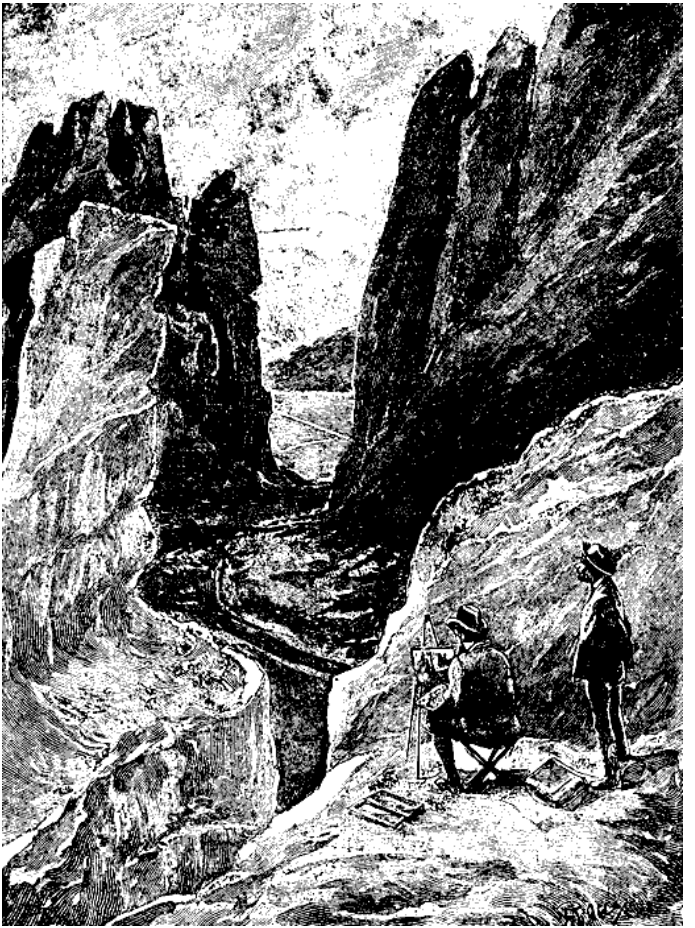
архитектуры! Там беспорядочно громоздятся остатки лесов, погибших под горячей лавой кратеров, теперь уже остывших.

А что сказать о самом озере Йеллоустоне с берегами, усеянными осколками обсидиана, об озере, лежащем на плоской возвышенности на высоте семи тысяч футов над уровнем моря! Этот бассейн с кристаллически чистой водой, площадью в триста тридцать квадратных миль, местами покрыт гористыми островами, и целые столбы пара выбрасываются не только на его берега, но и на зеркальную поверхность его спокойных и глубоких вод, переполненных форелями.

И все это озеро окружено целой системой гор несравненной красоты!

Там Макс Реаль, забывая об убегавших днях и часах, запасался неизгладимыми воспоминаниями, пораженный зрелищем этой изумительной природы. Неутомимый турист, он осматривал окрестности озера Йеллоустона, эти бассейны с водами, окрашенными в сверкающий пурпур покрывающих их водорослей ослепительно ярких оттенков. Он пробрался на север, вплоть до того места, где находятся водоемы Мамонтовых источников, купался в их базальтовых бассейнах, расположенных полукругом, наполненных

теплой водой и покрытых облаками пара. Он был оглушен шумом двух водопадов реки Йеллоустона, воды которой на протяжении полумили изливаются бурными потоками, каскадами и водоворотами, а потом несутся дальше по узкому руслу между острыми отрогами скал и теряются в облаках влажной пыли, совершая прыжок в сто двадцать футов. Он бродил между огненными ямами, окаймляющими поток Файр-Хол. В этой долине, изрытой стремительным течением притока реки Мадисон, насчитываются целые сотни горячих источников, грязевых фонтанов и гейзеров, с которыми не могут соперничать самые знаменитые гейзеры Исландии.

Он делал ежедневно по нескольку этюдов.

А какая панорама развертывается по берегам этого капризного, извилистого потока Файр-Хол, получившего свое начало в одном из небольших озер и стремящегося на север! На всех уступах горных массивов, спускающихся к самому его руслу, виднеются вулканические кратеры и дымятся гейзеры, носящие характерные названия: здесь Олд-Фейсфул[46] с его совершающимися через определенные промежутки извержениями, хотя с некоторых пор они становятся менее регулярными. Далее Шато-Фор[47] на берегу болотистого пруда, своей формой напоминающий старую башенку, стены которой обильно орошаются дождем сгущенных паров гейзера. Дальше Рюш[48], чудовищный колодец, верхняя закраина каменной кладки которого подымается над почвой, точно часть какой-то башни; потом

---

[46] Примечания: 46
Олд-Фейсфул — Верный Старик.

[47] Примечания: 47
Шато-Фор — Крепкий Замок.

[48] Примечания: 48
Рюш — Улей.

Гран-Гейзер[49], извергающийся регулярно через каждые тридцать два часа, и, наконец, Ле-Жеан[50], выбрасывающий свои столбы пара на высоту ста двадцати футов, и Великанша, вдвое выше, чем он.

Такова эта местность, не имеющая себе равной во всем свете, где Макс Реаль так подробно изучал все долины, все каньоны, все заболоченные пространства, переходя от одного чуда природы к другому, беспрерывно восхищаясь. В этом уголке штата Вайоминг, орошаемого реками Файр-Хол и Верхний Йеллоустон, почва под ногами содрогается, точно железная крышка какого-то чудовищного парового котла, в котором смешиваются, соединяются и сплавляются различные теллурические вещества от действия внутренних огней, питаемых неистощимым центральным очагом.

Там происходят самые неожиданные и изумительные явления, подобные сценическим эффектам какой-нибудь феерий, которые совершаются по мановению палочки волшебника. Все это происходит здесь среди чудес Национального

---

[49] Примечания: 49
Гран-Гейзер — Большой Гейзер.

[50] Примечания: 50
Ле-Жеан — Гигант.

парка Йеллоустон, равного которому нельзя найти ни в какой другой стране земного шара.

ГЛАВА II
ПРИНЯЛИ ОДНОГО ЗА ДРУГОГО

— Я не думаю, чтобы он уже приехал.

— А почему вы не думаете?

— Потому что в моей газете ничего об этом не говорится.

— Плохо осведомлена ваша газета, так как в моей об этой новости говорится очень подробно…

— В таком случае, я перестану абонироваться…

— И хорошо сделаете…

— Без сомнения! Нельзя же допускать, чтобы, когда дело касается фактов такой важности, газета молчала и ее абоненты ничего о них не знали.

— Это непростительно!

Этими фразами обменивались два гражданина Цинциннати, прогуливавшиеся по висячему мосту длиной в сто шестьдесят туазов, перекинутому через Огайо, почти у самого устья Лэкинга, соединявшему Цинциннати с двумя предместьями, Нью-Фортом и Ковингтоном на территории Кентукки.

Река Огайо — Красавица река — отделяет на юге и юго-востоке штат Огайо от штатов Кентукки и Западная Виргиния. Геодезические долготы у

него общие: на востоке со штатом Пенсильвания, на севере со штатом Мичиган, на западе со штатом Индиана.

Идя по этому мосту, изящество которого равняется смелости его строителя, вы видите промышленный город, растянувшийся на протяжении девяти миль вдоль правого берега реки вплоть до начала холмов, расположенных в том же направлении. Дальше на востоке виднеется Райский парк, а за ним городское предместье — виллы и коттеджи, затерявшиеся в окружающей их зелени.

Реку Огайо вполне правильно сравнивают с европейскими реками: виднеющиеся на ее берегах села и окружающая их растительность носят совершенно европейский характер.

Продолжая разговаривать, два гражданина, потомки которых пожалеют, что не знали ни их имен, ни их социального положения, смотрели через проволочные переплетения между пролетами моста на пароходы и баржи, сновавшие по реке и скользившие под тремя железнодорожными мостами, перекинутыми в разных местах, с проложенными на них путями, служившими средством связи между двумя соседними штатами.

Надо прибавить, что в этот день, 28 мая, немало других граждан, таких же неизвестных, как и эти двое, заводили оживленнейшие разговоры в промышленных кварталах на пивоваренных, мукомольных, рафинадных заводах, в мастерских, которых в Цинциннати насчитывается около семи тысяч, а также на городских рынках и вокзалах, где группы разговаривающих были особенно демонстративны и шумны. Не создавалось впечатления, что эти почтенные горожане принадлежат к высшим классам города, к обществу ученых и артистов, посещавших университетские лекции и богатые библиотеки и осматривавших драгоценные коллекции и музеи Цинциннати. Нет! Оживление замечалось главным образом в низших слоях населения и не распространялось на богатые кварталы, на модные улицы, на скверы и парки с их великолепными, особенно каштановыми деревьями, от которых штат Огайо и получил название — Бэкей-Стэт (Каштановый штат).

Проходя мимо этих групп и прислушиваясь к разговорам, можно было услышать такие фразы:

— Вы его видели?

— Нет. Он приехал вчера вечером очень поздно. Его посадил в закрытый экипаж и повез тот, кто

с ним приехал…

— Повез куда?

— Вот чего никто не знает и что было бы крайне интересно узнать…

— Но, в конце концов, ведь он же приехал не для того, чтобы никому не показываться! Я думаю, что он будет на выставке.

— Да… говорят, послезавтра… на большом конкурсе в Спринг-Грове.

— Воображаю, какая там будет толпа!

— Будут давить друг друга!

Но такая манера судить о герое дня не была присуща большинству городских жителей. В той части города, которая находилась близко от бойни; там, где особенно ценятся физические качества и где отдают предпочтение росту, силе и мускулам индивидуумов перед их моральными и интеллектуальными качествами, многие недоверчиво пожимали плечами.

— Раздутая репутация, — сказал один.

— У, нас и здесь найдутся такие же, — заметил другой.

— Больше шести футов, если верить рекламам…

— Футов, в каждом из которых, может быть, меньше двенадцати дюймов…

— Нужно будет посмотреть.

— Однако он до сих пор побивал, кажется, всех своих соперников…

— Ну!.. Ведь говорят также, что он побил рекорд… Но все это только для того, чтобы заинтересовать публику… Заинтересовать, а потом — ее обокрасть!

— Здесь мы не очень-то позволим себя надувать.

— Но разве он приехал сюда не из Техаса? — спросил один рослый малый, широкоплечий, с сильными мускулистыми руками, на которых виднелись еще следы крови, которая забрызгала его на бойне.

— Из Техаса… прямехонько оттуда, — ответил один из его товарищей, такой же, как он, рослый и сильный парень.

— В таком случае, подождем…

— Да… подождем. К нам уже не один такой приезжал, и он лучше бы сделал, если бы оставался там, где был.

— Но, в конце концов, если он выиграет!.. Ведь это возможно и не удивило бы меня.

Как видно, мнения расходились. Это, конечно, не очень обрадовало бы Джона Мильнера, приехавшего накануне в Цинциннати со вторым

партнером, Томом Краббом, который в результате второго метания игральных костей был отправлен из столицы Техаса в главный город Огайо.

В полдень 17 мая Джен Мильнер получил телеграмму, извещавшую его о результате тиража, произведенного в пользу знаменитого борца города Чикаго.

Без сомнения, Том Крабб мог считать себя редким удачником с большим основанием, чем Макс Реаль, хотя последний продвинулся сильно вперед благодаря полученному им удвоенному числу очков. Что касается Крабба, то он получил двенадцать очков, самое большое число, какое могут дать две игральные кости, но так как это число двенадцать падало на одну из клеток штата Иллинойс, то нужно было его еще удвоить, и полученное число двадцать четыре перебрасывало Тома Крабба с одиннадцатой сразу в тридцать пятую клетку.

Надо прибавить, что этот тираж направлял его в самые населенные провинции центра Североамериканских Соединенных штатов, где железнодорожное сообщение в высшей степени быстро и удобно, вместо того чтобы отсылать его куда-нибудь на самые окраины федерации.

Вот почему, когда Джон Мильнер покидал город

Остин, его все горячо поздравляли. В этот день все пари увеличились, а ставка на Тома Крабба возросла не только в Техасе, но и во многих других штатах, особенно же на всех биржах штата Иллинойс, где ставка на него стала один против пяти, ставка еще более высокая, чем на Гарри Кембэла, до сих пор считавшегося избранным любимцем.

— Главное, берегите его, берегите!.. — советовали все Джону Мильнеру. — Хотя он одарен исключительно крепким здоровьем и мускулы его сделаны из хромовой стали, не давайте ему переутомляться!.. Нужно, чтобы он до конца не потерпел никакой аварии.

— Положитесь на меня, — решительным тоном объявил его тренер. — В шкуре Тома Крабба сидит не Том Крабб, а сам Джон Мильнер.

— И смотрите, — прибавили присутствующие, — смотрите, чтобы не было больше никаких путешествий по морю, ни длинных, ни коротких, раз морская болезнь приводит его в состояние полного упадка, как физического, так и морального.

— Которое, однако, длилось недолго, — возразил Джон Мильнер. — Но не беспокойтесь, между Галвестоном и Новым Орлеаном нет пароходного сообщения. Мы доедем до Огайо по железной

дороге, не торопясь, как спокойные путешественники, раз у нас есть пятнадцать дней для того, чтобы попасть в Цинциннати.

Эта столица была именно той, которая занимала на карте завещателя тридцать пятую клетку, и Том Крабб оказался теперь впереди всех партнеров, за исключением только командора Уррикана.

В этот самый день, напутствуемый пожеланиями и горячими приветствиями своих сторонников, Том Крабб был доставлен на вокзал, введен в вагон и укутан теплыми пледами, так как опасались влияния разных температур в Огайо и Техасе. Вскоре затем поезд тронулся и помчался без всяких остановок к границе штата Луизиана.

Путешественники в течение двадцати четырех часов отдыхали в Новом Орлеане, где им был оказан еще более горячий прием, чем в первый раз. Это объясняется тем, что ставка на знаменитого боксера все повышалась. Тома Крабба требовали в агентствах всех городов Союза. Это было какое-то безумие, неистовство! По подсчетам газет, суммы, поставленные на второго партнера в течение его переезда от столицы Техаса до метрополии штата Огайо, составляли по меньшей мере сто пятьдесят тысяч долларов.

— Какой успех! — говорил Джон Мильнер. — И какой прием нас ждет в Цинциннати… Да! Нужно, чтобы это было действительно настоящим триумфом… Я все уже обдумал…

Вот каков был план Джона Мильнера, придуманный им, чтобы еще более возбудить любопытство публики и ее восхищение Томом Краббом; такой план не мог бы не одобрить и знаменитый Барнум[51].

Дело шло не о том, — как это можно было бы подумать, — чтобы особенно шумно, при помощи реклам, объявить о приезде в столицу чемпиона Нового Света и послать вызов наиболее смелым боксерам Цинциннати, приглашая их на борьбу, из которой Том Крабб вышел бы, без сомнения, победителем. Возможно, что Джон Мильнер и попытается когда-нибудь к этому, прибегнуть, если представится случай, но теперь ему, хотелось главным образом соблюсти самое строгое инкогнито, не давая никаких сведений держателям пари о состоянии здоровья их любимца, и до самого последнего дня оставлять их в полной неизвестности, предоставляя им думать, что он не приедет к сроку, 31 мая, в назначенный пункт.

---

[51] Примечания: 51
Барнум — известный цирковой антрепренер.

И вот тогда он представит Тома, окруженного ореолом, и его появление будет встречено с таким же торжеством, с каким встретили бы Илию, если бы этот пророк решил спуститься с небес в поисках своего оставленного на земле плаща.

Джон Мильнер как раз только что узнал из газет, что 30-го числа в Цинциннати назначен большой конкурс скота, конкурс, на котором лучшие представители рогатого, а также и не рогатого скота будут награждены разными медалями и аттестатами, которым все, повидимому, придают очень большое значение. Какой подходящий случай выставить Тома Крабба в Спринг-Грове, на этой многолюдной ярмарке, и как раз тогда, когда все потеряют уже всякую надежду, его увидеть, и как раз накануне дня, когда ему надлежало явиться в почтовое бюро метрополии!

Излишне говорить, что Джон Мильнер по этому поводу со своим компаньоном не советовался, имея на то свои причины. И в ту же ночь оба они уехали из Нового Орлеана, никого не предупредив о своем отъезде. Куда они делись? Вопрос, который на следующий день жители этого города задавали друг другу.

Джон Мильнер больше не придерживался

того маршрута, которому он следовал, покинув штат Иллинойс. К тому же сеть железных дорог настолько запутана в районах центральных и восточных Соединенных штатов, что получается впечатление, точно вся карта сплошь покрыта настоящей паутиной. Таким-то образом, не спеша, нигде не заявляя о прибытии Тома Крабба, путешествуя по ночам и отдыхая днем, заботясь только о том, чтобы не обращать на себя внимания публики, обладатель синего флажка и его тренер проехали штаты Миссисипи, Теннесси, Кентукки и на рассвете 27 мая остановились в маленькой гостинице в предместье Ковингтон. Им оставалось теперь только переехать реку Огайо, чтобы очутиться в Цинциннати.

Так осуществилась идея Джона Мильнера, и Том Крабб явился в Цинциннати, сохранив полнейшее инкогнито.

По сведениям, получаемым из наиболее осведомленных газет, не было известно, что с ним случилось. После его отъезда из, Нового Орлеана все следы были потеряны. Поэтому невольно напрашивается вопрос, что же означали все разговоры и предположения и что мог подумать сам Джон Мильнер, если бы он их услышал.

Разумеется, он имел все основания рассчиты-

вать на сильное впечатление, которое Том Крабб произвел бы на жителей Цинциннати, разуверившихся в возможности увидеть второго партнера во-время на месте, а также на всех держателей пари, поставивших на него значительные суммы, если бы накануне того дня, когда он должен был притти за телеграммой, Крабб внезапно появился бы на конкурсе ярмарки в Спринг-Грове.

А между тем кто знает, не лучше ли сделал бы Джон Мильнер, если бы использовал две недели, которые имел по выезде из Техаса, на то, чтобы демонстрировать своего знаменитого компаньона на территории штата Огайо? Разве этот штат не занимает четвертого места среди штатов Североамериканской республики, обладая населением в три миллиона семьсот тысяч жителей? Как с точки зрения занимаемого им положения участника матча Гиппербона, так и того, которое он занимал среди любителей и ценителей бокса, не лучше ли было перевозить его из города в город, выставляя напоказ жителям всех главных центров в штате Огайо? Таких городов очень много, они все процветают, и Тому Краббу они могли бы оказать самый лучший прием.

Если бы Джон Мильнер так упорно не цеплялся за придуманный им театральный эффект, он, без

сомнения, нашел бы нужным показать своего знаменитого боксера в Кливленде, этом великолепном городе на берегу озера Эри, прогуливаясь с ним по аллее Эвклида, самой красивой из всех аллей Союза, и по всем широким улицам города, обсаженным редкостными кленами. Этот город обогатился благодаря эксплоатации своих источников минерального масла, бассейны которого непосредственно сообщаются с его городским портом, одним из самых оживленных на побережье озера Эри. Его торговый оборот превосходит двести миллионов долларов. Из Кливленда Том Крабб перебрался бы в Толидо и в Сандаски, тоже торговые порты, где сосредоточены целые флотилии рыболовных судов; оттуда — во все промышленные центры, которые черпают свою силу в водах реки Огайо, подобно тому как органы человеческого тела черпают жизненную силу в крови его артерий. Из таких городов надо назвать Старбенвилл, Мариетт, Галлиполис и многие другие.

Само собой разумеется, что железные дороги пересекают его по всем направлениям, проходя через богатейшие поля хлебных, злаков, среди которых преобладает маис, через табачные плантации и виноградники, через зеленеющие

долины и целые рощи деревьев изумительной красоты — акаций, железных деревьев, сахарных кленов, черных тополей и платанов, стволы которых имеют в окружности от тридцати до сорока футов. Их можно сравнить с гигантскими секвойями западных территорий. Поэтому понятно, что, будучи так щедро награжден природой, штат Огайо является одним из наиболее могущественных штатов Союза.

Нужно прибавить, что скот является предметом широкой торговли этой страны, которым она во множестве снабжает заводы Чикаго, Омахи и Канзас-Сити, чем и объясняется важное значение ее рынков и, между прочим, этого конкурса представителей бычьих, овечьих и свиных пород, который был назначен на 30-е число настоящего месяца.

Раздумывать о плане, намеченном Джоном Мильнером, было уже поздно. Тома Крабба не будут показывать ни в каких больших городах. Он доехал до границы штата Кентукки без каких бы то ни было неприятных приключений, без малейшего утомления, путешествуя так, как об этом рассказано выше. За время его пребывания в Техасе к нему вернулось его обычное здоровье, вся его физическая сила. В дороге он ничего не

потерял, у него был прекрасный вид, и какое это будет торжество, когда он предстанет таким перед публикой в Спринг-Грове!

На следующий день Джон Мильнер захотел пройтись по городу, но, разумеется, не в обществе своего компаньона. Уходя из гостиницы, он сказал Краббу:

— Том, ты останешься здесь и подождешь меня.

И так как Джон Мильнер это сказал не для того, чтобы с ним посоветоваться, то Тому Краббу отвечать было нечего.

— Ты ни в коем случае не должен выходить из комнаты, — прибавил Джон Мильнер.

Том Крабб вышел бы, если бы это ему позволили. Но ему сказали не выходить, и он не выйдет.

— Если я долго не вернусь, — прибавил еще Джон Мильнер, — то тебе подадут сюда твой первый завтрак, потом второй, потом твой лэнч, потом твой обед, потом ужин. Я отдам приказание, и тебе не придется беспокоиться о твоем питании.

Нет, разумеется, Том Крабб не будет беспокоиться в данных условиях. Он будет терпеливо ждать возвращения Джона Мильнера. Потом, направившись к широкому креслу-качалке, он тяжело

в него опустился, слегка раскачиваясь, и мозг его оцепенел в обычном для него бездействии.

Джон Мильнер спустился в контору гостиницы, заказал меню из самых питательных блюд, которые надлежало подать его компаньону, и по улицам Ковингтона направился к берегу реки Огайо. Переплыв ее на пароме и сойдя на ее правом берегу, он засунул руки в карманы и отправился бродить по торговому кварталу города.

Там царило значительное оживление, в чем Джон Мильнер не замедлил убедиться, пытаясь уловить несколько фраз, которыми обменивались прохожие. Он нисколько не сомневался в том, что все были очень заинтересованы ожидаемым приездом второго партнера мат^а Гиппербона.

С этой целью Джон Мильнер переходил из одной улицы в другую, останавливаясь около оживленно разговаривающих групп перед магазинами и на площадях, где общее оживление выражалось особенно шумно. В толпе участвовали также и женщины, а они ведут себя в Америке не менее бурно, чем в любой стране старого материка.

Джон Мильнер чувствовал себя весьма удовлетворенным, но ему хотелось узнать, до каких

пределов дошло нетерпение тех, кто не видел еще Тома Крабба в Цинциннати.

Вот почему, увидав почтенного Дика Вольгода, хозяина колбасной, в высоком цилиндре, в черном костюме и рабочем фартуке, стоявшего у дверей своей лавки, он вошел в нее и спросил окорок ветчины, который он, конечно, мог всегда легко использовать. Потом, заплатив, не торгуясь, сколько требовалось, он проговорил, направляясь к дверям:

— Завтра ведь конкурс?

— Да… Интересная церемония, — ответил Дик Вольгод, — этот конкурс сделает честь нашей округе.

— Будет, разумеется, большая толпа в Спринг-Грове? — спросил Джон Мильнер.

— Весь город там будет, сударь, — ответил Дик Вольгод тем вежливым тоном, каким говорит каждый серьезный колбасник с клиентом, только что купившим у него большой окорок. — Подумать только, такая выставка!

Джон Мильнер насторожился. У него положительно захватило дыхание… Как могли догадаться, что он хотел выставить Тома Крабба в Спринг-Грове? Но он только сказал:

— Значит… не боятся запозданий, которые все-

гда могут произойти?

— Ни в коем случае…

И так как в эту минуту в лавку входил новый клиент, то Джон Мильнер вышел на улицу слегка озадаченный. Можно понять его состояние, представив себя на его месте…

Он не сделал еще и ста шагов, когда на углу пятой перекрестной улицы внезапно остановился совершенно пораженный, поднял руки к небу и выронил окорок на тротуар.

Там, на стене угольного дома, виднелась афиша, на которой красовались написанные большими буквами слова:

ОН ПРИЕЗЖАЕТ! ОН ПРИЕЗЖАЕТ!! ОН ПРИЕЗЖАЕТ!!! ОН ПРИЕХАЛ!!!!

Действительно, это переходило уже все границы. Как?! Пребывание Тома Крабба в Цинциннати всем известно?! Знали, что нечего было бояться, чтобы чемпион Нового Света опоздал к назначенному сроку?! Это объясняло то оживление, ту радость, которые испытывали все жители города, и то удовольствие, которое проявлялось в словах колбасника Дика Воль-года.

Безусловно, чересчур трудно — скажем даже, невозможно — знаменитому человеку избежать всех неудобств, связанных с его славой, и

приходилось навсегда отказаться от мысли о возможности набросить на плечи Тома Крабба покрывало строгого инкогнито.

Другие афиши были еще более красноречивы и, не ограничиваясь одним извещением о его приезде, прибавляли, что он приехал прямо из Техаса и будет фигурировать на конкурсе в Спринг-Грове.

— Нет, это уж слишком!.. — вскричал Джон Мильнер. — Оказывается, все уже знают о моем намерении привести туда Тома Крабба!.. А между тем я ведь никому ни слова об этом не сказал!.. Может быть, только… я когда-нибудь говорил об этом в присутствии Крабба, и Крабб, который вообще никогда ничего не говорит, на этот раз кому-нибудь об этом дорогой разболтал… Ничем другим объяснить это невозможно!

Вскоре затем Джон Мильнер возвратился в предместье Ковингтон. Придя в гостиницу ко второму завтраку, он ничего не сказал Тому Краббу о той неловкости, которую тот, очевидно, совершил, и, решив ничем не выказывать ему своего неудовольствия, провел с ним остаток дня.

На следующее утро в восемь часов оба они отправились к реке и, перейдя висячий мост, стали подниматься вверх по городским улицам.

Национальный конкурс скота происходил в

его северо-западной части, в Спринг-Грове. Туда уже массами стекалась публика, которая, что не ускользнуло от Джона Мильнера, не проявляла никаких признаков волнения и беспокойства. Со всех сторон спешили веселые и шумные группы людей, любопытство которых, — они это знали, — должно было быть вскоре удовлетворено.

Возможно, Джон Мильнер думал, что еще до своего появления в Спринг-Грове Том Крабб будет узнан по своему исключительному росту и дородности. Черты его лица, его фигура столько уже раз воспроизводились фотографами и пользовались такой популярностью во всех даже самых захолустных городках Союза! Но нет! Никто им здесь не занимался, никто на него не оборачивался, никто и не подозревал, что этот колосс, приравнивавший свои шаги к шагам Джона Мильнера, был не только знаменитым боксером-бойцом, но еще и партнером матча Гиппербона, тем самым, которого игральные кости отправили в тридцать пятую клетку, в штат Огайо, в город Цинциннати.

Было девять часов, когда они дошли до Спринг-Грова. Место, где происходил конкурс, было уже битком набито публикой. К шуму, производимому зрителями, присоединялись еще мычание,

блеяние и ворчание животных, из которых избранные счастливцы должны были фигурировать на страницах официальных списков награжденных.

Там были собраны великолепные представители овец и свиней самых лучших пород, а также молочных коров, и быков. Более четырехсот тысяч экземпляров высылает ежегодно Америка в Англию. Там восседали рядом с известнейшими скотоводами и «короли рогатого скота», пользующиеся почетом наряду с наиболее уважаемыми гражданами Соединенных штатов. В центре помещалась эстрада, на которой должны были фигурировать выставляемые экземпляры.

В эту минуту Джону Мильнеру пришла в голову мысль растолкать толпу, устремиться к эстраде, ввести на нее своего спутника и громко крикнуть:

— Вот Том Крабб, чемпион Нового Света, второй партнер матча Гиппербона!

Какое громадное впечатление должно было произвести неожиданное появление на эстраде перед взволнованной публикой этого героя дня!

И, толкая Тома Крабба вперед, двигаясь как на буксире у этого колосса, он растолкал ряды зрителей и собрался уже вскочить на эстраду.

Но места на эстраде не оказалось, оно было занято… И кем?.. Свиньей, громаднейшей свиньей, колоссальным продуктом двух американских пород «полэнт-чайн» и «ред-джерси», трехлетней свиньей, проданной за двести пятьдесят долларов еще тогда, когда она весила тысячу триста двадцать фунтов, совершенно феноменальной свиньей длиной около восьми футов, а высотой около четырех, причем окружность ее шеи равнялась шести футам, корпуса — семи с половиной, вес же ее в данный момент составлял тысячу девятьсот пятьдесят четыре фунта! Вот этот-то образец семейства «суилльенн» и был привезен из Техаса!.. Это о его приезде было напечатано на всех афишах Цинциннати!.. Это на нем сосредоточилось в этот день все внимание публики!.. Это его привел на эстраду при громких рукоплесканиях счастливый владелец!

Так вот перед какой новой звездой померкла звезда Тома Крабба! Перед чудовищно колоссальной свиньей, которая должна была быть премирована на конкурсе Спринг-Грова!..

Сраженный такой неожиданностью, Джон Мильнер остановился, попятился. Потом, сделав знак Тому Краббу следовать за собой, отправился обратно в отель, выбирая самые пустынные ули-

цы, и, разочарованный, пристыженный, заперся в своей комнате и весь день не выходил из гостиницы. И если когда-нибудь городу Цинциннати представлялся случай вернуть себе название города Поркополиса[52], которое у него отнял Чикаго, то это было именно 30 мая 1897 года!

[52] Примечания: 52
Порксполис — Свиногород.

ГЛАВА III
ЧЕРЕПАШЬИМ ШАГОМ

«Получена от мистера Германа Титбюри из Чикаго сумма в триста долларов — уплата штрафа, к которому он был приговорен судом 14-го числа текущего месяца за нарушение закона, касающегося спиртных напитков.

Кале, штат Мэн, 19 мая 1897 года.

Секретарь Вальтер Фик».

Таким образом, Герману Титбюри пришлось подчиниться наложенному на него взысканию, несмотря на его упорное сопротивление, продолжавшееся вплоть до 19 мая. Когда эта сумма была наконец уплачена, личность третьего партнера установлена и доказано, что действительно мистер и миссис Титбюри путешествовали под фамилией Филд, судья Р. Т. Ордак, продержав их три дня в тюрьме, нашел возможным этим удовольствоваться.

И пора было!

В этот день, 19-го числа, в восемь часов утра нотариус Торнброк произвел шестое метание

костей и заинтересованного партнера уведомил телеграммой в Кале.

Жители этого маленького городка, оскорбленные тем, что один из партнеров матча Гиппербона скрывался под вымышленным именем, не проявили по его адресу никаких теплых чувств и даже подсмеивались над его неудачей. Очень довольные вначале тем, что в штате Мэн именно их город Кале был пунктом, выбранным покойным Гиппербоном, они не могли простить обладателю голубого флажка, что он не сказал своего настоящего имени в первый же день своего приезда в город. Вот почему, когда настоящее имя его стало наконец известно, оно не произвело никакого впечатления. Как только сторож открыл ему двери тюрьмы, Герман Титбюри направился в гостиницу. Никто его не провожал, никто не оборачивался посмотреть на него, когда он шел по улице. Надо сказать, что чета эта не очень дорожила приветствиями толпы, которые так любил Гарри Кембэл, и желала только одного — как можно скорее уехать из Кале.

Было девять часов утра, и им надо было ждать еще три часа до того момента, когда они смогут отправиться наконец в телеграфную контору. Вот почему у мистера и миссис Титбюри нашлось

время, пока они пили свой утренний чай, заняться приведением в порядок своих счетов.

— Сколько мы истратили со дня нашего отъезда из Чикаго? — спросил супруг.

— Восемьдесят восемь долларов и тридцать семь центов, — ответила его супруга.

— Так много?

— Да, и это при том, что мы совершенно не тратили зря денег во все время пути.

Всякий, у кого в жилах не текла кровь Титбюри, был бы очень удивлен такой незначительной цифрой расходов. Но правда и то, что эту, сумму должны были еще значительно увеличить взысканные с них триста долларов штрафа, которые произвели довольно значительное кровопускание в кассе супругов.

— Только бы телеграмма, которую мы ждем сегодня из Чикаго, не заставила нас отправиться на другой конец территории! — проговорил со вздохом мистер Титбюри.

— Придется, во всяком случае, этому подчиниться, — решительным тоном объявила миссис Титбюри.

— Я предпочел бы отказаться…

— Опять! — вскрикнула властная матрона. — Чтобы это было в последний раз, Герман! Чтобы

ты больше никогда не говорил о том, что хочешь отказаться от возможности выиграть шестьдесят миллионов долларов!

Наконец три часа прошли, и без двадцати минут двенадцать чета Титбюри появилась в почтовой конторе, горя нетерпением узнать, что ее ожидало. Все-таки пять-шесть любопытных пришли туда на них посмотреть.

Какое невнимание по сравнению с оказанным другим партнерам матча вниманием в Форте Рилей, в Остине, в Санта-Фе, в Милуоки и в Ки-Уэсте, где перед окошечком телеграфного бюро всегда толпились любопытные!

— Телеграмма мистеру Герману Титбюри из Чикаго, — проговорил телеграфный чиновник.

Тот, к кому он обращался, почувствовал такой прилив слабости в момент, когда решалась его судьба, что колени его подогнулись, язык оказался повиноваться, и он не мог произнести ни слова.

— Здесь! — ответила за него миссис Титбюри, толкая своего мужа к окошечку.

— Вы именно тот, кому адресована эта телеграмма? — спросил телеграфный чиновник.

— Тот ли? Ну, разумеется, тот самый! — вскричала миссис Титбюри.

— Тот самый, — ответил наконец третий партнер. — Можете об этом справиться у судьи Ордака... Мне это достаточно, дорого обошлось, чтобы ко мне больше не приставали с заверением собственной личности!

Действительно, никакого сомнения на этот счет быть не могло. Телеграмма была передана миссис Титбюри, которая ее и распечатала, так как дрожащие руки ее мужа не могли этого сделать.

И вот что она прочла голосом, который все слабел и слабел, а последние произнесенные ею слова были почти совсем не слышны:

Герману Титбюри.

Два очка, из одного и одного. Грэйт-Солт-Лейк-Сити, штат Юта.

Торнброк.

Чета почти лишилась чувств, и при сдержанных насмешках присутствующих их усадили на одну из стоявших в конторе скамеек.

В первый раз двумя очками — из одного и одного — быть отправленным во вторую клетку, в глубь штата Мэн, а во второй раз — опять двумя очками, из одного и одного — отправиться в четвертую клетку, в штат Юта!.. Всего четыре очка

в два раза! И в довершение всего, после переезда из Чикаго на одну из окраин Союза отправлять-ся на другую, противоположную его окраину, западную!

Колени его подогнулись, язык отказался повиноваться, и он не мог произнести ни слова.

Когда прошли несколько первых минут слабости — надо признаться, слабости весьма понятной, — миссис Титбюри выпрямилась и, снова преобразившись в решительную особу, главу семьи, взяла своего мужа под руку и потащила его по улицам к гостинице Сэнди-Бар.

Нет! Неудача их чересчур преследовала! Как опередили их за это время остальные партнеры — Том Крабб, Макс Реаль, Гарри Кембэл, Лисси Вэг, не говоря уже о командоре Уррикане! Они все носились, как зайцы, а эти Титбюри ползли, как черепахи!.. К тысячам миль, которые они уже сделали по дороге от Чикаго до Кале, им надлежало прибавить еще две тысячи двести миль, которые отделяли Кале от Грэйт-Солт-Лейк-Сити!

Но, в конце концов, если Титбюри решат не уходить из матча, то им надо не задерживаться в Кале и ограничиться несколькими днями отдыха в Чикаго, так как до их появления в штате Юта в их распоряжении около двух недель, с 19 мая по 2 июня. Но госпожа Титбюри и слышать не хотела о том, чтобы ее муж вышел из партии, а потому в тот же день с первым же поездом чета

уехала из Кале, сопровождаемая всеми пожеланиями, которыми население награждало… их конкурентов. После такой неудачи ставка на третьего партнера, если у него таковая и была, безусловно упадет до смехотворного и голубой флаг перестанет «играть».

Несчастной чете не пришлось, впрочем, заботиться о своем маршруте, так как надо было снова взять тот, который их доставил в штат Мэн. По приезде же в Чикаго в их распоряжении будут поезда Тихоокеанской дороги, прибывающие через Омаху, Грейнджер и Огден в столицу штата Юта.

После полудня маленький городок Кале освободился от присутствия этих несимпатичных людей, имевших всегда такой унылый, недовольный вид. Жители надеялись, что различные случайности, связанные с благородной игрой Американских Соединенных штатов, их в Кале не вернут. Эту надежду, безусловно, разделяли и сами пострадавшие.

Через сорок восемь часов, проведенных в дороге, Титбюри добрались до Чикаго, утомленные переездами, которые были тяжелы для их возраста. Им пришлось даже провести несколько дней в своем доме на Робей-стрит, так как мистер Титбюри дорогой захворал острым ревматизмом,

свойственным его годам, который он обычно лечил полным презрением (особый вид дешевого лечения, так гармонировавший с его врожденной скаредностью). Но на этот раз ноги действительно отказывались поддерживать хозяина, и с вокзала его пришлось перенести в дом на руках.

Само собой разумеется, что газеты не замедлили известить о его приезде. Репортеры газеты *Штаат-Цейтунг*, относившиеся к нему сочувственно, явились с визитом. Увидев же, в каком состоянии он находится, они предоставили его преследовавшей его неудаче. Агентства не находили желающих даже и при ставке семь против одного.

Но все забыли принять в расчет Кэт Титбюри, бой-бабу, которая очень скоро снова проявила себя. Ревматические боли мужа она принялась лечить не равнодушием, а силой. С помощью своей прислуги, этого драгуна в юбке, она растирала ревматика так энергично, что тот едва не лишился кожи на ногах! Никогда никакая скребница не чистила так ни лошади, ни осла. Нечего прибавлять, что ни доктор, ни аптекари не принимали в этом деле никакого участия, но возможно, что больной остался от этого только в выигрыше.

В общем, чета запоздала всего только на четыре

дня, и 23-го начались приготовления к дальнейшему путешествию. Пришлось вынуть из кассы кредитные билеты на сумму в несколько тысяч долларов, и 24-го утром муж и жена снова отправились в путь, имея в своем распоряжении достаточно времени, чтобы в назначенный срок прибыть в столицу мормонов.

Из Чикаго железная дорога идет прямо в Омаху, оттуда — в Огден и дальше, вплоть до Сан-Франциско.

В конце концов чета Титбюри должна была быть счастлива тем, что ее не отослали куда-нибудь в Калифорнию: их путь удлинился бы тогда на целую тысячу миль.

28 мая после полудня они прибыли в Огден, важную станцию, откуда добавочная железнодорожная ветвь ведет в Грэйт-Солт-Лейк-Сити.

Там произошла встреча, спешу пояснить, не двух поездов, но двух партнеров матча Гиппербона, встреча, которая повлекла за собой весьма странные последствия..

В этот самый день в полдень Макс Реаль, возвращаясь из Национального парка, остановился в Огдене, откуда на следующий день, 29 мая, намеревался поехать в Шайенн, чтобы узнать о результатах третьего метания игральных костей.

И вот, прогуливаясь по платформе вокзала, он неожиданно наткнулся на Германа Титбюри, того самого Титбюри, в обществе которого он следовал за погребальной колесницей Вильяма Гиппербона, а потом сидел в зале Аудиториума во время чтения завещания эксцентричного покойника.

На этот раз чета Титбюри не решилась путешествовать под вымышленной фамилией. Супруги не хотели вновь подвергаться тем неприятностям, которые потерпели в Кале, и если бы мистер Титбюри нашел возможность не называть себя во время пути, то, разумеется, по приезде в гостиницу города Грэйт-Солт-Лейк-Сити он не замедлит расписаться своим настоящим именем. Незачем, не правда ли, разглашать во время пути об ожидавшем его наследстве в триста миллионов франков! Достаточно будет сказать об этом в самой столице штата Юта, а если бы там попробовали его эксплоатировать, он сумеет себя защитить.

Поэтому можно представить себе, как он был неприятно изумлен, когда в присутствии нескольких пассажиров, вышедших вместе с ним из вагона, кто-то назвал его по имени.

— Если я не ошибаюсь, с господином Германом Титбюри из Чикаго, моим конкурентом в

матче Гиппербона, я имею удовольствие сейчас говорить?

Чета вздрогнула от неожиданности. Видимо недовольный этим вопросом, обращавшим на них внимание публики, мистер Титбюри обернулся и сделал вид, что совершенно не помнит этого молодого человека, хотя прекрасно его узнал.

— Вероятно вы ошиблись, — ответил он, — я не тот, за кого вы меня принимаете.

— Извините, — возразил молодой художник, — я не мог ошибиться! Мы были вместе на знаменитых похоронах… в Чикаго… Макс Реаль, первый партнер…

— Макс Реаль?.. — переспросила миссис Титбюри таким тоном, точно она слышала это имя впервые.

Тогда Макс Реаль, которого это начинало раздражать, сказал:

— Что же, в конце концов, все это значит? Разве вы не Герман Титбюри из Чикаго?

— Но, — ответил тот, — по какому праву вы позволяете себе спрашивать меня?

— А, так вы вот как это принимаете? — воскликнул Макс Реаль, надевая шляпу. — Вы не желаете быть больше мистером Титбюри, одним из «семе-

рых», который сначала был послан в штат Мэн, а потом в Юта… Ну что ж! Дело ваше!.. Что касается меня, то я Макс Реаль и возвращаюсь из Канзаса, из Вайоминга. А теперь — добрый вечер…

И так как поезд в Шайенн отправлялся через одну-две минуты, он бросился в один из вагонов, сопровождаемый Томми, оставив на перроне изумленную чету, посылавшую проклятия этим ни на что не годным людям, художникам.

В эту минуту какой-то человек, не без интереса следивший издали за этой маленькой сценой, подошел к мистеру и миссис Титбюри. Он был одет с некоторой изысканностью, на вид ему можно было дать лет около сорока; лицо — приятное, открытое, могущее внушить полное доверие даже самым подозрительным людям.

— Вот невежа, который заслужил хорошего урока за свою дерзость, — проговорил он с легким поклоном по адресу миссис Титбюри, — и если бы только я не боялся вмешаться в дела, которые меня не касаются…

— Очень вам благодарен, — ответил господин Титбюри, польщенный, что такой элегантный господин выражал желание за него заступиться.

— Но, — продолжал этот изящный незнакомец, — разве это действительно Макс Реаль, ваш

партнер?

— Да… мне кажется… действительно… — ответил мистер Титбюри. — Хотя я его почти не знаю…

— В таком случае, — прибавил незнакомец, — я ему желаю всевозможных неприятностей за то, что он позволил себе говорить таким тоном с людьми, заслуживающими всякого уважения, а вам желаю победить его в этой партии… Его, а также и всех других, само собой разумеется!

Нужно было быть настроенным очень враждебно ко всем людям, чтобы не отнестись сочувственно к человеку, выказывавшему такую любезность и в такой мере интересовавшемуся успехом мистера и миссис Титбюри.

Кто же был этот незнакомец? Мистер Роберт Инглис из Грэйт-Солт-Лейк-Сити, собиравшийся в тот же день туда возвратиться, коммивояжер одного торгового предприятия, который прекрасно знал всю округу, изъездив ее вдоль и поперек в течение нескольких лет. Вот почему, объявив свое имя и свою профессию, он галантно предложил чете Титбюри свои услуги в качестве проводника, обещая найти гостиницу по их вкусу.

Разве можно было отказаться от такого предложения мистера Роберта Инглиса, который

им к тому же заявил, что он ассигновал большую сумму денег, держа пари за успех третьего партнера! А потому, взяв небольшой багаж четы Титбюри, мистер Инглис последовал за ней в один из вагонов поезда, который уходил через несколько минут из Огдена. Мистер Титбюри был особенно тронут тем, что мистер Роберт Инглис выражал готовность расправиться с Максом Реалем так, как тот, по его мнению, заслуживал. Вообще, он мог только поздравить себя с тем, что судьба послала им такого любезного товарища по путешествию, готового служить проводником в столицу штата Юта.

Таким образом, все складывалось как нельзя лучше. Путешественники сели в вагон, и можно с уверенностью сказать, что никогда еще время не летело для них так быстро, как в течение этого, переезда длиной в пятьдесят с чем-то миль.

В беседе мистер Инглис оказался настолько же интересным, насколько и неистощимым. Что, повидимому, особенно понравилось очаровательной миссис Титбюри, так это то, что их новый знакомый оказался сорок третьим по счету ребенком в семье мормонов, само собой ра-

зумеется, родившимся до того, как полигамия[53] была запрещена декретом президента Соединенных штатов.

Это не должно никого удивлять, так как апостол Герберт Кимбел, первый советник церкви, умирая, оставил тринадцать жен и пятьдесят трех детей. Нужно надеяться, что репортер Трибуны Гарри Кембэл, если бы судьба перенесла его в штат Юта, никогда не стал бы. брать пример с своего однофамильца. К тому же эти два имени пишутся не совсем одинаково, а главное то, что в Грэйт-Солт-Лейк-Сити полигамия в настоящее время окончательно запрещена.

Если этот разговор нравился Титбюри, то именно потому, что нельзя было себе представить собеседника более очаровательного, чем мистер Инглис. Он рассказал об Иосифе Садите, который в 1830 году почувствовал себя пророком и нашел золотые таблички, на которых были написаны божественные законы мормонизма, но вскоре затем был умерщвлен. Инглис в трогательных дифирамбах рассказал о Бригаме Юнге, папе и главе церкви, который, не считаясь ни с усталостью, ни с опасностями, перевел членов общины

---

[53] Примечания: 53
Полигамия — многоженство.

в местность, смежную с Грэйт-Солт-Лейк-Сити, где в 1847 году основал Новый Иерусалим.

Но преследование «верных» становилось все интенсивнее и в «святом» городе, так как федеральное правительство прекрасно поняло (это Роберт Инглис скрыл), что штат Юта стремится главным образом к тому, чтобы сделаться независимым, а не к тому, чтобы культивировать религиозные убеждения секты. Вот почему в 1851 году генерал Грант заключил папу и апостолов в тюрьму.

— О друзья мои! — вскричал Роберт Инглис, и в голосе его звучали такие растроганные нотки, что они вызвали слезы на глазах миссис Титбюри. — Если бы вы знали Бригама Юнга, нашего всеми почитаемого папу, если бы видели его волосы, зачесанные хохолком, его седеющую бороду, обрамляющую щеки и подбородок, его глаза, похожие на глаза рыси, если бы вы знали Джорджа Смита, двоюродного брата пророка, написавшего историю церкви, и Даниэля Уэлса, второго советника, и Элизу Сноу, одну из духовных жен папы…

— Она была хорошенькая? — спросила миссис Титбюри.

— Страшно безобразная. Но что значит красота

для женщины?! — ответил Роберт Инглис, и та, которой он говорил, слегка улыбнулась одобрительной улыбкой.

— А каких лет теперь Бригам Юнг? — спросил мистер Титбюри.

— Никаких, потому что он уже умер, но если бы он жил, ему было бы сто два года.

— А вы, мистер Инглис? — спросила после маленькой паузы госпожа Титбюри. — А вы сами — женаты?

— Я, дорогая госпожа Титбюри? Но для чего теперь жениться, раз полигамия запрещена? Справляться с одной женой труднее, чем с пятьюдесятью.

И мистер Инглис засмеялся так заразительно, что чета Титбюри не могла не присоединиться к его веселью.

Территория Огденской ветки очень плоская и бесплодная; почва ее — из песка и глины, смешанных с солончаками, покрывающими ее поверхность беловатым налетом, как это можно видеть в обширной пустыне на западном побережье озера. Там растет только тимьян, шалфей, розмарин, дикий вереск и громадное количество подсолнухов с желтыми цветами. На востоке поднимаются далекие окутанные туманом вершины

горной цепи Уасэг.

В половине восьмого поезд остановился у платформы Грэйт-Солт-Лейк-Сити.

«Великолепный город!» сказал Роберт Инглис. И, конечно, спутник четы Титбюри не позволит своим новым друзьям уехать прежде, чем они его хорошо не осмотрят, город с пятидесятитысячным населением (пять тысяч он, между прочим, прибавил). Великолепный город, — повторил он, — обрамленный на востоке великолепными горами и соединенный великолепным Иорданом с великолепным Соленым озером; город, отличающийся необыкновенно здоровым климатом, с домами и коттеджами, окруженными массой зелени, огородами, плодовыми садами, засаженными яблонями, сливовыми, абрикосовыми и персиковыми деревьями, дающими лучшие во всем мире плоды! А по обеим сторонам улиц великолепные магазины, каменные здания, такие великолепные! Все его памятники представляют собой великолепные образцы мормонской архитектуры. Великолепный дом президента, в котором проживал когда-то сам Бригам Юнг, великолепный табернакль[54], чудо архитектур-

[54] Примечания: 54
Табернакль — походный храм древних евреев.

ного искусства, строение, где могли свободно помещаться восемь тысяч «верных». А в былые времена какие происходили великолепные церемонии, во время которых папа и его апостолы восседали на великолепной эстраде, окруженные святыми — мужчинами, женщинами и детьми! В общем, все сплошь великолепие.

Нужно сознаться, что из любви к своему родному городу мистер Инглис допускал в своем рассказе некоторые преувеличения. Город Грэйт-Солт-Лейк-Сити не заслуживает таких похвал. Он слишком велик для своих жителей, и если он обладает некоторыми природными красотами, то художественные красоты в нем совершенно отсутствуют.

Что же касается знаменитого табернакля, то, по правде сказать, он производит впечатление крышки громадного парового котла, положенной на землю.

Во всяком случае, не могло быть речи о том, чтобы осматривать Грэйт-Солт-Лейк-Сити в этот самый вечер. Необходимо было прежде всего выбрать гостиницу, и так как господин Титбюри не желал и слышать о каких-нибудь высоких ценах, то его проводник предложил ему поместиться вне самого города, в *Чип-Отеле*, или, иначе гово-

ря, в Дешевой гостинице.

При этом названии и муж и, жена почувствовали себя вполне успокоенными и довольными. Потом, оставив чемодан на вокзале, с тем что они придут за ним, если *Чип-Отель* им понравится, они последовали за мистером Инглисом, выразившим желание нести сумку и плед «прелестной и почтенной дамы».

Спустившись в нижние кварталы города, где супруги Титбюри не могли ничего видеть, так как была уже почти ночь, и дойдя до правого берега реки, которую мистер Инглис назвал Крессент-Ривер, они прошли около трех миль.

Возможно, что чета Титбюри нашла этот путь немного длинным, но при мысли, что гостиница окажется тем дешевле, чем дальше она будет от города, они, конечно, не жаловались.

Наконец около половины девятого, когда их окутала уже абсолютная темнота, так как небо было все в тучах, путешественники подошли к крыльцу дома, о внешности которого они в темноте не могли судить.

Спустя несколько минут хозяин гостиницы, надо сознаться, малый довольно-таки жуткого вида, провел их в комнату нижнего этажа с выбеленными известкой стенами; мебель ее составляли

кровать, стол и два стула. Они нашли это вполне достаточным и поблагодарили мистера Инглиса, который простился с ними, обещав притти на следующий день утром.

Очень утомленные, мистер и миссис Титбюри, поужинав остатками провизии, которые они нашли в своей дорожной сумке, легли спать. Вскоре они крепко заснули, и оба видели во сне, что предсказание милейшего мистера Инглиса сбылось и что следующее метание костей давало им возможность обогнать на несколько клеток своих соперников.

Они проснулись в восемь часов утра и чувствовали себя вполне отдохнувшими; оделись не спеша, так как им нечего было делать в ожидании прихода своего проводника, чтобы в его обществе осмотреть город. Это не означало, конечно, что они были любознательны по природе, о нет! Но как отказаться от любезного предложения Роберта Инглиса, который хотел показать им все чудеса великого мормонского города!

Было уже девять часов. Никто не являлся. Мистер и миссис Титбюри, совсем одетые, готовые отправиться на прогулку, стояли у окна и смотрели на большую дорогу, которая шла мимо *Чип-Отеля*.

Дорога эта, как им объяснил накануне их любезный чичероне[55], в прежние времена была дорогой эмигрантов. Она шла по берегу Крессент-Ривер, и по ней тянулись когда-то целые фургоны, наполненные товарами, предназначенными для лагерей первых пионеров (переселенцев). Эти фургоны были запряжены волами, которыми правил специальный погонщик, и, для того чтобы проехать расстояние от Нью-Йорка до западной территории Союза, требовалось несколько месяцев.

Чип-Отель находился, очевидно, в очень уединенном месте, так как, высовываясь из окна, мистер Титбюри не видел ни одного дома ни на этом, ни на противоположном берегу реки. Ничего, кроме темной зелени сосновых лесов, покрывавших склоны высокой горы.

В десять часов все еще никого не было. Мистер и миссис Титбюри начали волноваться, притом они уже испытывали голод.

— Пойдем куда-нибудь, — сказала жена.

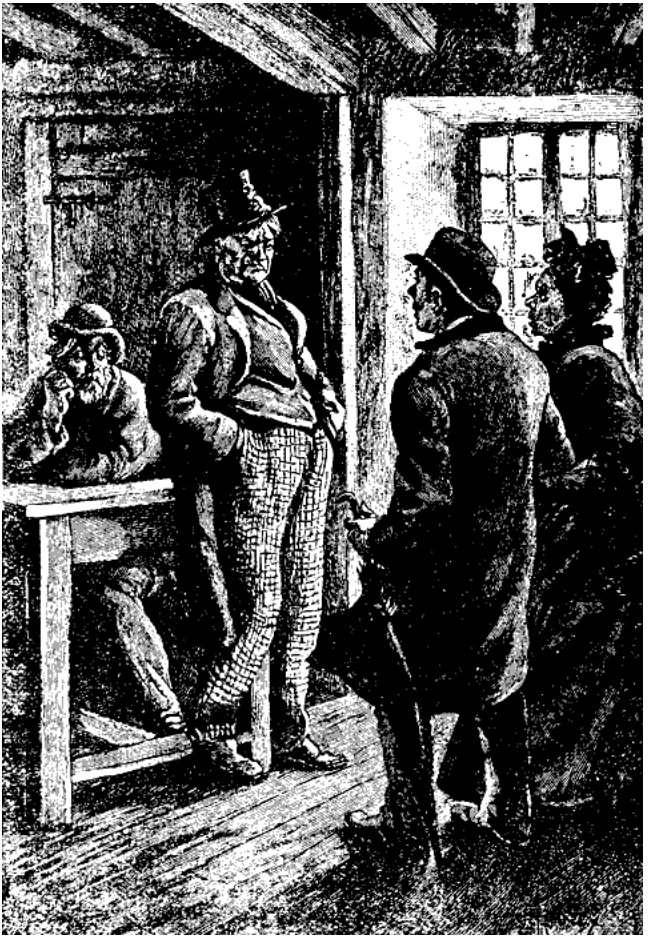
— Хорошо, пойдем, — сказал он.

Они открыли дверь своей комнаты и очутились в большом зале деревенского кабачка, дверь

---

[55] Примечания: 55
Чичероне — проводник.

которого выходила на дорогу.

— Выход запрещен!

На пороге виднелись двое плохо одетых мужчин. Вид их не внушал доверия. Их глаза были затуманены джином, и казалось, они стояли на страже у слегка приотворенной двери.

— Выход запрещен!

Это восклицание, сделанное грубым тоном, относилось к господину Титбюри.

— Как?! Нельзя выйти?

— Нельзя… не заплатив.

— Не заплатив?!

Из всех слов английского языка это было то, которое звучало особенно неприятно для мистера Титбюри.

— Заплатить?! — повторил он. — Заплатить, чтобы иметь право выйти? Вы шутите!..

Миссис Титбюри, охваченная в первую минуту невольным страхом, иначе взглянула на положение и спросила:

— Сколько?

— Три тысячи долларов!

Этот голос… Она его узнала… Это был голос Роберта Инглиса, который в этот момент появился на пороге гостиницы.

Но господин Титбюри, менее проницательный,

чем его жена, все еще хотел обратить это дело в шутку.

— Э, — воскликнул он, — а вот и наш друг!

— Собственной своей персоной, — ответил тот.

— И все в таком же хорошем настроении?

— Все в таком же.

— Не правда ли, очень забавно это требование трех тысяч долларов!

— Что поделать, мой милейший мистер Титбюри, — ответил мистер Инглис, — такова цена одной ночи в Чип-Отеле.

— Вы это серьезно? — спросила миссис Титбюри бледнея.

— Очень серьезно, миссис Титбюри.

Ее супруг в порыве гнева попытался было проскочить в дверь.

Две сильные руки тяжело опустились на его плечи и приковали к месту.

Этот Роберт Инглис был просто-напросто одним из тех негодяев, которых так много встречается в отдаленных местностях Союза, где они ждут подходящих весьма нередких удобных случаев. Уже не один путешественник был обобран этим якобы сорок третьим ребенком мормонской семьи при содействии таких участников, как эти два индивидуума, стоявшие у дверей Чип-Отеля.

Попав на след подходящей для него жертвы, он предложил свои услуги супругам Титбюри и, удачно выведав от них в разговоре, что они везут с собой три тысячи долларов, — весьма неосторожное признание, надо сознаться, — завел их в этот уединенный кабачок, где они были теперь всецело в его власти.

Мистер Титбюри это понял, но слишком поздно.

— Послушайте, — сказал он, — я требую, чтобы вы нас немедленно отсюда выпустили! У меня в городе дела…

— Не ранее второго йюйя, когда вы должны будете получить телеграмму, а сейчас только двадцать девятое мая.

— И вы предполагаете задержать нас здесь еще в течение целых пяти дней?

— Возможно даже долее, возможно даже значительно долее, — ответил любезный джентльмен, — если только вы не уплатите мне три тысячи долларов кредитными билетами одного из банков Чикаго.

— Негодяй!

— Я говорю с вами вежливо, — заметил мистер Инглис, — будьте добры говорить так же и со мною, мистер Голубой флаг!

— Но эти деньги… это все, что я имею.

— Такому богачу, как Герман Титбюри, будет очень легко выписать из Чикаго столько, сколько ему понадобится… Касса его в прекрасном состоянии!.. Заметьте, дорогие, что эти три тысячи долларов вы имеете сейчас при себе и что я легко мог бы вынуть их из вашего кармана. Но, клянусь Ионафаном, мы не воры. Таковы цены Чип-Отеля, и вам придется этому подчиниться.

— Никогда!

— Как угодно.

После этих слов дверь снова заперли, и супруги оказались заключенными в низкой комнате гостиницы.

Какие проклятия посылали они этому ужасному путешествию, связанному с ним утомлению, не говоря уже об опасности, которой они подвергались! После штрафа, уплаченного в Кале, теперь этот грабеж в Грэйт-Солт-Лейк-Сити! И какое несчастье, что они встретили этого бандита Инглиса!

— Нашими бедами мы обязаны негодяю Реалю! — вскричал мистер Титбюри. — Мы не хотели называть себя до приезда в этот город, а эта дрянь кричала наше имя на весь вокзал Огдена, где было столько народу! И нужно было, чтобы такой

бандит оказался там же и услышал все! Но что же нам теперь делать?

— Пожертвовать этими тремя тысячами долларов, — сказала миссис Титбюри.

— Никогда!.. Никогда!

— Герман!.. — Это было все, что сказала его властная супруга.

В конце концов необходимость все равно заставила бы это сделать. Как бы ни упрямился мистер Титбюри, злоумышленники сумели бы принудить его принести эту жертву. И если они, вырвав насильственным путем эти деньги, бросили бы его потом вместе с миссис Титбюри в реку, кого бы обеспокоила участь каких-то приезжих, присутствие которых в гостинице Чип-Отель никому в городе не было известно?

Но мистер Титбюри все-таки пытался противиться. Может быть, кто-нибудь придет им на помощь… Может быть, покажется на дороге отряд полиции или, по крайней мере, прохожие, которых он подзовет к окну… Тщетная надежда! Через несколько минут супруги были отведены в комнату, окно которой выходило во внутренний двор.

Свирепого вида хозяин гостиницы принес им какую-то еду. Без сомнения., за тысячу долларов в

день можно предоставить в Чип-Отеле не только постель, но и некоторое питание!

Двадцать четыре часа… сорок восемь часов прошли в таких условиях! Трудно сказать, какое бешенство овладело заключенными! К тому же им не представилось даже случая увидеть снова мистера Инглиса, который держался теперь, очевидно, в стороне, делая вид, что он не оказывает на приезжих какого-либо давления.

Наконец на всех календарях Союза появились слова «первое июня». На другой день около полудня третий партнер обязан был явиться в телеграфную контору Грэйт-Солт-Лейк-Сити. Если бы его присутствие там не было зарегистрировано, то он потерял бы все права на дальнейшее участие в партии, такой неудачной для носителя голубого флага!

Нет!.. Мистер Титбюри не хотел уступать… Он не уступит… Но, взволнованная всеми этими отсрочками, в дело вмешалась миссис Титбюри и на этот раз проявила такую силу убеждения, что ее воля не могла не восторжествовать. Предположим, что мистер Титбюри по капризу игральных костей был бы отослан в «лабиринт», в «колодец» или в «тюрьму», разве ему не пришлось бы платить двойного и тройного штрафа? И что же?

Разве он стал бы протестовать, отказываться? Нет!.. Ну, и в данном случае ничего другого не оставалось, как покориться, потому что если он крепко цепляется за свои деньги, то еще важнее крепко защищать свою жизнь, а их жизнь в руках этих злоумышленников. В общем… ничего другого не оставалось, как заплатить.

Мистер Титбюри сопротивлялся еще до семи часов вечера в надежде, что судьба пошлет ему кого-нибудь на помощь, но этого не случилось, а ровно в половине восьмого в дверях появился мистер Инглис, как нельзя более вежливый и любезный.

— Завтра — торжественный день, — сказал он, — и было бы хорошо, если бы сегодня вечером вы перебрались в Грэйт-Солт-Лейк-Сити.

— Но кто же этому мешает, как не вы? — воскликнул мистер Титбюри, задыхаясь от злобы.

— Я — повторил мистер Инглис улыбаясь. — Да ведь для этого достаточно, чтобы вы заплатили по счету…

— Вот, — проговорила миссис Титбюри, протягивая мистеру Инглису пачку кредитных билетов, которые ее муж передал ей со смертельной мукой в душе.

Мистер Титбюри почти потерял сознание,

увидев, как этот негодяй пересчитывал деньги, и ничего не нашелся ответить, когда бандит сказал:

— Мне нет надобности давать вам в этих деньгах расписку, но не бойтесь, я ими расплачусь за вас в гостинице. А теперь мне остается пожелать вам доброго вечера и такой удачи, которая дала бы вам возможность выиграть миллионы Гиппербона.

Выходная дверь оказалась отпертой, и чета стремительно выбежала из гостиницы.

Было совсем почти темно и очень трудно ориентироваться в местности. Как же указать полиции тот пункт, где произошла эта трагикомическая сцена? Но в данную минуту нужно было спешить в город, огни которого виднелись вдали, на берегу Крессент-Ривер. Через какой-нибудь час чета Титбюри дошла до Нового Сиона и вошла в первый попавшийся отель. Ни один, конечно, не мог бы оказаться таким дорогим, как Чип-Отель.

На следующее утро, 2 июня, мистер Титбюри явился в контору шерифа[56], чтобы принести ему свою жалобу и потребовать, чтобы его агенты отправились на поиски Роберта Инглиса. Может

[56] Примечания: 56

Шериф — представитель административной власти в графстве; каждый штат делится на графства.

быть, они успели бы отнять у него эти три тысячи долларов!

Шериф, судья интеллигентного вида, выслушал жалобу с большим участием. К несчастью, мистер Титбюри мог дать только очень неясные указания, касающиеся этого кабачка. Его привели туда вечером, и он покинул его тоже вечером. Когда же он стал говорить о Чип-Отеле, находившемся на берегу Крессент-Ривер, то шериф ответил, что не знает никакой гостиницы и кабачка с таким. названием и что реки Крессент-Ривер в стране не существовало. Было очень трудно поймать злоумышленника, который, наверно, успел уже убежать вместе со своими соучастниками. Посылать же за ними вдогонку целую бригаду сыщиков бессмысленно: в лесистой и гористой стране это все равно ни к чему бы не привело.

— Вы сказали, мистер Титбюри, — обратился к нему шериф, — что имя этого человека…

— Инглис… Имя этого мерзавца — Роберт Инглис.

— Да… то есть это то имя, которое он вам дал?.. Но сейчас я уже не сомневаюсь, что дело идет о знаменитом Билле Арроле. Я узнаю его по манере действовать. Это не первый его опыт в этой области.

— И вы его до сих пор не арестовали? — с негодованием вскрикнул господин Титбюри.

— Нет еще, — ответил шериф, — мы сейчас находимся в периоде усиленных наблюдений… Когда-нибудь он все равно нам попадется…

— Слишком поздно для меня!

— Да… но для него во-время, и он будет посажен на электрическое кресло… если только его не повесят.

— Но мои деньги, шериф, мои деньги?

— Что поделать!.. Нужно прежде всего задержать проклятого Билла Аррола, а сделать это не так-то просто!.. Все, что я могу вам обещать, мистер Титбюри, это прислать вам кончик веревки, если его повесят, ну, а с таким талисманом вы будете иметь все шансы выиграть партию!

Это было все, чего Титбюри мог добиться от оригинального шерифа мормонского города.

ГЛАВА IV
ЗЕЛЕНЫЙ ФЛАГ

Зеленый флаг принадлежал Гарри Кембэлу. Им обозначался путь его следования и прибытия в те или другие города штата, и выбран он был для четвертого партнера потому, что в солнечном спектре этот цвет занимает четвертое место.

Главный репортер газеты Трибуна был этим выбором очень доволен: ведь зеленый цвет считается цветом надежды!

Впрочем, с его стороны было бы неблагодарностью жаловаться на судьбу, которая ему покровительствовала и как туристу и как игроку. Будучи отослан первым ударом игральных костей в штат Нью-Мексико, он теперь десятью очками отсылался в двадцать вторую клетку, в Южную Каролину, на границу федеральной территории, в Чарлстон, крупнейший город штата. Он прекрасно знал, что держатели пари оспаривали его во всех агентствах, что на него был спрос на всех биржах, что ставка на него доходила до одного против девяти, ставка, о которой ни один из конкурентов еще никогда не слыхал, что повсюду его рекламировали как «любимца фортуны».

К счастью, покидая город Санта-Фе, репортер не слышал, как Изидорио, его весьма практичный возница, заявил, что не рискнул бы поставить на него и двадцать пять центов, поэтому он мог попрежнему верить в свою счастливую звезду.

У него было впереди еще много времени, с 21 мая по 4 июня, для того чтобы доехать до Южной Каролины, а так как, начиная со станции Клифтон, путешествие должно было совершаться без всяких затруднений по железной дороге, то он, конечно, успел бы приехать в назначенное место к сроку.

21 мая Гарри Кембэл выехал из Санта-Фе. На этот раз ему не пришлось соблазнять своего нового возницу никакими большими кушами. Вечером он приехал на станцию Клифтон, откуда железная дорога, минуя параллель, служащую южной границей штата Колорадо, доставила его в Денвер, столицу этого штата.

Вот размышления, которым предавался в это время Гарри Кембэл, и тот план, на котором он остановился, игнорируя замечание, сделанное ему почтенным мэром города Буффало, что он «принадлежит не себе, а всем тем, кто держит за него пари».

«Итак, я перенесся сюда, в одну из самых

лучших, самых красивых провинций Союза, — говорил он себе. — Цепь Скалистых гор на западе, а на востоке равнины, отличающиеся необычайным плодородием… Земля, богатая свинцом, серебром и золотом, сквозь которую текут целые реки нефти… Территория, куда устремляются и эмигранты, привлеченные ее природными богатствами, и бездельники, которых соблазняют курорты с целебными источниками, здоровый климат, чистота атмосферы!.. Я лично еще не был знаком с этой изумительной страной, и теперь мне представляется случай ее изучить… Могу я рассчитывать на то, что случай меня снова сюда когда-нибудь направит?.. Это очень мало вероятно!.. С другой стороны, для того чтобы достигнуть Южной Каролины, мне предстоит проехать три или четыре штата, в которых я уже бывал… Они не дадут мне ничего нового… Поэтому будет всего лучше, если я посвящу штату Колорадо все то время, которое имеется в моем распоряжении… Раз я являюсь в Чарлстон 4 июня ровно в полдень, то моим сторонникам не за что будет меня упрекнуть… К тому же я могу делать то, что мне нравится, и те, кто этим недоволен, могут…».

Вот почему, вместо того чтобы продолжать свое путешествие по железной дороге, идущей через

Окли, Топику и Канзас, Гарри Кембэл сделал 21 мая остановку в столице Колорадо, в одном из наиболее комфортабельных отелей.

В этом штате он провел только пять дней, до вечера 26 мая, но, как это всем известно, газетный репортер в состоянии сделать в такой короткий срок то, что никто из смертных не мог бы проделать и в гораздо более длинный. Это вопрос профессиональной тренировки, и чтобы в этом убедиться, достаточно пробежать заметки, сделанные Гарри Кембэлом в его записной книжке, которыми он пользовался для своих статей, посылаемых в газету Трибуна.

«22 мая. Осматривал Денвер. Нарядный город с широкими тенистыми улицами, великолепными магазинами, напоминающими магазины Нью-Йорка и Филадельфии, церквами, банками, театром, концертным залом, большим зданием университета Дальнего Запада, с первоклассными гостиницами и шикарными ресторанами. Французская кофейня. Очень хорошо в этой французской кофейне.

Денвер был основан в 1858 году при слиянии рек Черри-Крик и Плат-Ривер. В 1859 году в нем было всего только три женщины. В том же году там родился первый ребенок, а двадцать лет спу-

стя там было уже двадцать пять тысяч жителей и беспрерывно рос приток приезжих. В настоящее время там около ста семи тысяч душ.

Денвер считается городом, не имеющим себе соперников. Совершенно исключительный кислородный воздух на высоте четырех тысяч восьмисот семидесяти двух футов. На западе цепь гор Колорадо высотой в семь с половиной тысяч футов, зеленых у своего основания и с белыми вершинами. Вокруг города коттеджи. Если я выиграю партию, то построю себе такой коттедж на берегу Черри-Крика — это восхитительное место для летнего пребывания. Заведу лошадей, экипажи, слуг — белых и черных…

Только что был хорошо принят губернатором штата, сенатором Эвансом. Выражал пожелание успеха и поздравлял. Держит пари за меня на большую сумму, и полагаю, что имеет на это основание».

«23 мая. Был в селениях горняков, превратившихся теперь в городки: Ороpиа, Голдн-Сити, Голдн-Гейт, Оро-Сити — имена, которые звучат красиво, но не так, однако, громко, как Ледвилл — город Свинца, извлекающий ежегодно до семидесяти тысяч тонн его, город, построенный недавно, но слишком отдаленный, чтобы я мог

успеть его осмотреть».

«24 мая. Поезд перенес меня в Пуэбло (южное Колорадо), двигаясь все время вдоль громадной горной цепи. Важный промышленный центр, питаемый каменноугольными рудниками и нефтяными источниками. Приобрету один или два из них, если выиграю партию. Ехал через Колорадо-Спринг, так называемый «город миллионеров», славящийся своими ваннами и очень посещаемый больными или воображающими себя таковыми.

Видел любопытный Монумент-Парк с его архитектурными утесами и с изумительной панорамой. Колорадо занимает первое место в Соединенных штатах по добыче свинца, второе место по добыче серебра и золота (более ста двадцати миллионов в год) и третье по площади размером в сто четыре тысячи квадратных миль».

«25 мая. Вернулся из Швейцарии, — из американской Швейцарии, разумеется, — находящейся в восточной части горной цепи Колорадо. Это так же красиво, как и Национальный парк штата Вайоминг, красивее, может быть, чем европейская Швейцария. Правда, что во мне говорит сейчас гражданин Соединенных штатов, но там

действительно совершенно неописуемые по красоте парки — и на севере, и на юге, и в центре. Какое воспоминание осталось у меня от парка Фейр-Плей, окруженного величественными горами, среди которых гора Линкольн поднимается на четырнадцать тысяч футов над уровнем моря! Видел озера Близнецы в горном ущелье, где течет Арканзас. Эти два озера отделены друг от друга каменистыми моренами из обломков скал, причем длина одного озера две мили с половиной, а ширина — полторы мили, другого же — вдвое меньше. Хотел бы провести недели две в одном из хороших отелей в Дерри. Окончательно решил приобрести коттедж в Денвере и две каменноугольные копи в Колорадо, — все это на мои будущие миллионы… А почему не позволить себе приобрести еще какое-нибудь шале[57] на берегах озер Близнецов?

Видел колоссальные вершины цепи Скалистых гор, две вершины Сиерра-Мадре, находящиеся в самой возвышенной части Америки; эти Скалистые горы имеют в своем основании не менее трехсот семидесяти пяти лье. Вряд ли самые обширные государства Европы, за исключением

---

[57] Примечания: 57
Шале — хижина в швейцарском стиле.

России, могли бы их вместить. Подлинный становой хребет Северной Америки, составляющий с орографической системой Запада одну четвертую часть всех Соединенных штатов! Соедините Альпы с Пиренеями и с Кавказом, и вы все-таки не получите горной цепи, равной по размерам цепи Скалистых гор.

Не имел времени отправиться к горе Сент-Круа, северной оконечности так называемой Национальной цепи. Но все же успел проникнуть через ворота Сада Богов в Сад Богов, находящийся в четырех милях от Колорадо, — Джанкшен. Тоже не сравнимый ни с каким другим парк, каменные глыбы которого кажутся окаменевшими великанами какой-то допотопной семьи гигантов. Прогуливался у подножия скалы Теокалес, напоминающей собой замок Бюрграв, только выстроенный на высоте двух с половиной тысяч футов — в воздухе.

Но нельзя запаздывать, однако, и забывать, что губернатор Колорадо и многие из его чиновников держат за меня пари! Поэтому я вернулся 26-го в Денвер и пошел снова взглянуть на место моего будущего коттеджа в тени великолепных деревьев на берегу Черри-Крика».

Гарри Кембэл в своих восхвалениях нисколько

не преувеличивал достоинств столицы Колорадо и самого штата. Но каким количеством крови пропитана почва всей этой прекрасной страны! До 1867 года первым пионерам приходилось сражаться с шайеннами, арропахами, кэйсуэйсами, команчами, апашами, со всеми свирепыми племенами краснокожих, имевших таких начальников, как Черный Уголь, Белая Антилопа, Левая Рука, Вывихнутое Колено и Маленький Плащ!. И разве можно когда-нибудь забыть о той страшной резне в окрестностях Санд-Крика, которая в 1864 году упрочила за белыми, сражавшимися под начальством полковника Шивингтона, господство в этой стране.

День 26 мая Зеленый флажок провел в великолепной столице. В его честь в резиденции губернатора был назначен торжественный прием. Как известно, в Соединенных штатах человек ценится, главным образом, за его деньги, и в представлении жителей Колорадо, так же как и в его собственном, Гарри Кембэл оценивался в шестьдесят миллионов долларов. Вот почему ему по заслугам был оказан торжественный прием любящими пышность американцами, у которых золото лежит не только в их кассах, карманах, но и в почве их страны и даже в названиях их

главных городов!

На следующий день, 27 мая, четвертый партнер простился с губернатором и покинул город, напутствуемый шумными возгласами приветствий и пожеланий своих многочисленных сторонников. Из Денвера поезд направился в Форт Уолэс, пограничный город штата, потом пересек с запада на восток Канзас, проехал через Джефферсон-Сити, столицу штата Миссури, и, достигнув восточной границы его, вечером 28-го остановился на вокзале города Сент-Луис.

В планы Гарри Кембэла отнюдь не входило делать длительную остановку в этом большом городе, который был ему знаком. Сент-Луис занимал пятьдесят вторую клетку, изображавшую в благородной игре в «гусек» «тюрьму». К тому же те штаты, которые ему надлежало проехать, прежде чем попасть в Южную Каролину, готовили ему много заманчивых экскурсий, как, например, Теннесси, Алабама и Георгия. Вот почему он решил немного отдохнуть, проведя ночь в одном из лучших отелей города, и рано утром двинуться дальше.

Казалось, что ничто не должно было осложнить его путешествия и помешать ему в назначенный день явиться в Чарлстон. А между тем он едва

совсем туда не попал, едва не был совершенно лишен возможности еще когда-нибудь где-нибудь путешествовать, и это в результате одного инцидента, которого никто не мог предвидеть и о котором будет сказано ниже.

Около четверти восьмого Гарри Кембэл шел по платформе вокзала, чтобы узнать точно время отхода поезда, когда внезапно наткнулся, или, вернее, на него наткнулся, какой-то человек, выходивший из дверей конторы.

Тотчас же последовал обмен «любезностями»:

— Болван!

— Грубиян!

— Смотрите, куда идете!

— А вы оборачивайтесь!

И вслед за тем — слова, которые вылетают, как револьверные пули, когда ими обмениваются люди раздражительные и горячего темперамента.

Один из столкнувшихся был человеком, исключительно одаренным такими качествами, и читатель не удивится, узнав, что это был не кто иной, как Годж Уррикан.

Гарри Кембэл сразу узнал своего соперника.

— Командор! — вскричал он.

— Журналист! — ответил ему тот голосом, который, казалось, вырвался из пушечного жерла.

Это был действительно командор Уррикан, но на этот раз без своего верного Тюрка, и было лучше, что Тюрк не мог вмешаться в эту историю, которую он раздул бы до крайних пределов.

Как мы видим, Годж Уррикан не только пережил благополучно кораблекрушение, но нашел даже возможность покинуть Ки-Уэст. Но каким образом? Во всяком случае, свое путешествие он совершил очень ускоренным темпом, так как 25-го был еще во Флориде. Подлинное воскресение из мертвых! После того как его привезли в Ки-Уэст в таком ужасном состоянии, все его партнеры имели полное основание думать, что матч «семерых» будет продолжаться только шестью участниками партии.

Короче говоря, Годж Уррикан находился уже в Сент-Луисе, как в этом мог убедиться его соперник, столкнувшись с ним на перроне вокзала, и настроение его было хуже, чем когда-либо, что понятно. Ведь он ехал теперь в Калифорнию, откуда обязан был вернуться в Чикаго для того, чтобы начать партию сызнова, уплатив предварительно тройной штраф!

Будучи от природы добрым малым, Гарри Кембэл счел нужным сказать ему несколько вежливых слов.

— Примите мои поздравления, командор Уррикан, так как я вижу, что вы не умерли…

— Да, сударь, не умер даже при столкновении с одним неуклюжим субъектом и чувствую себя достаточно сильным, чтобы отправить на тот свет тех, кто, без сомнения, радовался, что меня больше не увидит!

— Это вы меня имели в виду? — спросил, нахмурившись, репортер.

— Да, сударь, — ответил Годж Уррикан, выразительно глядя прямо в глаза своему противнику, — да, сударь, вас, любимчика фортуны!

Казалось, он злобно жевал эти слова, дробя их своими коренными зубами.

Гарри Кембэл, не отличавшийся никогда особой сдержанностью и начинавший горячиться, ответил:

— Повидимому, необходимость возвращаться из Калифорнии в Чикаго не делает людей более вежливыми.

Слова эти задели командора за самую чувствительную его струнку.

— Вы меня оскорбляете, сударь! — крикнул он.

— Понимайте, как вам будет угодно.

— Ну, я понимаю именно так, и вы мне ответите за ваши дерзости!

— Сию же минуту, если это вас устроит.

— Да… если бы у меня было время, — прорычал Годж Уррикан, — но у меня его нет.

— Ищите его.

— Что я сейчас разыщу, так это поезд, с которым мне необходимо уехать.

Поданный в эту минуту поезд пыхтел и свистел, готовый тронуться в путь. И нельзя было терять ни секунды. Командор со всех ног бросился к нему и, вскочив на площадку между двумя вагонами, закричал оттуда страшным голосом:

— Господин журналист, вы скоро услышите обо мне… скоро услышите!

— Когда?

— Сегодня же вечером… в Европейской гостинице.

— Я там буду! — ответил Гарри Кембэл.

Но, как только поезд двинулся, он сказал себе: «А ведь он ошибся, этот зверь! Сел не в тот поезд и поедет туда, куда ему вовсе не нужно… Но дело его, конечно».

И действительно, поезд, о котором шла речь, удалялся в восточном направлении, по которому должен был ехать и Гарри Кембэл, чтобы попасть в Чарлстон.

Но Годж Уррикан не ошибся. Ему нужно было

вернуться на предыдущую станцию, Геркуланум, где его ждал Тюрк. Дело в том, что между начальником станции Геркуланум и командором произошел горячий спор по поводу запоздавшего багажа последнего, спор, в который вмешался Тюрк и обещал бросить начальника станции в топку одного из его паровозов. Хозяин его успокоил и, воспользовавшись отходившим поездом, вскочил в него. Приехав на станцию Сент-Луис, он лично подал заявление о своем запоздавшем багаже. Вопрос этот без труда уладился, чемодан обещали вытребовать телеграммой, и когда Годж Уррикан выходил из конторы, чтобы сесть на поезд, уходивший в Геркуланум, произошла встреча его с репортером.

Увидав, что его противник уехал, Гарри Кембэл перестал интересоваться этим инцидентом и вернулся в Европейскую гостиницу, в которой остановился. После обеда он сделал довольно длинную прогулку по городу, и когда входил в отель, ему передали письмо, которое пришло с последним поездом из Геркуланума.

Нет! Ведь нужно же иметь мозг, состоящий из таких химических элементов, которые кипели под черепом Годжа Уррикана, чтобы написать подобное письмо:

«Господин четвертый партнер, у вас, наверное, есть револьвер, и у меня тоже таковой имеется. Завтра в семь часов утра я сяду на поезд, который отправится из Геркуланума в Сент-Луис. Предлагаю вам выехать в этот самый час с поездом, который отправляется из Сент-Луиса в Геркуланум. Это ничего не изменит ни в вашем маршруте, ни в моем.

В семь часов семнадцать минут оба эти поезда встретятся. Если вы не такой человек, чтобы умышленно наталкиваться на прохожих и потом оскорблять их без всякого на то повода и права, то будьте в эту минуту на площадке, соединяющей пассажирский вагон с багажным, а я в это самое время буду на площадке последнего вагона моего поезда. Это даст нам возможность обменяться несколькими пулями.

Командор Годж Уррикан».

Этот страшный человек, как всегда, ничего не рассказал Тюрку ни о ссоре, ни о своем вызове, опасаясь, что вмешательство Тюрка только повредит делу.

Но он не мог бы найти соперника более достойного, чем этот хроникер газеты *Трибуна*, который и на этот раз оказался вполне на высоте положения.

«Ну, если этот любитель соленой воды вообразил, что я отступлю, то он жестоко ошибся!.. В назначенный час я буду на своей площадке, раз он будет на своей!.. И зеленый флаг журналиста не склонится перед оранжевым флажком командора!»

Заметьте, между прочим, что ничто в этом происшествии не могло никого удивить в такой удивительной стране, как Америка!

А потому на следующее утро, — семи часов еще не пробило, — Гарри Кембэл явился на вокзал, чтобы сесть в поезд, который отправлялся в Колумбус и проходил через Геркуланум. Выбрав себе место в последнем вагоне, площадка которого находилась непосредственно за багажным, он там устроился и стал ждать. Оставалось семнадцать минут до момента, когда ему надо будет явиться к месту поединка.

Утро было холодное, и никого из пассажиров не соблазняло постоять на площадке во время хода поезда. В вагоне, в котором сидел Гарри Кембэл, было не более двенадцати пассажиров.

Посмотрев на часы, репортер Трибуны увидел, что стрелки показывали семь часов пять минут. Таким образом, у него было еще двенадцать минут, и он ждал в полном спокойствии, от которого его противник был, без сомнения, очень далек.

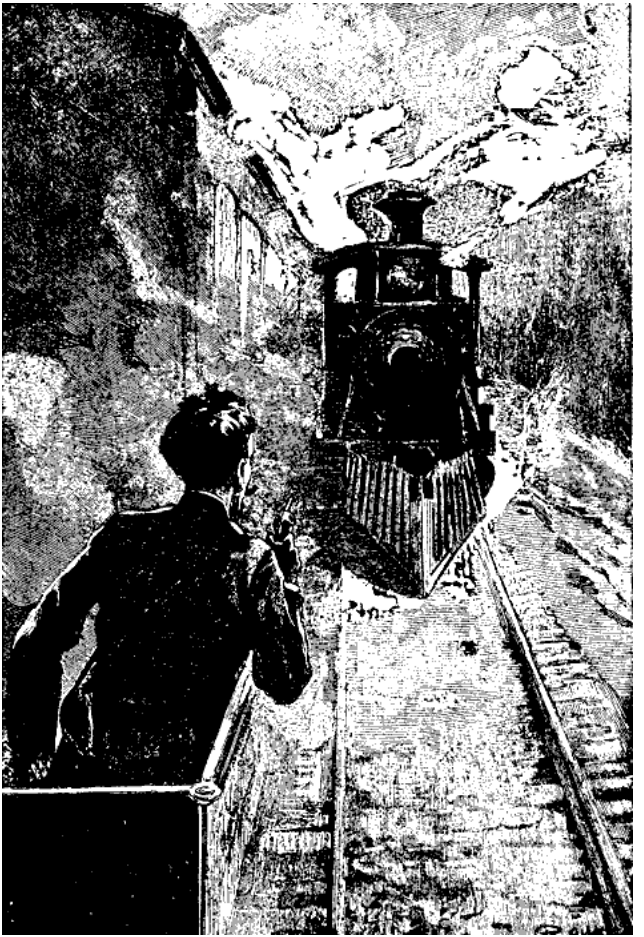
В семь часов четырнадцать минут он встал, вышел на площадку, вынул из кармана револьвер и, проверив заряды, стал ждать.

В семь часов шестнадцать минут послышался грохот встречного поезда из Геркуланума, двигавшегося по другому пути, в противоположном поезду Гарри Кембэла направлении.

Гарри Кембэл поднял револьвер на высоту своего лба и приготовился.

Паровозы промчались один мимо другого, оставляя позади облако белого пара.

Еще полсекунды — и почти одновременно раздались два выстрела. Гарри Кембэл почувствовал на своей щеке ветер и свист пролетевшей мимо пули и тотчас же ответил на выстрел выстрелом.

Гарри Кембэл поднял револьвер.

Вслед за тем оба поезда исчезли из виду.

Не подумайте, что звук этих двух выстрелов смутил сидевших в вагоне путешественников! Нет! Взволновать это их не могло ничуть, и Гарри Кембэл спокойно вернулся в вагон и занял свое прежнее место, так и не узнав, задела его пуля лоб командора или нет.

Потом поезд помчал репортера Трибуны через штат Георгия, получивший название Ключ южного свода, подобно тому как штат Пенсильвания называется Ключом северного свода.

После войны за независимость столицей штата Георгия сделался город Атланта в память оказанного им долгого сопротивления. Построенный на высоте ста пятидесяти туазов у начала ущелий горной цепи Аппалачей, этот город в настоящее время является самым населенным в штате.

Проехав территорию штата Георгия до города Огаста, находящегося на берегу реки Саванны и известного своими бумагопрядильными фабриками, поезд пересек территорию Южной Каролины, миновал Гамбург вблизи Огасты и остановился у своего конечного пункта, города Чарлстона.

Это было вечером 2 июня. Репортер закончил свое путешествие, сделав около тысячи пятисот миль по железной дороге из Санта-Фе в Нью-Мексико, путешествие, ознаменованное встречей с Годжем Урриканом.

Из чарлстонских газет Гарри Кембэл узнал, что двое неразлучных, командор и Тюрк, 31 мая были Проездом в Огдене, направляясь на всех парах в дальнюю часть Калифорнии.

«Все устроилось к лучшему, — мысленно сказал он. — Я нимало не огорчен тем, что в него не попал. Это медведь и даже морской медведь, но, как бы то ни было, медведь в человеческом образе!»

Никаких намеков на имевшую место дуэль в газетах не было, о ней знали только те, кто принимал в ней участие, и если бы ни один из этих двух не проговорился, о ней никогда не узнали бы. Но, правда, можно ли рассчитывать на скромность сочинителя газетных заметок!

Именно в Южной Каролине, на ее прибрежных островах селились первые французские колонисты. Этот штат славится производством длинноволокнистого хлопка, богатыми урожаями риса великолепного качества и залежами фосфорнокислой соли. К несчастью, война его очень истощила. В этом штате насчитывается

довольно много французов, потомков тех гугенотов[58], которые вынуждены были покинуть родину после отмены Нантского эдикта[59].

Штат Южная Каролина, где чернокожие составляли три пятых населения, был первым, который провел в жизнь акт об освобождении невольников, предоставив федератам в этой части Союза один только Форт Семтэр около Чарлстона.

Южная Каролина занимает двадцать девятое место среди штатов Союза по размерам своей территории и двадцать второе по численности населения (сто пятьдесят две тысячи жителей). Через этот город в его южной части проходят последние отроги Голубых гор; город славится своим климатом, одним из самых здоровых и наиболее умеренных в Союзе.

---

[58] Примечания: 58

Гугеноты (XVI–XVIII века). В форме религиозного протеста гугеноты выражали политическое недовольство французских феодалов и части буржуазии королевской властью. В 1560 году ими был составлен заговор против короля Франции Франциска II с целью восстановления старых политических вольностей феодалов и городов и конфискации в их пользу церковных имуществ. Заговор не удался. Движение гугенотов приняло характер религиозных войн.

[59] Примечания: 59

Нантский эдикт (1598) — указ французского короля Генриха IV, разрешавший гугенотам свободное совершение религиозных обрядов почти по всей Франции. Указ допускал гугенотов к государственным должностям, ограждал от преследований и предоставлял им свободу собраний. В 1629 году Нантский эдикт был отменен частично, а при Людовике XIV, в 1685 году, окончательно, что вызвало массовую

эмиграцию гугенотов в соседние страны и нанесло тяжелый ущерб французской торговле и промышленности.

Здесь хорошо родятся пшеница, лен и табак, не уступающий по своим качествам табаку штата Виргиния.

В центральной части Южной Каролины климат особенно благоприятен для культуры маиса, а в южной — для хлопка и риса, не говоря уже об эксплоатации ее обширных лесов. Индустрия этого штата питается еще железными и свинцовыми рудниками, почва же его богата золотоносными жилами. Зимой в Южной Каролине необыкновенно мягкая погода, но в июне жара бывает сильной. Уже начиная с февраля растительность начинает оживать и из почек великолепных кленов показываются кончики лепестков их красных цветов.

Гарри Кембэл никогда еще не бывал в Чарлстоне, заслужившем грустную репутацию «столицы рабства». В конце концов этот город (такова его жизненная сила!), несмотря на ряд ужасных катастроф, столько раз испытанных, страдая и от воды, и от огня, и от землетрясений, и даже от желтой лихорадки, все же остался цел и невредим.

На плоском полуострове между устьями рек Астлей и Купер Чарлстон раскинул свои торговые кварталы и дома, окруженные густой

зеленью магнолий и гранатовых деревьев. Немного дальше на скалистых выступах побережья возвышаются его форты, между которыми форт Мультри является одним из главных арсеналов Союза и Южной Каролины.

Неизменный баловень счастья, главный репортер газеты Трибуна явился в Чарлстон в такое время, когда город не был встревожен никакими пожарами, никакими наводнениями, никакими землетрясениями. Там не было даже эпидемии черной оспы! Этот город, так ценимый за мягкость нравов и вежливость его жителей, предстал перед ним во всем своем великолепии, и никогда из его памяти не изгладятся те несколько дней, которые ему удалось провести в его стенах.

Сказать, что Гарри Кембэл был встречен там с восторгом, было бы слишком слабо: город положительно неистовствовал, видя в нем самого достойного из всех участников партии. Остальные не шли даже в счет! Для жителей Чарлстона существовал только один партнер матча, тот, которого десять очков прислали в их город. Что касается до миллионов покойного Гиппербона, то всем казалось, что они уже лежат в его дорожной сумке!

В течение всех сорока восьми часов на него

сыпались приглашения за приглашениями, от которых он не мог отказаться, как и от поездок за город, где апельсиновые деревья растут на открытом воздухе. По всем стенам виднелись афиши, на которых имя Гарри Кембэла была написано яркими красками, а по вечерам сверкало электрическими огнями. Гость, пользующийся таким приемом, не мог не чувствовать себя в долгу перед этим городом. Вот почему репортер заявил, что обещает в случае, если он выиграет партию, основать в Чарлстоне приют для бедных бессемейных людей. И интересно, что очень большое число бедняков являлось записываться в городское управление, чтобы заранее заручиться первыми свободными местами в этом благотворительном учреждении. Будущий победитель матча проявил себя в Чарлстоне, штат Южная Каролина, еще более щедрым, чем в Денвере, штат Колорадо.

Настал наконец вечер 3 июня, когда был организован по подписке блестящий банкет под тенью великолепных деревьев при выезде из города, вблизи устья реки Астлей. Толпа приглашенных явилась туда торжественной процессией, с развернутыми знаменами зеленого цвета в честь героя дня. Излишне останавливаться на

подробностях этого торжественного собрания. Изысканность его меню и роскошь сервировки трудно описать.

Достаточно будет сказать, что главным блюдом этого банкета был чудовищных размеров пирог, весивший восемь тысяч фунтов, который был испечен в гигантской печи и привезен в экипаже, запряженном двенадцатью лошадьми. В содержимое этого пирога входило две тысячи четыреста фунтов говядины, четыреста фунтов телятины, четыреста фунтов баранины, пятьсот шестьдесят фунтов свинины, сто двадцать фунтов масла, триста шестьдесят фунтов сала, семьдесят шесть зайцев, сто восемьдесят восемь цыплят, двести голубей, две тысячи восемьсот фунтов муки и двести сорок штук дичи. Этот чудовищный пирог имел в ширину четырнадцать футов, в длину — двадцать четыре фута и в вышину шесть. Двадцать официантов, вооруженных ножами длиной в пять футов, разрезали его на куски, которыми должны были насытиться несколько тысяч гостей, и к этому пирогу было подано еще пять тысяч сосисок.

Из уст всех присутствующих раздался гром приветствий, которые ветер не замедлил отнести в открытое море:

— Ура Гарри Кембэлу!.. Ура четвертому отъезжающему! Ура зеленому флажку!.. Ура главному фавориту матча Гиппербона!

ГЛАВА V
ГРОТЫ ШТАТА КЕНТУККИ

26 мая на всех биржах как в Чикаго, так и в других городах ставки на Лисси Вэг сильно возросли, дойдя даже до трех против семи. Если вначале пари на нее были не особенно высоки, то из боязни, что эта молодая девушка окажется не настолько выносливой, чтобы противостоять усталости, связанной с постоянными переездами. Ее болезнь еще усилила недоверие, которое она внушала.

Но теперь здоровье пятой партнерши не оставляло желать лучшего. К тому же ей повезло: двенадцать очков, выброшенные для нее при втором метании игральных костей, оказались очень удачными, так как отсылали ее в Кентукки. С одной стороны, это путешествие было непродолжительно, всего только несколько сот миль, а с другой — штат Кентукки занимал на карте тридцать восьмую клетку. Из этого следовало, что Лисси Вэг одним ходом прошла более половины пути. Поэтому неудивительно, что Джовита Фолей с торжеством помахивала желтым флажком, символом ее подруги, и видела его уже воткнутым в миллионы Виладма Гиппербона.

Если бы Лисси Вэг этим интересовалась, она должна была бы возгордиться тем вниманием, которое ей оказывала теперь публика.

Как известно, Лисси Вэг и Джовита Фолей поспешили покинуть город Милуоки 23 мая для того, чтобы их там не застал таинственный X. K. Z. Ибо это заставило бы их, во-первых, уплатить штраф, а во-вторых, уступив свое место седьмому партнеру, быть вынужденными начать партию сызнова. Подруги вернулись в столицу штата Иллинойс совершенно здоровые, и так как об их возвращении говорили газеты, то несколько репортеров не замедлили явиться к ним на Шеридан-стрит.

В результате их посещения газета Чикаго Геральд в тот же вечер поместила на своих страницах интервью, в котором говорилось, что обе молодые девушки имели прекрасный вид; теперь их обеих считали носительницами желтого флажка, что было приятно увлекающейся Джовите Фолей. Но, несмотря на ее протесты, они оставались в Чикаго пять дней. Не стоило тратиться на гостиницы, и гораздо лучше было пробыть эти дни дома. Было бы даже разумнее остаться там до кануна того дня, когда нотариус Торнброк должен был послать телеграмму в Кен-

тукки. Но долее

27 мая Джовита Фолей выдержать не могла и спросила:

— Ну, когда же мы едем?

— У нас есть еще время, — ответила Лисси Вэг. — Подумай, ведь нам нужно быть там только шестого июня, а сейчас двадцать седьмое мая! Десять дней еще впереди, а, как тебе известно, в Кентукки можно попасть через двадцать четыре часа.

— Конечно, знаю, Лисси, но мы едем ведь не только в Кентукки или в главный город этого штата, Франкфорт. Мы едем в Мамонтовы пещеры, а это одно из чудес не только Соединенных штатов, но, кажется, всех пяти частей света! Какой счастливый случай, моя дорогая, побывать в этих гротах, и как хорошо, что почтенный господин Гиппербон придумал нас туда послать…

— Это не он, Джовита, это сделали игральные кости, выбросившие нам двенадцать очков…

— Подожди, подожди! Разве не он выбрал во всем штате Кентукки эти пещеры?.. Я всю жизнь буду за это ему благодарна! И никогда не переставала бы его благодарить, если бы он только не отдыхал теперь на Оксвудсском кладбище! Правда и то, что если бы он не переселился в другой

мир, то мы не бегали бы теперь за его наследством… Но, в конце концов, когда же мы едем?

— Как только тебе этого захочется.

— В таком случае, завтра утром.

— Согласна. Но, — прибавила Лисси Вэг, — нам нужно еще сделать визит мистеру Маршаллу Фильду.

— Ты права, Лисси.

В течение этого визита сам Маршалл Фильд и почти весь персонал его магазина не скупились на пожелания и приветствия пятой партнерше и ее неразлучной подруге.

На следующий день экспресс мчал путешественниц через Иллинойс в Данвилл, находившийся у западной границы штата Индиана. После полудня они переехали границу и вышли из вагона, чтобы пообедать в Индианаполисе, столице штата с населением в сто тысяч душ.

Если бы Гарри Кембэл был тут, он, без сомнения, нашел бы время, чтобы осмотреть этот штат, откуда в прошлом столетии были изгнаны туземцы и где первые французские колонисты основали много разных учреждений. Но Джовита Фолей решила ограничиться одним Индианаполисом, по которому протекает река Уайт-Ривер до своего впадения в реку Вабаш. Индианаполис — один

из городов, наиболее благоустроенных во всем Союзе, и нельзя не любоваться его совершенно исключительной чистотой.

В гостинице, где остановились и записались путешественницы под своими именами, их часто принимали одну за другую. Казалось даже, что Джовите Фолей более подходило, чем скромной Лисси Вэг, играть роль в этой столько шуму наделавшей партии.

29-го числа в восемь часов пятнадцать минут утра они с первым отходившим поездом отправились в город Луисвилл, находящийся на левом берегу реки Огайо, на границе между штатами Индиана и Кентукки, из которых последний был одним из главных защитников идеи аболиционизма. В одиннадцать часов пятьдесят девять минут их путешествие закончилось.

Как ни убеждали Джовиту Фолей в том, что штат Кентукки стоит того, чтобы его подробно осмотреть как самый богатый в Союзе, она на все отвечала только двумя словами: «Мамонтовы пещеры».

Если бы ей сказали, что штат необыкновенно благоприятен как для сельского хозяйства, так и для скотоводства, что он дает лучших лошадей Америки и третью часть всего табака, произ-

водимого Соединенными штатами, она все же ответила бы: «Мамонтовы пещеры!» Если бы ей напомнили, что среди его владений находятся великолепные промышленные города, построенные по берегам реки Огайо, и каменноугольные копи в районе Аллеганских гор, она все равно продолжала бы твердить: «Мамонтовы пещеры!» Очевидно, она была так загипнотизирована этими знаменитыми гротами, что не желала думать ни о Ковингтоне, ни о Нью-Порте, этих двух предместьях Цинциннати, в которых уже побывали Крабб и Джон Мильнер, ни о Мидльсборо, ни о Франкфорте, теперешней столице штата, ни о Лексингтоне, его прежней столице. А между тем этот город так красив со своими широкими улицами, обрамленными густыми деревьями, дающими приятную прохладу, со своим университетом, знаменитым во всем южном районе, и со своим ипподромом, на котором состязаются лучшие лошади Нового Света. Правда, этот ипподром занимал относительно небольшое пространство по сравнению с громаднейшим полем всей Американской республики, на котором состязались партнеры матча Гиппербона, неся флаги, окрашенные в семь цветов радуги.

Нет, в этот день подруги ограничились тем, что

бегло осмотрели главные кварталы Луисвилла, перешли через мост, перекинутый через реку Огайо, длиной в восемьсот туазов, соединяющий этот город с соседними городами Нью-Олбани и Джефферсоном на территории штата Индиана, с населением в общем около двухсот тысяч жителей. Но они не посетили промышленных кварталов, в которых такое изобилие мастерских, табачных и кожевенных фабрик и заводов всевозможных земледельческих машин.

Луисвилл находится на высоте ста футов над рекой Огайо. Он построен на крутой возвышенности скалы, откуда можно видеть и все извилистое течение реки, и канал, который течет параллельно ее левому берегу, и острова Санд и Куз, и железную дорогу, пересекающую реку, и великолепные водопады, образуемые ее шумными водами.

В конце концов обе очень уставшие — и Джовита Фолей, которая не хотела в этом признаться, и Лисси Вэг, которая этого не скрывала, — около десяти часов вечера вернулись в гостиницу.

— Покойной ночи, — сказала Джовита Фолей, укладываясь спать.

— А когда мы едем дальше? — спросила Лисси Вэг.

— Завтра утром.

— Так скоро, Джовита? Но ведь нам достаточно нескольких часов, чтобы доехать до цели нашего путешествия… Времени у нас еще много!

— Никогда не много, когда дело идет о Мамонтовых пещерах, — ответила Джовита Фолей. — Спи хорошенько, моя дорогая, я тебя разбужу.

И пусть не удивляется читатель, узнав, что на следующий день, 30-го числа, поезд уже Мчал обеих молодых девушек к югу (расстояние около ста пятидесяти миль до знаменитых гротов) и проезжал по стране, покрытой дремучими лесами, иногда полями зерновых хлебов и табачных плантаций.

По выезде из маленького городка Мофор, единственного, который обслуживается железной дорогой в этой части провинции, расстилается великолепная долина реки Грин-Ривер. Воды этого притока реки Огайо текут, покрытые, точно ковром, самыми разнообразными водяными растениями, главным образом зелеными нелумбусами и понтедериями с голубыми и желтыми цветами, напоминающими цвета флагов Германа Титбюри, Гарри Кембэла и Лисси Вэг.

В полдень обе подруги нашли себе приют в *Мамонт-Отеле*, первоклассной гостинице, по-

мещавшейся почти у самого входа в гроты, в местности, совершенно исключительной по красоте.

Несмотря на пожиравшее ее любопытство, Джовите Фолей пришлось отложить до следующего дня посещение Мамонтовых пещер, так как в этот час там не было уже никого из проводников. Свободное время они посвятили прогулке по окрестностям, по очаровательной долине и по тенистым берегам реки, образующей при своем впадении в Грин-Ривер тысячи водяных каскадов.

Гостиница Мамонт-Отель весьма комфортабельна и состоит из нескольких отдельных домиков, предназначенных для приезжих и для различных служб. Одна из комнат, окно которой выходило на долину, была предоставлена путешественницам, которых жители этого района штата Кентукки ждали с нетерпением.

В это время года гостиница была уже полна экскурсантов, стремившихся осмотреть Мамонтовы пещеры» Молодые девушки могли убедиться в этом, когда около шести часов вечера, после того как прозвонил ужасный гонг, столь распространенный в американских гостиницах, они вошли в большую столовую.

Губернатор штата Иллинойс Джон Гамильтон, который был там в качестве туриста, пожелал, чтобы Лисси Вэг заняла место справа от него, а Джовита Фолей — слева. И разве этого не было достаточно, чтобы вскружить голову такой впечатлительной молодой особе!

Надо прибавить, что если губернатор штата Иллинойс, его спутники и другие приезжие так тепло приветствовали пятую партнершу и ее подругу, то какой же радушный прием оказали им все дамы-экскурсантки, приехавшие в этот день в Кентукки! Из этого видно, как поднялись акции Лисси Вэг, и не естественно ли было надеяться на конечный успех? И нельзя было не извинить Джовиту Фолей, которая получала свою долю внимания и любезности, за ее желание все больше отожествлять себя со своей милой Лисси Вэг, которая, конечно, никогда не подумала бы упрекнуть ее в этом.

Великолепный обед, приготовленный поваром французом, был необыкновенно вкусен и сытен, хотя и состоял из одних только обычных для американских обедов блюд — супа aux gombos, форели, только что пойманной в водах одного из притоков Гранд-Ривер, в том месте, где он расширяется и образует маленькое спокойное озеро,

традиционного ростбифа с целой серией соусов и гарниров, копченой ветчины, национального торта и всевозможных овощей и фруктов.

Не надо забывать также бокалов шампанского, которые посылали многие из сидевших за столом двум подругам. Обе они пили, конечно, очень мало, но отвечали милыми любезностями на все эти приветствия, после чего раздались восторженные тосты в честь близкой победы любимицы матча Гиппербона.

Никогда еще Джовита Фолей не присутствовала на таком празднике. И она и Лисси Вэг держали себя с большим достоинством, с той только разницей, что Лисси Вэг принимала все приветствия и комплименты со свойственной ей сдержанностью, а ее подруга, гораздо более общительная и живая, принимала их с нескрываемым удовольствием.

И когда около десяти часов вечера девушки были уже в своей комнате:

— Ну, что же ты по поводу всего этого скажешь? — спросила Джовита Фолей.

— Ничего не скажу, — ответила Лисси Вэг.

— Как?.. Ты не тронута приемом, который нам был оказан?.. Любезностью губернатора и всех этих туристов, которые, без сомнения, держат за

нас пари, я в этом уверена…

— Бедные!

— А тебе не хочется доказать им свою благодарность, постаравшись выиграть партию?

— Мне хочется спать, ничего больше, — объявила Лисси Вэг. — Я сейчас ложусь и советую тебе сделать то же.

— Спать!.. Но разве я могу?

— Покойной ночи, Джовита!

— Будь по-твоему… покойной ночи, маленькая фея с миллионами долларов, — ответила Джовита Фолей, которая, возможно, не только пригубила шампанское, но сделала несколько глотков.

Потом, зевнув, она прибавила:

— О, как мне хотелось бы, чтобы было уже завтра!

Завтра наступило своим чередом и началось ясным солнечным рассветом, на два часа опередившим пробуждение Джовиты Фолей.

Лисси Вэг не нашла в себе силы противиться настойчивым призывам своей подруги встать поскорей и одеться, так что в восемь часов обе они были готовы покинуть гостиницу.

На осмотр кентуккийских гротов во всех подробностях требуется, повидимому, не меньше семи-восьми дней. Главная их артерия тянется

на протяжении трех или четырех лье, и колоссальная впадина имеет в объеме (применяя французские меры) одиннадцать миллиардов кубических метров. Она испещрена по всем направлениям двумя сотнями аллей, коридоров, галлерей и переходов, причем надо прибавить, что дело идет только об одной, сравнительно недавно открытой ее части.

Наступило уже 31 мая, и до утра 6 июня в распоряжении Лисси Вэг оставалось полных шесть дней. При разумном использовании этого времени его должно было хватить на удовлетворение любопытства даже более любопытных посетителей, чем взволнованная Джовита Фолей.

Все эти осмотры гротов производились многочисленной компанией под руководством лучших проводников, приставленных к этому делу.

Тепло одевшись, так как в глубине галлерей температура очень низка, туристы обоего пола направились по извилистой тропинке, которая привела их к входу в гроты, представляющему собой узкое отверстие в скале, оставленное в том виде, в каком оно было создано природой, и такого размера, что люди большого роста не могли пройти в него, не наклонив головы.

Проводников сопровождали негры с руднико-

выми лампочками в руках и факелами, которые немедленно зажгли, и при свете сверкающих отблесков на гладких местах стен путешественники достигли лестницы, пробитой в скале. Эта лестница ведет сначала в галлерею более широкую, чем первая, и непосредственно за тем в большую залу, называемую Ротондой.

С этого пункта начинается разветвление многочисленных коридоров и переходов, извилины которых требуется хорошо изучить всем желающим, если они не хотят подвергнуть себя риску заблудиться во всех этих переходах, обходясь без проводника. На свете не существует лабиринта более сложного, чем этот, включая сюда и лабиринты острова Лемноса или Крита.

Пройдя широкий коридор, туристы очутились в одной из самых больших Мамонтовых пещер, которая известна под именем Готической Церкви.

Готической?.. Но разве характерной чертой архитектуры этой пещеры является стрельчатый стиль? Это не важно! Она восхитительна со своими природными скульптурными украшениями свода, со сталагмитами и сталактитами, с поддерживающими этот свод фантастически изогнутыми колоннами, со всеми этими выступами скал самых разнообразных форм, покрытых

кристаллическими отложениями, рельефно выступающими при свете факелов и придающими этим скалистым выступам в одном месте форму настоящего алтаря со всеми украшениями, встречающимися в церковных местах, в другом — форму громадного органа, трубы которого тянутся ввысь, и далее — форму балкона, или, вернее, кафедры, с которой не раз уже случайные проповедники говорили перед толпой, состоящей не менее как из пяти или шести тысяч.

Нечего и говорить, что все экскурсанты разделяли восхищение Джовиты Фолей и присоединили свои восторженные отзывы к громкому хору очарованных зрителей.

— Ну что же, Лисси, не жалеешь, что приехала?

— Нет, Джовита, это так красиво!

— Не забудь, что все это сделала природа, что рука человека никогда не смогла бы выкопать все эти гроты, что мы сейчас находимся в самых недрах земли.

— Мне делается страшно при мысли, что здесь можно заблудиться, — ответила Лисси Вэг.

— Верю тебе, голубчик, и представляю себе, что было бы с нами, если бы мы остались в этих Мамонтовых пещерах и не попали бы в назна-

ченный пункт к моменту получения телеграммы от милого нотариуса Торнброка!

От входа в галлерею до Готической Церкви они сделали уже пол-лье, и теперь, продолжая осмотр, им приходилось двигаться с большим трудом, иногда даже ползком вдоль узких коридоров, которые вели в Зал Привидений, где, к большому разочарованию Джовиты Фолей, она не увидела ни одного из тех призраков, которые ее воображение надеялось вызвать в этих подземельях.

Зал Привидений представлял собой место отдыха, ярко освещенное светом факелов, где находился прекрасный бар и где все было готово для завтрака туристов, живущих в Мамонт-Отеле.

Зал этот мог бы быть назван санаторием, так как туда являются больные, приписывающие воздуху кентуккийских гротов целебные свойства. В этот раз они пришли сюда на целый день, человек двадцать, и устроились за столом перед гигантским скелетом мамонта, в честь которого эти громадные пещеры и получили название Мамонтовых пещер. Вслед за первым посещением должны были последовать и другие. Туристы остановились еще в маленькой часовне, которая представляет собой Готическую Церковь в миниатюре. Она находится на краю бездонной

пропасти, куда проводники бросают зажженные бумажки, чтобы освещать мрачные глубины. Пропасть эта носит название Бездонного Колодца, причем одна из его выдолбленных стенок образует так называемое Кресло Дьявола, о котором создано столько легенд (да и странно было бы, если бы их не было!).

После такого утомительного дня туристы не протестовали, когда им предложили направиться по тем же галлереям ко входу в пещеры. Этот путь был предпочтительнее другого, выходившего ближе к гостинице, но менее удобного из-за множества поворотов, требующих большого крюка.

Прекрасный обед и целая ночь отдыха вернули подругам силы, необходимые для завтрашней экскурсии.

Впрочем, осмотр этих изумительных пещер, как прогулка в сказочный мир «Тысячи и одной ночи», но без встреч с демонами и гномами, щедро вознаградил путешественниц за усталость, и Джовита повторяла, что это зрелище превзошло все границы человеческого воображения.

Вот почему в течение пяти дней эта милая особа исключительной выносливости и энергии, которой она утомила большинство экскурсантов и даже самих проводников, решила осмотреть

подробно все, что только было известно об этих знаменитых гротах, сожалея, что не может устремиться за пределы сделанных до сих пор открытий. Но то, что проделывала она, неспособна была сделать ее подруга, и Лисси Вэг в конце третьего дня взмолилась о пощаде. Не надо забывать, что она незадолго перед тем болела, и нельзя было допустить, чтобы эти экскурсии привели ее в состояние, которое помешало бы продолжать путешествие.

Вот почему Джовита Фолей во время своих последних прогулок не пользовалась обществом Лисси Вэг.

Она осмотрела пещеру Храм Гиганта, который находится на высоте семидесяти пяти туазов; Звездную Комнату, стены которой кажутся инкрустированными бриллиантами и другими драгоценными камнями, ослепительно сверкающими в свете факелов; Аллею Кливленда, украшенную, точно кружевами, разноцветными цветами из пестрых минералов; Большой Зал, стены которого испещрены беловатым налетом и кажутся покрытыми снегом; цепь Скалистых гор, представляющих собой ряд нагроможденных друг на друга каменных глыб с остроконечными пиками, производящих такое впечатление, точно

горные цепи штатов Юта и Колорадо пустили свои разветвления внутрь земного шара; Грот Фей, такой богатый наносными формациями, отлагаемыми подпочвенными источниками, с арками, колоннами и чем-то вроде гигантского дерева, вроде каменной пальмы, достигающей своей вершиной самого свода зала, расположенного в четырех лье от главного входа в Мамонтовы пещеры.

И какое воспоминание должно было навсегда сохраниться в душе неутомимой путешественницы, когда, выйдя из храма Горана, она спустилась в лодке вниз по течению Стикса, который, подобно Иордану, только подземному, вливается в Мертвое море. Но если правда, что ни одна рыба не может жить в водах библейской реки, то про воды этого большого подземного озера сказать того же нельзя. Там ловят тысячами пещерных рыб, у которых совершенно отсутствуют зрительные органы, подобно другим видам безглазых рыб, плавающих в некоторых реках Мексики.

Таковы ни с чем не сравнимые диковины этих гротов, которые открыли людям лишь часть своих тайн. Что же они еще хранят от любопытства живущих на земле, и не откроется ли в один прекрасный день новый изумительный мир внутри

земного шара?..

Наконец пять дней, которые Джовита Фолей и ее подруга решили провести в Мамонтовых пещерах, пришли к концу. На следующий день, 6 июня, телеграмму нотариуса Торнброка должны были доставить в контору, находившуюся в самом отеле. Благодаря интересу, которое общество туристов проявляло к пятой партнерше, это утро должно было наполниться лихорадочным ожиданием, нетерпением, которое, возможно, одна Лисси Вэг не разделяла.

Вечером накануне этого дня за обедом опять провозглашались тосты, и какие громкие «ура» раздались, когда Джон Гамильтон, следуя правилу, установленному губернаторами, принимать женщин в число членов своих штабов, произвел Лисси Вэг в чин полковника, а Джовиту Фолей в чин подполковника милиции штата Иллинойс.

И если один из этих новых «офицеров», всегда отличавшийся скромностью, чувствовал себя и на этот раз несколько смущенным такой честью, то другой отнесся к этому так, точно всегда носил мундир. И вечером, когда обе молодые девушки удалились в свою комнату:

— Ну что же, — воскликнула Джовита Фолей, отдавая честь по-военному, — вы довольны, пол-

ковник?

— Это какое-то безумие! — ответила Лисси Вэг. — И это кончится плохо, я боюсь.

— Будь добра, замолчи, милая, а то я забуду, что ты мое начальство, и не окажу тебе должного уважения!

И, поцеловав нежно свою подругу, она легла, тотчас же уснула, и ей приснилось, что ее уже величают «генералом».

На следующий день с восьми часов утра перед телеграфной конторой толпилась публика в ожидании телеграммы, которую должен был послать из Чикаго нотариус Торнброк.

Трудно описать волнение всех присутствующих, относившихся с таким участием к двум подругам! Куда-то направит их судьба? Будут ли они посланы на одну из окраин Америки? Опередят ли они и насколько своих конкурентов?

Прошло полчаса, зазвонил звонок телеграфного аппарата.

Пришла депеша на имя Лисси Вэг, Кентукки, *Мамонт-Отель*, Мамонтовы пещеры.

Глубокое, можно сказать священное молчание воцарилось как в самой конторе, так и за ее стенами.

И каково было изумление, разочарование, да-

же отчаяние, когда Джовита Фолей дрожащим голосом прочла:

«Четырнадцать, из семи, повторенных два раза, пятьдесят вторая клетка, Сент-Луис, штат Миссури.

Торнброк».

Это была клетка с изображением «тюрьмы», где несчастная Лисси Вэг, уплатив тройной штраф, должна была оставаться до тех пор, пока какой-нибудь не менее ее несчастный партнер не явится ее освободить, заняв ее место.

ГЛАВА VI
ДОЛИНА СМЕРТИ

Утром 1 июня какой-то поезд, выйдя из Стэктона, маленького городка Калифорнии, расположенного на территории прежнего озерного бассейна Сан-Джоаким, мчался во весь дух в юго-восточном направлении.

Поезд, состоящий только из паровоза, одного пассажирского вагона и одного багажного, был пущен помимо поездов, идущих по расписанию, и по крайней мере за три часа до того поезда, который, пересекая южную территорию Калифорнии, двигался по пути от Сакраменто к границе штата Аризона.

Штат Калифорния занимает второе место в Американской федерации, с площадью в сто пятьдесят восемь тысяч квадратных миль. На севере и на юге его границы определяются градусами широт; на востоке он окаймлен ломаной линией, угол которой упирается в озеро Тэхо и в реку Колорадо; на западе границей его является Тихий океан, омывающий его побережье на протяжении шестисот миль. Если на всей этой обширной территории поселить миллион двести тысяч

жителей, самых разнообразных по происхождению — европейцев, американцев и азиатов, всех этих иммигрантов, явившихся сюда после того, как были открыты золотые копи и после заключенного в 1848 году договора, по которому Мексика уступила Калифорнию федеральной республике, то и тогда плотность населения этой страны окажется весьма незначительной.

Местность, по которой несся с необыкновенной быстротой упомянутый выше специальный поезд, повидимому, не останавливала на себе внимания его пассажиров. Да и были ли у него пассажиры? Без сомнения, да, так как время от времени две головы показывались за стеклом вагонного окна и тотчас скрывались, две отталкивающие физиономии весьма свирепого вида. Порой стекло окна опускалось, и из него высовывалась широкая волосатая рука, державшая короткую трубку, с которой она стряхивала пепел, и тотчас затем скрывалась.

Возможно, что северная часть этого штата больше привлекла бы внимание этих путешественников. На севере и в центре все поля, очень удобные для скотоводства, необыкновенно хорошо культивированы; к тому же они очень плодородны и производят в большом количестве

ячмень, стебли которого бывают от двенадцати до пятнадцати футов высоты, маис, сорго и овес. Встречаются также плодовые сады, в которых зреют персики, груши, вишни, клубника — целые рощи фруктовых деревьев, целые поля клубники, и, наконец, виноградники, поставляющие треть сбора всей Америки. Все эти богатства родит необыкновенно щедрая, совершенно неистощимая почва, которая обслуживается превосходной оросительной системой.

Не нужно, однако, думать, что бассейн, орошаемый рекой Сан-Джоаким и ее притоками, совершенно неплодороден. Воды этих рек сделали и эту землю вполне пригодной для сельского хозяйства. Но оба путешественника так же мало обращали на нее внимания, как если бы она продолжала оставаться бесплодной, как и пятьдесят лет тому назад, когда люди еще не приложили к ней своих рук.

Кто же были эти два таких равнодушных путешественника? Откуда они явились и куда так стремились? Были ли они одними из тех пылких калифорнийцев, которых привлекает открытие новых золотых приисков? Ведь позволительно надеяться, что шесть миллиардов франков, извлеченных за последние сорок лет, не вконец

еще истощили золотоносные жилы в этой почве, к тому же богатой другими драгоценными залежами. Особенно многочисленны залежи вдоль побережья, богатые такими, например, минералами, как киноварь и ртуть, которых было добыто от 1850 до 1886 года на сумму не менее ста миллионов ливров, иначе говоря, не менее ста тысяч тонн.

Во всяком случае, эти путешественники должны были быть очень богатыми людьми и к тому же куда-то очень спешили, раз они позволили, себе нанять специальный поезд, в то время как в их распоряжении было много всяких поездов, идущих по Южной Тихоокеанской железнодорожной линии. Они запоздали бы только на какие-нибудь полдня и не истратили бы нескольких тысяч долларов, в которые им обошелся этот поезд.

Как бы то ни было, паровоз продолжал мчаться во весь дух, и так как в этой части пути поезда не так часты, то график их мог быть без труда установлен. К тому же дело шло о сравнительно небольшом пробеге в двести сорок приблизительно миль, которые могут быть пройдены в шесть-семь часов. И как раз в такой именно срок они и были пройдены. Никакая случайность не

замедлила быстроты передвижения поезда.

Было одиннадцать часов утра, когда паровоз, прогудев несколько раз за четверть мили до города Килер, подошел к станции и остановился у платформы.

Два человека выскочили из вагона. Багаж их был крайне несложен: чемодан и корзинка с провизией, очевидно еще не тронутой. У каждого из них было в руках по сумке, а за плечами по ружью. Один из этих путешественников подошел к паровозу и сказал машинисту: «Ждите!» таким тоном, каким он сказал бы это своему кучеру, выйдя из кареты, чтобы зайти не надолго к знакомым.

Машинист сделал рукой утвердительный жест и стал двигать поезд на запасный путь, чтобы не мешать свободному движению по линии.

Тогда путешественник в сопровождении своего товарища направился к выходу и очутился перед незнакомым человеком, который, очевидно, его дожидался.

— Экипаж здесь? — спросил он его отрывистым тоном.

— Со вчерашнего дня.

— В порядке?

— В порядке.

— Едем же!

Минуту спустя оба путешественника сидели в комфортабельном автомобиле, снабженном мощным механизмом, и быстро мчались по дороге, направляясь к востоку.

В одном из этих двух путешественников читатель, вероятно, уже узнал командора Уррикана, а в другом — его верного Тюрка, хотя оба они воздерживались от обычной для них вспыльчивости и не кричали ни на машиниста, без малейшего опоздания подавшего специальный поезд, ни на шофера автомобиля, ожидавшего их в Килере.

Спрашивается, каким же чудом Годж Уррикан, принесенный 25 мая полумертвым в почтовую контору Ки-Уэста, очутился через каких-нибудь восемь дней в этом маленьком калифорнийском городке, отстоящем от Флориды на тысячу пятьсот миль? При каких условиях — действительно, совершенно исключительных — и произошел этот переезд в такой короткий промежуток времени и каким образом шестой партнер, которого все время преследовали чудовищные неудачи и который, казалось, был уже не в силах продолжать партию, находился сейчас здесь, более чем когда-либо готовый играть эту партию до конца?

Читатель не забыл, вероятно, что потерпев-

ший кораблекрушение командор был отнесен в бессознательном состоянии в телеграфное бюро Ки-Уэста.

Телеграмма, посланная на его имя из Чикаго в то самое утро, была получена ровно в полдень. И какую печальную весть она принесла!.. Об одном из самых несчастных ударов игральных костей, которые когда-либо существовали: о пяти, из двух и трех!

Этот удар отсылал командора из пятьдесят третьей клетки в пятьдесят восьмую, из Флориды в Калифорнию, что означало переезд через весь Союз с юго-востока на северо-запад! И было еще одно обстоятельство, особенно тяжелое: в этом штате Вильям Гиппербон выбрал клетку «смерти», так называемую Долину Смерти, куда партнер должен был лично явиться и откуда по уплате тройного штрафа ему надлежало возвратиться в Чикаго! И это после его такого блестящего дебюта!

В результате, когда Годж Уррикан, придя в себя благодаря энергичным растираниям и не менее энергичным лекарствам, узнал содержание телеграммы, он испытал сильнейшее нервное потрясение, выразившееся в таком приступе бешеного гнева, какого Тюрк никогда у него еще

не видал. Это его и поставило на ноги.

К счастью для присутствующих, не оказалось никого, к кому командор мог бы за что-нибудь придраться, и Тюрку не нужно было стараться превзойти его в неистовстве.

Годж Уррикан произнес только одно слово, одно единственное, но одно из тех, которые становятся историческими:

— Едем!

Мертвая тишина наступила вслед за этим словом. Тюрку пришлось сказать своему хозяину, где они и как обстоит дело. Тогда командор узнал и о гибели маленького судна и о доставке пассажиров и экипажа в Ки-Уэст, где не было ни единого судна, готового к отплытию в один из портов штата Алабама или штата Луизиана.

Годж Уррикан превратился в Прометея, прикованного к скале, и его сердцу грозило быть растерзанным коршунами, носящими имя Нетерпения и Бессилия!

Действительно, ему было необходимо в ближайшие две недели попасть из Флориды в Калифорнию и из Калифорнии в штат Иллинойс. Несомненно, слово «невозможно» существует на всех языках, даже на американском, хотя и считается, что оно было вычеркнуто из словаря

смелыми янки!

Думая о последствиях проигранной партии из-за абсолютной невозможности выехать в этот же день из Ки-Уэста, Годж Уррикан испытал вторичный приступ бешенства, сопровождаемый ругательствами, проклятиями и угрозами, от которых дрожали стекла телеграфной конторы, но Тюрку удалось его угомонить: он сам предался таким взрывам дикого бешенства, что хозяину пришлось призвать его к спокойствию.

Какая тяжелая необходимость и какая жестокая рана для самолюбия партнера матча — быть вынужденным бросить борьбу, а для оранжевого флага — склониться перед флагами лиловым, синим, голубым, зеленым, желтым и красным!

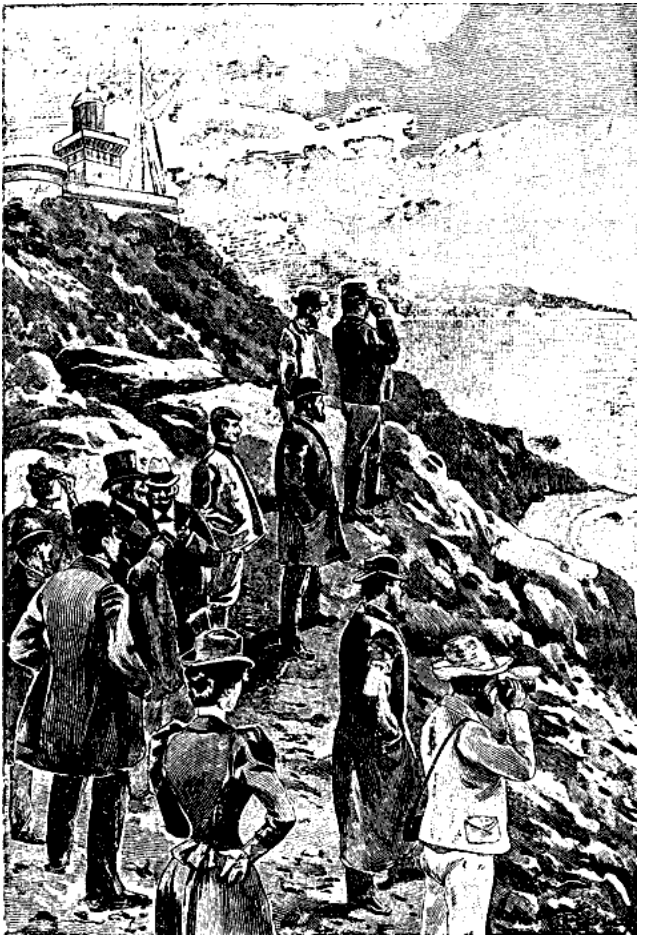
Но правы те, кто говорит, что на этом свете хорошие и дурные случайности чередуются нередко с быстротой электрического тока. И вот благодаря какому-то чудесному вмешательству судьбы нашелся выход из положения, казавшегося совершенно безнадежным.

В тридцать семь минут первого семафор порта Ки-Уэст дал сигнал о появлении судна в открытом море на расстоянии пяти миль.

Толпа любопытных, собравшихся перед телеграфной конторой, бросилась с Годжем Ур-

риканом впереди на ту часть берега, откуда раскрывался вид на море.

Какое-то судно показалось вдали — пароход, дым которого расстилался на линии горизонта.

Какое-то судно показалось вдали.

Раздались взволнованные голоса:

— Направляется ли это судно в Ки-Уэст?

— А если да, то пристанет ли оно здесь или отправится дальше в тот же день?

— И если отправится дальше, то в какой из портов и какого штата: Алабамы, Миссисипи, Луизианы, в Новый Орлеан, Мобил или Пенсаколу?

— И, наконец, если оно направляется в один из этих портов, такова ли его быстрота, чтобы сделать этот переезд в сорок восемь часов?

Как видите, необходимо было выполнить все эти четыре условия!

И они все были выполнены. Пароход *Президент Грант*[60] должен был пробыть в Ки-Уэсте всего только несколько часов и отправиться в тот же вечер в порт Мобил, причем это был один из самых быстроходных пароходов во всем торговом флоте Соединенных штатов.

---

[60] Примечания: 60

«Президент Грант» назван в честь генерала Гранта (1822–1885). Генерал Грант начал войну 1861–1865 годов генерал-майором Иллинойсского полка, кончил ее главнокомандующим армией Севера. Он командовал полками волонтеров, состоявшими из рабочих и западных фермеров, решившими судьбу войны. После окончания гражданской войны Грант был военным комиссаром республиканского правительства одного из пяти военных округов на Юге. В 1869–1872 годах Грант занимал пост президента.

Излишне прибавлять, что Годж Уррикан и Тюрк были приняты в число его пассажиров и что капитан Хампер заинтересовался командором, подобно тому как капитан парохода Шерман в свое время заинтересовался Томом Краббом. В результате, при благоприятном состоянии моря, при легком юго-восточном ветре Президент Грант шел с максимальной скоростью, делая двадцать миль в час, и это дало ему возможность притти в Мобил в ночь на 27 мая.

Щедро расплатившись за этот переезд, Годж Уррикан в сопровождении Тюрка вскочил в первый отходивший поезд, пролетевший в двадцать четыре часа все семьсот миль, отделявшие Мобил от Сент-Луиса.

Там произошли известные нам инциденты: недоразумение с начальником станции в Геркуланум, спешная поездка Годжа Уррикана в Сент-Луис за своим чемоданом, встреча его с Гарри Кембэлом, вызов, сделанный репортеру, возвращение вечером Уррикана в Геркуланум, его отъезд утром следующего дня, револьверные выстрелы, которыми он и Гарри Кембэл обменялись в пункте пересечения рельсовых путей, и его приезд в Сент-Луис. Оттуда 30 мая железная дорога доставила командора в Топику, потом

по Тихоокеанской железнодорожной линии в Огден, далее в Рено, откуда в семь часов утра он направился на станцию Килер.

Но прибытие командора на станцию Килер еще не означало прибытия в Долину Смерти — в тот пункт, который был ему указан в штате Калифорния.

А в то время между Килером и Долиной Смерти никакого настоящего пути сообщения не было. Не было также ни почтовых карет, ни перекладных. Проехать же верхом в такой короткий срок около четырехсот миль туда и обратно по извилистой, неровной дороге, через местность, славящуюся разными неприятными случайностями, было невозможно.

Когда Годж Уррикан был в Сент-Луисе, ему пришла в голову счастливая мысль послать телеграмму в Сакраменто и спросить, нельзя ли нанять там для него автомобиль и отправить на станцию Килер, чтобы он его там ждал. Ответ получился утвердительный: автомобиль усовершенствованной системы будет ждать командора Уррикана. Двух дней было достаточно, чтобы доехать до Долины Смерти, двух — на обратный путь, и таким образом он будет в Чикаго еще до 8 июня. Очевидно, счастье снова улыбнулось этому

морскому волку!

В результате таких соображений и распоряжений автомобиль оказался на станции Килер в момент прихода туда поезда, а вскоре затем покинул этот маленький городок и помчался по дороге, которая вела в Долину Смерти.

Зная о поспешности, с которой совершалось это путешествие, всем будет ясно, что командору Урриканy было чуждо любопытство туриста. Его мчал поезд, обслуживающий Тихоокеанскую железнодорожную линию, мчал через штаты Небраска, Вайоминг, через Скалистые горы, через горный проход Трэки, находившийся на высоте тысячи туазов над уровнем моря, и дальше — через штат Юта, вплоть до окраин штата Невада. Он не выходил из вагона ни в Огдене, чтобы посмотреть на Грэйт-Солт-Лейк-Сити, ни в Кэрсоне, чтобы осмотреть эту столицу; он и не подумал полюбоваться городом Сакраменто, столицей калифорнийского Эльдорадо, городом, который был почти целиком приподнят на большую высоту после целого ряда наводнений на реке Арканзасе. Да! Пришлось так утолщить его почву насыпями, чтобы она оказалась выше уровня самых больших разливов этой реки, для чего все дома были подняты сразу на десять-пятнадцать метров. В на-

стоящее время этот город, прочно укрепленный вдоль всего побережья, с населением в двадцать семь тысяч, производит очень хорошее впечатление своим красиво построенным Капитолием, со своими главными улицами, удобно распланированными, и со своим китайским кварталом, который точно перенесен сюда из провинции так называемой Небесной империи.

И если, находясь в подобных же условиях, Макс Реаль или Гарри Кембэл пожалели бы, что не могли осмотреть Сакраменто, то насколько глубже были бы их сожаления о городе Сан-Франциско! Этот крупнейший город, в котором насчитывается триста тысяч жителей, является единственным в своем роде главным образом благодаря своему заливу в сто квадратных километров, по размерам не уступающему Женевскому озеру и имеющему выход в океан через пролив Золотые Ворота у Тихого океана. Нужно побывать в его нарядных кварталах, побывать на всех главных его уличных артериях, отличающихся необыкновенным оживлением, — на улице Сакраменто и на улице Монтгомери, где красуется гостиница Оксиденталь, достаточно просторная, чтобы поместить в своих стенах целую колонию; нужно видеть великолепную улицу — смесь Бродвея, Пи-

кадилли и Рю-де-ла-Пе — этого очаровательного Сан-Франциско, или Фриско, как его сокращенно называют, с его сверкающими белизной домами, с балконами и мирадорами[61] на мексиканский лад, украшенными фестонами из цветов и листьев, с его садами, где растут самые очаровательные породы тропической флоры. Нужно не забыть городских кладбищ, представляющих собой парки, всегда полные гуляющими, а в восьми милях от города удивительный загородный дом, Клифф-Хауз, во всей красоте окружающей его дикой природы. Что же касается его экспортной торговли, то разве же этот город не равняется Иокогаме, Шанхаю, Гонконгу, Сингапуру, Сиднею и Мельбурну, этим властителям восточных морей?

Если бы командор Уррикан и попал туда в одно из воскресений, он все равно не нашел бы в нем признаков вымершего города, подобно многим другим городам Соединенных штатов. С тех пор как французское население в нем стало почти преобладающим, хотя и не настолько, как китайское (но все же близкое к тому), город Фриско приобрел неизмеримо более модный вид. Кроме того, в этой среде калифорнийцев командор

---

[61] Примечания: 61
Мирадоры— окна с выступами.

встретил бы ярых держателей пари, увлеченных матчем Гиппербона, так как Сан-Франциско является городом спекулянтов, трестов, финансовых конфедераций, синдикатов, скупивших все однородные отрасли индустрии; в них страсть к азартной игре проявляется в самых крайних формах; там состояния создаются и разрушаются какой-нибудь биржевой спекуляцией, подобно ударам игральных костей; там пульс бьется, как бился лет пятьдесят назад, в эпоху золотой лихорадки! И эти смелые калифорнийцы разве не рукоплескали бы идее использовать автомобиль так, как шестой партнер, и разве сам Годж Уррикан, человек с таким норовом, не сделался бы их любимцем, хотя ему и надо было начинать всю партию сызнова и в таких неблагоприятных условиях!

В конце концов, извинением командору Уррикану служит то обстоятельство, что он не мог терять ни одного часа, не говоря уже о том, что по своему характеру ему и в голову не пришло бы отправиться осматривать Калифорнию. Удовлетворить любопытство туриста захотели бы только Макс Реаль и Гарри Кембэл, при условии, если бы у них было на это время. В этом случае разнообразные железнодорожные пути

и многочисленные пароходы перевезли бы их в Марипозу, поблизости с ни с чем не сравнимой Йосемитской долиной, куда стекается такая масса путешественников; в Окленд, расположенный напротив города Фриско, на берегу залива, дамба которого длиной в целое лье скоро достигнет противоположного берега; в пролив Каркинез в Бэнисии, где паровые паромы перевозят целые поезда; в очаровательную Санта-Клару, которая не замедлит слиться с соседним с ней Сан-Хозе; в знаменитую обсерваторию на горе Гамильтон; в испанский Монтерей с его морскими купаньями, славящийся своими тенистыми кипарисовыми рощами, не имеющими себе подобных; в Лос-Анжелос на южном побережье, скорой город штата, с его исключительным климатом, изобилием деревьев — эвкалиптовых, грушевых, апельсиновых, банановых, кофейных, чайных, приносящих плоды круглый год, — с санаторием, очень ценимым американцами Запада. Возможно, наконец, что при особо удачной комбинации железнодорожных расписаний молодой художник и репортер Трибуны смогли бы доехать даже до южной границы штата, где красивый городок Сан-Диего, отличающийся чистым и необыкновенно здоровым воздухом, построенный на

берегу реки, доступной даже для судов большого тоннажа, ждет, чтобы эксплоатация залежей солей борной кислоты сделала из него один из наиболее значительных портов Тихого океана.

Нет! Годж Уррикан ничего не видел и не желал ничего видеть при своем переезде через центральную Калифорнию. Не говорил ли он себе, что для него достаточен, даже слишком, его переезд из Килера в Долину Смерти!

Превосходным экипажем был этот автомобиль, доставленный ему из Сакраменто, новейшей, усовершенствованной системы Адамсона, наиболее распространенной в Америке. Горючим ему служила нефть, и он мог запастись ею на целую неделю. В этих условиях, даже если бы нельзя было возобновить в пути запасов горючего, этот автомобиль все равно мог бы без труда сделать триста миль туда и обратно. Оба путешественника, Годж Уррикан и Тюрк, прекрасно устроились в мягких креслах этого комфортабельного экипажа, а передние места занимали шофер и его помощник, имея у себя под рукой аппараты управления машиной.

На этот раз, против своих привычек, командор оставался сосредоточенным и молчаливым, и Тюрк не мог выудить из него ни единого слова.

Он думал только о конечной цели своего путешествия, загипнотизированный этой шестьдесят третьей клеткой, такой далекой от него в данную минуту, а вначале такой близкой! И дело было вовсе не в той сумме денег, которую ему стоил последний плачевный тираж, включая сюда плату за специальный поезд и плату за автомобиль, не говоря уже о тройном штрафе, о трех тысячах долларов, которые ему надлежало уплатить в Чикаго, прежде чем начинать партию сызнова. Нет! Тут вопрос шел о самолюбии, о чести. Он испытывал стыд, да, стыд, при виде, что его обгоняли все шесть партнеров, а также страх (в этом надо признаться), страх, что ему не достанется наследство Вильяма Гиппербона.

Тем временем автомобиль катился быстро и ровно по дороге, начиная с Килера довольно хорошей, по которой его шофер уже не раз совершал поездки в Долину Смерти. Вскоре путешественники проехали через несколько маленьких местечек, довольно уединенных, находившихся за отрогами горной цепи Сиерра-Невада с ее вершиной Уинэй, возвышающейся на четырнадцать тысяч футов над уровнем моря.

Переехав вброд несколько ручьев, автомобиль повернул на юго-восток, переехал реку Шай-

о-пу-ва-ну и доехал до местечка Индиан-Уэлс, расположенного при выходе из горного прохода Уокер. До сих пор страну эту нельзя было назвать абсолютно пустынной. По дороге встречались фермы, правда, на очень большом расстоянии одна от другой. Встречались фермеры и несколько отрядов индейцев племени мохаук, которому принадлежала когда-то вся эта территория. С видом людей, которых ничто никогда не удивляет, они молча смотрели на этот механический экипаж. Почва здесь не была еще лишена растительности, повсюду виднелись целые «букеты» юкки, гигантские кактусы вышиной до восьми туазов, вся серия древовидных кустарников невадских лесов. Но, в общем, это теперь, конечно, была не та знаменитая территория Калаверас и Марипоза — территория феноменальных деревьев, таких, как Отец леса и Мать леса, исключительных гигантов, высота которых превосходила триста футов. И если бы вместо того, чтобы быть посланным в Долину Смерти, Годжу Урриканну пришлось бы отправиться в Йосемитскую долину, на восток от Сан-Франциско, по направлению к центральной части Сиерра-Невады, или если бы, еще лучше, счастливый случай привел туда Макса Реаля, какие бы воспоминания сохранил

он об этой местности даже после всех чудес Национального парка Вайоминга, об этом втором парке, который находится на высоте двух тысяч туазов, и о всех его природных богатствах с такими красноречивыми названиями, как Каскад Весны, Зеркальное озеро, Королевские Арки, Собор и Колонна Вашингтона, приводившие в восторг тысячи туристов!

Наконец автомобиль достиг пустыни, на границе которой начинается мрачная Долина Смерти. Там царит беспредельное уныние. Там жизнь отсутствует. Эту долину не посещают ни люди, ни звери. Жгучее солнце заливает своими лучами все эти бесконечные равнины. Почти нигде не видно и следа даже самой жалкой растительности. Ни лошади, ни мулы не могли бы найти там себе пропитания, и было как нельзя более кстати, что автомобильный двигатель нуждался только в нефтяных парах, для того чтобы экипаж продвигался вперед. Местами — несколько очень невысоких холмов, окруженных гапаралем, представляющим собой мелкий, жалкий кустарник. После удручающей дневной жары наступали калифорнийские ночи, сухие и холодные, не смягчаемые ни туманами, ни росами.

По этой-то дороге командор Уррикан доехал до

южной окраины гор Телескоп, обрамляющих на западе Долину Смерти.

Было три часа пополудни. Путешествие длилось пятьдесят часов без отдыха, без каких-либо неприятных случайностей.

Эта пустынная, унылая страна с глинистой почвой, местами покрытая налетом минеральных солей, была вполне справедливо названа Страной Смерти. Долина, которой она заканчивается у границы штата Невада, представляет собой не что иное, как один из видов каньона, шириной в девятнадцать миль, длиной в сто двадцать, местами изрытого пропастями, находящимися на тридцать туазов ниже уровня моря. По его краям не произрастает ничего, кроме жидких тополей, тонких, болезненно бледных ив, сухих и ломких юкк с остроконечными ветками, кустиков вонючей белой полыни и целых групп кактусов, известных в Калифорнии под именем «петалин», растений без листьев, с одними только ветками, — настоящие погребальные канделябры, расставленные на этом поле смерти!

Долина Смерти, как пишет Элизе Реклю, в давние времена, в одну из отдаленнейших геологических эпох, представляла собой русло реки, которая в настоящее время теряется в водах Со-

да-Лейк, русло, по которому теперь протекает только ручей Амаргоза. Отлогости ее покрыты иглами каменной соли, бура накапливается в ее впадинах, и изредка дюны прибавляют свою песчаную пыль к воздушным течениям, которые порой мчатся здесь с невероятной быстротой.

Да! Долина Смерти была хорошо выбрана эксцентричным завещателем, для того чтобы послать туда несчастного партнера, остановившегося в своем стремительном продвижении к пятьдесят восьмой клетке!

Командор Уррикан добрался наконец до цели своего трудного путешествия. Он сделал остановку у подножия Погребальных гор, названных так в память караванов, погибших в этих песчаных местах. Здесь он из предосторожности написал бумажку, удостоверяющую его присутствие в Долине Смерти 3 июня; документ этот он спрятал под один из больших камней, после того как его подписали Тюрк и оба шофера автомобиля.

Командор спрятал документ под один из больших камней.

Годж Уррикан пробыл не более часа на пороге Долины Смерти. Он спешил покинуть эту мрачную страну, чтобы скорее вернуться в Килер. И, впервые за эти долгие часы раздвинув губы, он произнес одно только слово:

— Едем!

Автомобиль помчался в обратный путь все при той же благоприятствовавшей ему погоде через верхнюю часть пустыни Могава, спустился по горным проходам Невады и 5 июня в одиннадцать часов утра благополучно достиг станции Килер.

Тремя словами, но словами очень энергичными командор Уррикан поблагодарил шофера и его помощника, которые проявили столько усердия и искусства, выполнив столь утомительную задачу, и, повернувшись к Тюрку:

— Едем! — сказал он.

Специальный поезд стоял уже у платформы, ожидая его возвращения. Командор Годж Уррикан подошел к машинисту.

— Едем! — повторил он.

Раздался свисток, паровоз дернул и помчался

вперед, развивая максимальную скорость. Через семь часов он остановился в Рено.

Центральная Тихоокеанская железная дорога проявила себя в этом случае как нельзя более аккуратной; впрочем, связанный своим твердым расписанием, поезд не мог бы ни уменьшить, ни ускорить своего хода. Он пересек Скалистые горы, штата Вайоминг, Небраска, Айова, Иллинойс и прибыл в Чикаго 8 июня в девять часов тридцать семь минут утра.

Какой радушный прием оказали командору Урриканy все те, кто остался, несмотря ни на что, ему верным! Разумеется, это его путешествие, требование вернуться, и начать партию сызнова свидетельствовали о его исключительной неудачливости. Но, повидимому, счастливая звезда теперь снова зажглась над оранжевым флагом при первом же новом метании костей, имевшем место в самый день возвращения командора в Чикаго.

Девять очков, из шести и трех, — уже в третий раз, — выбрасывали кости за время мачта Гиппербона: в первый раз для Лисси Вэг, во второй — для неизвестного X. K. Z. и в третий — для командора.

И, после того как он был отослан сначала во

Флориду, а потом в Калифорнию, Годжу Уррикану надо было сделать теперь только один шаг, чтобы достигнуть двадцать шестой клетки, или штата Висконсин, который граничит со штатом Иллинойс и который не был еще занят ни одним из его партнеров. Ставка на него повысилась во всех агентствах, и он сравнялся с Томом Краббом и Максом Реалем.

ГЛАВА VII
ДОМА, НА САУТ-ХОЛСТЕД-СТРИТ

А 1 июня входная дверь одного из домов на улице Саут-Холстед-стрит, № 3997, в Чикаго, отворилась в восемь часов утра, чтобы пропустить молодого человека. Он нес на спине ящик с кистями, красками и холстом, сопровождаемый молодым негром с чемоданом в руках.

Велико было удивление и радость миссис Реаль, когда ее сын вошел к ней в комнату и она сжала его в своих объятиях!

— Ты, Макс? Каким образом? Это ты?..

— Собственной персоной, мама!

— И ты здесь, в Чикаго, вместо того чтобы быть…

— В Ричмонде?.. — воскликнул Макс Реаль.

— Да… в Ричмонде!

— Успокойся, мамочка! Попасть в Ричмонд я успею, а так как Чикаго оказался у меня на дороге, то, мне кажется, я имею полное право остановиться здесь на несколько дней и провести их с тобой.

— Но, дитя мое, ты рискуешь опоздать…

— Во всяком случае, я успею тебя обнять, ма-

мочка! Подумай только, ведь я не видел тебя больше двух недель!

— О Макс, как мне хочется, чтобы эта партия поскорей закончилась!

— А мне-то!

— Но с тем, чтобы ты выиграл, разумеется!

— Не беспокойся! Мне кажется, что я уже держу в руках ключ от железного сундука этого почтенного Гиппербона, — ответил со смехом Макс Реаль.

— Во всяком случае, я очень счастлива, что вижу тебя, милый мой сын, очень счастлива!

Макс Реаль. находился в Шайенне, штат Вайоминг, когда 29 мая, возвратившись с прогулки в Национальный парк Йеллоустон, он получил телеграмму, извещавшую его о результате третьего тиража, произведенного в его пользу: восемь очков, из пяти и трех. А так как восьмая клетка после двадцать восьмой, в которой находился штат Вайоминг, была отнесена к штату Иллинойс, то потребовалось удвоить эти восемь очков, и полученные шестнадцать очков направили молодого художника в сорок четвертую клетку, штат Виргиния, в Ричмонд-Сити.

Между городами Чикаго и Ричмондом проложена целая сеть железных дорог, позволяющих

проезжать в одни сутки расстояние, разделяющее эти два города, а так как у Макса Реаля было впереди еще целых две недели, от 29 мая по 12 июня, то он мог распорядиться этим временем по своему усмотрению, и недельный отдых в доме матери казался ему вполне заслуженным.

Выехав из Шайенна после полудня, он через сорок восемь часов был уже в Омахе, а на следующее утро — в Чикаго, здоровый, бодрый, так же как и его спутник Томми, все еще продолжавший чувствовать себя смущенным в роли свободного гражданина свободной Америки, похожий в этом отношении на человека, которого стесняет надетый на него чересчур широкий, сшитый не по его росту костюм.

За время своего пребывания в Чикаго Макс Реаль решил кончить два своих эскиза, набросанных дорогой, один — вид на реку Канзас, неподалеку от Форта Рилей, другой — на водопады Файр-Хол в Национальном парке. Он не сомневался, что сможет продать обе картины за хорошую цену. Это помогло бы ему выйти из затруднения, если бы за время его переездов судьба приговорила его к уплате нескольких штрафов.

Госпожа Реаль, счастливая, что могла провести с своим сыном несколько дней, согласилась, ко-

нечно, со всеми этими доводами.

И они принялись оживленно болтать, передавая друг другу все, что произошло за эти две недели, позавтракали вдвоем, и этот завтрак вознаградил молодого художника за те, которые он получал в Канзасе и Вайоминге. Хотя за это время Макс несколько раз писал своей матери, он теперь снова должен был посвятить ее во все подробности своего путешествия, начиная с самого дня отъезда, рассказывая подробно обо всем и между прочим о случае с табуном диких лошадей, бродящих свободно по равнинам Канзаса, и о своей встрече с четой Титбюри в Шайенне. В свою очередь, мать сообщила ему о неудачах, постигших эту чету в городе Кале, штат Мэн, и о том, как на основании закона, касающегося спиртных напитков, мистер Титбюри был приговорен к денежному взысканию.

— Ну, а в каком положении находится сейчас партия? — опросил Макс Реаль.

Чтобы лучше ему все объяснить, госпожа Реаль привела его в свою комнату и указала на разложенную на столе карту с приколотыми к ней маленькими разноцветными флажками.

Миссис Реаль указала на разложенную на столе карту с приколотыми к ней маленькими разноцветными флажками.

Во время своих странствований Макс Реаль мало интересовался своими партнерами, редко заглядывая в газеты, получаемые в гостиницах и на вокзалах, но ему достаточно было взглянуть на эту карту, чтобы, зная цвет каждого из семи участников, он оказался в курсе всех событий. Что касается его матери, то она с самого начала внимательно следила за всеми перипетиями матча Гиппербона.

— Прежде всего, — сказал он, — объясни мне, чей этот синий флажок, который сейчас впереди всех.

— Тома Крабба. Вчерашний тираж посылает его в сорок седьмую клетку, штат Пенсильвания.

— Эге! Вот что должно радовать его тренера Джона Мильнера! Что же касается этого глупого боксера, этого «фабриканта кулачных ударов», то я так же не верю в то, что он что-нибудь во всем этом смыслит, как и в то, что желтая краска на моей палитре может превратиться в малиновую. Ну, а этот красный флажок?

— Это флаг X. K. Z., развевающийся в сорок ше-

стой клетке, округ Колумбия.

Действительно, благодаря выброшенным и удвоенным десяти очкам, составившим, таким образом, двадцать, «Человек в маске» перескочил сразу через двадцать клеток, из Милуоки, штат Висконсин, в Вашингтон, столицу Соединенных штатов Америки. Переезд очень быстрый и легкий в этой части территории благодаря необыкновенно густой сети железных дорог.

— И никто не подозревает, кто он такой, этот неизвестный? — спросил Макс Реаль.

— Абсолютно никто ничего не знает.

— Я уверен, мама, что он пользуется успехом во всех агентствах и что за него очень многие держат пари.

— Да, очень многие верят в его удачу, и мне самой он внушает некоторый страх.

— Вот что значит быть таинственной личностью! — заметил Макс Реаль.

Действительно, никто не мог бы ответить на вопрос, находился ли в данное время этот X. K. Z. в Чикаго или же ехал в округ Колумбия. А между тем Вашингтон, если он и является только административным центром, не имеющим ни своей промышленности, ни своей торговли, заслуживает того, чтобы путешественники пожертвовали

на его осмотр несколько дней.

Расположенная в очень интересной местности, при слиянии рек Потомака и Анакостии, поблизости от океана, с которым ее соединяет бухта Чезапик, эта столица обладает населением — даже в периоды, когда там не заседает Конгресс, — не менее чем в двести пятьдесят тысяч. Пусть этот федеральный округ не очень обширен, занимая последнее место среди штатов Американской республики, все равно этот город вполне оправдывает свое высокое назначение. Возникший из немногих больших зданий, построенных на земле племен тускароров и монаканов, он теперь очень расширился, присоединив к своей площади несколько смежных поселений.

Седьмой партнер, если он никогда еще там не бывал, мог полюбоваться его Капитолием прекрасной архитектуры, стоящим на вершине холма, склоны которого доходят до реки Потомака, великолепными зданиями сената, палаты депутатов и зданием Конгресса, где заседает национальное правительство. На железном куполе этого здания красуется статуя Америки; оно окружено галлереей с двойной колоннадой, с барельефами и статуями.

Если он не видел еще памятника Вашингто-

ну, этого мраморного обелиска вышиной в сто пятьдесят семь футов, то он увидит его теперь среди густой зелени садов, окаймляющих реку Потомак.

Если он незнаком еще с Управлением почт, то не замедлит, конечно, найти это здание из белого мрамора античного стиля, самое красивое в этом роскошном городе.

И сколько приятных и поучительных часов можно провести в богатых галлереях естественной истории и этнографии знаменитого Смитсонианского института, находящегося в Патент-Оффис, а также в музеях, изобилующих статуями, картинами, бронзой, и, наконец, в Арсенале, где возвышается колонна в честь американских моряков, погибших в бою под Алжиром, колонна, на которой можно прочесть дышащую местью надпись: «Замученные англичанами!»

Эта столица Соединенных штатов, обильно орошаемая водами Потомака, отличается очень хорошим климатом. Ее улицы, тянущиеся на протяжении пятидесяти лье, ее сады, ее парки насчитывают более шестидесяти тысяч тенистых деревьев, как, например, парк, окружающий дом Инвалидов, университет Хауварда, Дройт-Парк

и, наконец, парк Национального кладбища, в котором мавзолей Вильяма Гиппербона нашел бы себе не менее удобное место, чем в парке Оксвудс в Никаго.

Наконец, если X. K. Z. захотел бы посвятить большую часть времени этой столице Союза, то он не уехал бы из нее, не совершив патриотического паломничества в Маунт-Вернон, находящийся в четырех лье от города, где одно женское общество содержит дом, в котором Вашингтон провел часть своей жизни и где он умер в 1799 году.

В конце концов, если этот седьмой партнер и находился уже в столице Союза, о его пребывании там не было еще сообщено ни в одной газете.

— А кому же принадлежит этот желтый флажок? — спросил Макс Реаль, указывая на тот, который был приколот в середине тридцать пятой клетки.

— Это флаг Лисси Вэг, дитя мое.

Да, этот флаг все еще развевался в клетке Кентукки, так как в этот день, 1 июня, не был еще произведен тот несчастный тираж, который отослал Лисси Вэг в «тюрьму», штат Миссури.

— Что за очаровательная молодая девушка! — воскликнул Макс Реаль. — Я так и вижу ее смущенной, краснеющей, какой она была во

время пышных похорон Вильяма Дж. Гиппербона, а позднее — на эстраде Аудиториума! И если бы я встретился с ней в дороге, то непременно высказал бы ей мои пожелания полного успеха!

— А что же ты скажешь по поводу своего собственного успеха, Макс?

— Я надеюсь также и на мой, мама! Что, если бы мы оба выиграли партию? Мы могли бы ее поделить… Что? Разве это было бы нехорошо?

— Но разве же это возможно?

— Нет, это невозможно, но в жизни случаются такие изумительные вещи!

— Знаешь, Макс, ведь очень долго думали, что Лисси Вэг не будет в состоянии ехать…

— Знаю, бедняжка была больна, и нашлись люди из числа участников партии, которые этому очень обрадовались. Но только не я, мама! К счастью, с ней была ее подруга, которая прекрасно за ней ухаживала и поставила ее на ноги. Это Джовита Фолей… в своем роде не менее решительная, чем командор Уррикан. А когда же назначен следующий тираж для Лисси Вэг?

— Через пять дней, шестого июня.

— Будем надеяться, что моя красивая партнерша сумеет избежать все опасности пути: «лабиринт», штат Небраска, «тюрьму», штат Мис-

сури, и «Долину Смерти», штат Калифорния!.. От всей души желаю ей успеха!..

— Очевидно, Макс Реаль думал порой о Лисси Вэг. Может быть, даже часто. «Кажется, даже слишком часто», подумала в эту минуту госпожа Реаль, немного удивленная той горячностью, с которой говорил о Лисси Вэг ее сын.

— А ты не спрашиваешь, кому принадлежит зеленый флажок? — спросила она.

— Тот, который развевается над двадцать второй клеткой, мамочка?

— Да. Это флажок мистера Кембэла.

— Симпатичный, славный малый этот журналист, — заявил Макс Реаль. — Как мне говорили, он пользуется случаем осмотреть страну.

— Да, так оно и есть, и *Трибуна* почти ежедневно печатает получаемые от него заметки.

— В таком случае, ее читатели должны быть очень довольны, и если ему придется побывать на окраине штатов Орегон или Вашингтон, то он расскажет им любопытные вещи.

— Но ведь он очень запоздал…

— Это не имеет значения в нашей игре, — ответил Макс Реаль. — Один счастливый удар может поставить вас впереди всех.

— Да, ты совершенно прав, конечно.

А скажи, чей же флажок так грустно повис над четвертой клеткой?

— Германа Титбюри.

— О, отвратительное существо! — воскликнул Макс Реаль. — Воображаю, как он взбешен, что он позади всех! Да еще насколько!

— Он жалок, Макс, правда, жалок, так как он сделал всего только четыре шага за два метания костей и, попав на окраину штата Мэн, был вынужден вернуться в штат Юта!

В этот день, 1 июня, не было еще известно, что чета Титбюри была ограблена по приезде в Грэйт-Солт-Лейк-Сити.

— Ну, что касается меня, то я не стал бы его жалеть, — объявил Макс Реаль. — Нет, эта чета скаредов меня совершенно не интересует, и я только сожалею, что ему не пришлось заплатить какого-нибудь очень большого штрафа.

— Не забудь, что он уже уплатил большую сумму там, в Кале, — сказала госпожа Реаль.

— Тем лучше! Он это заслужил, этот обиратель честных людей! Единственно, что я ему желаю, это при следующем тираже получить минимум очков — один и один... По крайней мере, это отправило бы его к Ниагарскому водопаду, и переход через мост обошелся бы ему в тысячу

долларов!

— Ты очень жесток к этим Титбюри, Макс.

— Омерзительнейшие люди, мама, которые разбогатели ростовщичеством и не заслуживают никакого сожаления! Нехватало бы только, чтобы судьба сделала его наследником этого щедрого Гиппербона.

— Все возможно, — ответила госпожа Реаль.

— Но скажи, почему я не вижу здесь флажка знаменитого Годжа Уррикана?

— Оранжевого флажка?.. Нет, он нигде не развевается с тех пор, как несчастный тираж отправил командора в Долину Смерти, откуда он должен вернуться в Чикаго, с тем чтобы начать свою партию сызнова.

— Тяжело, конечно, морскому офицеру опускать свой флаг! — воскликнул Макс Реаль. — Воображаю, какое это вызвало в нем бешенство и как задрожал весь его корпус, начиная с киля вплоть до самых верхушек мачт!

— Очень вероятно, Макс.

— А этот X. К. Z.? Когда будет произведен тираж для него?

— Через восемь дней.

— Нужно сознаться, что это очень странная фантазия покойного — скрыть имя последнего

участника партии.

Теперь Макс Реаль был вполне уже в курсе создавшегося положения. После последнего тиража, который посылал его в штат Виргиния, он знал, что занимал третье место, так как его обогнали Том Крабб, бывший теперь впереди всех, и X. K. Z.

В сущности, все это его очень мало беспокоило, что бы ни думали по этому поводу госпожа Реаль и даже Томми. Вот почему время, которое у него оставалось в Чикаго, он спокойно проводил в своей мастерской, где закончил оба пейзажа. Ценность их должна была для какого-нибудь любителя-американца увеличиться, принимая во внимание условия, в которых они были написаны.

Таким образом, все время перед своим отъездом Макс Реаль не думал ни о матче, ни о тех, кого этот матч заставлял спешно переезжать из одного штата в другой. Лично он принимал участие в этой партии только для того, чтобы не огорчать своей матери, относясь к этой истории так же равнодушно, как и Лисси Вэг, которая, в свою очередь, согласилась в ней участвовать только для того, чтобы не огорчить Джовиту Фолей.

Тем не менее во время своего пребывания в

Чикаго Макс, конечно, был в курсе всех трех тиражей, имевших место в Аудиториуме. 2-го числа состоялся тираж, крайне неудачный для Германа Титбюри, заставивший его отправиться в девятнадцатую клетку, штат Луизиана, где он попал в «гостиницу» и должен был оставаться в ней в течение двух следующих тиражей. Что касается четвертого тиража, то Гарри Кембэл остался им очень доволен: хотя он и не отсылал его далее тридцать третьей клетки, штат Северная Дакота, но это путешествие обещало Гарри много нового и интересного.

Наконец, 6 июня в восемь часов утра нотариус Торнброк приступил к тиражу для Лисси Вэг, и Макс Реаль, который живо интересовался судьбой молодой девушки, отправился в зал Аудиториума и вернулся оттуда крайне подавленный.

Из тридцать восьмой клетки, штат Кентукки, Лисси Вэг четырнадцатью очками, составленными из семи и семи, была отослана в пятьдесят вторую клетку, и там, в штате Миссури, несчастной партнерше надлежало оставаться вплоть до того дня, пока какой-нибудь другой партнер явится занять ее место.

Последние три тиража произвели, конечно, большое впечатление на всех биржах в мире

игроков, и спрос на Тома Крабба и Макса Реаля сразу возрос. Несомненно, что судьба им обоим покровительствовала, и было только трудно решить, который из двух окажется наиболее ею любимым.

Как грустно стало Максу Реалю, когда, вернувшись домой к матери, он застал ее прикалывающей желтый флаг к клетке штата Миссури, превращенного по воле эксцентричного покойного в «тюрьму», в которую судьба направила Лисси Вэг. Этот случай глубоко опечалил молодого художника, и он этого не скрывал. Клетки «тюрьма» и «колодец» были самыми ужасными из всех существовавших в этой игре. Более даже ужасными, чем клетка «Долина Смерти», куда попал Годж Уррикан! По крайней мере, если командору и угрожало запоздание, то он все же мог продолжать борьбу, а кто знал, не закончится ли партия раньше, чем «заключенная» будет освобождена из тюрьмы!

Как бы то ни было, на следующий день, 7 июня, Макс Реаль должен был покинуть Чикаго, и его мать, прощаясь с ним, взяла с него обещание, что он не будет задерживаться в дороге.

— Только бы телеграмма, которую ты получишь в Ричмонде, не отослала тебя куда-нибудь

на край света, мой дорогой мальчик!

— Но оттуда ведь тоже возвращаются, мама, — ответил Макс, — тогда как из «тюрьмы»... В конце концов, ты должна сознаться, что все это очень дико! Чувствовать себя какой-то беговой лошадью, которой грозит отстать на полкруга!.. Да! Ужасно нелепо!

— Да нет, дитя мое, вовсе нет! Поезжай и не опаздывай... И да хранит тебя бог!

Эту фразу милейшая женщина произнесла совершенно серьезно в порыве искреннего волнения.

Само собой разумеется, что во время пребывания Макса Реаля в Чикаго он с большим трудом избегал посещений биржевых маклеров, газетных репортеров и держателей пари, которые осаждали дом на Саут-Холстед-стрит. И что в этом удивительного? Ведь его ставили теперь наряду с Томом Краббом. Какая честь!.. Макс Реаль дал слово своей матери направиться в штат Виргиния самым прямым путем. Но раз он обещал быть в Ричмонде 12-го утром, то кто стал бы упрекать его за то, что в своем маршруте он предпочел слегка ломаную линию прямой? Во всяком случае, он твердо решил не переходить за границу тех штатов, через которые ему предсто-

яло переезжать, — Иллинойс, Огайо, Мериленд и Западная Виргиния, откуда он попадал в столицу штата Виргиния, Ричмонд.

Вот, между прочим, письмо, которое получила госпожа Реаль, письмо, помеченное 11 июня, через четыре дня после отъезда Макса, из которого она узнала подробности о его путешествии. Помимо более или менее подробных описаний проезжаемых местностей, осматриваемых им городов и разных встреч, она нашла в этом письме отступления и замечания, которые заставили госпожу Реаль задуматься и причинили ей некоторую тревогу относительно душевного состояния ее сына.

«Ричмонд, 11 июня, Виргиния.

Милая и добрая мама! Вот я и у цели — если не той великой глупости, называемой нашей знаменитой партией, то, во всяком случае, той, которую навязал мне третий тираж. После Форта Рилей, штат Канзас, после Шайенна, штат Вайоминг, я в Ричмонде, штат Виргиния! Не волнуйся, пожалуйста, о судьбе самого дорогого для тебя существа на свете, которому и ты также дороже всего. Он на своем посту и

вполне здоров.

Хотелось бы мне иметь возможность сказать то же самое и о бедной Лисси Вэг, которую ждет «тюрьма» в этом громадном городе штата Миссури! Я не скрою от тебя, дорогая мама, что хотя я и должен был бы видеть в ней только соперницу, но эта соперница так очаровательна, так интересна, что я глубоко удручен постигшей ее участью! Чем больше я думаю об этом несчастном числе четырнадцать, составленном из удвоенной семерки, тем мне становится грустнее, тем больше я сожалею, что желтый флажок, так бодро развевавшийся до сих пор на карте, теперь печально повис на стене мрачной «тюрьмы»!.. И до каких пор он там останется?..

Итак, я выехал из Чикаго 7 июня утром. Железная дорога тянется вдоль южного берега Мичигана, откуда открываются красивые виды на озеро. Между нами говоря, я немножко знаю это наше озеро, так же как и ближайшие к нему окрестности. Вообще в этой части Соединенных штатов, так же как и в Канаде, вполне

естественно чувствовать себя немного пресыщенным этими озерами, их голубыми дремлющими водами, которые, однако, не всегда голубые и далеко не всегда дремлют! У нас их столько, что мы могли бы их продавать, и я не знаю, почему Франции, которая не богата озерными пространствами, не купить себе одного из них на выбор, подобно тому как в 1803 году мы купили у нее Луизиану.

Но я все же смотрел направо и налево через отверстие моей палитры, в то время как Томми спал, как сурок.

Будь спокойна, мамочка, я не разбудил твоего негритенка! Может быть, он видит во сне, что я выиграл достаточное количество миллионов долларов, чтобы вернуть его к самому жестокому рабству. Не будем же мешать его «счастью»!

Часть своего путешествия я делаю по той дороге, по которой ехал Гарри Кембэл, когда переезжал из Иллинойса в Нью-Йорк и из Чикаго на Ниагару. Но, приехав в Кливленд-Сити, штат Огайо, я переменил направление и повернул к юго-востоку. Железнодорожными путями

здесь покрыта сплошь вся территория. Пешеходу негде ногой ступить!

Не требуй от меня, милая мама, точных указаний часов прихода и отхода поездов во время путешествия. Тебя это, наверное, не может интересовать. Я сообщу тебе только о тех городах, которые наш паровоз будет окутывать облаками пара. О, далеко не о всех, конечно! Здесь столько же промышленных пунктов, сколько ячеек в каком-нибудь улье. Только о самых главных.

Из Кливленда я отправился в Уоррен, важный центр штата Огайо, такой богатый нефтяными источниками, что его и слепой всегда узнает, если у него есть нос, — так силен этот омерзительный запах. Получается такое впечатление, что достаточно чиркнуть спичкой, чтобы вспыхнул весь окружающий воздух. И что за страна! На всех равнинах, сколько ни охватит взор, вы ничего не видите, кроме нефтяных вышек! И то же самое по склонам холмов и по берегам ручьев — повсюду одни только колоссальные лампы, вышиной от пятнадцати до два-

дцати футов! Нехватает только фитиля!

Вы ничего там не видите, кроме нефтяных вышек.

Да, мамочка, эту страну не сравнить ни с нашими поэтическими лугами Дальнего Запада, ни с дикими долинами штата Вайоминг, ни с отдаленными очертаниями Скалистых гор, ни с глубокими горизонтами озер и океанов! Красоты промышленности — это хорошо, красоты художественные — это лучше, красоты же природы несравненны.

Между нами, дорогая мама, я тебе признаюсь, что если бы мне посчастливилось при последнем тираже, — «посчастливилось» в смысле свободного выбора той или другой страны, разумеется, — то я хотел бы, чтобы ты поехала вместе со мной. Да, госпожа Реаль, на Дальний Запад, например. Это не значит, что не было интересных городов и в цепи Аллеганских гор, которую я переехал. Но Монтана, Колорадо, Калифорния, Орегон, даю тебе слово художника, ни с чем не могут сравниться!

Да… мы путешествовали бы вместе, и

если бы повстречались дорогой с Лисси Вэг, кто знает... дело случая... ты с ней тогда познакомилась бы. Правда, она теперь в «тюрьме» или, во всяком случае, на пути туда, бедняжка! О, если бы при следующем тираже какой-нибудь Титбюри, или Крабб, или Уррикан явились занять ее место!.. Представляешь ли ты нашего страшного командора, попадающего после стольких испытаний в пятьдесят вторую клетку! Он был бы способен предоставить Тюрка своим хищническим инстинктам тигра!.. В конце концов, милая мама, Лисси Вэг могла бы быть отослана, хотя и это было бы очень печально, в «гостиницу», в «лабиринт»... Но «колодец», этот ужасный «колодец»... «тюрьма», страшная «тюрьма»!.. Все это возможно только для представителей сильного пола!.. Несомненно, в этот день судьба забыла о вежливости!

Но не будем чересчур уклоняться от главной цели нашего путешествия. После Уоррена, следуя вдоль Ринг-Ривер и переехав границу штата Огайо, мы попали в штат Пенсильвания, в город Питтсбург

на реке Огайо, а затем в соседний с ним город Аллегани, Железный город или Дымный город, как его называют, и это несмотря на несметное количество подземных труб, тянущихся на протяжении нескольких тысяч миль, через которые проходят все эти природные газы. И до чего же там грязно!.. В несколько минут ваши руки и лицо становятся совсем черными, как у негра!.. О, мои светлые и чистые города Канзаса!

Я оставил на моем окне немного воды в стакане, и наутро она превратилась в чернила! Сейчас пишу тебе этой именно химической смесью, мамочка!

Я прочел недавно в одном журнале, что тираж в пользу Уррикана 8-го числа отсылает нашего вечно бушующего командора в штат Висконсин. К несчастью, при следующем тираже если он и получит двенадцать очков, даже дублируя их, он все равно не попадет в пятьдесят вторую клетку, где страдает молодая заключенная…

Итак, я продолжал спускаться на юго-восток. Многочисленные станции мель-

кали по обеим сторонам железнодорожного пути — города, их предместья, села, и во всех этих пунктах ни единого кусочка природы, не тронутого рукой человека! Правда, что в нашем Иллинойсе и в Канаде можно встретить такую же картину. Настанет день, когда деревья будут из металла, луга — из войлока, а морские побережья — из металлических опилок!.. Это «прогресс».

Тем не менее я провел несколько приятных часов, бродя вдоль хребта Аллеганских гор. Эта горная цепь очень живописна, капризна, местами дика и покрыта, точно щетиной, темными рощами хвойных деревьев. Крутые склоны, глубокие ущелья, извилистые долины, бурные потоки, которых промышленность еще не заставила работать, текут на полной свободе, образуя шумные водопады.

Потом мы проехали маленький уголок штата Мериленд, который орошается верхним течением Потомака, и достигли Кемберленда, города, имеющего более важное значение, чем столица штата, скромный Аннаполис, не представляю-

щий собой ничего по сравнению со все расширяющейся надменной Балтиморой, где сосредоточена вся торговая жизнь этого штата. Природа здесь нетронута и привлекательна, так как этот район более земледельческий, чем фабричный. Почва ее богата железом и каменным углем, и достаточно нескольких ударов заступом, чтобы добраться до чернозема.

Вот мы уже и в Западной Виргинии, откуда, — можешь быть спокойна, мамочка, — недалеко до самой Виргинии. Я был бы уже там, если бы в силу острого разногласия политических взглядов, касающихся рабства, этот штат во время войны Северных штатов с Южными не разделился на две самостоятельные части. Да! В то время как в восточной его части крепли античеловеческие доктрины рабства (Томми спит и не слышит!), запад, наоборот, откалывался от южан[62], для того чтобы встать под федеральное знамя.

---

[62] Примечания: 62

Южане — сторонники рабства, представители Южных штатов в войне между Севером и Югом, сторонники независимости государств, входивших в состав Соединенных штатов.

Весь этот район холмист, можно даже сказать — горист, и в своей восточной части испещрен отрогами Аппалачских гор. Здесь встречаются и земледельческие районы и многочисленные копи — железные, каменноугольные, а также соляные, причем их такое изобилие, что этой соли хватило бы для всего Союза в течение многих веков!

Я остановился на один день в Мартинсбург-Сити, самом важном городе штата на Атлантическом побережье, с единственной целью совершить одно паломничество. Я говорю о Джоне Брауне, дорогая мамочка, о Джоне Брауне, который первый поднял знамя борьбы с рабством в самом начале войны Южных штатов с Северными. Плантаторы штата Виргиния относились к нему как к дикому зверю. У него было не больше двенадцати единомышленников, и он решил с их помощью захватить арсенал Гарпер-Ферри. Так называется небольшой городок на склоне одного из холмов между рекой Потомаком и Шенандо, очаровательнейший городок, получивший

особенно громкую известность благодаря ужасным сценам, которые там имели место.

Именно там в 1859 году скрывался героический защитник великого и святого дела. Отряды милиции его атаковали, и после проявленных им чудес храбрости, тяжело раненный, он был взят и привезен в соседний городок Чарлстон, где и был приговорен к виселице.

2 декабря 1859 года приговор был приведен в исполнение, но виселица не унизила его, и славная память о Джоне Брауне сохранится во все века. Этому мученику свободы и человеческой эмансипации я решил отдать свою дань поклонения.

Итак, я уже в Виргинии, мама, в этом штате, рабовладельческом по преимуществу, служившем главным театром войны между Северными и Южными штатами. Словами географов могу тебе сказать, если это тебя интересует, что он занимает третье место в Союзе по размерам своей территории, что он разделен на сто девятнадцать графств, что, несмотря

на ампутацию, которой он был подвергнут в своей западной части, он все еще остается одним из самых мощных штатов Североамериканской республики, что число оленей и опоссумов в его лесах все уменьшается, что журавли, куропатки и ястребы еще встречаются на этой территории, где прекрасно родятся пшеница, маис, ячмень, овес, сарацинское пшено и в особенности хлопок, что я искренне приветствую, так как ношу бумажные рубашки; там процветает и табак, к чему я совершенно равнодушен, так как не курю.

Что касается Ричмонда, это очень красивый город, бывшая столица сепаратистской[63] Америки, ключ штата Виргиния, город, который федеральное правительство в конце концов запрятало в свой карман. Он лежит в долине с семью холмами, расположенными вдоль реки Джемс, а на другом берегу этой реки находится Манчестер, с которым Ричмонд образует как бы двойной город, подобно

[63] Примечания: 63
Сепаратизм — стремление к отделению, обособлению.

многим другим двойным городам Соединенных штатов, по примеру некоторых двойных звезд. Повторяю, что этот город стоит посмотреть: в нем красивый Капитолий, напоминающий греческий храм, которому нехватает только солнца Аттики и горизонтов Акрополя, как и Парфенону Эдинбурга. Но, по-моему, в нем слишком много фабрик и заводов, одних табачных фабрик не менее сотни. Есть также квартал, в котором живут представители высшего общества, а именно квартал Леонарда Хейта, где красуется статуя генерала Ли, генерала южан, и он, безусловно, заслужил эту честь, если не за то дело, которое защищал, то, по крайней мере, за свои личные качества.

Теперь, мамочка, скажу тебе, что других городов в этом штате я не осматривал, тем более что все они, как и большинство американских городов, похожи один на другой. Я ничего не скажу ни о Питерсберге, который был опорным пунктом сепаратистов на юге, подобно тому как Ричмонд защищал их на севере, ни об Йорктауне, где восемьдесят лет тому

назад война за независимость закончилась капитуляцией лорда Корнваллиса. Умалчиваю также и о Линчберге, представляющем собой в настоящее время фабричный город исключительной важности, в котором когда-то укрывались армии воюющих штатов и откуда им пришлось отступить к Аппалачским горам, что и привело к окончанию войны 9 апреля 1865 года. Я нарочно не останавливаюсь на Норфолке, Роаноке, Александрии и других многочисленных водолечебных пунктах штата. Все, что я могу еще добавить, это — что две пятых населения Виргинии обладают исключительно красивым цветом кожи и что неподалеку от маленького городка Люрэ находятся подземные пещеры, которые, может быть, еще красивее, чем Мамонтовы пещеры штата Кентукки.

По этому поводу мне Приходит в голову, что именно там бедная Лисси Вэг узнала о несправедливом приговоре судьбы, отправившем ее в штат Миссури, и я спрашиваю себя, как сможет она уплатить тройной штраф — три тысячи долларов…

Это меня искренне огорчает… да… и ты должна это понять…

Я только что прочел в газетах о результате тиража 10 июня. Пять очков, составленные из двух и трех, отсылают нашего знаменитого незнакомца X. K. Z. в штат Миннесота. Из сорок шестой клетки он перескакивает сразу в пятьдесят первую и сейчас впереди всех!.. Но кто же он, наконец, этот человек, чорт возьми? Он мне кажется совершенно исключительным удачником, и я далеко не уверен, что мне удастся его перегнать!..

На этом, дорогая мама, я кончаю свое длинное письмо, которое может представлять для тебя интерес только потому, что его писал твой сын, и от всего сердца обнимаю тебя, подписываясь тем именем, которое сейчас является именем одной из беговых лошадей, состязающихся на ипподроме Вильяма Гиппербона.

Макс Реаль».

ГЛАВА VIII
УДАР ДОСТОЧТИМОГО ХЮНТЕРА

Кто, казалось бы, менее всех других имел основание очутиться в сорок седьмой клетке, штат Пенсильвания, в главном его городе Филадельфии, самом важном во всем Союзе после Чикаго и Нью-Йорка, так это именно Том Крабб, типичное животное по своей природе и боксер по профессии.

Но «судьба постоянно делает подобного рода ошибки», говорит народная пословица, и потому вместо Макса Реаля, Гарри Кембэла и Лисси Вэг, способных оценить все великолепие данной метрополии, туда было направлено это глупое существо вместе с его тренером Джоном Мильнером. Покойный член Клуба Чудаков этого, конечно, не мог предвидеть.

Игральные кости начали действовать с самого утра 31 мая. Известие о том, что выброшено двенадцать очков, из шести и шести, быстро распространилось по телеграфу, соединяющему Чикаго с Цинциннати. Вот почему второй партнер принял все меры к тому, чтобы немедленно покинуть древний Поркополис.

— Да! Поркополис! — воскликнул, уезжая оттуда, Джон Мильнер, и в голосе его прозвучало глубокое презрение. — Как, в тот день, когда знаменитый Том Крабб почтил этот город своим присутствием, все его население устремилось на отвратительный конкурс скота! Внимание всей публики было сосредоточено на выставленной свинье, и ни одного «ура» не раздалось на вокзале в честь чемпиона Нового Света!.. Ну, только бы положить в карман толстый портфель Гиппербона, и я сумею за это отомстить!

В чем именно должна была заключаться эта месть, Джон Мильнер затруднился бы объяснить. К тому же прежде всего надо было постараться выиграть партию. Вот почему Том Крабб, согласно указаниям, присланным по телеграфу в это утро, в тот же день сел на поезд, отправлявшийся в Филадельфию.

Этот путь он имел время проделать не меньше десяти раз, так как штаты Огайо и Пенсильвания соприкасаются. Едва вы переехали восточную границу одного, как уже очутились на территории другого. Два главных города разделены расстоянием, меньшим чем шестьсот миль, и существует несколько железнодорожных путей, которыми могут пользоваться путешественники.

Всего двадцать часов требуется, чтобы совершить этот переезд.

Такая удача не осчастливила командора Уррикана, ей не позавидовали бы ни молодой художник, ни репортер газеты *Трибуна*, предпочитавшие всегда долгие переезды.

Но Джон Мильнер все еще продолжал сердиться, решив ни одного дня не оставаться дольше в этом городе, чересчур лакомом до всяких феноменов свиной породы. Да! Как только он поставит ногу на ступеньки вагона, он не преминет с негодованием отряхнуть «прах со своих сандалий». И действительно, никого не заинтересовало присутствие Тома Крабба в Цинциннати, никто не явился интервьюировать его в отель предместья Ковингтон, где он остановился. Держатели пари не устремлялись толпой к дверям его номера, как это было в Остине, штат Техас, и в почтовой конторе не было ни души в тот день, когда Том Крабб явился получать телеграмму нотариуса Торнброка! Тем не менее благодаря полученным двенадцати очкам Том Крабб очутился на три клетки впереди Макса Реаля и на одну клетку впереди самого «Человека в маске».

Джон Мильнер, оскорбленный в своем самолюбии, обиженный отношением населения

Цинциннати, взбешенный его равнодушием, покинул отель в тридцать семь минут первого и в сопровождении Тома Крабба, только что кончившего свою вторую еду, направился на вокзал. Поезд отправился в назначенное время и после разветвления пути в городе Колумбусе переехал восточную границу, образованную течением реки Огайо.

В Филадельфию, или, иначе, в Город братской любви, столицу Пенсильвании, Том Крабб прибыл около десяти часов вечера 31 мая и вместе с тренером провел первую ночь в строжайшем инкогнито.

На другой день с утра Джон Мильнер решил пойти посмотреть, «откуда дует ветер», с благоприятной ли стороны, и успел ли он донести имя знаменитого боксера до берегов Делавэра? По обыкновению, Джон Мильнер оставил Тома Крабба в гостинице, приняв все надлежащие меры, касающиеся его первых двух завтраков.

На этот раз, так же как и в Цинциннати, он не записал имен ни своего, ни Тома Крабба в книге путешественников. Прежде всего ему хотелось прогуляться по городу. Так как результат последнего тиража был известен уже накануне, то он узнает, интересовались ли жители Филадельфии

приездом Тома Крабба.

Когда вопрос идет о беглом осмотре города третьего или четвертого разряда, небольшого по площади, то это может быть сделано в течение нескольких часов, но иначе обстоит дело, когда один какой-нибудь город как бы соединил в себе несколько городов, как, например, в данном случае. Филадельфия находится в непосредственном соседстве с городами Менэйнаком, Германстауном, Кемденом и Глостером и насчитывает, в общем, не менее двухсот тысяч домов и миллион сто тысяч населения. В направлении от северо-востока к юго-западу, вдоль течения Делавэра, Филадельфия раскинулась на протяжении шести лье, и занимаемая ею площадь почти равняется Лондону. Это объясняется тем, что в большинстве случаев жители Филадельфии живут каждый в своем собственном доме и колоссальные постройки с сотнями жильцов, как в Чикаго или Нью-Йорке, там редки. Это город особняков по преимуществу.

Действительно, метрополия эта громадна; в ней масса воздуха, и некоторые ее улицы шириной в сто футов. Дома ее, построенные из кирпича и мрамора, красуются в тени густых деревьев, сохранившихся еще от отдаленнейшей эпохи.

Ее сады отличаются роскошью и изяществом, как и скверы и парки, причем ее Фермаунт-Парк — самый обширный из парков всех Соединенных штатов. Он занимает площадь в тысячу двести гектаров, которую окаймляет река Шнилькил, и его овраги сохранили еще свою прежнюю дикую красоту.

Во всяком случае, в этот первый день Джон Мильнер мог осмотреть только ту часть города, которая расположена на правом берегу Делавэра, откуда он поднялся в западный квартал, следуя по течению Шнилькила, притока реки Делавэра, который течет с северо-запада на юго-восток.

Вот почему в этот день Джон Мильнер не попал в городской центр, откуда расходятся радиусами все главные городские артерии и где помещается городская ратуша, громадное здание из белого мрамора, постройка которого стоила немало миллионов.

В конце концов, Джон Мильнер приехал в Филадельфию не для того, чтобы ее осматривать. От него не ждали, как от Макса Реаля или от Гарри Кембэла, картин или статей. Его миссия заключалась в том, чтобы сопровождать Тома Крабба туда, куда направил его последний тираж. Но он хотел одновременно сделать из этого

путешествия рекламу Тому Краббу на тот случай, если бы тому не удалось выиграть шестьдесят миллионов долларов и пришлось заниматься своей профессией.

Любителей этого вида спорта нашлось бы немало в Филадельфии, где насчитывались целые сотни тысяч рабочих в металлургических предприятиях, и на механических заводах, и на химических заводах, в городе, где было более шести тысяч всевозможных фабрик, не говоря уже о большом числе портовых рабочих, которые занимаются отправкой нефти, угля, зерна. Торговый оборот уступает там только торговому обороту Нью-Йорка.

Да, Тома Крабба должны были очень ценить в этом мире, где физические качества доминируют над интеллектуальными. А в других классах, так называемых высших, разве мало встречается джентльменов, которые умеют ценить удар кулаком по физиономии и раздробление челюстей, произведенные по всем правилам этого «искусства»?

В чем Джон Мильнер убедился не без искреннего удовольствия, так это в том, что рынок на Маркет-стрит, который считается самым колоссальным из рынков всех пяти частей света, не

был занят никаким областным конкурсом скота. А потому его компаньон не мог встретить здесь соперника, которого должен был бы опасаться, как это было на отвратительном рынке Спринг-Грова в городе Цинциннати, и синий флаг не склонится перед величием какого-нибудь феномена-свиньи.

К тому же Джон Мильнер с самого начала чувствовал себя здесь вполне успокоенным. Газеты Филадельфии с большим шумом объявили об ожидаемом приезде в штат Пенсильвания второго партнера матча Гиппербона, которого ждали между 31 мая и 14 июня. В этом приняла участие агентура держателей пари.

Биржевые маклеры муссировали и разжигали страсти игроков в пользу Тома Крабба, утверждая, что он одерживал всегда верх над своими конкурентами и что ему достаточно двух счастливых ударов, чтобы добиться цели… и прочее и прочее.

И когда на следующий день Том Крабб в обществе своего тренера совершал прогулку по наиболее посещаемым улицам города, какое он почувствовал бы удовлетворение, если бы умел читать!

Повсюду на стенах домов были наклеены ги-

гантские афиши, напоминавшие, правда, те, которые наклеивались в Цинциннати в ожидании прибытия туда феноменальной свиньи, но на этот раз уже с именем второго партнера, написанным большими буквами, в целый фут вышиной, и сопровождаемым бесчисленными восклицательными знаками, как бы исполнявшими роль какой-то почетной стражи, не говоря уже о брошюрках, раздаваемых населению маклерами различных агентств.

ТОМ КРАББ! ТОМ КРАББ!! ТОМ КРАББ!!!

ЗНАМЕНИТЫЙ ТОМ КРАББ, ЧЕМПИОН НОВОГО СВЕТА!!!

ГЛАВНЫЙ
ЛЮБИМЕЦ МАТЧА ГИППЕРБОНА!!!

ТОМ КРАББ, КОТОРЫЙ ПОБЕДИЛ ФИТСИМОНСА И КОРБЭТА!

ТОМ КРАББ, КОТОРЫЙ ПОБИВАЕТ РЕАЛЯ, КЕМБЭЛА, ТИТБЮРИ, ЛИССИ ВЭГ, ГОДЖА УРРИКАНА И Х. К. Z.!

ТОМ КРАББ, КОТОРЫЙ ИДЕТ ВПЕРЕДИ ВСЕХ!!

ТОМ КРАББ, КОТОРЫЙ ВСЕГО ТОЛЬКО В ШЕСТНАДЦАТИ КЛЕТКАХ ОТ ЦЕЛИ!!

ТОМ КРАББ, КОТОРЫЙ ВОЗНЕСЕТ СИНИЙ ФЛАГ НА ВЫСОТУ ИЛЛИНОЙСА!!!
ТОМ КРАББ В НАШИХ СТЕНАХ!!! УРА! УРА!!! УРА ТОМУ КРАББУ!!!!

Само собой разумеется, что другие агентства, у которых не Том Крабб состоял фаворитом, выпускали, в свою очередь, другие афиши, также перегруженные восклицательными знаками и восхвалявшие заслуги Макса Реаля и Гарри Кембэла. Увы, остальные партнеры — Лисси Вэг, командор и Герман Титбюри — считались как бы вне конкурса.

Поэтому вполне понятно горделивое чувство, испытанное Джоном Мильнером, когда он «прогуливал» своего прославленного компаньона по улицам Филадельфии, по площадям, скверам, по Фермаунт-Парку и по рынку Маркет-стрит!

Какое возмездие за неудачи, имевшие место в Цинциннати!.. Какой залог конечного успеха!

А между тем 7-го числа, в разгар этой безумной радости, у Джона Мильнера болезненно сжалось сердце. Это было вызвано совершенно неожиданным инцидентом, сыгравшим роль укола булавки, грозящего выпустить газ из воздушного шара, уже готового подняться ввысь!

Другая афиша, такая же колоссальная, была

повешена соперником Крабба, не состоявшим в числе его конкурентов по матчу Гиппербона.

КАВЭНЭФ ПРОТИВ КРАББА!

Кто был этот Кавэнэф? Он был хорошо известен в Филадельфии. Боксер, пользующийся громкой славой, который за несколько месяцев перед тем был побежден Томом Краббом и до сих пор не мог еще ему отомстить, несмотря на все самые настойчивые вызовы. И вот теперь во время пребывания Тома Крабба в Филадельфии на афише после имени Кавэнэфа появились слова:

ВЫЗОВ ЧЕМПИ0НУ!
ВЫЗОВ!!
ВЫЗОВ!!!

Конечно, у Тома Крабба было более существенное занятие, чем отвечать на подобную провокацию: спокойно ждать, пользуясь приятным far niente[64], срока ближайшего тиража. Но Кавэнэф, или, вернее, те, которые толкали его на борьбу с чемпионом Нового Света, смотрели на это дело иначе. И кто знает? Не было ли это

---

[64] Примечания: 64
Far niente — безделье, бездействие.

выходкой какой-нибудь враждебной агентуры, которая желала задержать в дороге наиболее преуспевавшего из всех партнеров?

Джон Мильнер должен был удовольствоваться пожатием плеч. Сочувствующие Тому Краббу тоже советовали ему оставить эти вызовы без ответа.

Но, с одной стороны, Джон Мильнер знал безусловное превосходство своего компаньона над Кавэнэфом в деле бокса, а с другой — ему приходила в голову такая мысль: если в конце концов Том Крабб не выиграет партии, если его не обогатят миллионы Гиппербона и он будет вынужден выступать как боксер на публичных состязаниях, то не повредит ли его репутации этот отказ на вызов, предложенный ему при таких исключительных обстоятельствах?

В общем, дело кончилось тем, что после нескольких новых, еще более вызывающих афиш, целью которых было запятнать честь чемпиона Нового Света, на следующий день на стенах Филадельфии можно было прочесть в афишах следующее:

ОТВЕТ НА ВЫЗОВ!
КРАББ ПРОТИВ КАВЭНЭФА!!

Можно себе представить, какой это произвело эффект!

Как! Том Крабб принимал вызов! Том Крабб, который шел во главе «семерки», готов был рискнуть своим положением, согласившись на эту борьбу!.. Разве он забыл, какой партии он был участником, забыл, какое количество людей держало за него пари? Да, да, он дал свое согласие!.. «К тому же, — говорил себе не без основания Джон Мильнер, — раздробленная челюсть или выбитый глаз не помешали бы Тому Краббу продолжать путешествие и оставаться на лучшем счету в матче Гиппербона».

Да, реванш нужно было взять и лучше раньше, чем позже.

Между тем произошло следующее: так как бои подобного рода запрещены даже в Америке, местная полиция запретила предполагаемую встречу двух героев под угрозой заключения их в тюрьму и штрафа. Правда, быть задержанным в этой западной исправительной колонии, где заключенных заставляют учиться на каком-нибудь инструменте и играть потом на нем целыми днями (какой получался ужасающий концерт, в котором преобладали унылые звуки гармоники, легко представить!), еще не составляло чересчур

строгого наказания, но самая эта задержка, невозможность выехать в назначенный срок… Они поплатились бы запозданием, подобно тому как Герман Титбюри в штате Мэн.

Но, быть может, оставалась еще какая-нибудь возможность принять вызов, не боясь вмешательства в дело шерифа?

Действительно, разве нельзя было встретиться в каком-нибудь укромном месте, не говоря никому, где именно и в какое время, и разрешить этот вопрос вне стен Филадельфии?

Так и было сделано. Одни только секунданты двух боксеров и несколько любителей, пользующихся особым почетом, оказались в курсе предпринятых мер.

Таким образом, все должно было произойти среди профессионалов, и по их возвращении в город местным властям незачем будет заниматься этой историей. Нужно сознаться, что особой осторожности проявлено не было. Но что поделать, когда замешано самолюбие!

По окончании предварительных переговоров (новых афиш с вызовом больше не появлялось) разнесся слух, что встреча отложена до окончания матча, и можно было думать, что никакого поединка не произойдет.

А между тем 9-го числа около восьми часов утра в маленьком городке Эрондале, лежавшем в тридцати милях от Филадельфии, несколько джентльменов собрались в одном из городских залов, тайно нанятом для этой церемонии.

Фотографы и кинооператоры присутствовали тут же, чтобы сохранить для потомства все фазы этой захватывающей борьбы.

Среди присутствующих находились Том Крабб в полной форме борца, готовый дать работу своим громадным рукам, уже тянувшимся к противнику, и Кавэнэф, не такой высокий, как Крабб, но такой же широкий в плечах, обладавший совершенно исключительной силой. Словом, это были два борца, способные дойти до двадцати или тридцати раундов, то есть схваток.

У первого ассистентом был Джон Мильнер, у второго — его собственный тренер. Их окружали любители и профессионалы, жадные до зрелища состязания этих двух машин силой в четыре кулака.

Но едва только руки борцов приняли требуемое положение, как в зале появился шериф этого города Винсент Брюк в сопровождении Гуго Хюнтера, священника приходской церкви методистов. Он торговал большим количеством библий,

являвшихся одновременно антисептическим и антискептическим средством. Предупрежденные одним из жителей города, оба они прибежали на поле сражения, для того чтобы не допустить этой антиморальной и унизительной встречи, причем один действовал во имя пенсильванских законов, другой — во имя законов божеских.

Никто, конечно, не удивится, узнав, что они были приняты очень плохо обоими чемпионами и зрителями, большими лакомками до этого вида спорта, успевшими уже заключить несколько пари на значительные суммы.

Шериф и священник хотели говорить — им в этом отказали. Они хотели разнять борющихся — им оказали сопротивление. Что, в сущности, могли они сделать вдвоем против таких двух мускулистых и коренастых борцов, достаточно сильных, повидимому, для того, чтобы одной рукой заставить их отлететь по крайней мере на двадцать футов от места поединка?

Без сомнения, за них говорил «священный» характер их миссии. Один из них был представителем власти земной, другой — небесной, но нехватало содействия полиции, которая обычно приходила им на помощь.

И в тот самый момент, когда Том Крабб и Ка-

вэнэф становились в позу, один — нападающего, другой — защищающегося:

— Остановитесь! — закричал Винсент Брюк.

— А иначе — берегитесь! — крикнул, в свою очередь, досточтимый Гуго Хюнтер.

Но это, не помогло, и несколько кулачных ударов были пущены в дело впустую, благодаря удачным маневрам обоих боровшихся.

И вот тогда произошла сцена, вызвавшая сначала изумление, а затем восхищение всех присутствовавших в зале.

Оба — и шериф и священник — не отличались ни высоким ростом, ни крепким телосложением, оба были среднего роста, оба худощавые. Но они обладали исключительной гибкостью, ловкостью и быстротой.

В один момент Винсент Брюк и Гуго Хюнтер очутились на боксерах. Джон Мильнер пытался преградить дорогу священнику, но получил от него такую пощечину, что свалился и едва не потерял сознания, а секунду спустя Кавэнэф получил сильнейший удар кулаком в левый глаз от шерифа, в то время как священник наносил такой же удар по правому глазу Тома Крабба.

Оба профессионала готовы были убить нападающих, но те, избегая атак и делая прыжки и

скачки с ловкостью настоящих обезьян, не попали ни под один из направленных на них ударов.

И начиная с этого момента (что не должно никого удивлять, так как это происходило среди группы знатоков) уже не боксерам, а Винсенту Брюку и Гуго Хюнтеру восхищенные зрители стали аплодировать и кричать громкое «ура».

В конце концов методист оказался методичным в своей манере действовать по всем правилам искусства и, сделав Тома Крабба кривым на один глаз, едва не выбил у него и второй.

Вскоре появилось несколько полицейских, и лучшее, что можно было сделать, это очистить зал, что и было сделано.

Так закончилась эта незабываемая борьба, к чести шерифа и священника, действовавших во имя закона и во имя религии.

Что касается Джона Мильнера, то со вздутой щекой и с подбитым глазом он привел Тома Крабба обратно в Филадельфию, где оба они заперлись в своей комнате и, преисполненные стыда, стали ждать прибытия на их имя очередной телеграммы.

ГЛАВА IX
ДВЕСТИ ДОЛЛАРОВ В ДЕНЬ

Талисман супругам Титбюри?.. Разумеется, в нем чувствовалась большая надобность, и даже если бы таким талисманом оказался только кусочек веревки, на которой повесили этого разбойника Билла Аррола, и тот оказался бы желанным. Но, как это и заявил судья в Грэй-Солт-Лейк-Сити, чтобы его повесить, надо было сначала его поймать, а это, повидимому, не так-то скоро делалось.

Разумеется, талисман, обеспечивающий Герману Титбюри выигрыш партии, не был бы приобретен чересчур дорогой ценой, если бы за него было уплачено три тысячи долларов, украденных у господина Титбюри в гостинице *Чип-Отель*, но пока что мистер Титбюри был без гроша, а потому, разозленный и разочарованный ироническими ответами шерифа, он ушел из полицейского управления и вернулся к ожидавшей его миссис Титбюри.

— Ну что же, Герман, — обратилась она к нему, — этот жулик, этот мерзавец Инглис?..

— Его имя — не Инглис, — ответил Титбюри,

в изнеможении опускаясь на стул, — его зовут Билл Аррол…

— Он арестован?

— Будет.

— Когда?

— Когда его смогут поймать.

— А наши деньги? Наши три тысячи?..

— Я не дал бы за них и полдоллара!

Госпожа Титбюри, в свою очередь, упала на стул.

Но так как у этой сильной женщины реакция наступала очень быстро, то она скоро встала, и когда ее муж в полном отчаянии спросил:

— Что же делать?

— Ждать, — ответила она.

— Ждать?.. Но чего?.. Чтобы этот бандит Аррол…

— Нет, Герман… ждать телеграммы от нотариуса Торнброка, которая не запоздает, конечно. Потом мы сообразим…

— Но как же с деньгами?

— У нас есть время их выписать, даже если бы нас отослали на окраину Соединенных штатов.

— Что меня вовсе не удивило бы, принимая во внимание преследующие нас неудачи!

— Следуй за мной, — решительным тоном

заявила госпожа Титбюри, и они, выйдя из гостиницы, направились в телеграфную контору.

CROWX

Преисполненные стыда, они стали ждать очередной телеграммы.

Понятно, что весь город был в курсе несчастья, постигшего чету Титбюри. Правда, Грэйт-Солт-Лейк-Сити, повидимому, не чувствовал к ним большей симпатии, чем маленький городок Кале, откуда они так недавно приехали. Они не только не сумели вызвать к себе симпатии, но даже доверия. Кто захотел бы держать пари за людей, на которых сыпалось столько неприятностей?.. За неудачников, которые после двух тиражей были еще только в четвертой клетке? За людей, которых так опередили конкуренты и которых держатели пари игнорировали даже при ставке пятьдесят против одного?

И если несколько человек еще находились в конторе почтового управления, когда туда явилась эта чета, то это были одни только любопытные, или, вернее, злые шутники, рассчитывавшие посмеяться над новой неудачей несчастного Германа Титбюри.

Но такие насмешки не трогали ни его самого, ни миссис Титбюри. Им было совершенно безразлично, как будут они котироваться в агентствах, тем более что неизвестно, не смогут ли они навер-

стать потерянное одним великолепным ударом. Действительно, изучая карту, миссис Титбюри рассчитала, что если бы игральные кости выбросили, например, десять очков, число, которое нужно было бы удвоить в четырнадцатой клетке, занятой штатом Иллинойс, то это новое число очков одним скачком перенесло бы их в двадцать четвертую клетку, штат Мичиган, смежный со штатом Иллинойс. А это вернуло бы их обратно в Чикаго. Это было бы, без сомнения, самым удачным ударом игральных костей, какого только можно пожелать. Совершится ли он только?

В девять часов сорок семь минут, с автоматической точностью, телеграмма была вынута из аппарата.

На этот раз число выброшенных очков было катастрофическим.

Как читатель, вероятно, помнит, Макс Реаль, находившийся 2 июня в Чикаго, в доме своей матери, был извещен об этом результате метания костей, а в следующие дни последовательно узнавал об отъезде Гарри Кембэла в Северную Дакоту, Лисси Вэг — в Миссури и командора Уррикана — в Висконсин.

Не говоря о том, что этот удар игральных костей был крайне несчастлив для Германа Титбюри,

он в то же время носил какой-то исключительно странный характер, и надо было быть объектом какого-то дьявольского невезения, чтобы такой удар мог совершиться.

Судите сами. Игральные кости выбросили пять очков, составленных из двух и трех; это число переносило игрока из четвертой клетки в девятую. Но так как девятая клетка находилась в штате Иллинойс, то надо было это число дублировать, а так как полученная новая клетка тоже находилась в штате Иллинойс, то нужно было это число не удвоить, а утроить, что составляло пятнадцать очков, которые вели в девятнадцатую клетку, штат Луизиана, город Новый Орлеан, помеченный на карте Вильяма Гиппербона «гостиницей».

Действительно, более несчастного удара костей нельзя себе представить!

Мистер и миссис Титбюри возвращались в отель, сопровождаемые насмешками присутствовавших в почтовом бюро, походкой людей, получивших сильный удар по голове. Но голова миссис Титбюри была более крепкой, чем ее мужа, а потому эта особа не осталась прикованной к месту, как он.

— В Луизиану! В Новый Орлеан! — повторял

мистер Титбюри и в отчаянии рвал на себе волосы. — О, как могли мы быть так глупы, что решились метаться по всей территории Союза…

— И мы будем еще продолжать метаться, — объявила миссис Титбюри, скрестив на груди руки.

— Как… Ты думаешь…

— Думаю ехать в Луизиану.

— Но ведь это по меньшей мере миллион триста тысяч миль!

— Мы их сделаем.

— Но нам придется платить штраф в тысячу долларов!

— Мы его уплатим.

— Но нам не придется участвовать в двух метаниях игральных костей!

— Мы в них не будем участвовать.

— Но ведь нам придется пробыть в этом городе около сорока дней, а жизнь в нем, кажется, безумно дорога…

— Все равно, мы там будем.

— Но у нас уже нет больше денег…

— Мы их выпишем.

— Но я не хочу…

— А я, я хочу!

Как видите, у Кэт Титбюри на все «но» был готов ответ. Наверное, в ней жила старая картежница,

которая теперь громко проявляла себя. А мираж миллионов долларов ее привлекал, ошеломлял, гипнотизировал.

Герман Титбюри не пытался больше протестовать. Для него это было бы хуже. В конце концов, последствия неудачного метания костей таковы, какими и должны были быть: длинное и дорогое путешествие, переезд с севера на восток и с юга на запад через всю Конфедерацию, дороговизна жизни в роскошном, разорительном городе Новом Орлеане и необходимость продолжительного в нем пребывания, так как правила матча требовали выждать там два тиража до получения разрешения снова продолжать партию. Все это было именно то, чего он ждал.

— Возможно, — сказала миссис Титбюри, — что случай пошлет туда одного из наших партнеров, и тогда мы займем его место.

— Но какого партнера, — воскликнул мистер Титбюри, — раз все они впереди нас?

— А почему они не могут быть вынуждены вернуться назад, не выбросив ровнехонько столько очков, сколько им требуется, чтобы кончить партию!.. И тогда им придется начинать все сызнова, как этому отвратительному Урриканy.

Конечно, это могло бы случиться, но чикагская

чета имела на это мало шансов.

— И, в довершение всего, — прибавил мистер Титбюри, — мы не имеем права выбрать себе гостиницу по своему желанию.

Он был совершенно прав, так как после слов: «девятнадцатая клетка, Луизиана, Новый Орлеан», в злосчастной телеграмме стояло: «*Эксельсиор-Отель*». Спорить было не о чем. Какова бы ни была эта гостиница — первого разряда или последнего, все равно именно на нее указывал властный покойник.

— Значит, мы отправимся в *Эксельсиор-Отель*, вот и все! — сказала миссис Титбюри.

Такова была эта женщина, настолько же решительная, насколько и скупая. Как она должна была страдать, думая о денежных потерях, которые уже совершились: о трехстах долларах штрафа, о трех тысячах долларов, которые у них украли, о всех понесенных до этого дня расходах и о тех, которые ждут их в ближайшие дни, в близком будущем… Но ожидаемое наследство слепило ей глаза.

Само собой разумеется, что времени, чтобы добраться до назначенного ему пункта, у третьего партнера было более чем достаточно — сорок пять дней. Было 2 июня, а Зеленому флагу над-

лежало появиться в Новом Орлеане только 15 июля. Тем не менее, как заметила миссис Титбюри, кто-нибудь из «семи» мог быть послан туда в один прекрасный день. Значит, необходимо было находиться в то время в девятнадцатой клетке, чтобы поменяться местами с этим партнером. Поэтому лучше было не терять времени на посещение Грэйт-Солт-Лейк-Сити. Было решено, что Титбюри отправятся в путь, как только получат деньги, вытребованные из Чикагского национального банка, где у мистера Титбюри был открыт текущий счет.

Эта операция отняла только два дня, и утром 4 июня мистер Титбюри мог взять в банке в Грэйт-Солт-Лейк-Сити переведенные на его имя пять тысяч долларов, которые, увы, больше уже не могли приносить ему дохода.

5 июня мистер и миссис Титбюри покинули Грэйт-Солт-Лейк-Сити при всеобщем равнодушии присутствовавшей публики и, к своему несчастью, не получив обещанного кончика веревки, который, возможно, принес бы им удачу и успех, так как это значило бы, что Билл Аррол в это время уже пойман и повешен.

Один из поездов Центральной Тихоокеанской железной дороги, которой очень часто пользо-

вались партнеры матча Гиппербона, помчал их через штат Вайоминг к городу Шайенну и оттуда через штат Небраска в город Омаху.

Там из экономии, — так как пароходный тариф был менее высок, чем железнодорожный, — путешественники доплыли по реке Миссури до города Канзаса, как это сделал Макс Реаль во время своего первого путешествия; потом из Канзаса они доехали до города Сент-Луис, где Лисси Вэг и Джовита Фолей должны были провести несколько дней после своего пребывания в «тюрьме».

Попасть в воды реки Миссисипи, покинув для этого реку Миссури, которая является ее главным притоком, можно путем простого перехода с одного судна на другое. Пароходы на этих реках очень многочисленны, и кто согласен удовольствоваться последним классом, тому путешествие может обойтись очень дешево, а приобретая дешевую провизию на остановках, можно еще уменьшить расходы. Так и поступали мистер и миссис Титбюри, урезывая себя насколько возможно в ожидании тех счетов, которые им предстояло получить в конце их, быть может, долгого пребывания в гостинице *Эксельсиор-Отель.*

Таким образом, пароход *Блэк-Уорриор* принял в число своих пассажиров чету Титбюри, которую

он должен был доставить в столицу Луизианы. Для этого надо было только все время следовать по течению этого «Отца вод», между штатами Иллинойс, Миссури, Арканзас, Теннесси, Миссисипи и Луизиана, для которых великая река служит более естественной границей, чем все градусы широты и долготы, определяющие остальные их геодезические границы.

Многочисленные имена ее, замененные в конце концов одним именем — Миссисипи, вызывают к себе чисто географический интерес, от которого супруги Титбюри были очень далеки; это их так же мало интересовало, как размеры площади ее бассейна, хотя он заключает в себе три миллиона двести одиннадцать тысяч квадратных километров. Им важно было только, чтобы эта река наиболее дешево доставила их туда, куда они направлялись. Этот переезд не представлял никаких трудностей. Так называемая промышленная Миссисипи, еще увеличенная многочисленными притоками — Миннесота, Сэдар, Терки, Айова, Сент-Круа, Чиппева и Висконсин, — начинается на склоне горы Сент-Луис, выше шумных водопадов Сент-Антуан. Как раз в Сент-Луисе перекинуты через реку два моста, служащие средством сообщения между ее правым и левым

берегами.

Следуя вдоль речной границы штата Иллинойс, пароход *Блэк-Уорриор* проплывает мимо высоких меловых скал высотой в шестьдесят туазов, причем по одну сторону тянутся отроги горных вершин Озарк, по другую — последние холмы, покрывающие территорию этого штата.

Начиная с города Кейро характер местности совершенно меняется. Это громадная равнина, орошаемая водами одного из притоков Миссисипи, называемого Огайо. Но, несмотря на наличие этих вод, а также рек Арканзаса и Ривьер-Руж (Красной реки), разлив Миссисипи в Новом Орлеане не так интенсивен, как в Сент-Луисе, то есть там, где река впадает в Мексиканский залив. Это потому, что избыток ее вод уплывает через каналы, находящиеся поблизости от ионийских берегов. Вот почему водой здесь почти залита Сенк-Коунтри, или Затонувшая страна, представляющая собой обширный район к западу от реки, изрытый лагунами, покрытый болотами, полный стоячих вод, почва которого точно осела во время землетрясения 1812 года.

Блэк-Уорриор, искусно и осторожно управляемый, скользил среди многочисленных островов, не отличающихся устойчивостью. Некоторые из

них уносятся течением во время половодья на новые места, а другие образуются из наносных песков, остановленных на своем пути какими-нибудь преградами. Вот почему навигация по Миссисипи представляет большие трудности, с которыми, однако, хорошо справляются искусные лоцманы штата Луизиана.

Следуя этой дорогой, чета Титбюри проехала через Мемфис, этот важный город штата Теннесси, куда любопытные ездили посмотреть на Тома Крабба во время его кратковременного там пребывания. Потом они миновали Хелину, расположенный на одном из холмов пока еще небольшой городок, в будущем обещающий превратиться в значительный город, так как он служит местом стоянки многочисленных пароходов. Затем, миновав устье реки Арканзаса, путешественники попали в другую страну стоячих вод и болот с подвижной, зыбкой почвой, поглотившей когда-то «деревню Наполеона». В Виксберге, одном из редких промышленных городов штата Миссисипи, пароход не останавливался, потому что река в результате сильнейшего разлива отклонилась от этого города на несколько миль ближе к югу. Запущенные в этом месте берега, все более и более низкие, переходя в равнину, покрытую

наносными песками, представляют собой только невысокие песчаные холмы и откосы, изрытые течением реки.

Наконец, в трехстах милях от моря, *Блэк-Уорриор* миновал устье реки Ривьер-Руж в том пункте, где соприкасаются оба штата, около форта Адама, и проник на территорию штата Луизиана. Там бурно и стремительно клокотали водопады. Но благодаря тому, что уровень воды достигал в это время своей средней высоты, *Блэк-Уорриор* мог продолжать путь, не рискуя сесть на мель.

После Нэчез до самого Нового Орлеана значительных городов не встречается, если не считать Батон-Руж, который, в сущности, представляет собой большое местечко с населением в десять с половиной тысяч. Но в нем сосредоточены законодательные учреждения штата Луизиана, в котором, как и во многих других штатах Союза, столица штата не является его главным городом. Город Батон-Руж находится к тому же в очень здоровой и приятной местности, чего нельзя не учитывать в тех районах, которые страдают от эпидемии желтой лихорадки, и, наконец, после города Дональдсонвилла не встречается уже ничего, кроме ряда вилл и коттеджей, раскинутых по обоим берегам великой американской реки,

вплоть до Нового Орлеана.

Штат Луизиана, проданный Первой империей американцам за двадцать миллионов франков, занимает только тридцатое место среди штатов федеральной республики. Но население его, черное в большинстве, превышает миллион человек. Пришлось защищаться от разливов Миссисипи солиднейшими насыпями в нижнем ее течении, где производство сахара так значительно, что считается первым по выпуску. На северо-западе, где местность орошается рекой Ривьер-Руж и ее притоками, более высокие места не страдают от наводнения и поддаются всем начинаниям агрикультуры. Штат Луизиана производит также железо, уголь, охру, гипс; в нем встречаются и поля сахарного тростника и многочисленные плантации апельсиновых деревьев, а в его не тронутых еще обширных дремучих лесах живут медведи, пантеры, дикие кошки, а многочисленные речки служат обиталищем аллигаторов.

Наконец 9 июня вечером Новый Орлеан принял в свои стены чету Титбюри, совершившую путешествие, продолжавшееся пять дней начиная с их отъезда из Грэт-Солт-Лейк-Сити. За это время, 4, 6 и 8 июня, производились тиражи, в которых были заинтересованы Гарри Кембэл, Лисси Вэг

и Годж Уррикан, но все они были бессильны улучшить положение Германа Титбюри, так как ни один из партнеров не был прислан занять его место в «гостинице» девятнадцатой клетки.

О, если бы он не был вынужден явиться в этот разорительный город и провести в нем целых шесть недель, то игральные кости, может быть, обрадовали бы его более благоприятным числом очков и он мог бы оказаться в одном ряду с кем-нибудь из его более преуспевающих партнеров!

Выйдя из вокзала, мистер и миссис Титбюри увидели великолепный экипаж, ожидавший, повидимому, кого-то из пассажиров *Блэк-Уорриора*. Что касается их самих, то им предстояло пешком отправиться в *Эксельсиор-Отель*, вручив свой багаж одному из носильщиков. Каково же было их изумление, изумление, смешанное с беспокойством, когда к ним подошел черный лакей и спросил:

— Мистер и миссис Титбюри, если не ошибаюсь?

— Они самые, — ответил мистер Титбюри.

Итак, газеты, очевидно, уже объявили об их отъезде из штата Юта, об их приезде в Омаху, об их речном путешествии на пароходе *Блэк-Уорриор* и об их неизбежном приезде в Новый Орлеан.

А они между тем совсем не рассчитывали, что их будут здесь ждать. Неужели же так и нельзя избежать всех неприятностей и расходов, связанных с известностью?

— А что вам от нас нужно? — спросил мистер Титбюри недовольным тоном.

— Этот экипаж к вашим услугам.

— Мы не заказывали никакого экипажа…

— В *Эксельсиор-Отель* иначе не приезжают, — ответил с поклоном черный лакей.

— Хорошее начало! — прошептал мистер Титбюри и тяжело вздохнул.

Ну что ж, раз более простым способом являться в этот отель не полагалось, то ничего не оставалось, как сесть в это великолепное ландо. Чета в него уселась, в то время как омнибус «нагружался» их чемоданом и саквояжем. Приехав на Каналь-стрит, экипаж остановился перед великолепным зданием, дворцом в полном смысле этого слова, со сверкающей надписью над подъездом: *«Эксельсиор-Отель»*, вестибюль которого был залит яркими огнями.

Им ничего не оставалось, как сесть в это, великолепное ландо.

Выездной лакей соскочил с козел и поспешно открыл дверцы ландо.

Супруги Титбюри, еще очень усталые и ошеломленные, не отдали себе сразу полного отчета в том приеме, который им был оказан персоналом отеля. Величественный мажордом во фраке повел их в отведенное им помещение. Ослепленные, растерянные, они не заметили никаких подробностей окружавшего их великолепия и решили отложить до следующего дня размышления, на которые их наводила эта необыкновенная обстановка.

Утром, после ночи, проведенной в тишине комфортабельной комнаты, защищенной двойными рамами от уличного шума, они проснулись при мягким свете электрического ночника, Светящийся циферблат дорогих стенных часов показывал восемь.

У изголовья кровати, в которой оба так хорошо отдохнули, они увидели ряд электрических кнопок, которые ждали, чтобы их коснулись пальцы: тогда в комнату явится горничная или лакей. Другие кнопки заказывали ванну, утренний завтрак,

газету и — в чем всегда нуждались путешественники, спешившие встать, — дневной свет.

Эту именно кнопку и нажал искривленный палец миссис Титбюри.

В ту же минуту плотные шторы окон механически поднялись, наружные ставни опустились, и снопы солнечных лучей ворвались в комнату.

Мистер и миссис Титбюри молча взглянули друг на друга. Они не осмелились произнести ни единого слова, боясь, как бы оно не обошлось им в несколько пиастров.

Роскошь обстановки этой комнаты была исключительная, безумная; все здесь было самое дорогое — мебель, ковры, шелковые, штофные очень дорогие обои.

Встав с постели, чета прошла в соседний будуар, где царил необыкновенный комфорт: умывальники с кранами холодной, горячей и теплой воды, пульверизаторы, готовые наполнить воздух своими нежно пахнущими брызгами, мыла всех цветов и запахов, губки исключительной мягкости, белоснежные полотенца.

Одевшись, супруги Титбюри направились в смежные комнаты. Им была предоставлена целая квартира: столовая, в которой стол сверкал серебром; гостиная, обставленная с неслыханной

роскошью: драгоценная люстра, картины больших мастеров, художественная бронза, портьеры, тисненные золотом; дальше кабинет хозяйки, в котором стояло пианино с лежавшими на нем нотами, стол с новыми романами и альбомами фотографий штата Луизиана, а рядом — кабинет хозяина, где красовались целые груды новейших журналов, газет, наиболее распространенных в Союзе, самый разнообразный выбор почтовой бумаги и конвертов и даже маленькая пишущая машинка, готовая притти в движение под пальцами путешественников.

— Но ведь это точно пещера Али-Бабы! — вскричала миссис Титбюри, совершенно потрясенная тем, что видела.

— И нужно полагать, что сорок разбойников здесь тоже где-нибудь поблизости, — прибавил мистер Титбюри, — а вернее, даже целая сотня!

В эту минуту взгляд его упал на висевшую на стене карточку в золоченой рамке с расписанием часов завтраков, обедов и ужинов для тех, кто предпочел бы требовать еду в свои комнаты.

Комнаты, предназначенные для третьего партнера, были помечены номером первым, и под этим номером стояло: «…предоставляемые партнерам матча Гиппербона управлением *Эк-*

сельсиор-Отеля».

— Позвони, Герман, — могла только произнести миссис Титбюри.

Кнопка была нажата, и джентльмен во фраке и белом галстуке появился в дверях гостиной.

В изысканных выражениях он передал супругам приветствие от управления *Эксельсиор-Отеля* и его директора, польщенных тем, что их гостем являлся один из симпатичных участников великой национальной игры. Так как мистер располагал свободным временем и решил провести его в штате Луизиана, в Новом Орлеане, в обществе своей почтенной супруги, то будут приняты все меры, чтобы окружить их всевозможным комфортом и разнообразить их развлечения. Что касается режима отеля, то, если они ничего не имеют против того, чтобы следовать ему, утренний чай — в восемь часов, первый завтрак — в одиннадцать, лэнч — в четыре, обед — в семь, вечерний чай — в десять часов. Кухня английская, американская или французская — пожеланию; вина лучших погребов. Ежедневно в распоряжение известного чикагского богача предоставлялся экипаж; элегантная яхта была всегда под парами, готовая для всяких экскурсий по реке Миссисипи вплоть до ее устьев или для

прогулок по озерам Барнье и Пон-Шартрен. Им ежедневно предоставлялась ложа в опере, где в это время гастролировала французская труппа, пользовавшаяся громкой известностью.

— Сколько? — резко спросила миссис Титбюри.

— Сто долларов.

— В месяц?

— В день.

— И с каждого человека, не правда ли? — прибавила миссис Титбюри голосом, в котором звучали ирония и злоба.

— Да, сударыня. Эти цены, исключительно приемлемые, были установлены, как только мы узнали, что третий партнер и миссис Титбюри собираются провести некоторое время в *Эксельсиор-Отеле*.

Вот куда привела эту чету их несчастливая звезда! И ни в какое другое место они отправиться не могли. Миссис Титбюри не имела даже возможности перебраться в более скромную гостиницу… Это был отель, назначенный волей Вильяма Дж. Гиппербона, причем особенно этому удивляться нечего: ведь покойный был одним из главных его акционеров. Да, двести долларов в день, шесть тысяч долларов за тридцать дней, если бы супруги пробыли месяц в этой пещере Али-Бабы!

Волей-неволей приходилось подчиниться. Покинуть *Эксельсиор-Отель* значило бы быть исключенным из партии, правила которой не допускали никаких возражений. Это значило отказаться от всякой надежды получить в наследство миллионы покойного.

И тем не менее, едва только мажордом вышел из комнаты:

— Едем! — вскричал мистер Титбюри. — Берем наш чемодан и возвращаемся в Чикаго!.. Я не останусь здесь ни одной минуты, зная, что каждый час стоит восемь долларов!

— Останешься, — сказала властная матрона.

Город Круассан (Полумесяц, форму которого город имел при основании), как называют еще Новый Орлеан, был основан в 1717 году на самом изгибе великой реки, которая служит его южной границей. Остальные города, Батон-Руж, Дональдсонвилл и Шривпорт, насчитывают не более одиннадцати-двенадцати тысяч жителей. Находясь на расстоянии пятисот семидесяти четырех лье от Нью-Йорка и в сорока пяти от устья Миссисипи, этот город обслуживается девятью железнодорожными путями, и тысяча пятьсот пароходов делают рейсы по его водной территории. Перейдя 18 апреля 1862 года на сторону

южан, он вынес шестидневную осаду войск армии генерала Фаррагута[65] и был взят генералом Батлером[66].

В этом громадном городе с населением в двести сорок две тысячи душ, населением различного расового происхождения, в котором черные пользуются всеми политическим# правами, но все же неравноправны в социальном отношении; в этой среде, где смешаны французы, испанцы, англичане и англо-американцы; в городе, в котором тридцать два сенатора и девяносто семь депутатов, представленном в Конгрессе четырьмя членами; в городе, служащем местопребыванием католического епископа, и это среди баптистов[67], методистов и представителей епископальной церкви, — в самом, так

[65] Примечания: 65

Генерал Фаррагут (1801–1870) с первых же дней гражданской войны 1861 года добровольно предоставил себя в распоряжение морского министерства. В начале 1862 года во главе небольшой флотилии он проник на Миссисипи и 24 апреля разбил флотилию конфедератов. 25 апреля бомбардировкой Нового Орлеана он облегчил генералу Батлеру захват Нового Орлеана с суши. В 1866 году стоял во главе всего флота Соединенных штатов.

[66] Примечания: 66

Батлер — американский генерал, сторонник северян, отличился в 1861 году взятием форта Гаттераса. В 1862 году вместе с Фаррагутом взял Новый Орлеан. После взятия города остался в нем губернатором и своей деятельностью возбудил горячую ненависть южан.

[67] Примечания: 67

Баптисты (крестители) — христианская секта, возникшая в XVII веке в Англии среди мелкой буржуазии как протест против официальной (англиканской) церкви. Баптисты отрицают почитание икон, отвергают церковную иерархию и признают крещение только в зрелом возрасте. Баптизм особенно распространен в США.

сказать, сердце штата Луизиана намеревались провести целый месяц супруги Титбюри, таким невероятным способом вырванные из своего чикагского дома. Но так как преследовавшая их неудача требовала этого, то лучше уж было все повидать и попользоваться всем, что только можно было получить за такую дорогую цену. Так, по крайней мере, рассуждала госпожа Титбюри.

Вот почему за ними ежедневно приезжал великолепный экипаж и повсюду их катал. Часто их сопровождали насмешливые «ура» уличной толпы, так как все знали их как отвратительных скряг, не пользовавшихся ничьими симпатиями ни в Грэйт-Солт-Лейк-Сити, ни в Кале, ни в Чикаго. Но что из того? Они этого не замечали. Ничто не могло их заставить, несмотря на столько разочарований, перестать смотреть на себя как на главных любимцев матча Гиппербона.

Так они катались из одного предместья в другое, по всем самым элегантным кварталам города, где красовались восхитительные виллы и коттеджи, окруженные густой зеленью апельсинных деревьев и магнолий, находившихся в это время в полном цвету.

Так они прогуливались по насыпям шириной в пятьдесят туазов, которые защищают город

от наводнений, по набережным, вдоль которых расположены были в четыре ряда пароходы, буксирные, парусные и каботажные суда, откуда ежегодно отправляется до миллиона семисот тысяч кип хлопка. Это никого не должно удивлять, так как торговый оборот Нового Орлеана выражается в цифре двести миллионов долларов в год.

Они побывали также и в окрестностях Нового Орлеана: Эльджирер, Гретна и Мак-Даругвилл, переехав предварительно на левый берег реки, где находятся все главные мастерские, фабрики и склады.

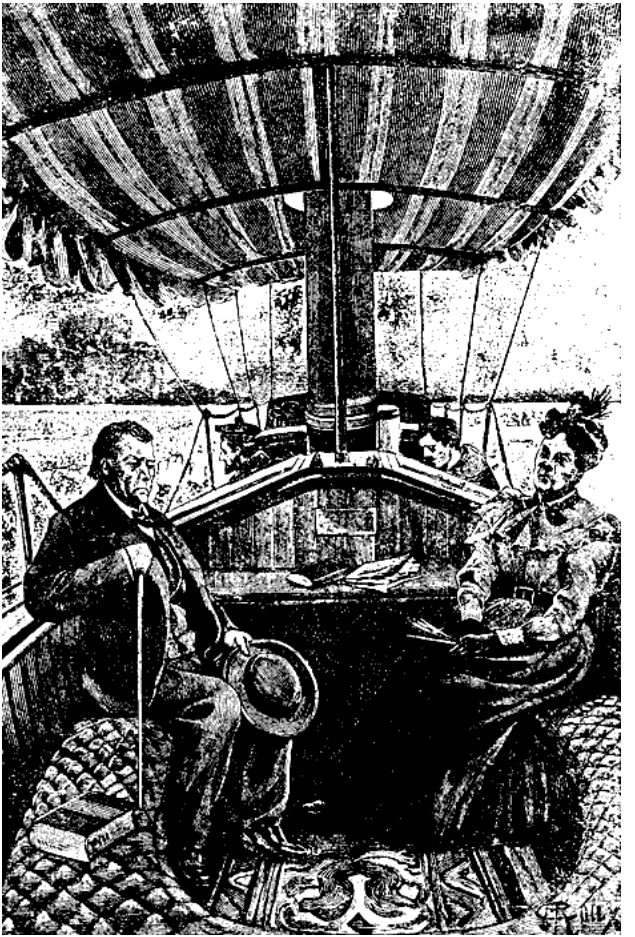
В своем роскошном экипаже они катались по всем наиболее элегантным улицам города, застроенным каменными домами, заменившими деревянные, уничтоженные многочисленными пожарами. Чаще же всего чета Титбюри появлялась на улицах Ройяль и Сан-Луи, крестообразно перерезающих французский квартал. И какие там очаровательные дома с зелеными ставнями и просторными двориками, с журчащими водами бассейнов и какое множество редких цветов!

Они посетили также и Капитолий, находящийся на углу улиц Ройяль и Сан-Луи, древнее здание, превращенное во время войны Северных штатов с Южными в законодательное учреждение, с

палатами сенаторов и депутатов. Но к отелю *Сан-Шарль*, одному из самых важных в городе, они отнеслись с презрением, вполне объяснимым у тех, кто проживает в несравненном *Эксельсиор-Отеле*. Они посетили также красивые здания — университет, собор в готическом стиле, здание таможни, Ротонду с ее громадным залом. Там читатель находит лучшее собрание книг, праздный путешественник — целый ряд художественных крытых галлерей, а биржевик — очень оживленную биржу, на которой маклеры различных агентств с азартом выкрикивают изменчивый курс ставок матча Гиппербона.

На своей элегантной паровой яхте они совершали прогулки по тихим водам озера Пон-Шартрен и по реке Миссисипи.

Любители лирических оперных произведений видали их в опере, в предоставленной им ложе, где они тщетно старались уловить своими ушами, неспособными воспринимать никаких музыкальных звуков, гармонию оркестровой партии.

На элегантной паровой яхте дни совершали свой прогулки.

Так они проводили дни, точно в каком-то сне, но какое пробуждение ожидало их при возвращении к действительности!

Между прочим, с ними произошло странное явление. Да, эти скряги вошли во вкус своего нового существования: их ошеломили все эти ненормальные условия жизни, они опьянели в физическом смысле этого слова, сидя за роскошно сервированным столом, на котором они не хотели оставлять ни единой крошки от подаваемых им блюд, с риском нажить себе болезни и расширение желудка в приближавшиеся годы старости. Они считали необходимым использовать полностью те двести долларов, которые тратили каждый день в *Эксельсиор-Отеле*.

А между тем время шло, хотя супруги Титбюри отдавали себе в этом только очень неясный отчет. Их пребывание в отеле не грозило быть прерванным, а в Чикаго должно было произойти четырнадцать метаний костей, прежде чем они могли получить право пуститься в дорогу. Каждые сорок восемь часов результаты этих тиражей громогласно сообщались в Ротонде, подобно тому

как это происходило в Аудиториуме.

Как известно, тираж 8 июня отослал командора Годжа Уррикана в штат Висконсин, а тиражом 10 июня таинственный X. K. Z. был послан в штат Миннесота.

Ни один не был отправлен в штат Луизиана ни тиражом 12 июня, который производился для Макса Реаля, ни тиражом 14 июня, для Тома Крабба, так что 16-го числа, в день, назначенный для Германа Титбюри до того, как неудача отправила его в девятнадцатую клетку, никакого тиража не состоялось, а 18 июня нотариус Торнброк выбросил игральные кости на стол в зале Аудиториума для четвертого партнера, Гарри Кембэла.

Так неужели же супруги Титбюри были обречены вести этот новый образ жизни, настолько же приятный, насколько разрушительный для здоровья и разорительный для кармана, в течение всех шести недель, которые они обязались провести в штате Луизиана?

И разве не могла закончиться партия еще до того, как они снова приняли бы в ней участие? Разве один из партнеров не успел бы добраться за это время до шестьдесят третьей клетки?

Будущее держало это в секрете. А тем временем дни шли за днями, и в случае окончания матча

мистеру и миссис Титбюри ничего другого не оставалось бы, как возвратиться в Иллинойс, оплатив предварительно колоссальный счет *Эксельсиор-Отеля*. Во что же в общем обошлось им это безумное желание фигурировать среди «семерки» матча Гиппербона?

ГЛАВА X
ДАЛЬНЕЙШИЕ СТРАНСТВОВАНИЯ ГАРРИ КЕМБЭЛА

Если супруги Титбюри и командор Уррикан имели основание жаловаться на преследующие их неудачи, то и главный репортер газеты *Трибуна* до некоторой степени тоже имел право огорчаться и жаловаться: при первом метании костей выброшенное число очков отослало его к Ниагарскому водопаду, штат Нью-Йорк, где он должен был уплатить штраф, а оттуда отправиться в Санта-Фе, столицу Нью-Мексико. И вот теперь— при последнем метании костей — ему предстояло отправиться сначала в штат Небраска, а оттуда в штат Вашингтон, находящийся на западной окраине территории Союза.

Действительно, в городе Чарлстоне, штат Южная Каролина, где ему был оказан такой горячий прием, Гарри Кембэл получил 4 июня телеграмму, сообщающую ему, что удвоенное число очков, выпавших на его долю (десять, составленные из шести и четырех), препровождало его из двадцать второй клетки в сорок вторую.

Эта последняя, соответствующая штату Не-

браска, была выбрана покойным Гиппербоном для «лабиринта» благородной игры в «гусек». И особенно неприятно было то, что попавший туда партнер должен был уплатить двойной штраф, а затем вернуться обратно в тридцатую клетку, занятую штатом Вашингтон, хотя этот путь из Южной Каролины в Вашингтон проходил через штат Небраска.

Вполне понятно, что его сторонники, узнав об этом, были поражены, и был момент, когда репортер едва не лишился завоеванного им положения любимца матча, которое ему приписывали, — надо сознаться, немного легкомысленно, — во всех агентствах.

Но Гарри Кембэл, настолько же ловкий, насколько и решительный, сумел успокоить тех, кто был заинтересован в его удаче.

— Э, друзья мои, — вскричал он, — не приходите в отчаяние!.. Вы ведь знаете, что длинное путешествие меня не пугает… Из Чарлстона в Небраску и из Небраски в Вашингтон — это можно сделать в два прыжка, а у меня впереди целых две недели, от 4 июня до 18, чтобы отмахать эти четыре тысячи миль!.. Железные дороги будут все время к моим услугам. А что касается штрафа, который мне надо уплатить, то это относится к

кассиру газеты Трибуна, и тем хуже, если он сделает это с недовольной гримасой!.. Неприятно не то, что надо из Небраски отправляться в Вашингтон, а то, что из сорок второй клетки придется возвращаться в тридцатую. Но отодвинуться на какие-то двенадцать клеток — об этом, в сущности, тоже не стоит говорить, и я, конечно, быстро нагоню то, что случай у меня отнял!

Как же не чувствовать абсолютного доверия к человеку, который так в себе уверен! Как не рискнуть поставить на него значительные суммы! Как скупиться на рукоплескания, которые он вполне заслуживал!.. И такими рукоплесканиями он был в это утро щедро награжден, подобно тому как это было накануне на банкете в городе Астлей, где фигурировал чудовищный пирог, весивший восемь тысяч фунтов и напитавший тысячу пятьсот семьдесят пять туземцев, населявших этот большой город.

Но Гарри Кембэл ошибался, утверждая, что можно отправиться из Чарлстона в Олимпию, столицу Вашингтона, указанную в депеше, всячески комбинируя поезда федеральной железнодорожной сети. Нет, требовалось неуклонно держаться той строгой последовательности в передвижениях, которую должен был ему указать

Бруман Бикгорн, секретарь редакции газеты Трибуна. Половину же этого пути, до штата Небраска, можно было совершить очень быстро теми железнодорожными путями, которые соединялись с Центральной Тихоокеанской железной дорогой.

Как бы то ли было, времени терять было нельзя, имея в виду всегда возможное запоздание, так же как нельзя было позволять себе никаких остановок в дороге. Нет, самым разумным было выехать из Чарлстона в этот же вечер, что и было сделано Зеленым флагом при громких криках «ура» его восторженных сторонников. Они явились к отходу поезда, стремительно унесшегося вперед через равнины Южной Каролины.

Эту первую часть маршрута проделали уже многие из семи партнеров. Гарри Кембэл пересек штат Теннесси и 5-го числа вечером прибыл в Сент-Луис, штат Миссури, где Джовиту Фолей и Лисси Вэг ожидала «тюрьма». Боясь потерять слишком много времени, если воспользоваться пароходом по реке вплоть до Омахи, он продолжал пользоваться железной дорогой и так скомбинировал поезда, чтобы самым быстрым темпом попасть в Канзас-Сити, важнейший центр штата Небраска, куда и прибыл вечером 6 июня.

Эту ночь ему надо было провести в городе Омахе, которому Макс Реаль во время своего первого путешествия посвятил только несколько часов.

Там застала его телеграмма, посланная вслед секретарем редакции газеты *Трибуна*. В ней день за днем были. указаны все этапы его пути, комбинированные таким образом, чтобы он мог явиться в Олимпию, штат Вашингтон, в полдень 18 июня. Вот окончание телеграммы:

> «Просят Гарри Кембэла всячески экономить время, которого у него немного, и не забывать, что в редакции газеты хранятся очень большие суммы, вложенные теми, кто держит пари за зеленый флаг».

Ничего другого не оставалось, как строго придерживаться данных указаний. Репортер мог быть уверен, что, поступая так, он явится в назначенный день, чтобы получить известие о четвертом тираже. Нужно было надеяться, что все произойдет без малейшей задержки в пути, так как даже полудневного запоздания было бы достаточно, чтобы погубить результаты всего его путешествия.

Но будьте спокойны: Гарри Кембэл решил неуклонно следовать всем указаниям. Ночь он

провел в Омахе, потому что следующий поезд уходил только на другой день. Он достал билет и вечером приехал в Жюлесбург-Джанкшен, близкий к границе Колорадо, неподалеку от Саут-Плат-Ривер.

На этот раз, покидая Чарлстон, журналист имел осторожность не объявлять о том, куда он едет, для того чтобы избежать всяких приемов и их неприятных последствий. Но в Жюлесбурге ему не удалось сохранить свое инкогнито, так как заказанная там карета ожидала уже его прибытия.

Нужно, однако, сказать, что сторонники Гарри, прибежавшие встретить его на вокзал, сами понимали, что его ни под каким видом нельзя задерживать, что у него каждый час на счету и что эта поездка в Мовэзт-Терр, штат Небраска, совершается в очень неблагоприятное в смысле погоды время. Поэтому, встретив на перроне вокзала главного репортера газеты *Трибуна*, они сами посоветовали ему немедленно отправиться в дальнейший путь, причем двенадцать таких англо-американцев решили даже его сопровождать. Это было только желательно при переезде по таким местам, где все еще по временам встречаются как двуногие, так и четвероногие враги.

— Как вам угодно, господа, — сказал Гарри

Кембэл, пожимая руки, которые к нему протягивались, — только при условии, если вы сможете поместиться в почтовой карете.

— Места в ней нам уже оставлены… и если немножко потесниться… — ответил один из этих восторженных субъектов.

Штат Небраска по размерам своей площади занимает пятнадцатое место в Союзе. Плат или Небраска-Ривер пересекает его с запада на восток и впадает в реку Миссури в городе Плат-Сити. Штат Небраска, более земледельческий, чем промышленный, находится в периоде своего расцвета. Его население продолжает увеличиваться. Столицей его является город Линкольн, порт которого, Небраска-Сити, лежит на самом берегу Миссури, на расстоянии пятидесяти миль от Плат-Сити.

Гарри Кембэл мог только пожалеть, что обстоятельства заставили его совершить переезд из города Шаста в Розебург (по территории Калифорнии и Орегона) не верхом, а в почтовой карете. Здесь, на территории Грэйт-Банда, штат Небраска (впервые исследованной в 1857 году Уорреном, а позже, в 1865 году, Колем), нет недостатка в равнинах и лугах, и вы бы посмотрели, каким аллюром помчалась карета, когда ее перевезли

на пароме через Плат-Ривер и она, миновав Форт Гратон, покатила по совершенно ровным, гладким дорогам! Этот экипаж представлял собой трансконтинентальный дилижанс компании Уэллс и Фарго, обслуживавшей в прежние времена федеральную территорию, особый вид рыдвана, окрашенный в ярко-красный цвет, висевший на кожаных ремнях. В нем было только одно отделение на девять человек, по-трое на скамейках— передней, средней и задней, причем каждая из них была снабжена ремнями, для того чтобы поддерживать «смелых» путешественников. Само собой разумеется, что четвертый партнер и восемь его сторонников разместились внутри экипажа с тем, чтобы по очереди уступать свои места остальным четверым спутникам, из которых двое поместились на задних наружных сиденьях и двое — рядом с кучером, который во весь дух погонял шестерку очень сильных, рослых лошадей. Что касается дорог, то существовали только колеи — следы проезжавших по этим местам фургонов. Да разве они нужны в этих нескончаемых равнинах, где, чтобы провести железную дорогу, достаточно было только положить и укрепить шпалы! Время от времени встречались речки вблизи небольших озер Рай-

монд и Коол, речки Бурдмен и Ниобрара-Ривер, которые переезжали вброд, а также поселки, где ждали их свежие почтовые лошади. Вечером 8 июня, после переезда, длившегося сорок часов, причем погода очень благоприятствовала, карета доехала до округа Мовэз-Терр. Там совершенно отсутствовали деревни и дома, — одни только луга, где распряженные лошади могли пастись в полное свое удовольствие. Что касается Гарри Кембэла и его компаньонов, то о них беспокоиться было нечего, так как ящики с провиантом, помещавшиеся в карете, были наполнены превосходными консервами и произносимые тосты не страдали от недостатка виски и джина.

После ночи, проведенной среди кущи зеленых деревьев, карета была оставлена на попечение возницы, и путешественники спустились, чтобы погулять по этой дикой долине.

О, как прав был Вильям Гиппербон, избрав этот район штата Небраска для «лабиринта», своей сорок второй клетки!

У последних отрогов цепи Скалистых гор, поблизости от Блэк-Хилла, покрытых, точно щетиной, хвойными лесами, замечается резкое понижение почвы, и на площади шириной в тридцать — шесть миль и длиной в восемьдесят

пять, которая тянется до самой территории штата Дакота, со всех сторон виднеются горные цирки с их бесчисленными пирамидами, остриями и зубцами. Это царство Bad Lands (Негодные земли) представляет настоящий лабиринт, притом один из наиболее запутанных, который на протяжении многих тысяч квадратных миль через всевозможные пласты почвы — глинистые, песчаные и железистые — устремляет ввысь колонны и башни своих призматических скал. Там и сям вы точно видите крепости, бастионы, замки, резко вырисовывающиеся своим красно-кирпичным цветом на белой поверхности почвы.

Про эту часть Северной Америки справедливо говорят, что она образует как бы особый мир. Возможно, что в доисторические времена по ней двигались необозримые стада слонов, мамонтов, гигантских мастодонтов, кости которых продолжают находить и теперь еще, причем некоторые из них хорошо сохранились благодаря процессу окаменения, а другие превратились в пыль.

Кажется вполне допустимой гипотезой то, что вся эта площадь с пониженным уровнем почвы была наполнена когда-то водами, спускавшимися со Скалистых гор и Блэк-Хилла, водами, с тех пор давно уже впитавшимися в расщелины почвы:

высота этой площади значительно превышает уровень моря. И вот постепенно этот опустошенный резервуар превратился в «костехранилище», в котором количество ископаемых останков превосходит всякое воображение.

Что касается представителей современной фауны, очень малочисленной на территории, где звери с трудом могли находить себе пропитание, то нужно указать на бизонов, на длинношерстых быков, длиннорогих овец и на очень большое количество антилоп, но хорошим охотникам здесь не место. Гарри Кембэлу и его компаньонам не представилось случая сделать ни одного ружейного выстрела, и если они захватили с собой кое-какое оружие, то для того, чтобы защититься от банд дакотов и сиу[68], которые встречаются до сих пор в районе, или же для того, чтобы отражать атаки койотов, этих волков прерий, вой которых был слышен в предыдущую ночь.

Вопрос о том, углубляться ли далеко по извилинам Мовэз-Терр, не стоял: достаточно было, чтобы четвертый партнер появился собственной персоной у входа в этот лабиринт и его присутствие было зарегистрировано каким-нибудь

---

[68] Примечания: 68
Дакоты и сиу — индейские племена.

достоверным актом. Он не дал себе даже труда хорошенько закопать этот документ, как это сделал командор Уррикан, прежде чем он покинул Долину Смерти. Документ был составлен Гарри Кембэлом, и на нем стояло двенадцать подписей его спутников. Этого было достаточно, конечно, чтобы подтвердить его присутствие в этой части штата Небраска. Еще раз закусили в тени деревьев, и произнесенные тосты были так же многочисленны, как и шумны.

— За здоровье главного репортера Трибуны! За любимца матча!.. За наследника шестидесяти миллионов Вильяма Гиппербона!..

Гарри Кембэл имел все основания быть довольным. Его сторонники его не оставят. Они забывали, они хотели забыть, что переехать из штата Небраска в Вашингтон значило сделать несколько шагов назад, если не на карте Соединенных штатов, то на карте покойного Гиппербона. Действительно, если бы даже Кембэл вернулся в тридцатую клетку, то впереди него оказались бы и Макс Реаль, сорок четвертая клетка, и X. K. Z., сорок шестая, и Том Крабб, сорок седьмая.

В три часа пополудни Гарри Кембэл со своими спутниками отправился дальше. Все они после

грога с виски чувствовали себя очень оживленными и поспешили занять свои прежние места внутри кареты и снаружи, а на следующий день около десяти часов утра они были уже в Жюлесбург-Джанкшене. Через час прибывал поезд Центральной Тихоокеанской железной дороги. Он должен был сделать на этой станции десятиминутную остановку. Если бы не эти десять минут, то Гарри Кембэл не попал бы на поезд. Конечно, это не грозило бы ему исключением из партии, так как по этому пути проходит ежедневно по два поезда, но все же он не мог терять ни одного часа.

Читателю известно, через какие штаты проходит эта железнодорожная линия, направляясь на запад, так как и Макс Реаль, отправляясь в Шайенн, и Герман Титбюри, отправляясь в Грэйт-Солт-Лейк-Сити, и командор Уррикан — в Долину Смерти, все ехали Той же дорогой. Репортеру *Трибуны* нужно было проехать штаты Вайоминг, Юта, Невада и часть Калифорнии, чтобы попасть в столицу ее. Именно там он и покинул вагон в ночь с 11 на 12 июня и явился в город свежим и бодрым, в прекрасном настроении и, как всегда, всем довольный. Его ждал самый радушный прием. Целая толпа сторонников явилась его

встретить, но никто не пытался его удерживать: все знали, что поезд в Сакраменто уходил в час пополудни.

Среди лиц, из интереса или симпатии пришедших встретить Гарри Кембэла, впереди всех стоял корреспондент газеты *Трибуна* Уилл Уолтер.

— Меня известили, что вы должны приехать сюда сегодня, — сказал он, — и я искренне вас поздравляю с прибытием без малейшего запоздания.

— Действительно, дорогой товарищ, — ответил Гарри Кембэл, — ни единого запоздания на протяжении всего пути между Чарлстоном и Сакраменто, и я надеюсь, что так же будет и между Сакраменто и Олимпией.

— Нет никакого основания этого бояться, — подтвердил Уилл Уолтер. — Конечно, очень обидно, что сообщение на короткое время прервалось, но этот поезд довезет вас до станции Шаста, где вы найдете готовых лошадей. Проводник, хорошо знакомый с местностью, укажет самый короткий путь в Розебург, откуда вы последуете по Южной Тихоокеанской линии в Олимпию.

— Мне не остается ничего другого, как благодарить вас за вашу любезность, коллега…

— Совершенно не за что, это я вас должен бла-

годарить, потому что я на вас сделал ставку…

— А какую именно? — быстро спросил журналист.

— Один против пяти.

— Итак, дорогой товарищ, позвольте мне пять раз пожать вашу руку в знак искренней благодарности…

— Десять, если хотите. Теперь — счастливого пути…

Паровоз дал свисток, поезд тронулся и исчез на повороте дороги по направлению к Мерисвиллу.

Но, к большому огорчению репортера, оказалось, что этот поезд не был курьерским. Он останавливался на каждой станции — и в Ивинге и в Уэдленде. Правда, дорога все время шла в гору, так как этот район верхней Калифорнии лежал на значительной высоте над уровнем моря.

Поезд остановился в Мерисвилле, городе, который, подобно городам Оровиллу и Плэсервиллу, теперь заброшен, после того как искатели золота опустошили все его «карманы» и золото ищут теперь в копях, находящихся на территории Севера и Аляски. Из этих городов только Мерисвилл еще пытается этому сопротивляться, и именно потому, что его положение при слиянии рек Юба и Физер обеспечивает его судоходство, играющее

такую важную роль в торговле всего района.

Дальше на этом же пути приходилось еще считаться с остановками в Грайдли, Нельсоне, Чико и Техаме, где постепенные, но все более и более ощутительные подъемы по склонам гор требуют от паровоза самых больших усилий, в ущерб его быстроходности.

Словом, только на следующий день, 13 июня, в восемь часов утра поезд остановился в городе Шаста, на той самой станции, с которой железнодорожное сообщение было временно прервано.

Прежде чем снова сесть в поезд, который шел в Розебург, Гарри Кембэлу нужно было сделать несколько десятков лье в северном направлении с проводником и лошадьми, заказанными для него корреспондентом Трибуны.

Теперь ему оставалось только пять дней, чтобы добраться до Олимпии, из которых четыре должны были быть использованы для путешествия верхом со скоростью двадцати пяти лье в двадцать четыре часа. Ничего невозможного в этом, конечно, не было, но все это грозило очень утомить как лошадей, так и седоков.

Три лошади ожидали перед подъездом станции, из которых одна была предназначена Гарри Кембэлу, а две другие — проводнику и молодень-

кому конюху, который его сопровождал. Излишне говорить, что репортер владел в совершенстве искусством верховой езды, так же как и всеми другими видами спорта.

Проводник, по имени Фред Вильмот, был здоровым, сильным человеком лет сорока.

— Вы готовы? — спросил его Гарри Кембэл.

— Готов.

— И мы приедем?

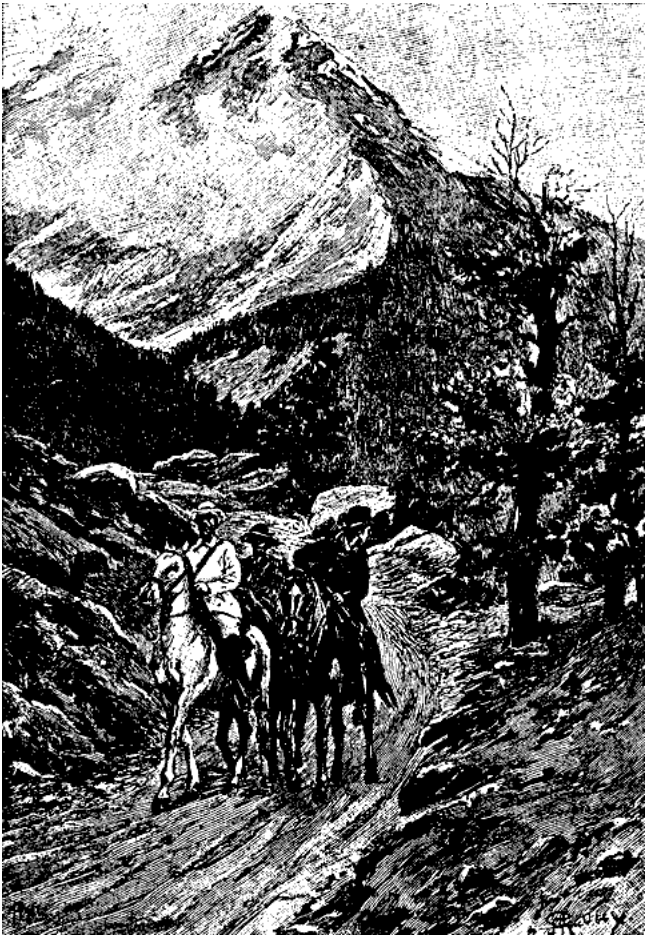
— Да, если вы хороший ездок. На почтовых это потребовало бы вдвое больше времени.

— Я за себя отвечаю.

— В таком случае — едем.

Лошади понеслись крупной рысью. О еде нечего было беспокоиться, так как маленьких городков и местечек по этой дороге немало.

Погода обещала, повидимому, оставаться хорошей, слегка прохладной, причем эта прохлада усиливалась по мере подъема в гору. Среди дня предполагалась двухчасовая остановка, и часть ночи должна была тоже пойти на отдых.

Глаза Гарри Кембэла отдыхали, созерцая редкие по красоте местности.

Дорога шла все время вдоль правого берега реки Сакраменто, и после небольшой остановки в одной из ферм Фред Вильмот предложил провести ночь в Бете-ре, в местности, изобилующей минеральными источниками, которых так много в Америке.

После семичасового сна в маленькой гостинице путешественники на рассвете продолжали свой путь, решив сделать остановку для завтрака в Юрека. В ста милях от него в восточном направлении находится гора Шаста, кратер которой открывается на высоте двенадцати тысяч футов между двух вершин этой горы. Прочно покоящаяся на своем основании, пересеченном несколькими зелеными оврагами, эта гора считается одной из самых красивых в Соединенных штатах, с ее розоватыми потоками лавы, усеянными мелкими льдинами, «точно бриллиантами», как выразился один из восторженных путешественников.

Но Гарри Кембэлу пришлось отложить свои восхищения до следующего путешествия.

Очень обширный штат — этот штат Орегон,

девятый в Соединенных штатах. Не отличаясь большой населенностью, он обладает обширными пастбищами, а главный его доход получается от продажи лососей, очень многочисленных в его водах. Помимо этого, исключительное плодородие почвы в западной части штата дает возможность особенно интенсивно заниматься земледелием.

В течение этого дня глаза Гарри Кембэла отдыхали, созерцая редкие по красоте местности. Но более подробно знакомиться с ними он, к большому своему сожалению, не мог. В нем турист стушевывался перед партнером матча. Вечером, после трудного горного прохода Пайлот-Рок, путники и их лошади, порядком утомленные, остановились отдохнуть в маленьком городке Джексоне, который не надо путать с другими одноименными городами, находящимися в Соединенных штатах. Всего там четыре Джексона: один — в штате Мичиган, другой — в Миссисипи, третий — в Теннесси и четвертый — в Огайо, и два Джексонвилла: один — в Иллинойсе, другой — во Флориде, в нескольких тысячах миль от Калифорнии.

На следующий день, 16 июня, по окончании пути, который лошади проделали без особой

усталости (второй этап длился почти до полуночи), проводник указал на видневшиеся вдали огни Розебурга.

Так закончилось это путешествие верхом, без единой неприятной случайности, совершившееся с регулярностью экспресса. Щедро одарив долларами и горячей благодарностью Фреда Вильмота, Гарри Кембэл на заре следующего дня «впрыгнул» — по выражению самого корреспондента Трибуны — в первый поезд, отправлявшийся в Олимпию.

Этот поезд обслуживает главные города и городки богатой долины Вилламет: Винчестер, Юджен-Сити, Гаррисберг, Олбани, Сэйлем, столицу штата, представляющую собой восхитительную корзину цветов и зелени; Канб, Орегон-Сити, самый промышленный город из всех благодаря мощным водопадам, которые питают его бумажные фабрики и сахарные заводы; Портленд, с населением в семьдесят пять тысяч душ, город, стоящий во главе торговли этого штата, портом которого служит Колумбия, исключительно деятельный морской порт. Наконец, переехав реку, которая отделяет штат Орегон от Вашингтона, поезд остановился на ее правом берегу, выше впадения ее в реку Вилламет, в городе Ванкувере.

Это было 18 июня в восемь часов утра.

В распоряжении Гарри Кембэла оставалось не более шести часов, но он находился теперь всего в ста двадцати милях от Олимпии.

И если бы ему не надо было торопиться, с каким удовольствием он осмотрел бы во всех подробностях после штата Орегон, откуда только что уехал, и штат Вашингтон, где до сих пор еще ни разу не был!

В этом штате около трехсот пятидесяти тысяч жителей, и он находится в периоде полного расцвета. К федеральной территории он был присоединен в 1859 году и занимает в Союзе теперь восемнадцатое место. Столицей его является город Олимпия, куда могут приставать суда, плывущие по реке Пюджет-Соунд, но город Сиэтл превосходит его обширностью своей торговли, а город Такома — своими торговыми сношениями с Японией и Китаем, обещая в будущем оправдать все возлагаемые на него в этом отношении надежды.

Гарри Кембэл в восемь часов десять минут утра выехал из города Ванкувера, надеясь этим закончить последний этап своего путешествия.

Никакого препятствия, никакого запаздывания более не предвиделось: впереди всего только

девять станций, и поезд должен прибыть около одиннадцати часов вечера в город Олимпию. Семь из этих станций: Холбрук, Уоррен, Калама, Стокпорт, Сопена, Чилис, Сентралия, поезд миновал вполне благополучно и, продолжая довольно быстро мчаться по этому району, орошаемому притоками реки Колумбии, в одиннадцать часов три минуты остановился в маленьком городке Тенино, находящемся всего в сорока милях, или пятнадцати лье, от столицы.

Там пассажиров ждало неожиданное известие, неприятное для путешественников и трагическое для Гарри Кембэла, несчастная случайность, которую заботливый Бикгорн, сотрудник Трибуны, предвидеть не мог: поезд дальше Тенино не шел! В десяти милях от этой станции за час перед тем обрушился мост, и железнодорожное сообщение было прекращено на всем пути.

Для Гарри Кембэла это было смертельным ударом, оправиться от которого он не сможет.

— Проклятое невезение, — вскричал он, выскакивая из вагона, — ты меня губишь в момент, когда я уже у пристани!

Но нет! Возможно, что он сумеет выпутаться из этого.

Трое молодых людей, ехавших в этом поезде,

вышли из вагона и подошли к нему.

— Мистер Кембэл, — обратился к нему один из них, — скажите, ездите вы на велосипеде?

— Да.

— В таком случае — идемте!

Никаких лишних слов! Сразу приступили к делу, как оно и подобает в обществе практических граждан Соединенных штатов. Из багажного вагона выгрузили и поставили на перрон трехместный велосипед.

— Мистер Кембэл, — сказал тот же молодой человек, — один из нас уступит вам свое место посредине, другой поместится сзади, а я — спереди, и, может быть, нам удастся приехать к двенадцати часам в Олимпию.

— Ваши имена, господа?

— Билл Стэнтон и Роберт Флок.

— А ваше? — обратился Кембэл к тому, кто уступал ему свое место.

— Джон Берри.

— Итак, господа Стэнтон, Флок и Берри, примите мою благодарность — и в путь! И да защитит нас святой Сайкл, патрон велосипедистов!

Пятнадцать лье меньше чем в час!.. Такой рекорд не был еще достигнут ни одним профессионалом.

— Я, право, не знаю, господа, — сказал Гарри Кембэл, подходя к велосипеду, — чем я смогу отблагодарить…

— Тем, что выиграете партию, — ответил Билл Стэнтон.

— Мы держим за вас пари, — прибавил Роберт Флок.

Трехместный велосипед оказался машиной, вышедшей из нью-йоркских мастерских Кэмден и К°. Он был снабжен передачей в двадцать семь футов два дюйма и отличился в международном состязании на велодроме в Чикаго. Знаменитые велосипедисты Билл Стэнтон и Роберт Флок, уроженцы Вашингтона, были мастера велосипедного искусства, лучшие рекордсмены, способные извлечь из этого спорта максимум того, что он может дать. Гарри Кембэл, поместившись на среднем седле, мог бы предоставить своим спутникам везти себя, но он предпочитал присоединить к их усилиям силу своих собственных мускулов и работал ногами во-всю.

Билл Стэнтон сидел впереди, Роберт Флок — сзади, Гарри Кембэл — между ними двумя. Несколько услужливых лиц, державших машину на дороге, дали ей сильный толчок, и она понеслась вперед, сопровождаемая громкими криками

«ура».

Отъезд этот был великолепен! Быстроходный экипаж летел вперед, как «подмазанный гром» (чисто американское выражение), по дороге, заботливо поддерживаемой (подлинная трасса велодрома, за исключением виражей), совершенно плоской в этой части Вашингтона, прилегающей к побережью. Три велосипедиста ехали молча, в полуоткрытые их губы была вставлена трубочка из гусиного пера, для того чтобы воздух не слишком резко проникал в их легкие и в то же время облегчал дыхание через нос.

Таким-то образом они без всяких колебаний отдались этой головокружительной езде. Колеса велосипеда вертелись со скоростью динамомашины, приводимой в движение мощным двигателем. И в данном случае таким двигателем были три молодых человека, ноги которых, превращенные в рычаги, толкали аппарат изо всей силы. Велосипед увлекал за собой целое облако пыли, а когда переезжал вброд какую-нибудь речку, то вздымал столбы воды, падавшей дугообразно вниз. Сигнальный звонок, слышимый издалека, обеспечивал свободный проезд, и прохожие спешили отбежать в сторону, чтобы дать дорогу этой «машине-молнии».

Наконец после первой четверти часа, как об этом заявил Билл Стэнтон, который считал сотые секунды, первые пять лье были пройдены, и было бы достаточно сохранить эту среднюю скорость, чтобы доехать до цели за несколько минут до полудня.

Казалось, что больше никакого препятствия на своем пути они встретить уже не могли, когда вдруг вскоре после одиннадцати часов, в то время как велосипед пересекал обширную равнину, они услышали зловещий вой.

Роберт Флок вскрикнул так громко, что выронил изо рта свою трубочку:

— Койоты!

Да, койоты! Штук двадцать этих отвратительнейших волков прерий! Очевидно, обезумев от голода, эти свирепые животные мчались по дороге с быстротой, превосходящей быстроту велосипеда, и вскоре его настигли.

— Есть у вас револьвер? — спросил Билл Стэнтон, ни на секунду не замедляя ход велосипеда.

— Да, — ответил Гарри Кембэл.

— Будьте тогда готовы в них выстрелить, и ты тоже, Флок, вынь свой… Что касается меня, то я не изменю направления. Будем продолжать двигаться изо всех сил и, может быть, сумеем

перегнать эту банду.

Перегнать ее? Вскоре всем стало ясно, что это невозможно.

Койоты подскакивали, следуя за велосипедом, готовые накинуться на репортера и его спутников, которые, несомненно, погибли бы, если бы были сброшены с велосипеда.

Два выстрела раздались одновременно, и два волка, смертельно раненные, упали и с воем стали кататься по дороге. Остальные, доведенные до полнейшего неистовства, кинулись на машину, которой удалось избегнуть толчка только благодаря быстрому повороту, едва не сбросившему Гарри Кембэла с седла.

— Нажимайте на педали! Нажимайте! — закричал Билл Стэнтон.

Икры велосипедистов напряглись, и зубья передачи так звякнули, что можно было опасаться за их целость.

Прошло еще четверть часа, и еще пять лье были пройдены, но более чем когда-либо необходимо было отогнать койотов, которые прыгали на колеса и царапали когтями стальные спицы. Снова раздались револьверные выстрелы, продолжавшиеся вплоть до последнего патрона. Хищников стало меньше почти наполовину, но позади оста-

валось еще около десятка волков.

В эту минуту Гарри Кембэл, сняв руки с руля, сумел вновь зарядить свой револьвер, и шесть выстрелов обратили последних койотов в бегство.

До двенадцати часов оставалось только десять минут, и в двух приблизительно лье показались первые дома города Олимпии.

Велосипед пролетел эти два лье с быстротой экспресса, влетел в город и, игнорируя все правила городской езды, рискуя раздавить кого-нибудь из пяти тысяч жителей, остановился перед дверями почтовой конторы в тот самый момент, когда часы начали бить двенадцать.

Гарри Кембэл соскочил на землю. Совершенно обессиленный, с трудом переводя дыхание, он растолкал толпу любопытных, ожидавших прибытия четвертого партнера, и бросился в помещение конторы в тот момент, когда стенные часы ударили в десятый раз.

— Телеграмма для Гарри Кембэла! — крикнул телеграфный чиновник.

— Здесь! — крикнул главный репортер газеты *Трибуна* и, потеряв сознание, упал на скамейку.

Покровительствуемый святым Сайклом, он успел явиться во-время благодаря преданности и энергии своих друзей. Что касается господ Билла

Стэнтона и Роберта Флока, то, сделав пятнадцать лье в сорок шесть минут и тридцать три секунды, они побили рекорд скорости во всех пяти частях света.

ГЛАВА XI
«ТЮРЬМА» ШТАТА МИССУРИ

Лисси Вэг получила роковую телеграмму 6 июня в Мамонт-Отеле, где в течение шести дней осматривала пещеры Кентукки. Эта телеграмма извещала ее о том, что выброшенное число очков, семь, составленное из четырех и трех и дублированное, отсылало ее в пятьдесят вторую клетку, штат Миссури.

Это путешествие не грозило быть ни утомительным, ни долгим. Эти штаты смежные. От Мамонтовых пещер до Сент-Луиса — около двухсот пятидесяти миль, от восьми до десяти часов по железной дороге, не больше. Но какое разочарование, какая неудача!

— Несчастье!.. — вскричала Джовита Фолей. — Лучше было, бы, если бы нас отослали, как командора Уррикана, на окраину Флориды или, как Гарри Кембэла, в самую глубь Вашингтона!.. Нам тогда не надо было бы прерывать своего участия в этой отвратительной партии!

— Да… отвратительной… вот самое подходящее слово, моя бедная Джовита, — ответила Лисси Вэг. — И как могла ты захотеть в ней участво-

вать?

Молодая особа была в полном отчаянии и ничего не ответила. Да и что она могла ответить? Если бы даже она и решила продолжать партию и поехала бы в Миссури ждать, что какой-нибудь партнер при новом метании костей — несчастном для него, но счастливом для нее — явится туда сменить Лисси Вэг и занять ее место, она все равно могла бы это сделать' только при условии, если бы уплатила тройной штраф — три тысячи долларов. А разве они у нее были? Нет! А могла ли она их откуда-нибудь достать? Это абсолютно исключено. Действительно, только те из держателей пари, которые поставили крупные суммы на Лисси Вэг, смогли бы еще, может быть, предложить ей эти деньги, но и то в том случае, если бы шансы желтого флага не были так серьезно скомпрометированы. Когда Годж Уррикан получил Долину Смерти, он отделался тем, что начал партию сызнова. Равным образом Герман Титбюри в назначенный день уйдет из Эксельсиор-Отеля, штат Луизиана, и будет продолжать матч. Ни тот, ни другой не были исключены из партии на неопределенное время, тогда как бедная Лисси Вэг…

— Несчастье! Несчастье! — повторяла Джовита

Фолей, произнося одно лишь это слово.

— Ну что же? Что мы теперь предпримем? — спросила ее подруга.

— Подождем, моя милочка.

— Подождем… Но чего?

— Не знаю!.. Во всяком случае, у нас еще целых пятнадцать дней впереди, чтобы во-время попасть в «тюрьму».

— Но не для того, чтобы уплатить штраф, Джовита, и это-то именно меня больше всего и смущает.

— Да, Лисси… да… Во всяком случае, подождем.

— Здесь?

— Нет, разумеется!

Это «нет», вырвавшееся из самой глубины души Джовиты Фолей, было ответом на перемену, которая замечалась за последнее время в отношении обитателей Мамонт-Отеля к пятой партнерше.

Действительно, Лисси Вэг чувствовала себя всеми покинутой с того дня, когда было произведено это последнее, такое неудачное для нее метание костей. Вчера еще общая любимица, она уже не была ею на следующий день. Держатели пари, любители всяких «бумов», ставящие на нее значительные суммы, охотно осыпали бы ее проклятиями. Несчастной грозила «тюрьма»,

а партия, без сомнения, окончится раньше, чем её оттуда освободят! Вот почему, едва только об этом стало известно, все от нее отвернулись. Джовита Фолей это прекрасно видела, возмущаясь проявлением такой «гуманности».

Большинство туристов покинуло отель в тот же день, вслед за ними уехал и губернатор штата Иллинойс. По всей вероятности, Джон Гамильтон сожалел в эту минуту о внимании, которое он оказывал обеим подругам. А из этого следовало, что как «полковнику Вэг», так и «подполковнику Фолей» предстояло с этих пор играть только очень жалкую роль среди иллинойсской милиции.

В тот же день после полудня они распростились с *Мамонт-Отелем* и сели в поезд, который шел в Луисвилл, с тем чтобы там дожидаться… чего?

— Милая моя Джовита, — сказала Лисси Вэг в ту минуту, когда они выходили из вагона, — знаешь ли ты, что нам надо было бы сделать?

— Нет, Лисси, моя голова больше уж не работает, я совсем сбита с толку!..

— По-моему, нам нужно было бы продолжать это путешествие вплоть до самого Чикаго, спокойно вернуться к себе и снова взяться за наши прежние обязанности в магазинах Маршалла Фильда… Скажи, разве это не было бы благора-

зумнее?

— Это было бы очень благоразумно, моя дорогая, очень! Но…. я ничего не могу с собой поделать. Я предпочитала бы оглохнуть, чем слышать этот голос благоразумия!

— Но это же безумие!

— Пускай. Я сошла с ума еще в тот день, когда началась эта партия, и такой я желаю оставаться до конца…

— Полно, полно!.. Для нас эта партия уже окончена, Джовита, безусловно окончена!

— Ничего не известно, и я отдала бы десять лет своей жизни, чтобы постареть на один месяц!

Она так щедро и часто их раздавала, эти «десять лет своей жизни», что в общем, если бы их сосчитать, они составили бы целых сто тридцать лет, пожертвованных зря.

Но неужели же Джовита Фолей все еще хранила в душе какую-то надежду? Как бы то ни было, ей удалось убедить Лисси Вэг, имевшую слабость ее послушаться, не бросать партии. Подруги провели, таким образом, несколько дней в Луисвилле. Ведь у них было еще много времени от 6-го числа до 20-го, для того чтобы доехать до Миссури.

Подруги остановились в одном из скромных отелей города и переживали там свое горе; во

всяком случае, это можно было сказать о Джовите Фолей; ее подруга, никогда не верившая в свой окончательный успех, отнеслась к постигшей их неудаче гораздо спокойнее.

Так прошли 7, 8 и 9 июня. Положение нисколько не изменилось, и в конце концов Лисси удалось убедить Джовиту Фолей вернуться в Чикаго.

К тому же все газеты, даже Чикаго Геральд, который обыкновенно поддерживал пятую партнершу, теперь не желали больше ее знать. Читая их, Джовита Фолей приходила в бешенство и спешила их разорвать дрожащими руками. Лисси Вэг потеряла всякое значение в агентствах, где ставки на нее упали до нуля. Утром 8 июня подруги узнали, что командор Уррикан получил девять очков, из шести и трех, что переносило его сразу в Висконсин, в двадцать шестую клетку.

— Вот он и вознагражден! — воскликнула несчастная Джовита Фолей.

А когда 10-го числа телеграф оповестил всех о том, что «Человек в маске» десятью очками был послан в штат Миннесота, в пятьдесят первую клетку, то она вскричала:

— Теперь нельзя уже сомневаться, что именно он наследует миллионы этого Гиппербона!

Мы видим, что покойный чудак сильно упал в

глазах молодой девушки с тех пор, как игральные кости решили заключить ее дорогую Лисси Вэг в «тюрьму».

В конце концов было решено, что в этот самый вечер подруги сядут в поезд железной дороги и отправятся в Чикаго. Хотя газеты Луисвилла не преминули, конечно, сообщить, в каком отеле остановились Лисси Вэг и Джовита Фолей, но излишне говорить, что ни один репортер не явился к ним с визитом, и если это доставило одной из них удовольствие, то другая была очень рассержена.

— Точно нас больше и на свете уж нет! — говорила она.

Но в книге судеб было написано, что они еще не вернутся так скоро в Чикаго. Совершенно непредвиденное обстоятельство позволило им надеяться возвратить хоть некоторую долю потерянного шанса на успех, приняв снова участие в матче; из-за невозможности уплатить требуемый с них штраф им пришлось бы совсем его оставить.

Около трех часов пополудни местный почтальон вошел в отель и поднялся в комнату, занятую двумя подругами. Как только дверь ему открыли:

— Мисс Лисси Вэг? — спросил он.

— Это я, — ответила молодая девушка.

— У меня есть для вас заказное письмо, и если вы вот здесь сейчас распишетесь…

— Дайте, — ответила за Лисси Вэг Джовита Фолей, сердце которой билось так, что она задыхалась.

Когда все было оформлено, почтальон ушел.

— Что такое в этом письме? — спросила Лисси Вэг.

— Деньги, Лисси!

— Но кто же может нам их послать?

— Кто? — повторила Джовита Фолей.

Она быстро распечатала конверт и вытащила из него письмо, в котором находилась сложенная бумажка. В письме было только несколько строчек:

> «Прилагаю чек на три тысячи долларов, которые уплатит банк Луисвилла и которые Лисси Вэг не откажется принять, для того чтобы оплатить свой штраф по просьбе Гемфри Уэлдона».

Радость Джовиты Фолей проявилась подобно сверкающей и шумной фейерверочной ракете. Она прыгала, смеялась до слез и, раздувая свою

юбку, вертелась по комнате, не переставая повторять:

— Чек, чек на три тысячи долларов!! Это тот почтенный господин, который приходил нас навестить во время твоей болезни, мистер Уэлдон!

— Но, — заметила Лисси Вэг, — я, право, не знаю… могу ли я принять…

— Можешь ли? Ты должна! Разве ты не видишь, что этот мистер Уэлдон держит за тебя пари и поставил на тебя значительные суммы!.. Он это нам говорил и поэтому хочет, конечно, чтобы ты могла продолжать партию! Нет, знаешь, несмотря на его почтенный возраст, я вышла бы за него замуж, если бы только он захотел!.. Ну, идем же скорей получать деньги по этому чеку.

Они отправились, и деньги им тотчас же были выплачены. Что же касается того, чтобы поблагодарить этого почтенного господина Уэлдона, то это было неисполнимо, так как адреса его никто не знал. В этот же день вечером Лисси Вэг и Джовита Фолей покинули Луисвилл, никому ничего не сказав про письмо, полученное так кстати, и на следующий день, 11-го числа, прибыли в Сент-Луис.

Конечно, по зрелом размышлении, положение Лисси Вэг в матче Гиппербона все еще было ском-

прометированным, так как она не могла принять участия в тираже до тех пор, пока кто-нибудь из партнеров не явится в пятьдесят вторую клетку, чтобы ее сменить. Но, конечно, когда-нибудь это должно было случиться, по словам такой самонадеянной, чересчур самонадеянной Джовиты Фолей, и, во всяком случае, Лисси Вэг не будет теперь же исключена из партии из-за неуплаты штрафа.

Таким образом, молодые девушки очутились в штате Миссури, о котором никто из «семерых» без ужаса не мог думать, и все должны согласиться, что ни один из более чем двухсполовиноймиллионного населения не мог быть польщен тем, что Вильям Гиппербон позволил себе сделать из этого штата «тюрьму» для своей благородной игры Американских Соединенных штатов. Правда, не говоря о цветнокожих, огромное большинство в нем составляют немцы, а все знают, чего стоит патриотическое самолюбие тевтона!

Штат Миссури — один из самых важных штатов Американской республики, по размерам своей площади занимающий семнадцатое место, пятое — по численности своего населения и первое — по производству цинка. Линии широты и долготы образуют его южную и западную границы,

а на севере и на востоке его границами служат реки Миссури и Миссисипи. Их воды сливаются в том пункте, где находится маленький городок Колумбия. Легко себе представить, в какой мере эти водные пути благоприятствуют торговле города Сент-Луиса, откуда вывозятся и зерно и мука, а также конопля, культура которой здесь очень развита, не менее чем скотоводство и свиноводство. Нет здесь недостатка и в металлах и в цинковых и свинцовых рудах. В графстве Вашингтон высятся Железные горы — Айэрн-Маунтенс, Железная гора и Пайлот-Кайрол, колоссальные громады, высотой в триста футов, которые американцы захотят, быть может, в один прекрасный день превратить в два электромагнита огромной мощности.

Штат Миссури представлял собой раньше только округ Луизианы, но в 1821 году он получил автономию и вошел в Союз, город же Сент-Луис был построен французами в 1764 году.

В этом штате можно назвать не меньше одиннадцати городов, славящихся своей торговлей и индустрией, причем в трех из них население превышает сто тысяч жителей. Один из них — Канзас, лежащий против Канзас-Сити, штат Канзас. Его, как читатель помнит, посетил Макс

Реаль в начале своего путешествия, когда он спускался на пароходе по Миссури из Омахи в этот двойной город. Кроме этих городов, есть еще несколько других, как, например, Джефферсон-Сити, столица штата, который заслуживает того, чтобы его посещали туристы. Он расположен очень живописно на террасе, с которой открывается вид на всю долину реки Миссури.

Но первое место, без сомнения, принадлежит городу Сент-Луису, занимающему площадь в десять миль на правом берегу Великой реки. Этот город назывался когда-то Маунт-Сити, потому что его окружает целый ряд невысоких гор белого цвета. Он занимает площадь на четверть больше той, которую занимает Париж, и к нему примыкают соседние города Ист-Сент-Луис, Бруклин, Кахокия и Прери-дю-Порт, хотя они и находятся на территории штата Иллинойс.

Таков был город, выбранный покойным членом Клуба Чудаков, чтобы служить «тюрьмой» участникам матча, причем само собой разумеется, что роль «тюрьмы» выполнял весь город целиком. Дело, конечно, шло не о том, чтобы быть заключенным в четырех стенах какой-нибудь тюремной камеры. Нет! Лисси Вэг, разумеется, не предстояло быть наказанной, подобно какому-

нибудь злоумышленнику: ни она, ни Джовита Фолей не будут лишены свободы. Они смогут в свое удовольствие бродить по этому великолепному городу, где насчитывают восемнадцать общественных парков (один из них занимает площадь в пятьсот пятьдесят гектаров).

Подруги могли выбрать гостиницу по своему вкусу, и они взяли себе комнату в Линкольн-Отеле, где и водворились 11 июня после полудня.

— Итак, мы наконец попали в эту ужасную «тюрьму», и я должна сознаться, что Сент-Луис производит на меня самое приятное впечатление.

— Никакая тюрьма не может быть приятна, Джовита, раз ты не имеешь права уехать оттуда, когда тебе захочется…

— Будь спокойна, мы отсюда уедем, дорогая моя!

К Джовите Фолей вернулись присущие ей веселость и уверенность в успехе, вернулись в тот самый день, когда они получили три тысячи долларов, посланных этим очаровательным мистером Гемфри Уэлдоном и немедленно переправленных ими в Чикаго нотариусу Торнброку.

Но эту ее уверенность в успехе, повидимому, не разделяли ни держатели пари, ни маклеры

различных агентств. Действительно, хотя газеты Сент-Луиса оповестили о пребывании пятой партнерши в Линкольн-Отеле, туда не явился еще ни один интервьюер. Что можно было ждать от Лисси Вэг, которая имела несчастье попасть в клетку штата Миссури?

А между тем могло случиться, что их затворничество кончится раньше, чем предполагали. На следующий день, 12 июня, должен был произойти новый тираж, а затем ряд следующих, через каждые два дня.

— И кто знает?.. Кто знает?.. Кто знает?.. — то и дело повторяла Джовита Фолей.

Подруги употребили свободные полуденные часы на осмотр некоторых кварталов города, перерезанного оврагом на две неравные части. Роскошные магазины главных улиц привлекали их взор не только драгоценными и изящными золотыми вещами и великолепными материями, но и мехами исключительной красоты. И удивительно ли, когда все эти дорогие вещи в избытке доставляются опоссумами[69], лисицами,

[69] Примечания: 69

Опоссум — двуутробка, сумчатое животное, похожее на белку. Водится в лесах Северной и Южной Америки. Это вредное животное, истребляющее домашнюю птицу. В реках Гвианы и Бразилии находят водяных опоссумов.

оленями, ланями и дикими кошками, которыми усиленно торгуют местные индейцы? И разве там не встречаются тысячами и бизоны и буйволы, кочующие по обширным прериям, окаймляющим реки, на которых постоянно охотятся целые стаи волков?

Во всяком случае, этот первый день не был прожит подругами бесплодно.

Легко понять, что должна была испытывать на следующее утро Джовита Фолей, проснувшаяся на рассвете: ведь в этот день в восемь часов утра нотариус Торнброк должен был приступить к очередному тиражу.

Вот почему, оставив Лисси Вэг спокойно спать, она вышла из отеля и поспешила получить интересовавшие ее сведения.

Два часа… Да! Она не возвращалась домой целых два часа, и каково было пробуждение пятой партнерши, которая привскочила от неожиданности, когда дверь ее комнаты шумно распахнулась и с громким криком ворвалась Джовита Фолей!

— Освобождение!.. Дорогая моя, ты освобождена!

— Что ты говоришь?

— Восемь очков, из пяти и трех… и он…

— Он?

— И так как он был в сорок четвертой клетке, то сейчас он отослан в пятьдесят вторую.

— Да кто?.. Кто этот он?

— А так как пятьдесят вторая клетка — «тюрьма», то он явится нас сменить…

— Но кто же?.. Кто он?

— Макс Реаль, дорогая… Макс Реаль!

— О, бедный молодой человек! — воскликнула Лисси Вэг. — Я предпочла бы лучше остаться…

— Еще что! — вскричала торжествующая Джовита Фолей, которая от этого замечания подруги подпрыгнула, как пиренейская серна.

А между тем это известие было точным. Последнее метание костей возвращало свободу Лисси Вэг. В Сент-Луисе ее сменит Макс Реаль, а она, в свою очередь, займет его место в Ричмонде, штат Виргиния, находящемся в семистах пятидесяти милях от Сент-Луиса, — путешествие от двадцати пяти до тридцати часов. К тому же, для того чтобы туда попасть, она располагала большим временем, — от 12 до 20 июня, — чем этого требовалось, что не помешало, однако, ее нетерпеливой подруге, неспособной сдержать свою радость, воскликнуть:

— Едем же!

— Нет, Джовита, нет, — спокойно, но решительно ответила Лисси Вэг.

— Нет? Но почему?

— Я нахожу, что гораздо лучше подождать мистера Макса Реаля здесь... Мы должны так поступить из участия к неудаче этого молодого человека.

Джовите Фолей пришлось с этим согласиться, но при условии, что будущий заключенный переступит порог своей «тюрьмы» не позже чем через три дня.

Но Макс Реаль уже на следующий день появился на вокзале Сент-Луиса. Без сомнения, существовала какая-то таинственная связь, род внушения, что ли, между первым и пятым партнерами. Если эта последняя не желала уезжать до приезда молодого человека, то он, в свою очередь, хотел приехать туда раньше, чем она оттуда уехала бы.

Бедная миссис Реаль! В каком состоянии должна была находиться эта любящая мать при мысли, что ее сын был так неудачно остановлен на своем пути к полному успеху!

Само собой разумеется, что Макс Реаль знал уже из газет, что Лисси Вэг остановилась в Линкольн-Отеле. Он поспешил туда и был принят

подругами, в то время как Томми остался ждать в гостинице возвращения своего хозяина.

Лисси Вэг, более взволнованная, чем она это показывала, встретила молодого художника словами:

— О, мистер Реаль, как мы вас жалеем!

— И от всего сердца, — прибавила Джовита Фолей, которая совершенно его не жалела и не могла заставить свои глаза с грустью смотреть на молодого художника.

— Да нет… мисс Вэг… — ответил Макс Реаль, с трудом переводя дыхание после чересчур быстрой ходьбы. — Нет! Меня совершенно нечего жалеть, или, во всяком случае, я себя несчастным не чувствую, раз на мою долю выпало счастье вас освободить.

— И в этом вы вполне правы! — объявила Джовита Фолей, не удержавшись от этого ответа, настолько же искреннего, насколько и неприятного.

— Не сердитесь на Джовиту, — прервала ее Лисси Вэг, — она не подумала о том, что говорит, мистер Реаль, а что касается меня, то поверьте, что я искренне огорчена.

— Разумеется, разумеется… — подтвердила Джовита Фолей, — к тому же не приходите в отча-

яние, мистер Реаль!.. Сейчас повезло нам, но то же самое может быть и с вами!.. Разумеется, было бы гораздо приятнее, если бы другие, а не вы были присланы в эту «тюрьму», например Том Крабб, или командор Уррикан, или Герман Титбюри!.. Мы приняли бы их с гораздо большим удовольствием, чем вас… то есть, я хочу сказать… я что-то запуталась… Во всяком случае, кто-нибудь из них приедет, может быть, сюда и вас освободит.

— Возможно, мисс Фолей, — ответил Макс Реаль, — но очень на это рассчитывать нельзя. Что касается меня, то верьте, что я смотрю на эту временную помеху с философской точки зрения… Что же касается партии, то ведь я ни одной минуты не думал, что я ее выиграю.

— Так же, как и я, мистер Реаль, — поспешила сказать Лисси Вэг.

— Да нет же, нет! — прервала ее Джовита Фолей. — Во всяком случае, я верю в ее успех.

— И я тоже до сих пор еще на это надеюсь, мисс Вэг, — прибавил молодой человек.

— А я хочу надеяться, что выиграете вы, мистер Реаль, — ответила молодая девушка.

— Однако… однако… — сказала Джовита Фолей, — ведь не можете же вы оба выиграть…

— Это, действительно, невозможно, — про-

говорил со смехом Макс Реаль: — выигрывает только один.

— Ну что ж, — вскричала Джовита Фолей, воодушевляясь все больше и больше, — если Лисси выиграет, она получит миллионы, а если вы придете вторым, вы получите деньги от уплаты штрафов!

— Как ты все хорошо устраиваешь, моя бедная Джовита! — заметила Лисси Вэг.

— Подождем, — сказал Макс Реаль, — и предоставим действовать судьбе. Да будет она к вам благосклонна, мисс Вэг!..

Безусловно, она нравилась ему все больше и больше, эта молодая девушка! Не заметить этого было нельзя.

И Джовита Фолей, которую нельзя было упрекнуть в отсутствии сообразительности, подумала:

«Ну-ну!.. Но отчего же нет?.. Это только упростило бы дело, так как тогда было бы безразлично, кто из них выиграет».

О, как хорошо знала она человеческое сердце и в особенности сердце своей подруги!

Все трое принялись оживленно болтать о различных перипетиях партии, о различных инцидентах во время путешествия, о красотах природы, которыми они любовались, переезжая

из одного штата в другой, о чудесах Йеллоустонского Национального парка, который Макс Реаль не мог забыть, об этих удивительных пещерах в штате Кентукки, о которых Лисси Вэг и Джовита Фолей сохранили неизгладимое впечатление.

Потом они рассказали случай с тремя тысячами долларов. Если бы не этот щедрый подарок мистера Гемфри Уэлдона, предложенный в такой форме, что не принять его было нельзя, то Лисси Вэг пришлось бы выйти из партии.

— Но кто же этот господин Гемфри Уэлдон? — спросил Макс Реаль, немного обеспокоенный.

— Прекраснейший и достойнейший старик, который проявил к нам большое участие, — ответила Джовита Фолей.

— В качестве держателя пари, разумеется, — прибавила Лисси Вэг.

— Вот уж кто не сомневается, что он на этом порядком набьет свои карманы! — объявила Джовита Фолей.

Макс Реаль промолчал о том, что у него тоже была мысль послать эту сумму в распоряжение молодой заключенной. Его удержала мысль: на правах кого уговорит он ее принять эти деньги?

Этот и следующий день Макс Реаль и подруги провели вместе в прогулках и беседах. Если

Лисси Вэг не могла скрыть своего искреннего огорчения по поводу неудачи, постигшей Макса Реаля, то этот последний был, очевидно, очень доволен, невольно оказав этим услугу Лисси Вэг. И действительно, за последние сутки во всех агентствах замечалось большое оживление в пользу пятой партнерши, и репортеры то и дело являлись в Линкольн-Отель, чтобы интервьюировать Лисси Вэг, которая попрежнему отказывалась их принимать. Что же касается держателей пари, то они поспешили изменить прежнему любимцу случая ради новой его любимицы. В результате создавшегося положения вещей выяснилось, что если Лисси Вэг вернется в штат Виргиния, в сорок четвертую клетку, покинутую Максом Реалем, то впереди нее окажутся только Том Крабб — в сорок седьмой клетке и X. K. Z. — в пятьдесят первой.

— А что же этот субъект с инициалами? Так до сих пор и не узнали, кто он?

— Не узнали, — ответил молодой художник, — он окружен еще большей таинственностью, чем раньше.

Само собой разумеется, что Макс Реаль, Лисси Вэг и Джовита Фолей не разговаривали исключительно только о различных перипетиях матча Гиппербона. Они говорили о своих семьях, о

том, что у Лисси Вэг не осталось в живых никого из родных… О миссис Реаль, которая теперь окончательно переселилась в Чикаго и будет счастлива видеть у себя Лисси Вэг… О том, что улица Шеридан-стрит очень недалеко от улицы Саут-Холстед-стрит, и так далее и так далее.

Но Джовита Фолей то и дело возвращалась к вопросу о партии и о дальнейших метаниях игральных костей?

— В конце концов, — сказала она, — вполне ведь возможно, что при следующем тираже ты, Лисси, водрузишь свой желтый флаг на последней клетке.

— Невозможно, мисс Фолей, это совершенно немыслимо, — заявил Макс Реаль.

— Но почему?

— Потому, что мисс Вэг займет теперь мое место в сорок четвертой клетке…

— Ну и что же из этого, мистер Реаль?

— То, что самое большое число, которое смогла бы получить мисс Вэг, было бы десять, а удвоенное десять составляет двадцать очков, которые заставят ее, перескочив через шестьдесят третью клетку, вернуться обратно в шестьдесят вторую. А тогда уже никакое выброшенное число очков не даст ей выиграть партию, так как одно очко,

которого ей нехватит, не может быть выброшено двумя игральными костями.

— Вы правы, мистер Реаль, — ответила Лисси Вэг, — и тебе придется подчиниться и ждать.

— Но, — продолжал молодой художник, — есть еще один удар, который мог бы быть очень плох для мисс Вэг.

— Какой именно?

— Если бы кости выбросили восемь очков, они этим послали бы ее снова в «тюрьму».

— Ну!.. Никогда!.. — вскричала Джовита Фолей.

— А между тем, — заметила, улыбаясь, молодая девушка, — это дало бы мне возможность освободить мистера Реаля.

— Говорю совершенно искренне, что я этого не желал бы, — сказал молодой человек.

— И я тоже, — объявила пылкая Джовита Фолей.

— В таком случае, мистер Реаль, — спросила Лисси Вэг, — какое же число очков вы пожелали бы мне?

— Двенадцать, так как это отослало бы вас в пятьдесят шестую клетку, штат Индиана, а не в самые отдаленные районы Дальнего Запада.

— Великолепно! — объявила Джовита Фолей. — Тогда при следующем тираже мы могли

бы очутиться у цели?

— Да, если бы выбросили семь очков. Во всяком случае, — прибавил Макс Реаль, — вам нечего бояться пятьдесят восьмой клетки, так называемой Долины Смерти, в которую попал командор Уррикан, потому что для этого нужно получить четырнадцать очков, что невозможно. А теперь, мисс Вэг, примите вновь мои искренние пожелания, о которых я говорил вам в самом начале этой партии. Да поможет вам судьба одержать победу — это мое самое большое желание!

Лисси Вэг ответила только взглядом, в котором ясно выразилось испытываемое ею в этот момент волнение.

«Несомненно, — мысленно сказала себе Джовита Фолей, — он по-настоящему очень мил, этот мистер Реаль, талантливый художник, которого ждет блестящая будущность. И пусть мне не говорят о скромном положении Лисси Вэг — она очаровательна, очаровательна и еще раз очаровательна, и ее не сравнить с этими дочерьми миллионеров, которые ездят в Европу для того, чтобы сделаться титулованными, нимало не интересуясь узнать, есть ли у этих князей княжества, у герцогов герцогства и не разорены ли все эти маркизы и графы».

Так рассуждала эта справедливая, хотя и легкомысленная особа, и, считая, что не надо слишком осложнять создавшегося положения вещей, она заговорила об отъезде.

Естественно, Макс Реаль, с своей стороны, настаивал на том, чтобы их пребывание в Сент-Луисе не закончилось так поспешно. Подруги могли оставаться тут до 18 июня, а на следующий день было только еще 13-е. Лисси Вэг, возможно, тоже казалось, что уезжать было еще немного рано… Но она этого не сказала и не спорила с Джовитой Фолей.

Макс Реаль не старался скрыть огорчения, которое причиняла ему эта разлука, но он чувствовал, что больше он не должен настаивать, и в этот же вечер проводил обеих молодых девушек на вокзал. Там он еще раз повторил:

— Вас будут сопровождать мои самые искренние пожелания, мисс Вэг.

— Спасибо… спасибо… — ответила молодая девушка, протягивая ему руку.

— А я? — спросила Джовита Фолей. — Для меня у вас не находится ни одного доброго слова?

— Есть такие слова, мисс Фолей, — ответил Макс Реаль. — У, вас прекраснейшее сердце!.. Смотрите же хорошенько за вашей подругой в

ожидании нашего возвращения в Чикаго.

GROUX

Поезд тронулся, и Макс Реаль остался на перроне вокзала.

Поезд тронулся, молодой человек остался на перроне вокзала и стоял там до тех пор, пока последние вагоны не исчезли в окружавшей их ночной темноте.

В этом уже нельзя было больше сомневаться — он любил, он любил кроткую, очаровательную Лисси Вэг, которую его мать, без сомнения, также полюбит, как только с ней познакомится. Никакие другие мысли — о том, что он проигрывал партию, что он принужден оставаться заключенным в этом городе, надеясь (очень проблематическая надежда!), что кто-то его скоро оттуда освободит, — его не тревожили.

Он вернулся в свой отель очень грустный, чувствуя себя таким одиноким! К тому же и он тоже из-за вынужденного затворничества был теперь всеми оставлен; у него не было больше сторонников; ставка на него во всех агентствах падала, как стрелка барометра, когда дует юго-западный ветер, несмотря на то что он выполнил требуемое условие и уплатил тройной штраф.

Томми, с своей стороны, был в полном отчаянии. Его хозяин не надеялся получить миллионы

матча Гиппербона и не сможет его купить, чтобы привести его в жестокое, но в то же время самое желанное, с его точки зрения, рабство!

Безусловно неправы те, кто не желает считаться со случаем. Если этому последнему и несвойственны, как справедливо было замечено, привычки, зато ему свойственны капризы, и это последнее наблюдение оправдалось утром 14 июня.

С девяти часов целая толпа держателей пари осаждала телеграфное бюро в Сент-Луисе, чтобы как можно скорее получить сведения о числе очков, выпавших в этот день на долю второго партнера.

Результат этого тиража был напечатан во всех дополнительных выпусках утренних газет и гласил следующее: «Пять, из трех и двух, Том Крабб». А так как Том Крабб, находившийся в Пенсильвании, занимал сорок седьмую клетку, то эти пять очков отсылали его в пятьдесят вторую клетку, штат Миссури, город Сент-Луис, «тюрьма».

Можно судить о том впечатлении, которое произвел на всех этот неожиданный удар костей! Место Макса Реаля, только что заместившего Лисси Вэг, должен был немедленно занять Том Крабб, а Максу Реалю надлежало отправиться на его

место, в Пенсильванию. В результате — страшное смятение во всех агентствах и стремительный наплыв репортеров и маклеров в отель, где остановился молодой художник. Это известие повысило в несколько раз ставку на него и вернуло к нему его бывших сторонников, спешивших ввиду этой совершенно исключительной удачи провозгласить его вновь любимцем матча.

Но каково же должно было быть негодование Джона Мильнера, для которого все складывалось так скверно! Том Крабб, заключенный в Сент-Луисе, — и это после уплаты тройного штрафа! Несомненно, что касса Гиппербона все наполнялась и долларов поступало в нее все больше и больше в пользу того, кто окажется вторым у цели.

Что касается Макса Реаля, то ему надлежало прибыть из Сент-Луиса в Ричмонд между 14 и 20 июня. В силу этого он не спешил с отъездом. А почему? Потому, что ему хотелось узнать результат тиража 28-го для Лисси Вэг. Может быть, молодая девушка будет отослана в один из соседних штатов, а ему так хотелось бы там остановиться на несколько дней.

ГЛАВА XII
СЕНСАЦИОННОЕ ИЗВЕСТИЕ ДЛЯ «ОТДЕЛА ПРОИСШЕСТВИИ» *ТРИБУНЫ*

Как все, вероятно, помнят, Гарри Кембэл предстал в телеграфном бюро Олимпии в ту самую минуту, когда готовился прозвонить двенадцатый, последний удар часов в полдень 18 июня. Таким образом, в назначенный срок он был на своем посту, до последней степени усталый, разбитый и морально и физически. Это не должно удивить тех, кто был осведомлен об исключительном достижении двух профессиональных велосипедистов, Билла Стэнтона и Роберта Флока.

Почти без чувств упав на скамейку в помещении телеграфного бюро, он все же смог ответить: «Здесь!», когда телеграфный чиновник объявил: «Телеграмма для Гарри Кембэла».

Спустя несколько минут, придя в себя после солидной порции смеси виски и джина, он познакомился с содержанием телеграммы. Она гласила:

Чикаго, 8 час. 13 мин. Кембэл, Олимпия,

Вашингтон.

Девять, из пяти и четырех. Южная Дакота, Янктон.

Торнброку.

Таким образом, тираж 18 июня был совершен в этот именно день, хотя он мог бы состояться на сорок восемь часов раньше, поскольку касался Германа Титбюри, а он был еще в Новом Орлеане, где должен был оставаться в течение срока, указанного завещателем. Супруги Титбюри думали только о том, как бы заглушить в себе боль своего печального положения, боль от уплаты двухсот долларов за каждый день пребывания в *Эксельсиор-Отеле*. Как нотариус Торнброк, так и члены *Клуба Чудаков* нашли вполне логичным не менять сроков тиражей, чтобы не урезывать дней на переезды партнеров, что вполне согласовалось и с намерениями Вильяма Гиппербона.

Главный репортер газеты Трибуна не мог пожаловаться на этот последний удар игральных костей. Ему не надо было возвращаться в одну из хорошо известных ему местностей федеральной территории, и он мог совершить путешествие по совершенно неведомым дорогам, направляясь из штата Вашингтон в штат Южная Дакота,

отделенные друг от друга расстоянием в тысячу триста миль.

К этому надо прибавить, что Гарри Кембэл, заняв тридцать девятую клетку, окажется опереженным только Х. К. Z. — первым — в штате Миннесота, Максом Реалем — вторым — в штате Пенсильвания и Лисси Вэг — третьей — в штате Виргиния. Таким образом, он станет четвертым по счету, впереди командора Уррикана, ожидавшего в Висконсине извещения о дне своего отъезда. Что касается Германа Титбюри, то ему надлежало пробыть еще в течение двадцати восьми дней в штате Луизиана, а Тому Краббу предстояло покрываться плесенью в стенах «тюрьмы», в Сент-Луисе, вплоть до окончания матча, если ни один из партнеров не явится туда занять его место.

И если нельзя сказать, что Гарри Кембэл вновь приобрел уверенность в ожидавшем его успехе, ибо он никогда и не терял этой уверенности, то, во всяком случае, он был теперь более чем когда-либо увлечен своей ролью, и это увлечение разделяли все его сторонники. На пути его ждали еще три камня преткновения: «лабиринт», штат Небраска, через который он раз уже проехал, «тюрьма», Сент-Луис, и Долина Смерти. Но одна

из этих опасностей угрожала X. K. Z., а две другие — Лисси Вэг и Максу Реалю, и к тому же случай играл такую важную роль в этом матче Гиппербона! Единственное число очков, которого репортер мог бояться, было двенадцать, грозившее Заставить его проделать путь в штат Небраска, и десять дублированных очков, которые послали бы его приветствовать Тома Крабба, в «тюрьму», штат Миссури.

Тем не менее, хотя в его распоряжении были еще целых пятнадцать дней, от 18 июня до 2 июля, чтобы доехать до Южной Дакоты, Гарри Кембэл не захотел терять ни одного часа и, на этот раз не ожидая обычного маршрута заботливого секретаря Трибуны, сам скомбинировал себе вполне удовлетворительный маршрут.

Территории штатов Южная Дакота и Северная Дакота отделены от Вашингтона двумя штатами, Айдахо и Монтана. В это время года Северная Тихоокеанская железная дорога была открыта. Проходя через штаты Висконсин, Миннесота, Северная Дакота, Монтана и Айдахо, она служила прямым путем сообщения между Чикаго, а следовательно, и Нью-Йорком и столицей штата Вашингтон Олимпией. От Олимпии до Фарго, находящегося на восточной границе Северной

Дакоты, около тысячи трехсот миль, и четыреста миль от Фарго до Янктона, лежащего на юге штата Южная Дакота, — расстояние, в общем, в тысячу семьсот миль.

Обычно поезда американских железных дорог делают тысячу миль в тридцать два часа, а на некоторых даже в двадцать четыре часа. Но в данном случае приходилось считаться с переездом через Скалистые горы и с возможными запозданиями. К тому же Гарри Кембэл располагал временем для отдыха в Янктоне в ожидании тиража 2 июля. Вот почему в результате зрелого размышления он решил уехать из Олимпии на следующий же день.

Около четырехсот миль отделяют столицу Вашингтона от первых отрогов цепи Скалистых гор, потом двести пятьдесят миль — от западного до восточного конца этого хребта, всего около шестисот миль от Олимпии до Хелины, столицы штата Монтана. Эта северная часть Соединенных штатов вплоть до самого Чикаго обслуживалась железнодорожной линией Северного Тихоокеанского союза, идущей почти параллельно линии Центральной Тихоокеанской железной дороги, лишь на шесть градусов севернее. Имея в распоряжении пятнадцать дней, чтобы переехать

в Южную Дакоту, репортер рассчитывал быть в городе Янктоне за несколько дней до получения телеграммы от нотариуса Торнброка, которая должна была — он в этом ни минуты не сомневался — известить его о благоприятном для него числе выброшенных очков. Во всяком случае, эта линия Северного Тихоокеанского союза должна была перевезти его через штаты Айдахо, Монтана и Северная Дакота, и в результате такого путешествия читатели газеты Трибуна получили бы ряд интереснейших заметок.

Выехав из Олимпии и поднявшись на северо-восток, к городу Такоми, поезд спустился на юго-восток и пересек цепь Каскадных гор, миновав города Готспринг, Клилум, Элленсберг, Топпениш и Пэспаско, где он пересек реку Колумбию.

Проводя большую часть времени на площадке своего вагона, Гарри Кембэл любовался этой чудесной страной, в которой виды один другого лучше чередуются на всем протяжении железнодорожного пути, часто опускающегося в глубокие горные ущелья, где клокочут шумные потоки, берущие свое начало на склонах Каскадных гор. Все эти восхитительные картины появлялись и дальше, когда, оставив за собой гору Стюарт, поезд

помчался вдоль берега реки Колумбии, которая течет с севера на юг, вплоть до того места, где она делает крутой изгиб и вливается в Тихий океан, образуя южную границу штата Вашингтон.

Великолепная река малосудоходна в этой части течения, так как ее преграждают многочисленные водопады — Букленд, Гуалквил, Айленде и Прист. Далее паровоз зигзагами помчался по большой Колумбийской пустыне между Солт-Лейк и Силкатква-Лейк, где существуют еще проезжие дороги, по которым свободно путешествовали в прежние времена индейские племена— нэ-переэ, кёр-д'ален и пюиаллюпе, остатки которых теперь заселяют только несколько участков.

Штат Айдахо, лежащий в бассейне реки Колумбии и соприкасающийся на севере с владениями Канады, все еще изобилует лесами и пастбищами, как в былые времена, до эксплоатации его золотых приисков. Столица его, Бойзе-Сити, на берегу одноименной реки, представляет собой город с населением в две тысячи триста человек, а его крупный город, Айдахо-Сити, лежит при впадении в Колумбию реки Снейк и оказывает экономическое воздействие на всю южную часть этой территории, где китайцы составляют большую часть населения, так же как и мормоны.

За штатом Айдахо начинается территория штата Монтана. Там, проезжая через живописный район Скалистых гор, Гарри Кембэл получил целый ряд изумительных впечатлений — он, глаза которого должны были бы, казалось, привыкнуть ко всем красотам гор Нью-Мексико и Вашингтона. Между их оврагами и ущельями, где параллели и меридианы служат геодезическими границами, протекают, направляясь на север, тысячи ручьев, речек и рек, которые орошают обильнейшие пастбища, способствующие развитию скотоводства. Они являются вместе с многочисленными копями главным богатством страны, так как климат ее слишком суров для земледелия. Помимо горной цепи, встречается много больших городов, которые обслуживает Северная Тихоокеанская железная дорога: Миссула, Хелина и Бьютт; города эти находятся в центре золотых, серебряных и медных приисков.

Миновав Чарльз-Форк-Ривер, а затем высокие вершины Висснер, Стивенс и пики Игле, железная дорога вновь спустилась к городу Хелина, столице Айдахо.

Там Гарри Кембэл очутился в центре гористой страны, и, без сомнения, надо было обладать смелым гением американцев, чтобы проложить

железнодорожный путь по такому району. В нем почва еще более трудна для такого рода работ, чем та, по которой проложена Центральная Тихоокеанская железная дорога на четыреста миль южнее, и Гарри Кембэл, познакомившись с этой второй дорогой еще во время своего переезда из Омахи в Сакраменто, мог теперь их сравнить, отдав предпочтение первой.

К несчастью, погода была далеко не из приятных и небо грозовое. В течение двадцати четырех часов электрическое напряжение в атмосфере все усиливалось. Тяжелые грозовые тучи поднимались на горизонте, и Гарри Кембэл был свидетелем стихийного взрыва, одного из тех страшных атмосферных явлений, которые бывают так грандиозны в горных местностях.

В данном случае гроза не замедлила принять угрожающие размеры: это была одна из тех гроз с бурями, которые приковывают всех жителей надолго к дому. Путешественники, в свою очередь, не были спокойны, хотя поездам даже при очень ускоренном ходе ничто не угрожает, так как электрический ток находит свободный выход через рельсы. Тем не менее этот страшный блеск непрерывных молний, эти ужасающие раскаты грома, повторяемые эхом и превращенные в

нескончаемый гул, эти молнии, попадающие в скалы и деревья, расположенные вдоль железнодорожного пути, эти громадные камни, отколотые от скал и образующие целые лавины, и наконец, перепуганные дикие звери — буйволы, антилопы, олени, лани, медведи, разбегающиеся в разные стороны, — все это образовало ни с чем не сравнимое зрелище, которым путешественники могли вдоволь насладиться в полуденные часы 20 июня.

И вот тогда-то репортеру *Трибуны* представился случай послать в свою газету не только одну из самых неожиданных и интересных заметок, но также сообщить об одном странном открытии, сделанном им в области зоологических исследований Скалистых гор.

Около пяти часов дня, когда поезд медленно поднимался по очень крутому горному склону, в самый разгар страшной грозы Гарри Кембэл стоял на площадке вагона (остальные пассажиры не решались покинуть свои скамейки). Внезапно он увидел на дороге великолепнейшего медведя из породы чернобурых гризли. Он шел на задних ногах вдоль железнодорожного пути, перепуганный, очевидно, борьбой стихий, которая всегда производит такое сильное впечатление на

зверей. Неожиданно этот представитель стопоходящих, ослепленный яркой молнией, поднял свою правую лапу, поднес ее ко лбу и поспешно перекрестился…

«Медведь, который осеняет себя крестным знамением! Но это невозможно! Я плохо разглядел!»

Нет, он разглядел очень хорошо. При ослепляющем блеске молнии гризли, проявляя все признаки страха, несколько раз осенил себя крестным знамением.

Вскоре поезд пошел быстрее, и медведь остался позади. А репортер немедленно записал в своей записной книжке:

«Гризли, представитель новой породы стопоходящих. Крестится во время грозы. Назвать его, говоря о фауне Скалистых гор, *Урсус Кристианус*».

И эта заметка фигурировала в письме, отосланном на следующий день из города Хелины в редакцию газеты *Трибуна*.

Миновав станции Миссула, Бонита, Дреммонд и Гаррисон, поезд, проехав длинным тоннелем, проходившим под горным хребтом, утром 21 июня остановился у перрона вокзала города Хелины.

Этот город, построенный на высоте тысячи

туазов на восточном склоне Скалистых гор, на берегу горной реки притока Миссури, представляет собой обширный склад добываемых в местных рудниках минеральных богатств этого района, и его население составляет от четырнадцати до пятнадцати тысяч душ. Поезд Северной Тихоокеанской железной дороги, простояв там два часа, стал спускаться вниз, направляясь в равнины, орошаемые течением реки Йеллоустона и ее многочисленных притоков.

Эту страну населяли индейские племена: плоские головы, большие животы, черноногие вороны, шайенны, модоки, для которых потом были отведены специальные участки (резервации). Соседство с ними плохо переносится белым населением.

Двигаясь некоторое время на юго-восток через Локарт и Боземан, поезд в Ливингстоне опять подошел к берегу реки Йеллоустона и оттуда через ряд станций: Лаури, Говард и Майлес-Сити, направился из штата Монтана в штат Северная Дакота и затем в Бич, лежащий на сто семьдесят четвертом градусе долготы.

Наконец поезд достиг реки Миссури в городе Эдвинтоне, столице штата, который немецкая часть населения предпочитает называть Бисмар-

ком, город не менее изолированный, чем тот, чье имя он носит, кто, никем не любимый, всеми презираемый, покоится теперь в тишине кладбища Фридрихсруэ в Берлине[70].

Гарри Кембэл мог бы перейти на станции Джемс-Тоун на другую железнодорожную ветку, которая идет прямо в Янктон, но, повидимому, послушный своей фантазии, он предпочел отправиться через Валли-Сити, Ориску и Кассилтон в город Фарго, лежащий на западной границе штата Миннесота, куда он и прибыл утром 23 июня.

Как раз там, у самой границы этого штата, находился и таинственный X. K. Z., ожидавший в городе Сент-Поле, столице штата, чтобы следующий тираж, назначенный на 24-е число, отправил его… куда? в какую клетку?., без сомнения, очень близко находившуюся от конечной цели, от шестьдесят третьей клетки, и, может быть, даже именно в нее, что бесило репортера Трибуны, несмотря на всю присущую ему самоуверенность.

Штат Дакота, отделенный от штата Миннесота в 1861 году, состоит из двух квадратов, почти одинаковых по размерам: один южный, другой

---

[70] Примечания: 70
Бисмарк умер в 1898 году.

северный. Территория этого штата, возвышенная, но не гористая, составляет резкий контраст с территорией соседних с ней штатов, к западу от нее. Белое народонаселение предпочло заселить ее юго-восточную часть, где занимается культурой табака, маиса, овса и овощей, так как почва там превосходная. Северная же часть изобилует озерами и прудами. Тут же течет река Миссури до города Янктона, откуда она спускается в Омаху, тогда как Ривьер-Руж отделяет этот штат от штата Миннесота.

Гарри Кембэл провел в Фарго весь день 23 июня, никого не известив о своем прибытии. Возможно, что вкусы туриста увлекли бы его в некоторые из местечек, расположенных по левому берегу Ривьер-Руж, а также на правом берегу реки, если бы одно неожиданное обстоятельство не заставило его изменить свои планы.

В то время как он прогуливался после полудня в окрестностях этого маленького городка, к нему подошел незнакомый субъект, с виду американец, лет пятидесяти, небольшого роста, с острым носиком, с маленькими, то и дело мигающими глазками, в общем, далеко не симпатичной внешности.

— Милостивый государь, — сказал этот субъ-

ект, — если я не ошибаюсь, я видел, что сегодня утром вы вышли из поезда Северной Тихоокеанской железной дороги?

— Да, вы не ошиблись, — ответил Гарри Кембэл.

— Мое имя — Хоргарт, — продолжал незнакомец, — Лен Хоргарт, Лен Вильям Хоргарт…

— Прекрасно, мистер Лен Вильям Хоргарт! Скажите, чем я могу вам служить?

— По всей вероятности, вы отправляетесь в Янктон? — спросил, в свою очередь, незнакомец.

— Совершенно верно, в Янктон.

— В таком случае, разрешите мне предложить вам свои услуги…

— Ваши услуги? Какие именно?

— Еще только один вопрос: вы приехали один?

— Один ли я? — переспросил не без удивления Гарри Кембэл. — Да, один.

— Миссис с вами не поехала?

— Миссис?

— Ну, все равно… Можно обойтись и без нее… Здесь ее присутствие не является необходимым для того, чтобы развестись…

— Чтобы развестись, мистер Хоргарт?

— Ну, конечно, и я беру на себя все формальности вашего развода…

— Но для того, чтобы развестись, нужно быть женатым, а я не женат, могу вас уверить!

— Вы не женаты и едете в Янктон? — воскликнул Хоргарт, видимо крайне удивленный.

— Чорт возьми, но кто же вы, мистер Хоргарт?

— Я — посредник и свидетель по бракоразводным делам.

— Я очень сожалею, — ответил Гарри Кембэл, — но ваши услуги мне не нужны.

В сущности, репортер не должен был бы особенно удивляться предложению Лена Вильяма Хоргарта. Если в штате Иллинойс разводы представляют собой обычное явление, если можно кричать путешественникам, въезжающим в этот город: «Чикаго! Остановка десять минут! Как раз столько, сколько нужно, чтобы развестись!», то там все же нужны для развода некоторые формальности. Что же касается Южной Дакоты, то здесь все по-другому. Этот штат является специальным «штатом разводов», и достаточно, чтобы какой-нибудь свидетель подтвердил, что вы уже шесть месяцев как переселились туда, чтобы без труда расторгнуть ваши брачные узы.

Отсюда — это ремесло посредников и свидетелей, используемых людьми на службе закона. Они ловят клиента, дают показания в его пользу

и находят ему заместителя в том случае, если он не хочет вести дело лично и предпочитает давать доверенность, — словом, всячески облегчают ему задачу. И маленькое местечко Сиу-Фолс славится исключительной легкостью в расторжении брачных уз, еще большей, чем сам город Янктон.

— В таком случае, я должен вам сказать, — прибавил любезным тоном мистер Хоргарт, — что я бесконечно жалею, что вы не женаты.

— Я тоже, — ответил Гарри Кембэл, — так как здесь мне представлялся такой прекрасный случай расторгнуть свой брак!

— Но раз вы. едете в Янктон, то постарайтесь, пожалуйста, быть там завтра до трех часов дня, для того чтобы присутствовать на многолюдном митинге.

— Митинге? А по какому поводу?

— Дело идет о том, чтобы добиться сокращения до трех месяцев срока пребывания для устройства развода, как в штате Оклахома, который является для нас очень неприятным конкурентом. Председателем на этом митинге будет почтенный мистер Хельдрет.

— Мистер Хоргарт!.. Но кто же этот мистер Хельдрет?

— Очень известный коммерсант, который раз-

водился уже семнадцать раз, и, как говорят, это еще не конец.

— Мистер Хоргарт, я не премину воспользоваться вашим советом и в назначенное время буду в Янктоне.

— В таком случае, я сейчас с вами прощусь и надеюсь в будущем быть вам полезен.

— Я в этом не сомневаюсь, мистер Хоргарт, и не забуду о вашем любезном предложении.

— Никогда нельзя знать, что может случиться.

— Именно так, мистер Хоргарт, — ответил Гарри Кембэл.

И он простился с этим достойным свидетелем и посредником, так хлопотавшим в интересах дакотских адвокатов.

Оставалось узнать, удастся ли ему добиться на митинге под председательством мистера Хельдрета в городе Янктоне тех неоценимых удобств, которыми пользовался штат Оклахома?

Наконец на следующий день, 24-го числа, в шесть часов утра главный репортер газеты Трибуна сел в поезд, направляющийся в Южную Дакоту.

Здесь между двумя штатами существует довольно запутанная цепь железных дорог, но так как между городами Фарго и Янктоном всего две-

сти пятьдесят миль, то Гарри Кембэл был уверен, что он поспеет явиться туда к назначенному в этот день митингу.

На его счастье, последняя часть железнодорожной ветки, проложенной между станциями Медари и Сиу-Фолс-Сити, была только что закончена, и в этот день по ней должны были пустить поезда.

Вскоре он проехал через условную границу, разделяющую Северную и Южную Дакоту, и когда в одиннадцать часов поезд остановился около маленького местечка Медари на берегу реки Биг-Сиу-Ривер, он увидел, что все путешественники выходят из вагонов.

Обратившись тогда к дежурному по станции, находившемуся в этот момент на перроне вокзала, он спросил:

— Разве здесь останавливается поезд?

— Да, как раз здесь, — ответил служащий.

— Так это, значит, не сегодня открывается сообщение между Медари и Сиу-Фолс-Сити?

— Нет, мистер, не сегодня.

— А когда же?

— Завтра.

Эта новость была неприятна Гарри Кембэлу, так как обе станции находятся на расстоянии

шестидесяти миль одна от другой, и если ему придется брать экипаж, то он явится слишком поздно и не сможет присутствовать на митинге почтенного мистера Хельдрета.

Но как раз в эту минуту он увидел на станции Медари поезд, видимо готовый к отправлению в Янктон.

— А вот этот поезд? — спросил он.

— О, этот поезд!.. — ответил служащий каким-то странным тоном.

— Разве он не скоро еще тронется?

— Да… в двенадцать часов тринадцать минут.

— В Янктон?

— О!.. Янктон! — ответил тем же тоном служащий и покачал головой.

Но в этот момент служащего позвал начальник станции, и он не мог поэтому ответить подробно на расспросы Гарри Кембэла.

«Чорт возьми! — подумал Кембэл. — Вот что меня может устроить, раз дорога откроется только завтра. Очевидно, это товарный поезд, но это безразлично. Сделаю небольшой переезд от Медари до Сиу-Фолс-Сити. Если бы мне удалось проскользнуть незаметно в один из вагонов, то по приезде на место я объяснился бы с кем нужно».

И, как всегда самоуверенный, репортер нимало

не усомнился в том, что к его объяснениям не могут отнестись иначе, как с самым горячим участием, когда узнают, что он — один из знаменитых партнеров матча Гиппербона. Он скажет свое имя и одновременно согласится уплатить то, что следовало, за свой незаконный проезд.

Благоприятствовало проекту Гарри Кембэла то, что в этот момент вокзал Медари был совершенно пуст; казалось, что все пассажиры стремились его покинуть. На перроне вокзала не видно было теперь ни одного служащего. Только машинист и кочегар были заняты, спешно кидая большими лопатами уголь в паровозную топку.

Гарри Кембэл мог поэтому незаметно войти в вагон и, поместившись в уголке, ждать отхода поезда.

Ровно в двенадцать часов тринадцать минут поезд тронулся, более резко рванув, чем обыкновенно.

В течение десяти минут скорость его все увеличивалась, сделавшись вскоре совершенно исключительной. И было немного странно, что когда поезд проходил мимо станций, машинист не давал свистков.

Гарри Кембэл поднялся и посмотрел в маленькое окошечко, находившееся в передней стенке

вагона.

На паровозе, который выбрасывал клубы дыма и пара, не видно было ни машиниста, ни кочегара.

«Что это значит? — подумал репортер. — Неужели же они оба упали?.. Или, быть может, этот проклятый паровоз сорвался с места своей стоянки, подобно лошади, вырывающейся из своей конюшни?»

Внезапно из его груди вырвался крик безумного ужаса…

По той же самой линии на расстоянии менее четверти мили показался другой поезд, шедший навстречу первому и тоже мчавшийся с головокружительной быстротой!

Еще несколько секунд, и паровозы столкнулись… Они налетели друг на друга с совершенно невероятной стремительностью, разбивая багажные вагоны один за другим. Раздался оглушительный взрыв, и остатки двух паровозных котлов взлетели высоко в воздух.

Тогда к грохоту и шуму взрыва присоединились громкие «ура» и восторженные крики нескольких тысяч людей, толпившихся по обеим сторонам рельсов, но на таком, однако, расстоянии, чтобы не пострадать от крушения.

То были любопытствующие зрители, которые создали волнующий спектакль. Они организовали его за свой счет, устроив столкновение двух поездов, пущенных на всех парах, — спектакль чисто американский, надо прибавить.

Так произошло открытие железнодорожного пути между Медари и Сиу-Фолс-Сити, этим «раем» американских разводов.

ГЛАВА XIII
ПОСЛЕДНИЕ УДАРЫ ИГРАЛЬНЫХ КОСТЕЙ В МАТЧЕ ГИППЕРБОНА

Излишне описывать душевное состояние Лисси Вэг, когда эта молодая девушка рассталась с Максом Реалем, чтобы поехать занять его место в городе Ричмонде. Уезжая вечером 13-го числа, она не сомневалась, что на следующий день судьба сделает для Макса Реаля то же самое, что недавно она сделала для нее, то есть вернет ему свободу и даст возможность вновь занять почетное место на обширном поле состязания Соединенных штатов Америки.

Погруженная в эти волнующие мысли и ощущения, Лисси Вэг забилась в один из уголков вагона, и Джовита Фолей, сидевшая рядом с ней, не решалась беспокоить свою подругу какими-либо неуместными разговорами.

От Сент-Луиса до Ричмонда не более семисот миль, если ехать через Миссури, Кентукки, Западную и Восточную Виргинию, и утром 14-го числа молодые девушки приехали в Ричмонд, где они должны были ждать очередной телеграммы нотариуса Торнброка. С другой стороны,

мы знаем, что Макс Реаль решил не покидать Сент-Луиса прежде, чем будет известен тираж 20 июня, и решил это потому, что надеялся встретиться дорогой с Лисси Вэг, когда он отправится в Филадельфию, чтобы занять место Тома Крабба.

Легко представить себе радость двух подруг, очень сдержанную у одной и шумную у другой, когда тотчас по приезде в гостиницу они узнали из газет об освобождении Макса Реаля.

— Нет, видишь, моя дорогая, — объявила Джовита Фолей, взволнованная и радостная, — бог есть!.. Некоторые люди предполагают, что его нет. Безумцы! Если бы его не было, разве этот Крабб смог когда-нибудь получить эти пять очков?.. Нет, бог знает, что он делает, и мы должны его благодарить!

— От всего сердца! — докончила Лисси Вэг, испытывая сильное волнение.

— Нужно сказать, что счастье одного часто является несчастьем для другого, — продолжала Джовита Фолей. — По этому поводу я всегда думала, что на земле в распоряжении людей имеется только определенная сумма счастья и что каждый получает свою долю за счет несчастья другого.

Слышите вы эту удивительную особу с ее фило-

софскими замечаниями? Во всяком случае, если существует известное, определенное количество веселья на этом свете, то Джовита Фолей вряд ли оставила что-либо для других, так много захватила она для себя.

— Так, значит, — продолжала она, — Крабб в «тюрьме», где он сменил мистера Реаля! Могу сказать, что тем хуже для него, и если только командор Уррикан не явится, чтобы его освободить… Но если бы это случилось, то я не желала бы очутиться на дороге этой «морской бомбы»!

Теперь молодым девушкам ничего другого не оставалось, как терпеливо ждать 20-го числа. В течение всех этих шести дней время будет итти, конечно, незаметно в прогулках по Ричмонду, о красотах которого Макс Реаль много им рассказывал. Но город показался бы им еще прекраснее, если бы молодой художник мог сопутствовать им в этих прогулках. Об этом громко заявила Джовита Фолей, и вполне вероятно, что Лисси Вэг разделяла этот ее взгляд.

К тому же они проводили в гостинице очень много времени, что позволяло им избегать газетных интервьюеров, громко оповестивших о пребывании пятой партнерши в стенах Ричмонда, к большому неудовольствию Лисси Вэг,

многие из этих газет напечатали на своих страницах ее портрет, а также портрет ее подруги, ее «двойника», как все называли Джовиту Фолей, которую, повидимому, это нимало не сердило. И как можно было не отвечать на выражения симпатий, которыми их встречали во время экскурсий!

Да! Двум богатым наследницам выказывали всяческое уважение с тех пор, как впереди них был только таинственный X. K. Z., в существование которого многие еще отказывались верить.

Спрос на Лисси Вэг был особенно велик во всех агентствах, особенно на биржах Соединенных штатов.

— Ставлю на Лисси Вэг!

— Ставлю на Кембэла против Лисси Вэг!

— Кто желает Титбюри?

— Вот Титбюри.

— Вот несколько пачек Крабба.

— У кого есть Реаль?

— А Лисси Вэг?

Лишь об этом и говорили не только в Соединенных штатах, но и за границей, и нетрудно было себе представить, что придает такое важное значение этим денежным суммам, зависевшим от успеха пятой партнерши. При удаче она в два хода

могла бы кончить партию и, даже поделившись со своей подругой, сделаться одной из богатейших наследниц в этой «стране долларов», имена которых записаны в Золотой книге Америки.

Когда наступило 16 июня, то — так как заботиться о Германе Титбюри было нечего (ему в течение еще почти месяца надлежало пользоваться всеми прелестями *Эксельсиор-Отеля*) — некоторые из заинтересованных в этом деле лиц предложили, как мы уже знаем, произвести этот тираж в пользу четвертого партнера, то есть Гарри Кембэла, и, таким образом, очередь каждого будет ускорена на сорок восемь часов. Но это мнение не разделяли ни Джордж Хиггинботам, ни другие члены Клуба Чудаков, ни сам нотариус Торнброк, никто из лиц, обязанных выполнять волю покойного.

Как известно, тиражом от 18-го числа главный репортер Трибуны был послан из Олимпии в Янктон, а на следующий день в газете было напечатано, что он выехал из столицы штата Вашингтон по Северной Тихоокеанской железнодорожной линии.

Но переходом из тридцатой в тридцать девятую клетку Кембэл нимало не угрожал Лисси Вэг, занимавшей сорок четвертую.

Наконец 20-го числа — еще до восьми часов

— Джовита Фолей, заручившись согласием своей подруги ей сопутствовать, явилась в почтовую контору города Ричмонда. Час спустя телеграф принес им весть о выброшенных двенадцати очках, из шести и шести, самое большое число, которое могли выбросить две кости, и это продвигало их на двенадцать клеток вперед, в пятьдесят шестую, штат Индиана.

Две подруги поспешно вернулись в отель, чтобы избежать чересчур шумных излияний публики, и Джовита Фолей вскричала:

— О, моя дорогая! Штат Индиана и Индианаполис, его столица!.. Прямо непозволительно быть такой любимицей счастья!.. Вот мы уже приближаемся к нашему Иллинойсу, и ты уже впереди всех, на целых пять клеток обогнав этого пролазу, этого X. K. Z., и желтый флаг побивает красный. Еще только семь очков, и ты победишь! И почему не могут игральные кости выбросить это число — семь?.. Ведь это очень важное число— число разветвлений на библейском подсвечнике, число дней недели, число плеяд (она не посмела сказать— число главных грехов), число партнеров, которые гонятся за наследством!.. Бог мой, сделай же так, чтобы игральные кости выбросили семь очков и дали нам выиграть партию!.. Если

бы ты знал, и ты это должен знать, как хорошо используем мы эти миллионы! Сколько добра сделаем всем, всем! Мы создадим приюты для бедных, рукодельные мастерские!.. Да! Больницу «Вэг-Фолей» для больных города Чикаго. Это будет написано большими буквами. А что касается меня, то я построю дом для молодых девушек, не имеющих состояния, а потому не могущих выйти замуж; в этом учреждении я буду начальницей, и ты увидишь, как я это все устрою!.. О! Ты-то никогда туда не попадешь, мисс миллиардерша, потому что... Ну, я знаю, что хочу сказать, да к тому же твоей руки будут добиваться маркизы, принцы и все им подобные!..

Безусловно, Джовита Фолей бредила. Она целовала Лисси Вэг, которая, улыбаясь, с рассеянным видом принимала все эти обещания, и Джовита продолжала вертеться, вертеться по комнате, как волчок, который погоняет кнутом маленький мальчик.

Теперь был поднят вопрос о том, должна ли пятая партнерша уехать из Ричмонда немедленно. В ее распоряжении было еще несколько дней до 4 июля — срок, когда ей надо было явиться в Индианаполис. Но так как она провела уже шесть дней в этом виргинском городе, то Джовита Фо-

лей считала, что ей лучше на следующий же день отправиться к новому месту своего назначения.

Лисси Вэг сдалась на уговоры, а к тому же неделикатность публики и настойчивость репортеров становились все более назойливыми и неприятными. И потом, раз Макса Реаля не было в Ричмонде, для чего им там задерживаться? И что могла бы Лисси Вэг ответить на этот аргумент, так настойчиво повторяемый Джовитой?

Таким образом, утром 21-го числа подруги отправились на вокзал. Поезд, пройдя обе Виргинии и Огайо, должен был доставить их в этот же вечер в столицу штата Индиана, сделав для этого четыреста пятьдесят миль.

Между тем вот что случилось. На перроне вокзала к ним подошел безукоризненно вежливый господин и, поклонившись, спросил:

— Не правда ли, я имею честь говорить с мисс Лисси Вэг и мисс Джовитой Фолей?

— Вы не ошиблись, — ответила Джовита.

— Я мажордом миссис Мигглэзи Беллэн, и миссис Мигглэзи Беллэн была бы счастлива, если бы мисс Лисси Вэг и мисс Джовита Фолей приняли ее предложение воспользоваться ее поездом, который привезет их в Индианаполис.

— Идем! — сказала Джовита Фолей, не дав Лис-

си Вэг обдумать свой ответ.

Мажордом привел их на запасный путь, где находился поезд, состоящий из паровоза, все части которого сверкали, как только что отполированные, из вагона-салона, вагона-столовой, вагона-спальни и еще одного вагона, помещавшегося сзади, таких же. роскошных снаружи, как и внутри. В общем, это был настоящий королевский, императорский или президентский поезд. Таким-то способом путешествовала миссис Мигглэзи Беллэн, одна из самых богатых американок Союза, соперница Уитменов, Стивенсов, Бредлей, Бельмонтов и других, которые ездят по морю не иначе, как на своих собственных яхтах, не путешествуют иначе, как в своих собственных поездах, ожидая дня, когда они будут совершать подобные переезды не иначе, как по своим Собственным железным дорогам. Миссис Мигглэзи Беллэн была очень приятной женщиной. Пятидесятилетняя вдова обладала неистощимыми нефтяными источниками, другими словами, «источниками» долларов.

Лисси Вэг и Джоеитэ Фолей прошли мимо большого персонала слуг, расставленных на перроне, и были приняты двумя компаньонками, которые провели их в вагон-салон, где находилась мил-

лиардерша.

— Милейшие барышни, — любезно приветствовала их миссис Мигглэзи Беллэн, — я вам очень благодарна за то, что вы приняли мое приглашение и согласились сделать вместе со мной это путешествие. Вы сделаете его в более приятных условиях, чем в общем поезде, и я очень рада, что имею возможность выразить этим то внимание и интерес, с которыми я отношусь к пятой партнерше, хотя у меня нет личной заинтересованности в этой партии.

— Мы бесконечно польщены любезностью, которую нам оказывает миссис Мигглэзи Беллэн, — ответила Джовита Фолей.

— И мы выражаем ей нашу горячую благодарность, — прибавила Лисси Вэг.

— Это совершенно лишнее, — улыбаясь, ответила милейшая особа, — я надеюсь, мисс Вэг, что мое общество принесет вам счастье.

Это было восхитительное путешествие, так как, несмотря на свои миллионы, миссис Мигглэзи Беллэн была лучшей из женщин, и молодые девушки провели несколько приятных часов в ее гостиной и столовой, прогуливаясь с одного конца поезда до другого, любуясь исключительной красотой окружавшей их обстановки.

— И подумать только, — объявила Джовита Фолей Лисси Вэг, когда они на минуту остались одни, — что вскоре мы сами будем в состоянии так путешествовать в нашем собственном вагоне…

— Будь же благоразумна, Джовита!

— Но ты увидишь!

Такого же мнения была и миссис Мигглэзи Беллэн. Будучи в этом совершенно не заинтересована, она была все же уверена в том, что Лисси Вэг первая из «семи» окажется у цели.

Это было восхитительное путешествие.

Вечером поезд остановился в Индианаполисе, и так как он шел дальше, в Чикаго, то подругам надо было здесь выйти.

Выразив с волнением миссис Беллэн свою благодарность, подруги простились с ней, тронутые ее исключительным гостеприимством.

Соблюдая насколько возможно свое инкогнито, они отправились в указанный им Шерман-Отель. Но на следующее же утро газеты оповестили читателей о пребывании их в этом отеле.

Индианаполис, как большинство столиц штатов Америки, занимает центр данной территории, и от этого пункта линии железных дорог расходятся по всем направлениям. Глядя на карту штата Индиана, можно подумать, что какая-то паутина, нити которой составляют железнодорожные линии, протянута между геодезическими градусами, составляющими его границы с трех сторон: штата Огайо с востока, штата Иллинойс с запада и штата Кентукки с юга.

Если в прежние времена этот штат оправдывал свое название Индейской земли, то в настоящее время он стал типичным американским штатом, несмотря на то что его первыми колонистами

были французские эмигранты.

Макс Реаль нашел бы мало живописного в этом районе. Страна эта по преимуществу плоская, только кое-где она покрыта холмами. Очень удобная для железных дорог, она достигла блестящего развития в торговом отношении. Почва ее необыкновенно благоприятна для культуры самых различных злаков. Она богата черноземом, каменноугольными копями, нефтяными и газовыми источниками.

Штат Индиана, с населением в два миллиона человек, занимает только тридцать седьмое место по размерам занимаемой им площади, но наряду с Индианаполисом в нем много городов, имеющих важное значение, очень оживленных, очень процветающих.

Без сомнения, во время своего двухнедельного пребывания там подруги успели бы осмотреть все его главные окрестности, побывать в гротах Уэндиот, между Эвансвиллом и Нью-Олбани, которые соперничают с Мамонтовыми пещерами, но Джовита Фолей предпочитала сохранить во всей полноте незабываемые впечатления от чудес штата Кентукки. Не там ли, в этих очаровательных местах, получила она чин подполковника милиции штата Иллинойс? Она думала порой об

этом, испытывая желание от души посмеяться, думала также и о том, что им обеим по возвращении в Чикаго предстоит явиться в военной форме к губернатору.

И всякий раз, когда она видела свою подругу грустной или задумчивой:

— Лисси, — говорила она ей, — я тебя не понимаю, или, вернее, я тебя очень хорошо понимаю!.. Это очень славный молодой человек… симпатичный, любезный-все достоинства… и к тому же сумевший тебе понравиться!.. Но в конце концов, раз здесь его сейчас нет, так как он должен находиться сейчас в Филадельфии, где сменит несчастного Тома Крабба, то нужно быть благоразумной, моя дорогая, и если ты желаешь всех благ мистеру Реалю, то должна также подумать немножко и о нас…

— Джовита, ты преувеличиваешь…

— Нет, Лисси, будь откровенна, признайся, что ты его любишь.

Молодая девушка ничего не ответила, что было, быть может, тоже своего рода ответом.

22 июня газеты сообщили о результате метания игральных костей, произведенного в пользу командора Уррикана.

Читатель, вероятно, не забыл, что оранжевый

флажок должен был по возвращении из Долины Смерти сызнова начать всю партию и что довольно удачный для него тираж Отослал его в двадцать шестую клетку, штат Висконсин. Это, несомненно, доказывает, что, подобно дням в году, удары игральных костей следуют один за другим, но один на другой не похож. На этот раз, однако, рука нотариуса Торнброка не была такой счастливой, так как выброшенное число очков, пять, из одного и четырех, приводило Годжа Уррикана в тридцать первую клетку, штат Невада, а именно в этой клетке Вильям Гиппербон и поместил «колодец», в глубине которого несчастный командор вынужден был оставаться до тех пор, пока какой-нибудь из партнеров не явится его оттуда вытащить.

— Можно подумать, что он нарочно это делает! — вскричал Годж Уррикан в пароксизме неистового гнева.

И когда Тюрк заявил, что при первой возможности он свернет Торнброку шею, его хозяин не пытался его успокоить. К тому же тут дело шло еще о тройном штрафе, о трех тысячах долларов, которые шестому партнеру предстояло из своего кармана вложить в кассу матча.

Доброе сердце Лисси Вэг заставило ее и на этот

раз пожалеть несчастного морского волка.

— Пожалеть его я согласна, — сказала Джовита Фолей, — тем более что я не вижу никого, кто мог бы его освободить, кроме Титбюри, если по отъезде из Нового Орлеана он получит двенадцать очков. Но, в конце концов, теперь самое важное, чтобы мистер Реаль вышел из своей «тюрьмы», и мне кажется, что мы увидим его раньше, чем думаем…

Эта проницательная особа и не предполагала, что ее пророчество сбудется так скоро.

Действительно, подходя к *Шерман-Отелю* после утренней прогулки, Лисси Вэг не могла не вскрикнуть от удивления.

— О, что с тобой? — спросила Джовита Фолей.

И тотчас же, в свою очередь, воскликнула:

— Вы, мистер Реаль?!

Перед входом в гостиницу стоял молодой художник, а за ним Томми. Слегка взволнованный, даже смущенный, Макс Реаль пытался найти извинение своему неожиданному появлению.

— Я ехал к назначенному пункту, в Филадельфию, и так как Индиана случайно оказалась на моем пути…

— Географическая случайность, — воскликнула со смехом Джовита Фолей, — но случайность эта,

во всяком случае, счастливая!

— И так как это не удлиняло моего путешествия…

— Потому что, мистер Реаль, если бы случайность удлиняла путешествие, вы не рискнули бы не попасть к сроку…

— О! У меня свободное время до двадцать восьмого, мисс Вэг! Еще целых шесть дней и…

— А когда имеешь в своем распоряжении целых шесть дней, с которыми не знаешь, что делать, то самое лучшее провести их с людьми, к которым относишься с участием… с горячим участием…

— Джовита!.. — проговорила вполголоса Лисси Вэг.

— И случай, все тот же счастливый случай захотел, чтобы вы выбрали именно *Шерман-Отель*…

— …потому что газеты сообщили, что пятая партнерша со своей верной подругой остановилась именно там…

— И, — продолжала верная подруга, — так как пятая партнерша остановилась в Шерман-Отеле, то вполне естественно, что первый партнер остановился тоже там… О, если бы дело шло о втором или третьем, но нет!.. это ведь именно пятая… Во всем этом случай…

— …не играет решительно никакой роли, и

вы это знаете, мисс Вэг, — сознался Макс Реаль, пожимая руку, которую ему протянула молодая девушка.

— Ну, так, по крайней мере, откровеннее! — вскричала Джовита Фолей. — И — откровенность за откровенность — мы очень счастливы, что вы сюда заехали, мистер Реаль, но предупреждаю, что вы не останетесь здесь ни на один час дольше, чем это вам полагается, и что мы не позволим вам пропустить поезд, который идет в Филадельфию!

Излишне говорить, что Макс Реаль ждал в Сент-Луисе, чтобы газеты оповестили публику о приезде Лисси Вэг и Джовиты Фолей в столицу штата Индиана, и что он рассчитывал посвятить им все свое свободное время.

Они принялись болтать, «как старые друзья», по выражению Джовиты Фолей, и решили организовать прогулки по городу, который благодаря присутствию Макса Реаля должен был показаться им теперь более интересным. По настоянию «верной подруги», нужно было уделить также время и разговору о матче. Теперь Лисси была впереди всех, и, конечно, не X. K. Z. отодвинет ее на второй план! Для того чтобы при следующем метании костей очутиться у цели, нужно было, чтобы этот счастливец получил двенадцать оч-

ков. Это число может получиться только одним путем, шестью и шестью очками, тогда как число семь, которое водрузило бы желтый флажок Лисси Вэг в шестьдесят третьей клетке, могло бы получиться тремя различными способами: из трех и четырех, из двух и пяти и из одного и шести. «Отсюда — три шанса против одного», как объяснила Джовита Фолей.

Было ли ее рассуждение правильно, или нет, Макса Реаля это очень мало интересовало. В разговоре с Лисси Вэг вопрос о матче не поднимался. Говорили о Чикаго, о скором туда возвращении, об удовольствии, которое доставит миссис Реаль знакомство с двумя молодыми подругами, удовольствии, о котором говорилось в письме этой милейшей особы в самой приятной, любезной форме.

— Какая у вас хорошая мать! — сказала Лисси Вэг, глаза которой слегка увлажнились, когда она узнала содержание письма.

— Лучшей матери нет, мисс Вэг, и она любит всех, кого я люблю…

— И какой она будет удивительной свекровью! — воскликнула с веселым смехом Джовита Фолей.

Вторая часть этого дня прошла в прогулках

по красивейшим кварталам города, главным образом по берегу реки Уайт-Ривер. Избегать назойливых людей, которые осаждали *Шерман-Отель* и — если верить Джовите Фолей — желали жениться на будущей наследнице Вильяма Гиппербона, сделалось теперь необходимостью. Улица перед отелем была все еще полным-полна любопытными. Из благоразумной предусмотрительности Макс Реаль не сказал своего имени, так как в этом случае число их сторонников носило бы имя «легион».

Вот почему Макс Реаль советовал подождать наступления вечера, прежде чем возвращаться в отель, и по окончании позднего обеда, или, вернее, ужина, все почувствовали необходимость отдохнуть после такого дня, полного приятных и разнообразных впечатлений.

В десять часов Лисси Вэг и Джовита Фолей пошли в свои? комнату, а Макс Реаль — в свою, и в то время, как одна предавалась грезам, «сотканным из серебра и расшитым золотом», другие двое, возможно, находились во власти одних и тех же мыслей, будучи не в состоянии уснуть. Да, оба они только и думали о возвращении в Чикаго и об осуществлении своих самых горячих желаний. Они говорили друг другу, что эта партия никогда

не кончится, что она уже продолжается больше семи недель, что через несколько дней придется снова укладывать свои чемоданы, что их будут разделять еще многие сотни миль, что они лучше сделали бы, отказавшись от дальнейшего участия в партии… К счастью, ни Джовита Фолей, ни миссис Реаль не могли их услышать.

Вновь разглядывая карту матча, Макс Реаль пришел к очень взволновавшему его выводу, а именно, что из семи штатов, расположенных на карте Гиппербона между штатами Индиана и Иллинойс, пять находились в западной части Союза и отстояли на очень большом расстоянии один от другого, на территориях, недостаточно хорошо обслуживаемых железными дорогами, — Орегон, Аризона и Индейская территория, не говоря уже о пятьдесят восьмой клетке, о Долине Смерти, получившей теперь громкую известность благодаря приключениям командора Уррикана. В результате, Лисси Вэг достаточно получить два очка, и она будет вынуждена начать сызнова партию после длинного и трудного путешествия до Калифорнии! Поэтому, если бы она при следующем метании костей не оказалась у цели, получив семь очков, то рисковала быть отосланной очень далеко от штата Индиана, и каким опасностям

тогда подверглась бы она!

Но сама Лисси Вэг и не думала обо всех этих грозивших ей осложнениях. Она думала только о настоящем, а не о будущем. Она довольствовалась сознанием, что Макс Реаль был около нее. Правда, только еще несколько дней, и судьба опять их разлучит…

Наконец ночь миновала. Когда она проснулась, исчезли все мрачные ночные впечатления.

— Что же мы будем сегодня делать? — спросила Джовита Фолей, когда она, Лисси Вэг и Макс Реаль сидели за первым утренним завтраком. — День обещает быть превосходным. Легкий ветер и солнце… Это манит на прогулку… Не выйти ли нам немножко за пределы Индианаполиса? Разумеется, это очень благоустроенный, чистый город, но говорят, что его окрестности особенно очаровательны… Не можем ли мы отправиться куда-нибудь по железной дороге? По одной дороге поехать, а вернуться по другой?

Предложение это заслуживало всестороннего обсуждения. Макс Реаль справился по путеводителю, и все устроилось к общему удовольствию. Было решено отправиться по железной дороге, которая идет по берегу Уайт-Ривер до станции Спринг-Валли, в двадцати милях от Индиана-

полиса, и вернуться назад другой дорогой. И, оставив Томми в гостинице, веселое трио отправилось в путь.

Если Макс Реаль и Лисси Вэг были так заняты друг другом, что ничего не замечали, то Джовита Фолей должна была бы обратить внимание на пять неизвестных субъектов, которые с момента их отъезда следовали за ними по пятам. Они не только проводили их до самого вокзала, но вошли в тот же самый поезд, хотя и в другой вагон, а когда Макс Реаль и обе подруги вышли на станции Спринг-Валли, то вслед за ними вышли и эти неизвестные личности.

Но Джовита Фолей ничего этого не видела, так как или наблюдала за Максом Реалем и Лисси Вэг, или любовалась в окно вагона на красивые виды.

Надо сказать, что, конечно, боясь быть замеченными, эти неизвестные действовали с некоторой осторожностью и, выйдя из вокзала, направились в разные стороны.

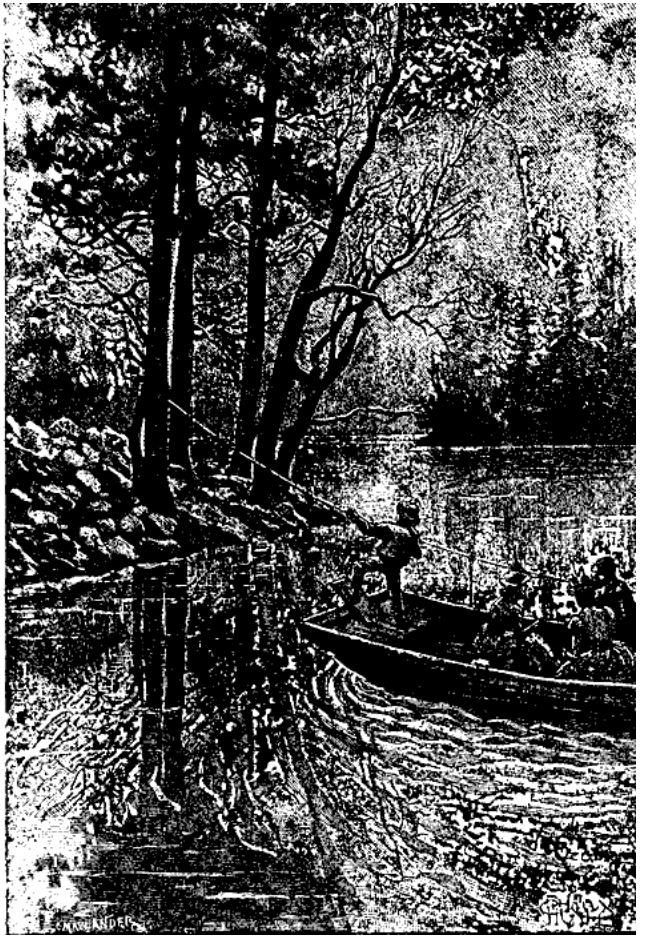
Макс Реаль, Лисси Вэг и Джовита Фолей пошли по тропинке, которая должна была привести к берегу реки Уайт-Ривер. Могли ли они в этих местах заблудиться? Разумеется, нет.

Так они шли в течение часа по этой плодород-

ной местности, орошаемой небольшой речкой. Здесь расстилались хорошо обработанные поля, там виднелись тенистые рощи, остатки прежних дремучих лесов, которые вырубил топор дровосека, орудие цивилизации.

Эта прогулка оказалась в высшей степени приятной благодаря прекрасной, мягкой погоде. Джовита Фолей, оживленная и веселая, то отставала, то шла впереди, не упуская из виду молодую парочку, которая о ней совершенно не думала. Но разве она претендовала на внимание, которое оказывают матери или даже бабушке, роль которых она в этот день исполняла?

Было три часа пополудни, когда паром перевез их на другой берег Уайт-Ривер. Впереди под сводом зеленых рощ виднелась дорога, которая вела на станцию одной из многочисленных железнодорожных веток, протянутых к Индианаполису. Макс Реаль и его спутницы строили планы о целом ряде новых прогулок по окрестностям столицы вплоть до 28-го числа, так как 27-го вечером, к большому огорчению Макса Реаля и обеих подруг, молодой художник намеревался сесть в поезд, который должен был отвезти его в Филадельфию. А дальше… Но лучше было об этом не думать.

Паром перевез их на другой берег.

Сделав полмили по дороге, окаймленной красивыми деревьями и очень пустынной в этот час, когда работа кипит на полях, Джовита Фолей, почувствовав усталость, предложила остановиться и несколько минут отдохнуть. Времени у них еще было достаточно, чтобы вернуться в *Шерман-Отель* до обеда. А дорожка, по которой они теперь шли, заманчиво извивалась между деревьями, тенистая и прохладная. И как раз в эту минуту на них набросились пять человек, те самые, которые вышли на станции Спринг-Валли.

Что было нужно этим субъектам? Им было нужно, — так как это не были профессиональные воры или разбойники, — захватить Лисси Вэг и, утащив ее в какое-нибудь уединенное место, задержать там, для того чтобы она не могла попасть в почтовое бюро Индианаполиса 4 июля, в день прибытия туда депеши. В результате она была бы исключена из партии, она, которая была впереди остальных шестерых участников партии и, может быть, накануне блестящего окончания ее!

Вот куда привела страсть этих игроков, этих держателей пари, вложивших в матч громадные состояния, целые сотни тысяч долларов! Да, эти

злодеи, — можно ли их назвать иначе? — не отступали и перед такими поступками!

Трое из этих субъектов набросились на Макса Реаля, чтобы он не смог защитить своих спутниц. Четвертый схватил Джовиту Фолей, в то время как пятый пытался увлечь Лиссй Вэг в глубину леса, где найти ее следы было бы, конечно, невозможно, Макс Реаль энергично отбивался и, выхватив револьвер, с которым американец никогда не расстается, выстрелил.

Один из нападавших упал раненый.

Джовита Фолей и Лисси Вэг громко звали на помощь, не надеясь, однако, чтобы их крики могли быть услышаны.

Но их услышали, и слева из-за кущи деревьев раздались голоса.

Несколько местных фермеров охотились в лесу, и судьба привела их к месту нападения злоумышленников.

Пять негодяев сделали последнюю попытку. Макс Реаль вновь навел револьвер и выстрелил в того, который схватил Лисси Вэг. Негодяй оставил молодую девушку, но в эту минуту его товарищ ударил Макса Реаля ножом в грудь. Тот вскрикнул и без чувств упал на траву.

Из-за деревьев показались охотники, и зло-

умышленники, из которых двое были ранены, поняв, что дело их проиграно, кинулись бежать в глубь леса.

Преследовать их не имело смысла. Важнее всего было перенести Макса Реаля на ближайшую станцию, потом послать за доктором и, если состояние раненого это позволит, перевезти его в Индианаполис.

Лисси Вэг в отчаянии, в слезах опустилась на колени около молодого человека.

Макс Реаль дышал, веки его поднялись, и он смог произнести несколько слов:

— Лисси, дорогая Лисси, эго пройдет… пустяки… Но вы… вы?..

Веки его снова сомкнулись. Но он был жив. Он узнал молодую девушку. Он сказал ей несколько слов.

Через полчаса охотники принесли его на станцию, куда почти одновременно с ними явился и доктор. Внимательно осмотрев рану, доктор сказал, что она не смертельна, и, сделав первую перевязку, категорически заявил, что раненый сможет перенести переезд в Индианаполис без вреда для здоровья.

Макса Реаля поместили в один из вагонов поезда, отходившего со станции в половине шестого.

Лисси Вэг и Джовита Фолей поместились около него. Он больше уже не терял сознания, а в шесть часов вечера лежал уже в своей комнате в *Шерман-Отеле*.

Увы! Сколько же времени он не будет в состоянии ее покинуть? И разве не было ясно, что 28-го он не сможет быть в почтовом бюро Филадельфии!

Ну что ж! Лисси Вэг не оставит того, кто был ранен, защищая ее. Нет! Она будет около него, будет окружать его своими заботами.

И надо признаться, к чести Джовиты Фолей, что, хотя это и означало крушение всех ее надежд, она одобрила поведение своей бедной подруги.

Второй врач, который пришел к Максу Реалю, мог только подтвердить заключение своего коллеги. Легкое было только чуть затронуто острием ножа, но не много нужно было, чтобы рана оказалась смертельной. По словам врача, Макс Реаль не должен был подняться с постели раньше чем через пятнадцать дней.

Но что из того? Богатство Вильяма Гиппербона его так мало теперь интересовало, а Лисси Вэг не была огорчена необходимостью пожертвовать шансами, которые у нее, может быть, были, — шансами сделаться наследницей покойного

члена Клуба Чудаков. Оба теперь мечтали о другом будущем, о счастливом будущем, которое обойдется и без миллионов этого матча!

Тем не менее после долгих и зрелых размышлений Джовита Фолей сказала себе:

«В конце концов, если бедному мистеру Реалю придется остаться в Индианаполисе еще две недели, то Лисси еще будет там четвертого июля, в день следующего тиража, и если ей посчастливится и кости выбросят семь очков, — боже, сделай, чтобы они их выбросили!.. — то она выиграет партию!»

Рассуждать так Джовита имела полное основание, а за последние испытания, посланные судьбой, пятая партнерша имела все права на такую награду. Надо прибавить, что Макс Реаль просил ничего не писать его матери о случившемся. Как обычно, он не назвал в отеле своего имени, и когда газеты сообщили о произведенном злоумышленниками нападении и о причине, которая его вызвала, то упоминалось имя одной только Лисси Вэг.

Когда это известие распространилось, можно себе представить, какое впечатление оно произвело в мире дельцов и спекулянтов, и нельзя удивляться тому, что желтый флаг был на устах у

всех американцев.

Но, как читатель сейчас увидит, все пришло к развязке гораздо скорее, и она оказалась совершенно иного рода, чем этого ожидало огромное большинство публики.

На следующий день, 24 июня, в половине девятого утра продавцы газеты носились по улицам Индианаполиса с пачками экстренных телеграмм в руках и во весь голос выкрикивали результат последнего тиража, имевшего место в это утро в Чикаго для седьмого партнера.

Игральные кости выбросили ему двенадцать очков, из шести и шести, и так как этот партнер занимал в это время пятьдесят первую клетку, штат Миннесота, то партия была выиграна им!

Этот выигравший был не кто иной, как таинственная личность под инициалами X. K. Z.!

И теперь красный флаг развевался над штатом Иллинойс, четырнадцать раз повторенным на карте благородной игры Соединенных штатов.

ГЛАВА XIV
ОКСВУДССКИЙ КОЛОКОЛ

Удар грома, настолько сильный, что был бы слышен во всех частях земного шара, не произвел бы большего впечатления, чем удар игральных костей, выброшенных нотариусом Торнброком 24 июня ровно в восемь часов утра в зале Аудиториума. Тысячи граждан, присутствовавших на этом тираже с мыслью, что он, может быть, последний в матче Гиппербона, оповестили о нем по всем кварталам города Чикаго, и тысячи телеграмм разнесли эту весть по четырем концам Старого и Нового Света.

Так это «Человек в маске», партнер последнего часа, словом, это X. K. Z. выиграл партию и вместе с партией шестьдесят миллионов долларов!

Невольно хотелось припомнить, как совершалось победное шествие этого любимца фортуны. В то время, когда столько несчастий обрушилось на его шестерых конкурентов: один был заключен в «гостиницу», другой был вынужден заплатить большой штраф на Ниагарском мосту, третий блуждал в «лабиринте», четвертый задыхался в «колодце», трое были приговорены к «тюрьме», а

все шестеро к штрафам, — в это самое время X. K. Z. двигался вперед уверенными шагами, переходя из штата Иллинойс в штат Висконсин, оттуда — в округ Колумбия, оттуда — в штат Миннесота, а из штата Миннесота — к цели всего путешествия, не заплатив нигде ни единого штрафа, не отсылаемый в далекие районы, и за время этих легких переездов у него получилась большая экономия сил и средств.

Не свидетельствовало ли все это о том, что этот человек пользовался исключительным счастьем редких избранников судьбы, которым всегда везет в жизни?

Оставалось только узнать, кто же был этот X. K. Z. Без сомнения, он должен будет скоро назвать себя, хотя бы только для того, чтобы получить колоссальное наследство.

Несомненно, что во все указанные дни тиражей, всякий раз, когда он появлялся в почтовых бюро: в Милуоки, штат Висконсин, в Вашингтоне и в Миннеаполисе, штат Миннесота, туда толпой сбегались любопытные, и глазам их представлялся то человек среднего возраста, то лет шестидесяти. Он недолго оставался в почтовом бюро и бесследно затем исчезал.

Вот в каком положении находились остальные

шесть партнеров 3 июля, через девять дней после заключительного тиража.

Прежде всего надо сказать, что все они вернулись в Чикаго. Да, все. Одни — в полном отчаянии, другие— в неистовом гневе, кто именно, читатели, конечно, догадываются; двое же были совершенно равнодушны к такому результату матча, но называть этих последних также излишне.

Прошла неделя с того дня, когда, почти окончательно выздоровев от. полученной раны, Макс Реаль вернулся в свой родной город в обществе Лисси Вэг и Джовиты Фолей. Он приехал к себе, на улицу Саут-Холстед-стрит, а обе подруги — в свою квартиру на Шеридан-стрит.

И только тогда миссис Реаль, знавшая о покушении на Лисси Вэг, узнала имя человека, которому молодая девушка была обязана своим спасением.

— О дитя мое… дитя мое!.. — вскричала она, сжимая Макса в объятиях. — Так это был ты!.. Ты!

— Но раз я совсем уже поправился, мамочка, не плачь, пожалуйста! То, что я сделал, я сделал для нее, понимаешь, для нее, которую ты скоро узнаешь и полюбишь так же, как она тебя уже

любит и как я ее люблю!

В этот самый день Лисси Вэг вместе с Джовитой Фолей пришли к миссис Реаль. Молодая девушка чрезвычайно понравилась милейшей особе, так же как и та понравилась ей. Миссис Реаль осыпала ее ласками, не забывая и Джовиту Фолей, так не похожую на свою подругу и в то же время такую очаровательную в своем роде.

Так совершилось знакомство трех женщин, а чтобы узнать о результате этого знакомства, необходимо подождать несколько дней.

После отъезда Макса Реаля из Сент-Луиса туда явился Том Крабб. Говорить о том, в каком состоянии стыда и гнева находился Джон Мильнер, излишне. Столько зря потраченных денег, не считая стоимости путешествия, тройной штраф, который он должен был уплатить в «тюрьме», в штате Миссури... А потом эта скомпрометированная репутация чемпиона Нового Света при встрече с не менее его известным Кавэнэфом, встреча, в которой настоящим победителем оказался досточтимый Гуго Хюнтер из города Эрондала! Что же касается Тома Крабба, то он, как и раньше, ничего не понимал в той роли, которую исполнял, послушный воле своего тренера. Разве это животное не чувствовало себя

вполне удовлетворенным, когда ему были гарантированы шесть кормежек в день? И сколько еще недель Джону Мильнеру предстояло бы оставаться запертым в «тюрьме» Сент-Луиса? Но на следующий же день выяснилось, что партия окончена, и ему оставалось только вернуться в свой дом на Калюмет-стрит, в Чикаго.

То же самое сделал и Герман Титбюри. Вот уже пятнадцать дней, как эта чета занимала комнаты, оставленные для партнера матча в Эксельсиор-Отеле, в Новом Орлеане, две недели, во время которых супруги Титбюри хорошо ели, хорошо пили, имели в своем распоряжении экипаж и яхту, ложу в театре, одним словом, вели образ жизни богатых людей, умеющих тратить свое богатство.

Правда, эта жизнь обходилась им в двести долларов ежедневно, и когда им подали отельный счет, они почувствовали точно удар дубинкой по голове. Этот счет вырос за две недели в колоссальную сумму, в две тысячи восемьсот долларов, а если прибавить к нему штрафы в штате Луизиана, денежное взыскание в штате Мэн, воровство в штате Юта и все необходимые расходы, связанные с долгими и дорогими переездами, то в итоге получалась сумма около восьми тысяч долларов!

Раненные в самое сердце, другими словами, в свой кошелек, мистер и миссис Титбюри сразу отрезвились, и по возвращении домой, на Робей-стрит, между ними происходили бурные сцены, во время которых жена укоряла мужа в том, что он пустился в такую разорительную авантюру, якобы не послушавшись ее предостережений, и доказывала ему, что во всем виноват он. Мистер Титбюри кончил тем, что, по обыкновению, скоро и сам в этом убедился, тем более что их ужасная служанка взяла, как всегда, сторону своей госпожи. Было решено, что с этого дня расходы по хозяйству будут еще сокращены. Но супругов долго еще преследовали воспоминания о восхитительной жизни в *Эксельсиор-Отеле*, и какое разочарование испытали они, когда попали из заоблачной сферы этих воспоминаний в мрачную пропасть окружавшей их действительности!

— Чудовище этот Гиппербон, отвратительное чудовище!.. — восклицала по временам миссис Титбюри.

— Нужно было или выиграть его миллионы, или уж в это дело не вмешиваться, — прибавляла служанка.

— Да, в это не вмешиваться! — кричала матрона. — Это именно то самое, что я постоянно

повторяла мистеру Титбюри! Но попробуйте убедить в чем-нибудь такого…

Никто никогда не узнает, какими эпитетами был награжден в этот день супруг миссис Титбюри.

А Гарри Кембэл? Что ж, Гарри Кембэл благополучно выкарабкался из этого преднамеренного столкновения поездов в честь открытия железнодорожного сообщения между Медари и Сиу-Фолс-Сити. Он успел выпрыгнуть на дорогу и так сильно ударился о насыпь, что отскочил, точно был сделан из каучука, и, потеряв сознание, остался лежать под одним из кустов, что спасло его при взрыве двух паровозов. Разумеется, даже и в Америке происходят столкновения поездов, разрушая целые составы, но очень редко случается, чтобы об этом предупреждали заранее. На этот раз зрители, помещавшиеся на очень большом расстоянии от- железнодорожного пути, могли доставить себе это ни с чем не сравнимое удовольствие.

К несчастью, Гарри Кембэл в том состоянии, в каком он в это время находился, насладиться этим зрелищем не мог.

Железнодорожные рабочие нашли человека, лежавшего без сознания.

Только через три часа, когда железнодорожные рабочие пришли очистить путь, они нашли у одного из кустов человека, лежавшего на земле без сознания. Его подняли, перенесли в ближайший дом и послали за врачом, который констатировал, что этот неизвестный ранен не смертельно. Когда его привели в чувство и стали расспрашивать, то узнали, что это был четвертый партнер матча Гиппербона, узнали, как он проник в этот поезд, заранее обреченный на верную гибель, сделали ему вполне заслуженный выговор и заставили уплатить стоимость проездного билета (на американских железных дорогах можно оплачивать билеты во время пути или по прибытии в тот или другой пункт). Потом телеграфировали об этом случае директору газеты *Трибуна* и отправили неосторожного репортера с первым прямым поездом в Чикаго, куда он прибыл 25-го числа в дом на Милуоки-авеню и по приезде тотчас объявил, — это вполне соответствовало его бесстрашному характеру, — что готов снова отправиться путешествовать и даже по воле игральных костей перенестись с одной окраины Соединенных

штатов на другую. Когда же он узнал, что партия накануне закончилась в пользу X. K. Z., то ему не оставалось ничего другого, как успокоиться и писать интересные заметки о последних приключениях, в которых он сам принимал участие. Во всяком случае, он не потерял зря ни времени, ни сил, а какие неизгладимые впечатления сохранил он о своих переездах через Нью-Мексико, Южную Каролину, штаты Небраска, Вашингтон, Южную Дакоту и о том оригинальном способе, которым он отпраздновал открытие железнодорожной ветки между Медари и Сиу-Фолс-Сити!

С самолюбием хорошо осведомленного репортера он почувствовал себя, однако, уязвленным, когда обнаружилось (и это дало пищу насмешкам мелкой прессы), что черный гризли, осенивший себя крестом, «Урсус Кристиаиус», которому он» придумал такое подходящее название, был просто-напросто одним из местных жителей, который, нес от меховщика шкуру великолепного зверя, и так как в это время полил сильнейший дождь, то он этой шкурой укрылся. Испугавшись же страшной грозы, он в качестве доброго христианина при каждом блеске молнии осенял себя крестом.

В общем, Гарри Кембэл кончил тем, что сам

стал смеяться над этим приключением, но смех его скорее соответствовал ощущениям Джовиты Фолей, которой так и не удалось победно водрузить желтый флаг на шестьдесят третьей клетке.

Что касается пятой партнерши, то известно, при каких обстоятельствах она вернулась вместе со своей подругой, Максом Реалем и Томми, не менее удрученным неудачей, постигшей его хозяина, чем Джовита Фолей огорчалась неудачей Лисси Вэг.

— Но примирись же с этим наконец, бедная моя Джовита! — повторяла Лисси Вэг. — Ты ведь прекрасно знаешь, что я никогда не рассчитывала…

— Но я рассчитывала!

— И совершенно напрасно.

— В конце концов, тебя жалеть нечего.

— Да я себя и не жалею… — ответила, улыбаясь, Лисси Вэг.

— Если наследство Гиппербона тебе не досталось, то, во всяком случае, ты теперь уже не бедная бесприданница.

— Но почему?

— Ну, конечно же, Лисси! Ведь после X. K. Z., который первым прибыл к цели, ты была к ней ближе всех других, и потому вся сумма, составленная из штрафов, принадлежит всецело тебе.

— Даю тебе слово, Джовита, что я об этом совсем не подумала.

— Зато я думала за тебя, моя беззаботная Лисси, и знаю, что из этих штрафов составилась порядочная сумма и ты являешься ее законной владелицей.

Действительно, тысяча долларов — уплата за Ниагару, две тысячи — за пребывание в «гостинице» Нового Орлеана, две тысячи — в «лабиринте» Небраски, три тысячи — в Долине Смерти в Калифорнии и девять тысяч, последовательно внесенные в «тюрьму» Миссури, — все это составило семнадцать тысяч долларов, принадлежавших по закону второму прибывшему, то есть пятой партнерше.

Существовал, однако, один человек, к которому Макс Реаль ревновать не мог, но о котором часто думала его невеста (излишне говорить, что свадьба молодого художника и молодой девушки была решена), и этот человек, как вы, вероятно, догадываетесь, был не кто иной, как почтенный Гемфри Уэлдон, который навестил больную Лисси Вэг в ее квартире на Шеридан-стрит, а потом послал ей три тысячи долларе® в уплату тройного штрафа в «тюрьме» Миссури. Если это и было поступком держателя пари, который заботился

о своем собственном кармане, как это говорили, все равно, он оказал ценную услугу заключенной, которая, со своей стороны, надеялась когда-нибудь с ним расплатиться.

Вот почему она сохранила к нему чувство искренней благодарности и была бы счастлива с ним встретиться. Но, к сожалению, его нигде еще не встречали.

Чтобы покончить с обзором создавшегося положения вещей, надо будет сказать еще о Годже Уррикане.

22 июня имел место тираж в его пользу, и это было в тот день, когда он сам находился в Висконсине. Читатель, может быть, помнит, что пять очков, из одного и четырех, отослали его в тридцать первую клетку, штат Невада. Таким образом, ему предстояло новое путешествие в тысячу двести миль, но туда его должен был доставить поезд Центральной Тихоокеанской железной дороги, так как штат Невада, один из наименее населенных во всей Конфедерации, занимает, однако, по размерам своей площади шестое место в Союзе, находясь между штатами Орегон, Айдахо, Юта, Аризона и Калифорния. Но, к довершению преследовавших его несчастий, как раз в этот штат Вильям Гиппербон поместил клетку

с «колодцем», в глубину которого злополучному игроку приходилось ринуться вниз головой.

Негодование командора не знало предела. Он решил, что за это должен будет ответить нотариус Торнброк, — по окончании партии он воздаст ему должное. А Тюрк, в свою очередь, заявил, что он схватит нотариуса за горло, задушит его, разрежет ему живот и съест его печонку!

Со свойственной ему поспешностью во всех делах Годж Уррикан 22-го числа покинул Милуоки, вскочил в поезд вместе со своим неразлучным компаньоном, послав нотариусу три тысячи долларов, сумму, в которую ему обошелся этот последний удар игральных костей, и на всех парах помчался в штат Невада.

В Карсон-Сити, столицу этого штата, оранжевый флаг должен был прибыть к 6 июля.

Нужно заметить, что если покойный избрал именно этот штат, чтобы поместить в нем «колодец», то это потому, что штат Невада вообще изобилует колодцами — шахтными колодцами, конечно. С точки зрения добычи серебра и золота он занимает четвертое место в Союзе. Неправильно названный по имени горной цепи Невада, так как эта последняя находится вне его территории, он насчитывает среди своих городов три глав-

ных: Виргиния-Сити, Голд-Хилл (Золотой холм) и Сильвер-Сити (Серебряный город), названия которых легко объяснимы. Эти города построены над сереброносными жилами, и в них есть шахты, углубленные более чем на две тысячи семьсот футов. Колодцы серебра, если хотите, но, во всяком случае, это были колодцы, которые оправдывают выбор завещателя, а также справедливое негодование того, кто был направлен туда судьбой.

Но он туда не доехал!

В Грэйт-Солт-Лейк-Сити утром 24 июня до него дошла потрясающая новость: партия закончена в пользу X. K. Z., победителя матча Гиппербона!

И командор Уррикан вернулся в Чикаго, — в каком состоянии, это легче себе представить, чем описать!

Не будет преувеличением сказать, что как по эту, так и по ту сторону Атлантики все вздохнули наконец свободно. В агентствах наступило спокойствие. Биржевые маклеры могли перевести дух. Что касается пари, точность урегулирования их делала честь всем участникам спекулятивной игры.

Но для всех, кто интересовался этой национальной партией хотя бы только платонически,

известная доля любопытства оставалась все еще неудовлетворенной.

Кто же, наконец, был этот X. K. Z. и откроет ли он свое инкогнито?

Никаких сомнений по этому поводу быть не могло. Когда дело идет о том, чтобы положить в свой портфель шестьдесят миллионов долларов, сохранять свое инкогнито нельзя. Нельзя прятать свое имя под инициалами!.. Тот, кому посчастливилось выиграть, должен будет себя назвать, и он это сделает.

Но когда и при каких условиях? Никакого срока в завещании не было указано. Во всяком случае, долго это тянуться не могло, несколько дней самое большее. Неизвестный X. K. Z. находился в штате Миннесота, в городе Миннеаполисе, когда он получил телеграмму, извещавшую о результате последнего тиража, и одного дня было достаточно, чтобы приехать оттуда в Чикаго.

А между тем прошла неделя, потом другая, и никаких вестей об этом неизвестном!

Одной из самых нетерпеливых в этом случае была, разумеется, Джовита Фолей. Эта нервная особа хотела, чтобы Макс Реаль по десять раз в день отправлялся за сведениями и чтобы он не выходил из зала Аудиториума, куда самый

счастливый из «семи» должен был, без сомнения, явиться прежде всего. Но ум Макса Реаля был занят вопросами совершенно другого рода.

— О, если бы только он мне попался, этот победитель! — восклицала Джовита Фолей.

— Успокойся же, моя дорогая! — говорила Лисси Вэг.

— Нет, я и не подумаю успокоиться, Лисси, и если бы он мне попался, я спросила бы его, по какому праву он позволил себе выиграть партию! Субъект, которого не знают даже по имени…

— Но, милая Джовита, — ответил Макс Реаль, — если бы вы это у него спросили, это означало бы, что он сюда явился. И ему уже не надо было бы объявлять, кто он.

Никого не должно удивлять, что обе подруги еще не вернулись в магазин Маршалла Фильда. Лисси Вэг должна была найти себе заместительницу, а что касается Джовиты Фолей, то она ждала, чтобы вся эта история была окончательно ликвидирована, прежде чем возвратиться к своим обязанностям главной продавщицы; голова ее была занята теперь совсем другим.

В общем, нетерпение, которое она испытывала, вполне точно выражало общественное настроение как в Соединенных штатах, так и

в других странах. По мере того как время шло, воображение разыгрывалось, и пресса, в особенности спортивная пресса, обезумела. Масса Народу являлась в контору нотариуса Торнброка, и все получали один и тот же ответ. Нотариус утверждал, что он ничего не знает о владельце красного флага. Он его никогда не видел… Он не мог сказать, куда он уехал из Миннеаполиса, где телеграмма была доставлена ему в собственные руки… И когда к нему приставали, когда настаивали:

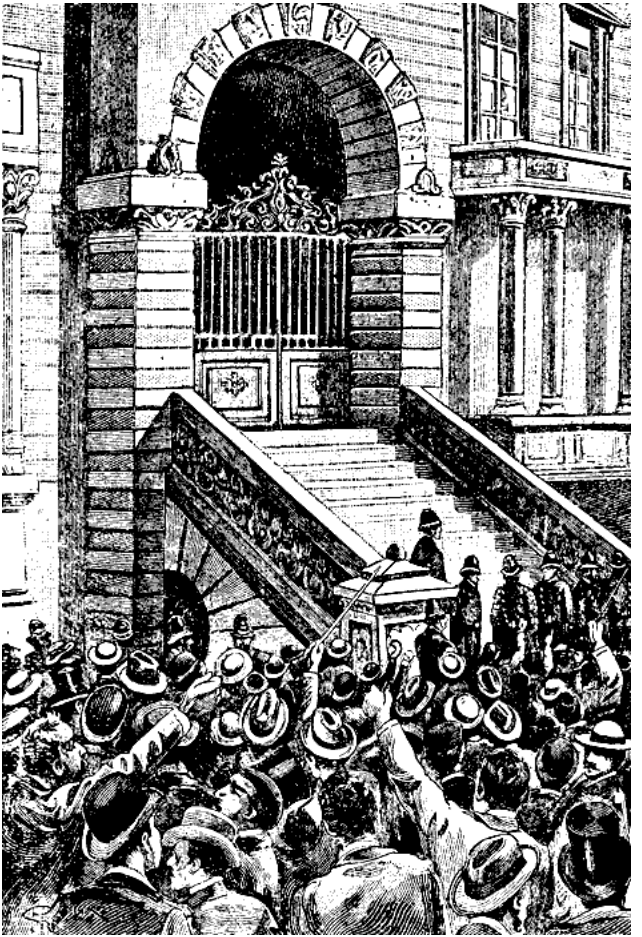
— Он приедет, когда ему этого захочется, — кратко отвечал нотариус Торнброк.

Тогда все партнеры, за исключением Лисси Вэг и Макса Реаля, нашли нужным вмешаться в эту историю, и не без некоторого основания. Действительно, если победитель не желал появляться, разве им не могло притти в голову, что партия не должна считаться» выигранной, что ее нужно начать сызнова и продолжать?

Командор Уррикан, Герман Титбюри и Джон Мильнер, доверенный Тома Крабба, объявили, что они подают в суд на исполнителя завещания покойного Вильяма Гиппербона. Газеты, которые поддерживали их во время матча, держали их сторону и теперь. В Трибуне Гарри Кембэл

поместил резкую статью против X. K. Z., в самом существовании которого начинали уже сомневаться. Чикаго Геральд, Чикаго Интер-Ошен, Дейли Нью-Рекорд, Чикаго Мэйл и Фрейе Прессе — все с невероятной горячностью заступались за партнеров. Вся Америка пришла в волнение. К тому же невозможно было урегулировать пари, пока не установили личность выигравшего судом, и до тех пор, пока не было полной уверенности в том, что матч действительно закончен. Не могло быть двух мнений, и был поднят вопрос об организации митинга в зале Аудиториума и о грандиозной манифестации. Если бы X. K. Z. не открыл своего инкогнито в течение такого-то срока, то... к нотариусу Торнброку обратились бы с требованием исполнить возложенные на него обязанности возобновить партию. Том Крабб, Герман Титбюри, командор Уррикан, даже Джовита Фолей, если бы ей разрешили заменить Лисси Вэг, были готовы отправиться безразлично в какие штаты Союза, куда бы их ни послала судьба.

В конце концов возбуждение публики достигло такого предела, что власти начали беспокоиться, особенно в Чикаго, где приходилось защищать членов *Клуба Чудаков* и нотариуса, которых считали ответственными за все, что случилось.

Возбуждение публики достигло предела.

Но 15 июля, три недели спустя после последнего удара игральных костей, сделавшего «Человека в маске» победителем в матче, произошел совершенно исключительный по своей неожиданности случай.

В этот день в десять часов семнадцать минут утра распространился слух, что на Оксвудсском кладбище в мавзолее Вильяма Гиппербона беспрерывно звонит колокол!.

ГЛАВА XV
ПОСЛЕДНЕЕ ЧУДАЧЕСТВО

Нельзя себе представить, с какой быстротой распространилась эта новость! Если бы все дома в Чикаго были снабжены телефонными звонками и находились в постоянном соприкосновении с аппаратом, поставленным у оксвудсского сторожа, жители крупнейшего города штата Иллинойс не могли бы узнать ее быстрее.

Началось с того, что за несколько минут все кладбище переполнилось обитателями соседних кварталов. Но постепенно публика стала прибывать из всех других частей города, и через полчаса экипажное движение было абсолютно прервано, начиная с Вашингтонского парка. Спешно извещенный об этом губернатор штата сэр Гамильтон послал сильные отряды милиции, которые не без труда проникли на кладбище и выпроводили оттуда множество любопытных, чтобы оставить вход свободным.

А колокол все звонил и звонил на колоколенке великолепного мавзолея Вильяма Гиппербона!

Понятно, что Джордж Хиггинботам, председатель *Клуба Чудаков*, со своими коллегами и с

нотариусом Торнброком первыми проникли за ограду кладбища. Но как могли они пройти через колоссальную шумную толпу, если только они не были предупреждены раньше? Факт тот, что все они были там, едва только раздались первые удары колокола, приведенного в движение оксвудсским сторожем.

Через полчаса туда явились и шестеро партнеров матча Гиппербона. Не было, конечно, ничего удивительного в том, что туда поспешили командор Уррикан, Том Крабб с Джоном Мильнером, Герман Титбюри с миссис Титбюри и Гарри Кембэл. Появление же Макса Реаля, Лисси Вэг и Джовиты Фолей объясняется тем, что эта последняя так энергично настаивала, что пришлось ей подчиниться. Все партнеры находились, таким образом, перед мавзолеем, охраняемым тройным рядом солдат милиции штата.

Наконец колокол замолк, и двери мавзолея широко раскрылись.

Внутренний холл сверкал ослепительным светом электрических ламп и люстр. Окруженный зажженными канделябрами, стоял великолепный катафалк, точь-в-точь такой, какой он был три с половиной месяца назад, когда эти двери закрылись по окончании погребального обряда с

участием всего города.

Члены *Клуба Чудаков* с председателем во главе проникли в холл.

Нотариус Торнброк, в черном фраке и белом галстуке и, как всегда, в очках в алюминиевой оправе, вошел после них. За ним прошли шесть партнеров и те из находившихся на кладбище, кто только мог поместиться в холле мавзолея.

Глубокое молчание как внутри, так и вне здания свидетельствовало об охватившем всех волнении. Джовита Фолей была взволнована не менее других. Все смутно чувствовали, что загадка, отгадать которую тщетно старались после тиража 24-го числа, будет наконец разгадана и что для этого достаточно будет одного только слова и словом этим будет имя победителя матча Гиппербона.

Живой человек стоял перед ними.

Было тридцать три минуты двенадцатого, когда в глубине холла послышался какой-то шум. Этот шум исходил из катафалка, с которого погребальный покров соскользнул на пол, точно сдернутый чьей-то невидимой рукой. И тогда — о, чудо! — в то время как Лисси Вэг прижималась к плечу Макса Реаля, крышка гроба медленно приподнялась и лежавшее в нем тело привстало… А в следующую минуту все присутствующие увидели перед собой не мертвеца — нет, но человека живого, вполне живого, и человек этот был не кто иной, как покойный Вильям Гиппербон!

— Великий боже! — воскликнула Джовита Фолей сдавленным от волнения голосом, но слова эти среди гула изумления, стоявшего в холле, были услышаны только Максом Реалем и Лисси Вэг.

И, протянув руки, она прибавила:

— Да ведь это почтенный мистер Гемфри Уэлдон!

Да, почтенный Гемфри Уэлдон, но не такой пожилой, каким он был, когда навещал Лисси Вэг. И этот джентльмен и Вильям Гиппербон были одно и то же лицо…

Вот переданный в нескольких словах рассказ, который был напечатан в газетах всего света и объяснил то, что казалось необъяснимым в этом изумительном приключении.

1 апреля в особняке на Мохаук-стрит во время партии в благородную игру «гусек» Вильям Гиппербон внезапно потерял сознание от кровоизлияния в мозг. Принесенный в свой дом на Салль-стрит, он умер спустя несколько минут, или, правильнее сказать, о его смерти объявили явившиеся к нему доктора. Но, несмотря на этот приговор докторов, несмотря на знаменитые лучи профессора Фредерика Элбинга, который подтвердил сделанное врачами заключение, Вильям Гиппербон не умер. Он находился в состоянии каталепсии, но со всеми внешними признаками умершего человека. Действительно, он был счастлив, что в своем завещании не выразил желания быть после смерти набальзамированным, так как, без всякого сомнения, после такой операции он в живых не остался бы. Но ведь ему так всегда везло! Как всем известно, похороны были очень торжественные, а затем 3 апреля двери его мавзолея закрылись и самый почтенный из членов Клуба Чудаков остался лежать в своей гробнице.

И вот вечером 3 апреля кладбищенский сторож, гасивший в это время в холле мавзолея последние лампы и свечи, услышал какой-то шорох внутри катафалка. Оттуда вырывались слабые стоны, сдавленный голос кого-то звал… Но сторож не потерял головы. Он побежал за своими инструментами, приподнял крышку гроба, и первыми словами, произнесенными Вильямом Гиппербоном, проснувшимся от своего летаргического сна, были:

— Никому ни слова, и богатство тебе обеспечено!

Потом он прибавил с присутствием духа, необыкновенным у человека, возвратившегося из такой дали:

— Ты один будешь знать, что я жив… Ты и еще мой нотариус Торнброк, к которому ты сейчас же пойдешь и позовешь его сюда…

Сторож, не говоря ни слова, выскочил из холла и побежал как только мог быстро к нотариусу. И каково же было изумление — о, самое приятное, разумеется! — нотариуса Торнброка, когда через какие-нибудь полчаса он очутился в обществе своего клиента, такого же здоровяка, каким он привык всегда его видеть! И вот к каким соображениям пришел Вильям Гиппербон после своего

воскресения и на каком решении, неудивительном для такого человека, он остановился.

Так как в своем завещании он дал подробные указания, касающиеся организованной им знаменитой партии, которая должна была вызвать столько волнений, разочарований и неожиданностей, то он желал, чтобы в этой партии участвовали те партнеры, которые были уже выбраны по жребию, и, с своей стороны, готов был нести за это всю ответственность.

— В таком случае, — возразил нотариус Торнброк, — вы же совершенно разоритесь, так как один из шести несомненно выиграет и получит все ваше состояние. Но дело в том, что раз вы не умерли, с чем я вас самым искренним образом поздравляю, то ваше завещание теряет силу и все его параграфы сводятся к нулю. А потому, для чего хотеть, чтобы эта партия состоялась?

— Потому что я тоже приму в ней участие.

— Вы?

— Да.

— Но каким образом?

— Я прибавлю приписку к моему завещанию и введу в партию седьмого партнера, который будет Вильямом Гиппербоном, под инициалами X. K. Z.

— И вы будете играть?

— Я буду играть так же, как и все остальные.

— Но вам придется подчиняться установленным правилам.

— Я буду подчиняться.

— А если вы проиграете?

— Я проиграю, и все мое состояние получит выигравший.

— Это ваше окончательное решение?

— Окончательное… Так как я до сих пор не сделал ни одного эксцентричного поступка, то, по крайней мере, теперь сделаюсь наконец достойным членом моего клуба, воспользовавшись своей мнимой смертью.

Что за этим последовало, угадать нетрудно. Оксвудсский сторож, щедро вознагражденный и получивший обещание еще большей награды, если он до развязки всей истории будет о ней молчать, свято сохранял эту тайну. Вильям Гиппербон, покинув кладбище до дня «страшного суда», отправился, сохраняя полное инкогнито, к нотариусу Торнброку, прибавил к своему завещанию известную всем приписку и сообщил, куда он собирался на это время удалиться, для того чтобы нотариус мог, если бы это понадобилось, с ним сообщаться. Потом он простился с этим

достойным человеком и ушел, преисполненный уверенности в той счастливой звезде, которая никогда не покидала его в течение всей жизни и которая, по всей вероятности, не изменит ему, — если так можно выразиться, — и после его смерти.

Дальнейшее ясно. Партия началась при известных уже условиях, и Вильям Гиппербон мог составить себе ясное представление о каждом из «шестерых».

Ни бешеный Годж Уррикан, с которым никакого дела иметь было нельзя, ни скряга Герман Титбюри, ни это животное Том Крабб его не интересовали и интересовать не могли. Некоторую долю симпатии он чувствовал к Гарри Кембэлу, но в том случае, если бы, помимо себя, он пожелал выиграть еще кому-нибудь, то это был бы Макс Реаль, Лисси Вэг и ее верная Джовита Фолей. Вот чем объясняется его появление под вымышленным именем Гемфри Уэлдона у пятой партнерши во время ее болезни и посылка ей трех тысяч долларов в «тюрьму» Миссури. И какое удовлетворение испытал этот щедрый человек, когда молодая девушка была освобождена Максом Реалем, а тот, в свою очередь, Томом Краббом!

Что касается его самого, то он следовал уве-

ренно к цели по мере хода матча под покровительством своей счастливой звезды, своей неистощимой удачи, на которую он имел полное основание рассчитывать и которая никогда ему не изменяла и не изменила теперь. Он первым прибыл к финишу, он, этот добавочный партнер последней минуты, победив всех фаворитов на этом национальном ипподроме!

Вот что произошло, вот что говорила и повторяла публика. И вот почему коллеги этого члена Клуба Чудаков приветливо жали ему руки, почему Макс Реаль горячо его приветствовал и почему он получил благодарность от Лисси Вэг и Джовиты Фолей, которая попросила у него разрешения, — которое, конечно, она получила, — его поцеловать. После этого, окруженный приветствовавшей его толпой чикагских граждан, он совершил шествие по главным улицам города в такой же торжественной обстановке, в какой три месяца перед тем был препровожден на Оксвудское кладбище.

Теперь не оставалось ни одного человека во всем Чикаго, которому не была бы известна развязка всей этой волнующей истории.

Но сами партнеры? Покорились ли они необходимости? Да, некоторые из них, не все, конечно,

но в конце концов нужно ведь было примириться с этой неожиданной развязкой!

Герман Титбюри всячески старался возместить потерянное. С согласия миссис Титбюри он решил снова приняться за свое прежнее ремесло, другими словами, снова сделаться отвратительнейшим ростовщиком, и плохо же приходилось всем тем несчастным существам, которые попадались в когти этого хищного коршуна!

Что касается Тома Крабба, то он так и не понял ничего во всем происходившем, за исключением того, что ему нужно отомстить за последнее поражение, и Джон Мильнер надеялся, что в следующей же борьбе он снова займет место в первом ряду кулачных бойцов и заставит забыть тяжеловесные удары досточтимого Гуго Хюнтера.

Гарри Кембэл философски отнесся к своей неудаче и хранил воспоминания о всех своих интересных путешествиях. Но он не установил рекорда на дальность переезда, проехав в общем только около десяти тысяч миль, тогда как Годж Уррикан сделал более одиннадцати тысяч. Эта неудача не помешала Кембэлу написать для Трибуны одну из самых похвальных заметок по адресу воскресшего члена Клуба Чудаков.

Что касается командора, то он отправился к Вильяму Гиппербону и сказал со свойственной ему любезностью:

— Так не делается, милостивый государь! Так не делается!.. Когда человек умирает, то он умирает и не заставляет людей бегать за его наследством, когда он все еще на этом свете!

— Что делать, командор! — ответил приветливым тоном Вильям Гиппербон. — Ведь не мог же я…

— Могли, сударь, и должны были!.. К тому же, если бы вместо того, чтобы запихивать вас в гроб, вас сожгли в крематории, то этого не случилось бы.

— Кто знает, командор! Мне ведь так везет!

— И так как вы меня надули, — продолжал Годж Уррикан, — а я никому никогда этого не позволяю, то вы мне за это ответите и дадите мне удовлетворение.

— Где и когда вам будет угодно.

И хотя Тюрк клялся святым Ионафаном, что он сожрет печень Вильяма Гиппербона, его хозяин на этот раз не счел нужным его останавливать и именно его послал к бывшему покойнику, чтобы условиться о дне и часе поединка.

Но, явившись к Вильяму Гиппербону, Тюрк

удовольствовался тем, что сказал ему:

— Видите ли, сударь, командор Уррикан не такой злой, каким он хочет казаться. В сущности, он хороший… Его всегда можно урезонить.

— И вы пришли, чтобы сказать…

— …чтобы сказать, что он раскаивается в своей вчерашней горячности и просит принять его извинения.

И на этом дело кончилось, так как Годж Уррикан понял в конце концов, что скандал сделал бы его посмешищем в глазах всех. Но, к счастью для Тюрка, этот ужасный человек никогда не узнал, как именно тот выполнил свою миссию.

Накануне свадьбы Макса Реаля и Лисси Вэг, 29 июля, жениха и невесту посетил почтенный мистер Гемфри Уэлдон, но не прежний мистер Уэлдон, слегка сгорбленный под тяжестью лет, а мистер Вильям Гиппербон, более элегантный, более моложавый, чем когда-либо, что не преминула заметить Джовита Фолей. Этот джентльмен, извинившись, что не дал выиграть партию Лисси Вэг, которая, не будь его, без сомнения, первая оказалась бы у цели, заявил ей, что хочет она этого или не хочет, понравится ли это ее мужу или не понравится, все равно, он написал новое завещание, которое вручил нотариусу Торнбро-

ку, завещание, в котором он все свое состояние разделил на две равные части, предоставив одну из них Лисси Вэг.

Излишне долго останавливаться на том, какой ответ получил этот человек, настолько же оригинальный, насколько и великодушный. И с этого дня Томми мог быть вполне уверен, что будет куплен своим хозяином за хорошую цену.

Что касается Джовиты Фолей, то эта живая, общительная и милейшая особа не почувствовала ни малейшей зависти к тому благополучию, которое выпало на долю ее милой подруги. И какое счастье для Лисси, что, выходя замуж за человека, которого она обожала, она сделалась еще наследницей Вильяма Гиппербона, настоящего «американского дядюшки»! Что же касается ее самой, Джовиты Фолей, то она отправится занять свое прежнее место первой продавщицы в торговом доме «Маршалл Фильд».

Свадьба была отпразднована на следующий день в присутствии чуть ли не всего города. Губернатор Джон Гамильтон и Вильям Гиппербон захотели непременно принять участие в этой блестящей церемонии.

— Мисс Фолей… мне пятьдесят лет…

Позже, когда молодые и их друзья вернулись к миссис Реаль, Вильям Гиппербон, подойдя к очаровательной Джовите Фолей, ближайшей подруге новобрачной, сказал:

— Мисс Фолей, мне пятьдесят лет…

— Вы хвастаетесь, мистер Гиппербон! — ответила молодая девушка, смеясь так, как она одна умела смеяться.

— Нет… мне пятьдесят лет, — не путайте моих вычислений, — а вам двадцать пять…

— Двадцать пять, это правда.

— И если я не совсем забыл первые правила арифметики, двадцать пять — половина пятидесяти…

Что хотел этим сказать загадочный математик?

— Я хочу сказать, мисс Джовита Фолей, что так как ваш возраст — половина моего, если только математика не пустая наука, то почему бы, в таком случае, и вам самой не сделаться моей половиной?

Что могла ответить Джовита Фолей на предложение, выраженное в такой оригинальной форме, как не то же, что ответила бы всякая дру-

гая на ее месте?

И в конце концов, если Вильям Гиппербон, женясь на милой и очаровательной Джовнте, и проявил эксцентричность, достойную члена *Клуба Чудаков*, то разве он в то же время не проявил также и рассудительность и хороший вкус?

А в заключение, так как изложенные факты могут показаться до некоторой степени неправдоподобными, пусть читатель будет добр не забывать смягчающего обстоятельства — что все это произошло в Америке.